Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2020

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор

чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуль (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва

© Российская академия наук, 2020
© Составление. Редколлегия журнала “Российская археология”, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2020

Археологическое и радиоуглеродное датирование скифского могильника у с. Глиное
Синика В.С., Поспешны Л., Лукасик С. 7

Предметы убора с выемчатыми эмалями в собрании Государственного Эрмитажа: археологический анализ коллекции
Воронятов С.В., Румянцева О.С., Сапрыкина И.А. 16

Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов
Тишкин А.А., Горбунов В.В. 33

Формы лощеных сосудов Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры (вопросы периодизации)
Суханов Е.В. 47

Новые варианты буддийского мотива в средневековом декоре (Средний Енисей)
Король Г.Г., Фокин С.М. 63

Изотопные маркеры экосистем и питания средневекового сельского населения лесной зоны европейской части России
Добровольская М.В., Тиунов А.В., Крылович О.А., Кузьмичева Е.А., Решетова И.К., Савинецкий А.Б., Свиркина Н.Г., Смирнов А.Л. 79

Новые исследования в Московском Кремле: раскопки здания Приказов
Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Модин Р.Н., Панченко К.И. 96

Изразцы конца XVI – первой половины XVII в. По материалам раскопок 2019 г. в Московском Кремле
Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Смирнов А.Н. 114

Дискуссии

Историческое наследие, археологическая этика и социальная роль археологии
Шнирельман В.А. 125

Публикации

“Боспорские ворота” в Восточном Крыму: обзор археологического материала
Супренков А.А., Михайлов А.М., Столяренко П.Г., Топоривская М.А., Требухина Н.Ю. 138

Раннесредневековая амфора с древнееврейской надписью на свинцовой пломбе из Фанагории
Голофаст Л.А. 159

Архитектурный объект “Панчманор” на средневековом городище Калаи Кухна (Карон) в Дарвазе
Смирнова О.Л. 173

История науки

Балканская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1946 г. (проект и итоги)
Кудрявцев А.А. 189

Хроника

IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей
Ситдиков А.Г., Красильников П.В., Базаров Б.А., Гомбожапов А.Д., Нолев Е.В. 204

К юбилею Светланы Измайловны Барановой
Коллектив Института археологии РАН, редколлегия журнала “Российская археология” 206

К 70-летию Александра Павловича Медведева
Коллектив кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета 207

К 60-летию Игоря Олеговича Гавритухина
Обломский А.М. 209

Памяти Вячеслава Юрьевича Мурзина
Бессонова С.С., Скорый С.А. 210

Евгений Николаевич Носов
Беляев Л.А., Гайдуков П.Г., Мунчаев Р.М., Макаров Н.А., Лапшин В.А. 212

CONTENTS

Number 3, 2020

Archaeological and radiocarbon dating of the Scythian cemetery Glinoe
Sinika V.S., Pospieszny L., Lukasik S. 7

Apparel items with champlevé enamels from the State Hermitage: archaeological analysis of the collection
Voronyatov S.V., Rumyantseva O.S., Saprykina I.A. 16

Altai in the Xianbei period: cultural and chronological analysis of archaeological materials
Tishkin A.A., Gorbunov V.V. 33

Shapes of burnished vessels from the Dmitrievka cemetery of the Saltovo-Mayaki culture (periodization issues)
Sukhanov E.V. 47

New variations of Buddhist motif in medieval ornamentation (the Middle Yenisei)
Korol G.G., Fokin S.M. 63

Isotope markers of ecosystems and nutrition of the medieval rural population in the forest zone of European Russia
Dobrovolskaya M.V., Tiunov A.V., Krylovich O.A., Kuzmicheva E.A., Reshetova I.K., Savinetsky A.B., Svirkina N.G., Smirnov A.L. 79

New research in the Moscow Kremlin: excavations of the Prikazy building
Makarov N.A., Koval V.Yu., Modin R.N., Panchenko K.I. 96

Stove tiles of the late 16th – the first half of the 17th century based on the 2019 excavations in the Moscow Kremlin
Belyaev L.A., Glazunova O.N., Smirnov A.N. 114

Discussion

Historical heritage, archaeological ethics and the social role of archaeology
Shnirelman V.A. 125

Publications

"Bosporan Gates" in the Eastern Crimea: a review of archaeological material
Suprenkov A.A., Mikhailov A.M., Stolyarenko P.G., Toporivskaya M.A., Trebukhina N.Yu. 138

Early medieval amphora with a Hebrew inscription on the lead seal from Phanagoria
Golofast L.A. 159

The structure of "Panjmanor" in the medieval fortified settlement of Kala-I Kukhna (Karron) in Darvaz
Smirnova O.L. 173

History of science

The 1946 Balkan archaeological and ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences (project and results)
Kudryavtsev A.A. 189

Chronicle

IV International congress of medieval archaeology of the Eurasian steppes
Sitdikov A.G., Krasilnikov P.V., Bazarov B.A., Gombozhapov A.D., Nolev E.V. 204

To the anniversary of Svetlana Izmaylovna Baranova
The staff of the Insitute of Archaeology RAS, editorial board of the "Russian Archaeology" journal 206
To the 70th anniversary of Aleksandr Pavlovich Medvedev
The staff of the Archaeology and Ancient History Department at Voronezh State University. 207
To the 60th birthday of Igor Olegovich Gavritukhin
Oblomsky A.M. 209
In memory of Vyacheslav Yurievich Murzin
Bessonova S.S., Skoryi S.A. 210
Evgeny Nikolaevich Nosov
Belyaev L.A., Gaydukov P.G., Munchaev R.M., Makarov N.A., Lapshin V.A. 212

Правила для авторов

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). По возможности прилагается один экземпляр распечатки текста через **1.5 интервала** (шрифт **Times New Roman**, **кегль 14**).

К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должно быть приложено краткое **резюме на русском (**можно еще и на английском) **языке** (не менее 0.5 стр.) и **ключевые слова** (не более 10).

На отдельной странице – **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе “Хроника”, не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ
У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2019 г. М.В. Андреева[1,*], М.А. Очир-Горяева[2, 3,]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2]Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, Россия
[3]Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия

[*]E-mail: amvlad11@yandex.ru
[**]E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в,..., включая первое упоминание. Например:

монография: *Кренке Н.А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: *Коваль В.Ю.* “Ростиславльский курган” (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: *Решетова И.К.* Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: *Чернов С.З.* Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего дате года (в противном случае редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала “Российская археология” по адресу: http://www.ra.iaran.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 7–15

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ И РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ СКИФСКОГО МОГИЛЬНИКА У с. ГЛИНОЕ

© 2020 г. В.С. Синика[1,*], Л. Поспешны[2,**], С. Лукасик[3,***]

[1]Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровье, Республика Молдова
[2]Бристольский университет, Бристоль, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии
[3]Университет им. А. Мицкевича, Республика Польша

[*]E-mail: sinica80@mail.ru
[**]E-mail: lukasz.pospieszny@bristol.ac.uk
[***]E-mail: lukasik@amu.edu.pl

Поступила в редакцию 28.11.2019 г.

Публикуются результаты радиоуглеродного датирования погребений скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. С учетом немногочисленности радиоуглеродных дат скифских курганов Северного Причерноморья и дискуссий относительно целесообразности их использования, на примере публикации результатов радиоуглеродного датирования образцов из могильника у с. Глиное “протестированы” различные возможности данного метода. Проверены археологические даты восьми захоронений, семи из которых не противоречат радиоуглеродные. В трех случаях радиоуглеродные даты позволили уточнить дату захоронений, в одном – получена относительно “узкая” дата погребения. Применительно к трем погребальным комплексам удалось проверить основания археологических датировок: предположение об относительно небольшом промежутке времени между совершением основного и впускного захоронений; обоснованность использования корреляционного метода при определении времени сооружения части погребений памятника; возможность ранних дат для погребений, не содержавших хроноиндикаторов. Радиоуглеродное датирование образцов только из одного захоронения могильника привело к получению неприемлемых в археологическом отношении дат. Несмотря на это, опыт радиоуглеродного датирования погребений могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное продемонстрировал, что данный метод может успешно использоваться для хронологических исследований в скифологии.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, скифские погребения, левобережье Нижнего Днестра, III–II вв. до н.э.

DOI: 10.31857/S086960630010937-9

Изучение культуры скифов Северного Причерноморья началось с момента первых раскопок скифских курганов в XVIII в. и продолжается в настоящее время. Несмотря на значительный объем накопленного материала, а также совершенствование методов его изучения, многие проблемы до настоящего времени остаются либо неразрешенными, либо дискуссионными. Одним из таких “камней преткновения” является датирование скифских погребальных сооружений (курганов, отдельных захоронений), на основании которого строится вся хронология скифской культуры Северного Причерноморья.

Уже отмечено, что исследователи в области скифской археологии, как правило, пользуются “результатами, полученными их коллегами, прежде всего археологами-антиковедами, которые, в свою очередь, в значительной степени опираются на результаты исследований историков” (Алексеев, 2015. С. 89). Самой яркой иллюстрацией такого подхода в разработке хронологии скифских памятников является монография С.В. Полина, где, помимо публикации Золотобалковского курганного могильника в Нижнем Поднепровье (Полин, 2014. С. 7–189), были датированы 909 скифских погребений с греческой посудой (С. 189–650). Значение этого труда сложно переоценить, а подход к датированию комплексов (на основании керамических импортов, имеющих узкий интервал производства) представляется не только обоснованным, но и весьма результативным. Впрочем, спустя короткое

время после выхода из печати указанной работы С.В. Полина ряд предложенных им датировок был подвергнут критике в монографии, посвященной публикации и анализу материалов скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 985–999). Также был сделан акцент на то, что использование сравнительно-типологического метода, при котором время совершения погребения "автоматически" определяется датой производства того или иного керамического гончарного импорта, требует осторожности. Речь идет о датировке скифских захоронений, откуда происходят чернолаковые и краснофигурные сосуды со следами длительного использования и ремонта (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 937–945). Указанные противоположные мнения относительно наглядно отражают не только различные хронологические проблемы, касающиеся как датировок отдельных памятников, так и целых периодов истории Северного Причерноморья (Алексеев, 2013), но и ограниченность методологического инструментария, присущего исключительно археологической науке (Алексеев, 2015. С. 89).

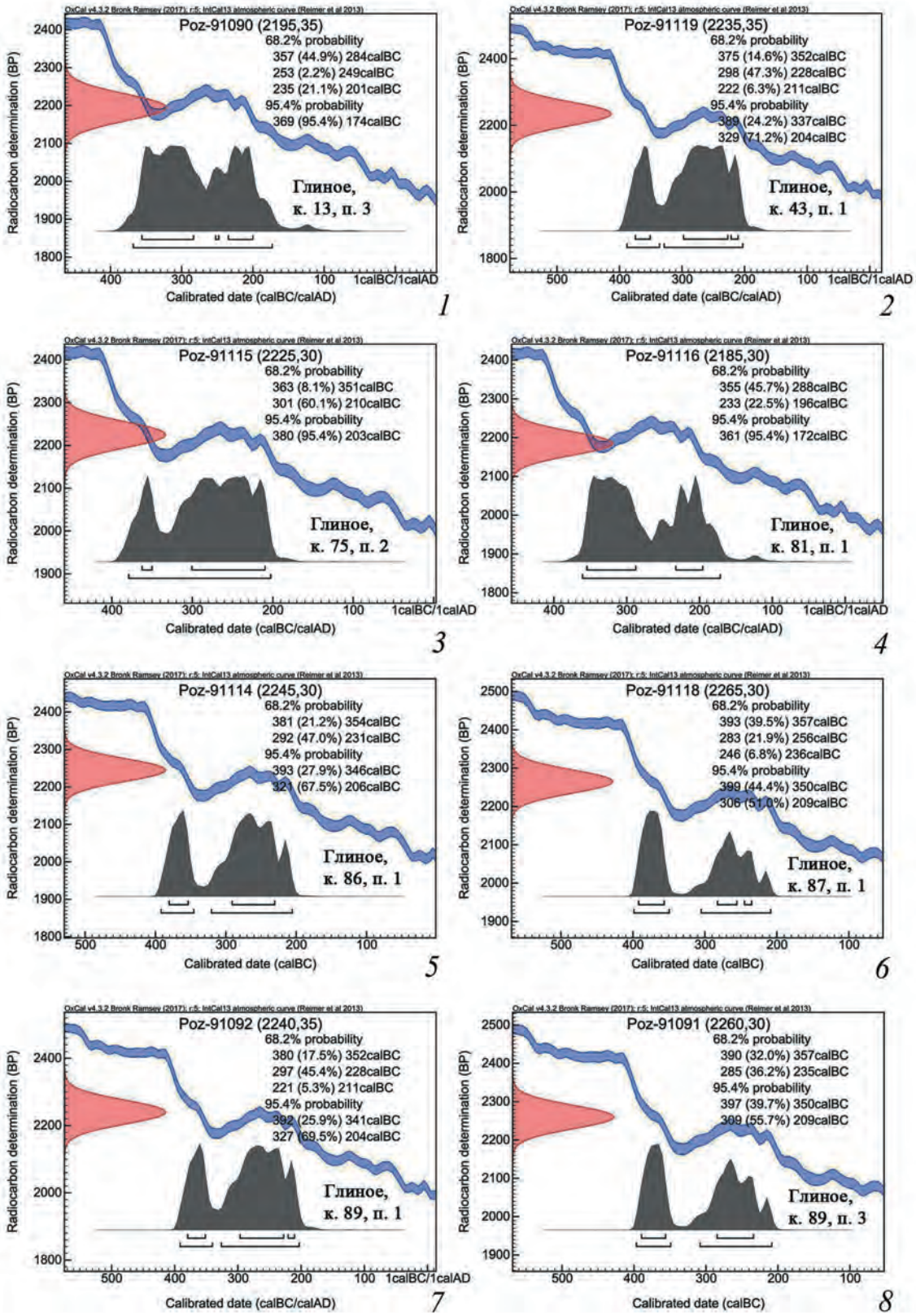
В связи с этим использование радиоуглеродного метода для получения календарных дат в скифологии представляется весьма перспективным, причем не только в тех случаях, когда в погребальных памятниках отсутствуют "традиционно надежные" хроноиндикаторы (амфорная тара, керамические клейма, монеты). В 2005 г. были опубликованы результаты радиоуглеродного датирования материалов из 21 скифского кургана Северного Причерноморья – Александрополя, Бердянского, Большого Рыжановского кургана, Гайматовой Могилы, Желтокаменки, Золотого кургана, Малой Цимбалки, кургана I могильника Мастюгино, Огуза, Пастака (Дорт-Оба) I, Солохи, семи курганов (№ 1–3, 7, 11, 12, 15) Стеблевского могильника, Талаевского, Толстой Могилы, Чертомлыка (Алексеев и др., 2005. С. 127–129, 191–214).

Неприятие полученных дат некоторых из перечисленных комплексов, в частности Гайматовой Могилы и Большого Рыжановского кургана, обозначил в своих работах С.В. Полин. Исследователь оценил метод радиоуглеродного датирования скифских курганов Северного Причерноморья как "бесполезный" и указал, что нет никакой необходимости учитывать радиоуглеродные даты при определении времени сооружения памятников (Бидзиля, Полин, 2012. С. 511, 512, 578; Полин, 2014. С. 192, 503).

Подобное отношение со стороны С.В. Полина в целом к радиоуглеродному методу датирования вызвало весьма резкую и обоснованную критику со стороны А.Ю. Алексеева. Он справедливо указал, что так называемая "случайность" радиоуглеродных датировок скифских курганов Северного Причерноморья не более "случайна", чем археологические датировки самого С.В. Полина тех же курганов (Алексеев, 2015. С. 95). Кроме того, А.Ю. Алексеев обратил внимание на существование возможности получения узких календарных дат изготовления тех или иных предметов (при умелом отборе образцов), на возможность полной или частичной проверки имеющихся археологических дат, а также возможность проверки тех схем и конструкций, которые привели к появлению этих археологических датировок (Алексеев, 2014. С. 11; Алексеев, 2015. С. 90, 91)[1].

Все указанные возможности будут "протестированы" в настоящей работе, в которой публикуются результаты радиоуглеродного датирования восьми образцов (во всех случаях – зубы человека) из восьми погребений могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016). Важно отметить, что датирование проводилось не целенаправленно исследователями-археологами с целью получения календарных дат тех или иных скифских погребений. Отбор образцов был проведен адъюнктом Отдела эволюционной биологии человека Института антропологии Университета им. А. Мицкевича (г. Познань, Польша) доктором биологии С. Лукасик, которая с 2011 г. и по настоящее время исследует антропологические материалы из скифского могильника у с. Глиное (Łukasik, Krenz-Niedbała, Sinika, 2014; Łukasik et al., 2015; 2016; 2017; Juras et al., 2017). Таким образом, радиоуглеродное датирование было использовано, чтобы установить, действительно ли изучаемые антропологические материалы, а значит, и скифский могильник в целом, соответствуют

[1] Позже, в 2018 г. в специальном разделе монографической публикации Большого Рыжановского кургана, посвященном радиоуглеродному датированию памятника, было отмечено, что "отрицание известным исследователем [С.В. Полиным. – *В.С., Л.П., С.Л.*] возможностей радиокарбонного метода для определения календарных дат археологических памятников скифского периода не является подходом позитивным и продуктивным" (Скорый, Хохоровски, 2018. С. 144).



Калиброванные радиоуглеродные даты погребений могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра.
Calibrated radiocarbon dates for the graves of the Glinoe cemetery on the left bank of the Lower Dniester region

Радиоуглеродные и археологические даты погребений скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное

Radiocarbon and archaeological dates for the graves of the Glinoe Scythian cemetery of the 3rd–2nd centuries BC

№ п/п	Погребальный комплекс	Лабораторный номер	^{14}C-дата (BP)	Калиброванная дата (cal BC)		Дополнительные данные (%)			Археологическая дата (гг. до н.э.)
				1σ	2σ	C	N	coll	
1	к. 13, п. 3	Poz-91090	2195±35	357–201	369–174	9.1	3.5	6.2	200–175
2	к. 43, п. 1	Poz-91119	2235±35	375–211	389–204	9	2.4	4.8	225–175
3	к. 75, п. 2	Poz-91115	2225±30	363–210	380–203	10.2	3.8	7	250–225
4	к. 81, п. 1	Poz-91116	2185±30	355–196	361–172	7.8	3.1	3	225–175
5	к. 86, п. 1	Poz-91114	2245±30	381–231	393–206	3.4	1	4.3	225–175
6	к. 87, п. 1	Poz-91118	2265±30	393–236	399–209	9.3	3.5	7.4	300–100
7	к. 89, п. 1	Poz-91092	2240±35	380–211	392–204	8.6	3.4	6.8	225–175
8	к. 89, п. 3	Poz-91091	2260±30	390–235	397–209	8.9	3.2	7	175–150

тому времени (III–II вв. до н.э.), которое было указано специалистами-археологами.

Исследование было проведено в 2016 г. доктором археологии Л. Поспешны, в то время заведующим Познаньской радиоуглеродной лабораторией Института археологии и этнологии Польской академии наук (таблица). Им же было проведено калибрование радиоуглеродных дат с использованием программы OxCal v4.3.2 (Bronk Ramsey, 2009) и калибровочной кривой IntCal 13 (Reimer et al., 2013) (рисунок). Полученные результаты, во-первых, убедили специалиста-антрополога в верности общей датировки могильника, а во-вторых, предоставили возможность археологам сравнить между собой ранее имевшиеся археологические даты конкретных погребальных комплексов и полученные радиоуглеродные даты с календарными.

Итак, из погребения 13/3[2] могильника у с. Глиное, содержавшего остатки четырех погребенных, для радиоуглеродного анализа были отобраны зубы второго костяка. Этот погребенный (женщина 20–35 лет) и еще один (ребенок 8 лет) были внесены в погребальную камеру при подзахоронении, которое было произведено путем повторного извлечения грунта из входной ямы. Первичное погребение в этой катакомбе было также парным. Во входной яме была обнаружена ножка родосской амфоры, попавшая в заполнение при совершении первичного либо вторичного захоронения. На основании этой профильной части амфоры дата комплекса была определена в пределах перв. четв. II в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 127. Рис. 53, *1, 7*). Радиоуглеродная (2195±35 BP) и калиброванная (2σ – 369–174 гг. до н.э.) даты не противоречат археологической (таблица, 1; рисунок, *1*).

Погребение 43/1 (одиночное) являлось одним из немногих безынвентарных захоронений могильника у с. Глиное. Оно было впущено в насыпь, основное погребение которой (43/2) было датировано на основании находки железной фибулы, ножка которой крепится к спинке при помощи скобы, посл. четв. III – перв. четв. II в. до н.э. Исходя из предположения об относительно небольшом промежутке времени между совершением основного и впускного захоронения, этот достаточно широкий диапазон был указан в качестве археологической даты погребения 43/1 (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 772, 957, 958. Рис. 152, *2*). Как показали радиоуглеродная (2235±35 BP) и калиброванная (2σ – 389–204 гг. до н.э.) даты (таблица, 2; рисунок, *2*), такой подход в данном случае оказался оправданным.

Захоронение 75/2 было впускным и содержало одиночное погребение ребенка 6-7 лет. Его археологическая дата была определена на основании железной фибулы с шариками на ножке

[2] Здесь и далее в числителе указывается номер кургана, а в знаменателе – номер погребения.

в пределах третьей четв. III в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 452–454, 951. Рис. 255, *1, 5*). Радиоуглеродная (2225±30 BP) и калиброванная (2σ – 380–203 гг. до н.э.) даты не противоречат археологической (таблица, 3; рисунок, *3*).

Катакомба 81/1 являлась асинхронным захоронением: женщина 20–35 лет (костяк 2) была подзахоронена к мужчине (костяк 1) того же возраста. Как и в случае с погребением 43/2, на основании железной фибулы, ножка которой крепится к спинке при помощи скобы, археологическая дата комплекса была установлена в пределах посл. четв. III – перв. четв. II в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 477–481, 958. Рис. 270, *3*; 271, *10*). Для радиоуглеродного датирования были использованы зубы костяка 1. Полученные даты (2185±30 BP; 2σ – 361–172 гг. до н.э.) не только не противоречат археологической (таблица, 4; рисунок, *4*), но и указывают на то, что первичное захоронение в катакомбе было совершено, вероятно, в перв. четв. II в. до н.э.

Погребение 86/1 (одиночное женское) было датировано посл. четв. III – перв. четв. II в. до н.э., с учетом предположения, что серьги из данной катакомбы, одно из окончаний которых оформлено в виде поперечной “восьмерки”, должны датироваться так же, как и фибулы с аналогичным декоративным элементом на спинке (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 506–508, 962. Рис. 285, *5*, 286, *10, 11*). Результаты радиоуглеродного датирования (2245±30 BP; 2σ – 393–206 гг. до н.э.) показали справедливость корреляционного метода, использованного при датировании части погребений могильника у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 936). Кроме того, стало ясно, что из интервала археологической даты данного захоронения необходимо исключить перв. четв. II в. до н.э. (1σ – 381–231 гг. до н.э., 2σ – 393–206 гг. до н.э.) (таблица, 5; рисунок, *5*).

Крайне показательной является ситуация с датированием катакомбы 87/1 с одиночным мужским погребением (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 511. Рис. 288, *3*). Ее узкая археологическая дата не была установлена. Данный комплекс, как и еще 41 захоронение на могильнике у с. Глиное, в которых не было найдено надежных хроноиндикаторов, были датированы в широких пределах существования могильника, т.е. III–II вв. до н.э. При этом была отмечена высокая вероятность того, что именно эти 42 погребения были совершены на раннем (первая половина III в. до н.э.) или на завершающем (вторая половина II в. до н.э.) этапах функционирования памятника, когда на нем фиксируется наименьшее количество керамических импортов и фибул (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 964). Результаты радиоуглеродного датирования показали следующее. Во-первых, календарные даты (1σ – 393–236 гг. до н.э., 2σ – 399–209 гг. до н.э.) позволяют ограничить время совершения захоронения только III в. до н.э., а во-вторых, радиоуглеродная дата (2265±30 BP) (таблица, 6; рисунок, *6*) указывает на перв. пол. III в. до н.э. как наиболее вероятное время сооружения катакомбы 87/1.

Относительно погребения 89/1, основного в кургане, было отмечено, что оно совершено не позже перв. четв. II в. до н.э., а возможно, и в посл. четв. III в. до н.э. Основанием для такой археологической датировки стала гончарная чашка перв. четв. II в. до н.э. из впускного захоронения 89/2 (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 523–531, 952, 962. Рис. 295, *1*, 296, *1*, 298, *1, 6*, 299, *1*). Полученные радиоуглеродная (2240±35 BP) и календарные даты (1σ – 380–211 гг. до н.э., 2σ – 392–204 гг. до н.э.) (таблица, 7; рисунок, *7*) позволяют скорректировать археологическую датировку катакомбы 89/1, ограничив ее только посл. четв. III в. до н.э.

В то же время дата другого впускного захоронения 89/3, совершенного, очевидно, позже впускного погребения 89/2, была указана в диапазоне втор. четв. II в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 523–531, 952, 962. Рис. 295, *1*, 299, *1*). Отметим, что погребение 89/3 было не только впущено в существующую насыпь, но его входная яма перерезала погребальную камеру основной катакомбы 89/1. Это позволяло предполагать достаточно большой промежуток времени между захоронениями, когда ориентир центра насыпи мог быть утраченным. В этой связи мы относимся с недоверием к радиоуглеродной дате (2260±30 BP) впускного погребения 89/3 (таблица, 8), которая оказалась более ранней, чем аналогичная дата (2240±35 BP) основного в кургане захоронения 89/1 (таблица, 7). Также необходимо отметить, что для радиоуглеродного датирования были использованы зубы женщины 20–35 лет, тело которой было внесено в катакомбу при подзахоронении, т.е. фиксирует позднейший этап использования

кургана 89. В то же время одна из календарных дат (2σ – 397–209 гг. до н.э.) (таблица, 8; рисунок, *8*) не исключает возможности, что обе катакомбы (основная 89/1 и впускная 89/3) были совершены в посл. четв. III в. до н.э. В такой ситуации необходимо признать, что основное погребение 89/1 и оба впускных (89/2 и 89/3) были совершены с очень небольшим интервалом времени в пределах перв. пол. – посл. четв. III в. до н.э. Однако этому противоречат, во-первых, полученные радиоуглеродные даты для погребений 89/1 и 89/3, во-вторых, планиграфические данные, в-третьих, асинхронный характер захоронения 89/3 и, в-четвертых, датировка гончарной чашки из впускного погребения 89/2. Нам остается только предполагать, что на результаты радиоуглеродного датирования образцов из захоронения 89/3 скифского могильника у с. Глиное повлияли определенные обстоятельства[3], которые привели к получению неприемлемых в археологическом отношении дат.

Впрочем, ситуация с датированием последнего комплекса никак не умаляет значимость и эффективность метода радиоуглеродного датирования скифских погребений Северного Причерноморья. Несмотря на то, что узкие календарные даты не были получены ни для одного из восьми датированных погребений могильника у с. Глиное, были проведены проверка археологических дат и проверка логических схем, которые привели к их появлению.

Так, радиоуглеродные даты семи комплексов (13/3, 43/1, 75/2, 81/1, 86/1, 87/1, 89/1) из восьми, для которых было проведено радиоуглеродное датирование, не противоречат археологическим датам. Кроме того, в трех случаях, по нашему мнению, радиоуглеродные даты позволят уточнить дату захоронений (81/1, 86/1, 89/1). Также впервые была получена относительно узкая дата сооружения катакомбы 87/1.

Представляется весьма важным обратить внимание на “игнорирование” нижних отрезков калиброванных интервалов, которые уводят все календарные даты в IV в. до н.э. Ранее исследователями неоднократно отмечалось обратное – совпадение археологической даты с древнейшей частью интервала калиброванного радиоуглеродного возраста “практически для всех скифских датированных памятников” (Алексеев и др., 2005. С. 215–221; Алексеев, 2015. С. 93, 94).

В настоящей работе предпочтение отдается верхним отрезкам календарных дат, поскольку вся совокупность данных о погребальном обряде и о сопровождающем инвентаре (в том числе и о хроноиндикаторах, дающих сколь-нибудь узкие археологические даты) могильника у с. Глиное указывает на время функционирования данного памятника в пределах самого кон. IV – кон. II в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016. С. 945–966). При этом захоронения втор. пол. V – кон. IV в. до н.э. исследованы в составе курганных групп “Сад” и “Водовод”, расположенных в 1.8 км к С от могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное, однако они существенно отличаются от последнего и погребальным обрядом, и сопровождающим инвентарем (Синика и др., 2019а, б)[4].

В то же время трижды удалось проверить аргументы (или логические конструкции), на которые опирались исследователи при определении археологических датировок: предположение об относительно небольшом промежутке времени между совершением основного и впускного захоронений (43/1); справедливость использования корреляционного метода при определении времени сооружения части погребений памятника (86/1); предположение о ранних датах погребений могильника у с. Глиное, не содержавших хроноиндикаторов (87/1).

В заключение необходимо отметить, что опыт радиоуглеродного датирования захоронений могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра не только расширил базу радиоуглеродных дат скифских погребений Северного Причерноморья, но и в очередной раз продемонстрировал, что данный метод (независимый от археологических) может успешно использоваться для хронологических исследований в скифологии. Также очевидно, что нет никаких оснований отказываться от него (Алексеев, 2015. С. 97). Даже в тех случаях, когда скифские погребальные комплексы содержат хроноиндикаторы, указывающие на весьма узкую календарную дату их сооружения, радиоуглеродное датирование

[3] Несовершенство аппаратуры, лабораторные ошибки, небрежности при отборе и подготовке образцов (Алексеев, 2015. С. 90), а также “эффект резервуара” (Кузьмин, 2017. С. 157, 158).

[4] Курганы исследовались в 2015–2019 гг., их материалы опубликованы в целом ряде статей. В списке литературы приводятся только две статьи 2019 г., содержащие ссылки на более ранние публикации.

позволяет проверить археологические даты. В остальных случаях целесообразность использования этого научного метода сложно переоценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. “Центростремительная” и “центробежная” хронология скифских древностей Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2013. С. 349–352.

Алексеев А.Ю. Радиоуглеродное датирование скифских курганов Северного Причерноморья // Феномен Більського городища – 2014: До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80-річчя від дня народження видатного українського археолога професора Є.В. Черненка (1934–2007): збірник матеріалів наукової конференції. Київ; Полтава: ЦП НАН України і УТОПІК, 2014. С. 9–13.

Алексеев А.Ю. О радиоуглеродном датировании скифских курганов Северного Причерноморья // АСГЭ. № 40. СПб.: ГЭ, 2015. С. 88–98.

Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт Й., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 752 с.

Кузьмин Я.В. Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та, 2017. 396 с.

Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014. 776 с.

Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Разумов С.Н. Скифский курган второй половины V в. до н.э. в Нижнем Поднестровье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения, 2019а. № 1. С. 6–19.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. Скифский курган 7 группы “Водовод” в Нижнем Поднестровье // Stratum plus. 2019б. № 3. С. 365–390.

Скорый С.А., Хохоровски Я. Большой Рыжановский курган. Киев: Изд. Олег Филюк, 2018. 432 с.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus, 2016 (Археологические памятники Приднестровья; III). 1096 с.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. № 51 (1). P. 337–360.

Juras A., Krzewinska M., Nikitin A., Ehler E., Chylenski M., Łukasik S., Krenz-Niedbala M., Sinika V., Piontek J., Ivanova S., Dabert M., Götherström A. Diverse origin of mitochondrial lineages in Iron Age Black Sea Scythians // Scientific Reports. 2017. № 7, 43950.

Łukasik S., Krenz-Niedbała M., Sinika V. Scythian health status: the aristocracy and the poor // Wyzwania współczesnej biologii, biotechnologii, bioinformatyjki i ochrony środowiska. Streszczenia. III Konferencja Naukowo-Dydactyczna Wydziału biologii. 10-12 kwietnia 2014. Poznań: Kontekst, 2014. S. 106.

Łukasik S., Krenz-Niedbała M., Sinika V., Piontek J. Black Sea steppe warriors: Dental health and diet of Scythians from Moldova (4th–2nd c. BC) // Polish Society for Human & Evolution Studies. 2nd International Conference (Poznań, September 21-23, 2015). Poznań: PTNCE, 2015. S. 48, 49.

Łukasik S., Liczbińska G., Krenz-Niedbała M., Sinika V., Piontek J. Black Sea steppe warriors: biodemography of the Scythians from Moldova (4th–2nd c. BC) // European Anthropology in a Changing World: From Culture to Global Biology. 20th Congress of the European Anthropological Association (Zagreb, Croatia 24th–28th August 2016). Zagreb: Institute for Anthropological Research, 2016. P. 19, 20.

Łukasik S., Bijak J., Krenz-Niedbała M., Liczbinska G., Sinika V., Piontek J. Warriors Die Young: Increased Mortality in Early Adulthood of Scythians from Glinoe, Moldova, Fourth through Second Centuries BC // Journal of Anthropological Research. 2017. T. 73. № 4. P. 584–616.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. V. 55, 4. P. 1869–1887.

ARCHAEOLOGICAL AND RADIOCARBON DATING OF THE SCYTHIAN CEMETERY GLINOE

Vitaly S. Sinika[1,*], Lukasz Pospieszny[2,], Sylwia Lukasik[3,***]**

[1]*T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie, Republic of Moldova*
[2]*University of Bristol, Bristol, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*
[3]*Adam Mickiewicz University in Poznan, Republic of Poland*

[*]*E-mail: sinica80@mail.ru*
[**]*E-mail: lukasz.pospieszny@bristol.ac.uk*
[***]*E-mail: lukasik@amu.edu.pl*

The reconstruction of the chronology of the Scythians from the North Pontic area has so far been performed mainly based on grave inventories. There was a belief among some scythologists that C-14 dating is less useful in the case of Scythian burials than archaeological dating. This is due to the fact that the latter was considered as a more exact method. Interestingly, some research on radiocarbon dating from the left bank of the Lower Dniester has been published recently. It gives an opportunity to check how results obtained using different methods diverge from each other. The aim of the present study is to compare the results of archaeological and radiocarbon dating of some of the burials from the Scythian cemetery near the Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester. As a result of the study the archaeological dating of eight burials was verified, seven of which do not contradict the radiocarbon dates. In addition, in three cases, the radiocarbon dates made it possible to clarify the date of burials, and in one case, a relatively 'narrow' date for the grave was obtained. Radiocarbon dating for the final grave resulted in obtaining archaeologically unacceptable dates. Additionally, it was possible to verify the arguments the researchers relied on when determining archaeological dating of the three funerary complexes including a) the assumption of a relatively short time interval between the main and the secondary burials; b) the validity of using the correlation method in determining the construction time of part of the graves; c) the assumption of "early" dates of burials of the Glinoe cemetery, which did not contain chronological indicators. Our study showed that the radiocarbon dating for Scythian burials provided similar results to the archaeological dating and can, therefore, be successfully used for chronological studies of Scythians from the North Pontic area.

Keywords: radiocarbon dating, Scythian graves, the left bank of the Lower Dniester, the 3rd–2nd centuries BC.

REFERENCES

Alekseyev A.Yu., 2013. "Centripetal" and "centrifugal" chronology of Scythian antiquities of the Northern Pontic. *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na evraziyskom perekrestke: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporus phenomenon. Greeks and barbarians at Eurasian crossroad: Proceedings of the International scientific conference]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 349–352. (In Russ.)

Alekseyev A.Yu., 2014. Radiocarbon dating of Scythian mounds of the Northern Pontic. *Fenomen Bil's'kogo gorodishcha – 2014: Do 70-richchya viddilu arkheologiï rann'ogo zaliznogo viku Institutu arkheologiï NAN Ukraïni ta 80-richchya vid dnya narodzhennya vidatnogo ukraïns'kogo arkheologa profesora Є.V. Chernenka (1934–2007): zbirnik materialiv naukovoï konferentsiï [The phenomenon of the Bilsk fortified settlement – 2014: to the 70th anniversary of the Early Iron Age Department of the Archaeological Institute of the Ukrainian National Academy of Sciences and the 80th anniversary of Prof. E.V. Chernenko (1934–2007): Proceedings of the scientific conference]*. Kiïv; Poltava: TsP NAN Ukraïni i UTOPIK, pp. 9–13. (In Russ.)

Alekseyev A.Yu., 2015. The radiocarbon dating of Scythian burial mounds of the Northern Pontic. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological collection of articles of the State Hermitage]*, 40. St. Petersburg: GE, pp. 88–98. (In Russ.)

Alekseyev A.Yu., Bokovenko N.A., Vasil'yev S.S., Dergachev V.A., Zaytseva G.I., Kovalyukh N.N., Kuk G., van der Plikht Y., Possnert G., Sementsov A.A., Skott E.M., Chugunov K.V., 2005. Evraziya v skifskuyu epokhu. Radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya [Eurasia in the Scythian period. Radiocarbon and archaeological chronology]. St. Petersburg: Teza. 290 p.

Bidzilya V.I., Polin S.V., 2012. Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila [The Scythian royal mound of Gaymanova Mogila]. Kiyev: Skif. 752 p.

Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, 51(1), pp. 337–360.

Juras A., Krzewinska M., Nikitin A., Ehler E., Chylenski M., Łukasik S., Krenz-Niedbala M., Sinika V., Piontek J., Ivanova S., Dabert M., Götherström A., 2017. Diverse origin of mitochondrial lineages in Iron Age Black Sea Scythians. *Scientific Reports*, 7, 43950.

Kuz'min Ya.V., 2017. Geoarkheologiya: estestvennonauchnyye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Geoarchaeology: natural science methods in archaeological research]. Tomsk: Izd. dom Tomskogo gos. un-ta. 396 p.

Łukasik S., Bijak J., Krenz-Niedbała M., Liczbinska G., Sinika V., Piontek J., 2017. Warriors Die Young: Increased Mortality in Early Adulthood of Scythians from Glinoe, Moldova, Fourth through Second Centuries BC. *Journal of Anthropological Research*, 73, 4, pp. 584–616.

Łukasik S., Krenz-Niedbała M., Sinika V., 2014. Scythian health status: the aristocracy and the poor. *Wyzwania współczesnej biologii, biotechnologii, bioinformatyjki i ochrony środowiska. Streszczenia. III Konferencja Naukowo-Dydactyczna Wydziału biologii. 10-12 kwietnia 2014.* Poznań: Kontekst, p. 106.

Łukasik S., Krenz-Niedbała M., Sinika V., Piontek J., 2015. Black Sea steppe warriors: Dental health and diet of Scythians from Moldova (4th–2nd c. BC). *Polish Society for Human & Evolution Studies. 2nd International Conference (Poznań, September 21-23, 2015).* Poznań: PTNCE, pp. 48, 49.

Łukasik S., Liczbińska G., Krenz-Niedbała M., Sinika V., Piontek J., 2016. Black Sea steppe warriors: biodemography of the Scythians from Moldova (4th–2nd c. BC). *European Anthropology in a Changing World: From Culture to Global Biology. 20th Congress of the European Anthropological Association (Zagreb, Croatia 24th–28th August 2016).* Zagreb: Institute for Anthropological Research, pp. 19, 20.

Polin S.V., 2014. Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine [The Scythian Zolota Balka mound cemetery of the 5th–4th centuries BC in Kherson Region]. Kiyev: Izdatel' Oleg Filyuk. 776 p.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J., 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, 55, 4, pp. 1869–1887.

Sinika V.S., Lysenko S.D., Tel'nov N.P., Razumov S.N., 2019a. A Scythian mound of the second half of the 5th century BC in the Lower Dniester region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya [Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relations]*, 1, pp. 6–19. (In Russ.)

Sinika V.S., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., Razumov S.N., 2019b. Scythian mound 7 of the "Vodoprovod" group in the Lower Dniester region. *Stratum plus*, 3, pp. 365–390. (In Russ.)

Skoryy S.A., Khokhorovski Ya., 2018. Bol'shoy Ryzhanovskiy kurgan [The big Ryzhanovka mound]. Kiyev: Izd. Oleg Filyuk. 432 p.

Tel'nov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S., 2016. Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. u s. Glinoye [The Scythian cemetery of the 3rd–2nd centuries BC near Glinoe]. Tiraspol': Stratum plus. 1096 p. (Arkheologicheskiye pamyatniki Pridnestrov'ya, III).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 16–32

ПРЕДМЕТЫ УБОРА С ВЫЕМЧАТЫМИ ЭМАЛЯМИ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОЛЛЕКЦИИ

© 2020 г.
С.В. Воронятов[1,*], О.С. Румянцева[2,], И.А. Сапрыкина[2,***]**

[1]Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
[2]Институт археологии РАН, Москва, Россия

[*]E-mail: s.voroniatov@gmail.com
[**]E-mail: o.roumiantseva@ mail.ru
[***]E-mail: dolmen200@mail.ru

Поступила в редакцию 22.10.2019 г.

Статья представляет собой первую часть публикации предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей из коллекции Государственного Эрмитажа, для которой был проведен комплексный археологический и химико-технологический анализ. В публикации дана подробная характеристика изделий, представлены актуальные данные об их хронологии, уточнены некоторые детали, отсутствующие или ошибочно приведенные в прошлых публикациях некоторых предметов. Одной из важнейших проблем хронологии данного круга древностей является несоответствие датировок, предлагаемых для разных частей ареала украшений с эмалями, связанное, вероятно, со степенью разработанности локальных хронологических шкал.

Ключевые слова: Поднепровье, Юго-Восточная Прибалтика, восточноевропейские выемчатые эмали, эпоха римских влияний.

DOI: 10.31857/S086960630010939-1

Украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей, длительная история изучения которых давно перешагнула через столетний рубеж (обзор работ см.: Корзухина, 1978; Гороховский, 1982 и многие другие), стали предметом особенно пристального внимания в последние годы. Резко возросшее число находок и расширение круга методов их изучения позволяет рассматривать данный феномен на качественно новом уровне. Публикация итогов археологического и химико-технологического исследования украшений в стиле “варварских” эмалей из фондов ГЭ развивает направление комплексного изучения предметов с эмалями, начало которому на современном уровне было положено А. Битнер-Врублевской и Т. Ставярской на материалах из коллекции Государственного археологического музея в Варшаве (Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009) и продолжено в публикации Брянского клада (Брянский клад..., 2018).

Небольшая коллекция украшений убора с выемчатыми эмалями (II–IV вв. н.э.) в собрании ГЭ, насчитывающая 17 предметов[1], отличается очень разнообразной географией происхождения предметов. В ней представлено большинство областей ареала восточноевропейских варварских эмалей (рис. 1): юго-восточная Прибалтика, Белоруссия, Среднее Поднепровье, Подесенье, Поочье, Поволжье, Подонье, Северный Кавказ и Крымский полуостров. Коллекция содержит подвески-лунницы, перекладчатые, треугольные и подковообразные фибулы, относящиеся ко всем трем стадиям развития стиля восточноевропейских выемчатых эмалей, выделяемым специалистами (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120). Таким образом, небольшая по количеству вещей коллекция позволяет провести

[1] Выражаем благодарность хранителям предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей И.Р. Ахмедову, В.Н. Залесской, Р.С. Минасяну, Т.Б. Сенниченковой, А.Г. Фурасьеву и А.А. Чижовой за возможность работать с материалом.

Рис. 1. Карта памятников с предметами круга восточноевропейских выемчатых эмалей: *1* – Бакшяй (*Bakšiai*), *2* – Межeнис (*Mėžionys*), *3* – Релинги, *4, 5* – Киевская область, *6* – Головятино, *7* – Глажево, *8* – Дуна, *9* – Березняки, *10* – Камунта, *11* – Цимлянское городище, *12* – Херсонес.

Fig. 1. Map of sites with objects of the circle of East European champlevé enamels

исследование материалов с широким географическим и хронологическим охватом.

Ввиду большого объема информации публикация эрмитажной коллекции украшений круга эмалей подготовлена нами в виде двух статей. Первая из них представляет собой детальный археологический анализ находок и актуальные данные об их хронологии. Среди них есть предметы, как публикующиеся впервые, так и введенные в научный оборот более ста лет назад без упоминания места хранения; по этой причине их повторный анализ с тех пор не проводился. Для некоторых предметов удалось уточнить детали, отсутствующие в более ранних публикациях, а в ряде случаев – исправить закравшиеся в эти публикации неточности.

Во второй части работы (Румянцева и др., в печати) будут представлены итоги химико-технологического анализа украшений, для которых были изучены техника изготовления и химический состав металлических основ и эмалевых вставок. Основная ее задача – наметить на имеющемся в нашем распоряжении материале возможные различия в технологии производства эмалевых украшений в различных частях ареала на разных этапах развития стиля.

Все рассматриваемые изделия изготовлены из сплавов на основе меди.

Бакшяй (Bakšiai). Две подковообразные фибулы-сюльгамы (рис. 2, *1*, *2*; 3, *4*, *5*), происходящие из местности близ с. Бакшяй (рис. 1, *1*) современного Алитусского уезда Литовской Республики, были случайно найдены при фортификационных работах в 1888 г. (Отчет Археологической комиссии (далее – ОАК) за 1882–1888 гг., 1891. С. CCCXXXI; Спицын, 1898. С. 358, 359; Табл. I, *5*; 1903. С. 162. Рис. 186, 187; Moora, 1934. S. 82; 1938. S. 116; Корзухина, 1978. С. 82. Табл. 28, *5*, *6*; Michelbertas, 2011. P. 76. Pav. 6, *1*, *2*; 2016. P. 58). Вероятней всего, вещи имеют отношение к разрушенному грунтовому могильнику (Спицын, 1903. С. 162), но эта информация подвергалась сомнению (Корзухина, 1978. С. 82).

Меньшая (6.6 × 6.9 см) (рис. 2, *1*; 3, *4*) из двух фибул (Инв. № 982-9) в классификации Г.Ф. Корзухиной отнесена к четвертому подтипу пятого типа фибул круга выемчатых эмалей, отличительными чертами которого являются широкий граненый обод и размещенное на нем ромбическое гнездо с эмалью (Корзухина, 1978. С. 30). В классификации Е.Л. Гороховского фибула отнесена

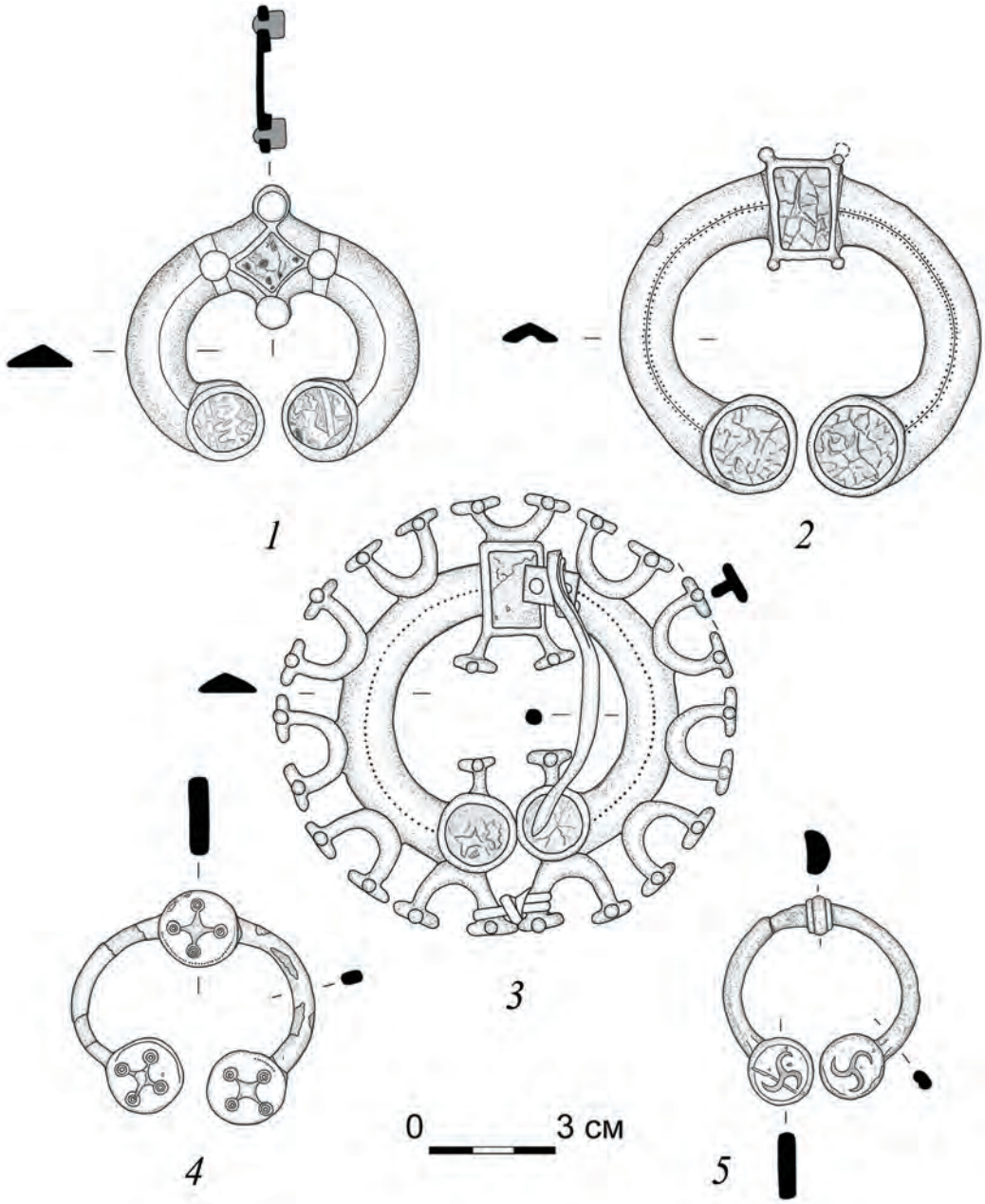


Рис. 2. Подковообразные фибулы: *1, 2* – Бакшяй (Инв. № 982-9, 982-8), *3* – Релинги (Инв. № 975-1), *4* – Головятино (Инв. № 2125-3), *5* – Киевская область (Инв. № 771-5). Рисунок С.В. Воронятова.

Fig. 2. Penannular brooches

к варианту Б типа 2 (ромбощитковые) балто-днепро-окской серии, датирующемуся концом III–IV в. (Гороховський, 1982. С. 25–28).

Помимо отмеченных в классификациях характеристик рассматриваемый образец обладает определенным своеобразием в оформлении. По углам ромбического гнезда на корпусе фибулы закреплены четыре литые кнопки. Они вставлены в отверстия обода и аккуратно раскованы с тыльной стороны (рис. 2, *1*). Круглые гнезда на концах обода заполнены эмалями красного, белого, желтого и коричневого цветов (Спицын, 1898. С. 359; 1903. С. 162; Корзухина, 1978. С. 30).

Фибула большего размера (8 × 8.5 см) (рис. 2, *2*; 3, *5*) из Бакшяя (Инв. № 982-8) с красной эмалью в трех гнездах – дисковидных по бокам и прямоугольном по центру – в классификации Г.Ф. Корзухиной отнесена к подтипу V.2 (1978. С. 29. Табл. 28, *6*, кат. 205_1); по системе

Е.Л. Гороховского она относится к варианту В типа 1 (прямоугольнощитковые) балто-днепро-окской серии (Гороховський, 1982. С. 27). Следует отметить одну деталь оформления, упускавшуюся в предыдущих публикациях. По ребру обода фибулы нанесена двойная линия точек (рис. 2, *2*). Вероятно, из-за долгого или интенсивного использования она настолько затерлась, что невооруженным глазом просматривается с трудом.

Прежде чем переходить к обсуждению хронологии находок с территории Литвы, необходимо коротко остановиться на вопросах датирования рассматриваемых материалов. В основе системы относительной хронологии региона лежат фазы системы центральноевропейских древностей, современная основа которой была заложена К. Годловским, объединившим в своей работе центральноевропейские культуры балтийского региона в западнобалтский круг древностей (Godłowski, 1970). Абсолютные датировки фаз вплоть до раннего периода позднеримского времени, предлагаемые М. Михельбертасом для материалов с территории Литвы, очень близки принимаемым в настоящее время для культур западнобалтского круга (Nowakowski, 1996; 1998 и др.: см. Bliujienė, 2013. P. 26): B2 – 70–150 гг., B2/C1 – 150–200 гг.; C1a – 150–220 гг.; C1b – 220–260 гг. Для поздней части римского времени и начала эпохи Великого переселения народов даты выделяемых периодов дискуссионны: для балтийского региона существует проблема периодизации древностей IV в., в частности – выделения фазы C3. Для материалов с территории Литвы М. Михельбертас предлагает следующие абсолютные даты: C2 – 250–300 гг.; C3 – 300–350 гг. или позже; D – примерно 390–425 гг. (Michelbertas, 1986, 2006; по Bliujienė, 2013. P. 26). Однако для культур западнобалтского круга рядом исследователей не выделяется фаза C3, а верхняя граница фазы C2 определяется временем около 370 г., т.е. до начала эпохи переселения (фаза D, 370–470 гг.); в ряде работ эта периодизация принимается и для древностей с территории Литвы (см., например, Битнер-Врублевска, 2019. С. 173, 179). Обсуждение проблем абсолютной хронологии археологических культур Прибалтики не входит в задачи данной публикации, с связи с чем ниже, обсуждая датировки публикуемых находок, мы оперируем фазами хронологии относительной.

Среди наиболее ранних экземпляров подковообразных фибул, имеющих, как и находки из Бакшяя, относительно широкий граненый обод, – находка из погребения 81 могильника Нетта (*Netta*), относимого А. Битнер-Врублевской к развитой части фазы B2 центральноевропейской хронологии, т.е. к середине II в. или несколько раньше (Битнер-Врублевска, 2019. С. 173)[2]; наиболее поздний – балтийский комплекс (Эитулионис (*Eitulionys*), курган II), широко датирующийся фазами C1b-C2 (Там же. С. 173, 179). Е.Л. Гороховский относил фибулы из Бакшяя к фазе D бытования данного типа украшений, которую он датировал концом III–IV в. (Гороховський, 1982. С. 28–31). Однако для днепровских материалов некоторые датировки Е.Л. Гороховского позже были уточнены в сторону их удревнения: в Поднепровье украшения, подобные находкам из Бакшяя, относятся ко второй стадии развития стиля, которая датирована концом II–III в. (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120–123). М. Михельбертас отнес фибулы из Бакшяя к группе BII подковообразных застежек, происходящих с территории Литвы, датировав их фазами C1b-C2 (Michelbertas, 2016. P. 64, 105). Однако в целом хронология типа базируется всего на двух литовских комплексах: один из них (Пакальняй (Pakalniai), кург. 7, погр. 2) относится к периоду B2/C1-C1a (Michelbertas, 2016. P. 77) или несколько позднее – до фазы C1b включительно (Битнер-Врублевска, 2019. С. 178), а второй (упоминавшийся выше Эитулионис, курган II) широко датируется большей частью позднеримского периода (Michelbertas, 2016. P. 64, 105; об абсолютной дате комплекса см. выше). В Волго-Окском междуречье находки кольцевых фибул разновидностей 1 (с прямоугольным центральным гнездом) и 3 (крупные – 6 см и более, с ромбическим гнездом и круглыми выступами) И.Р. Ахмедов относит к III в. (Ахмедов, 2018. С. 154, 157).

Меженис (Mėžionys). Две крупные бронзовые лунницы (рис. 3, *1, 2*; 4, *1*, *2*) происходят из комплекса погребения кургана № 1 могильника близ д. Меженис (рис. 1, *2*) современного Вильнюсского уезда Литовской Республики, исследовавшегося в 1849 г. (ОАК за 1894 г., 1896. С. 34, 35. Рис. 25, 26; Покровский, 1897. С. 169, 170. Табл. XI, *18*, *19*;

[2] В более ранних публикациях А. Битнер-Врублевска не исключала для этого комплекса также принадлежность к фазе B2/C1, т.е. до рубежа II–III вв.

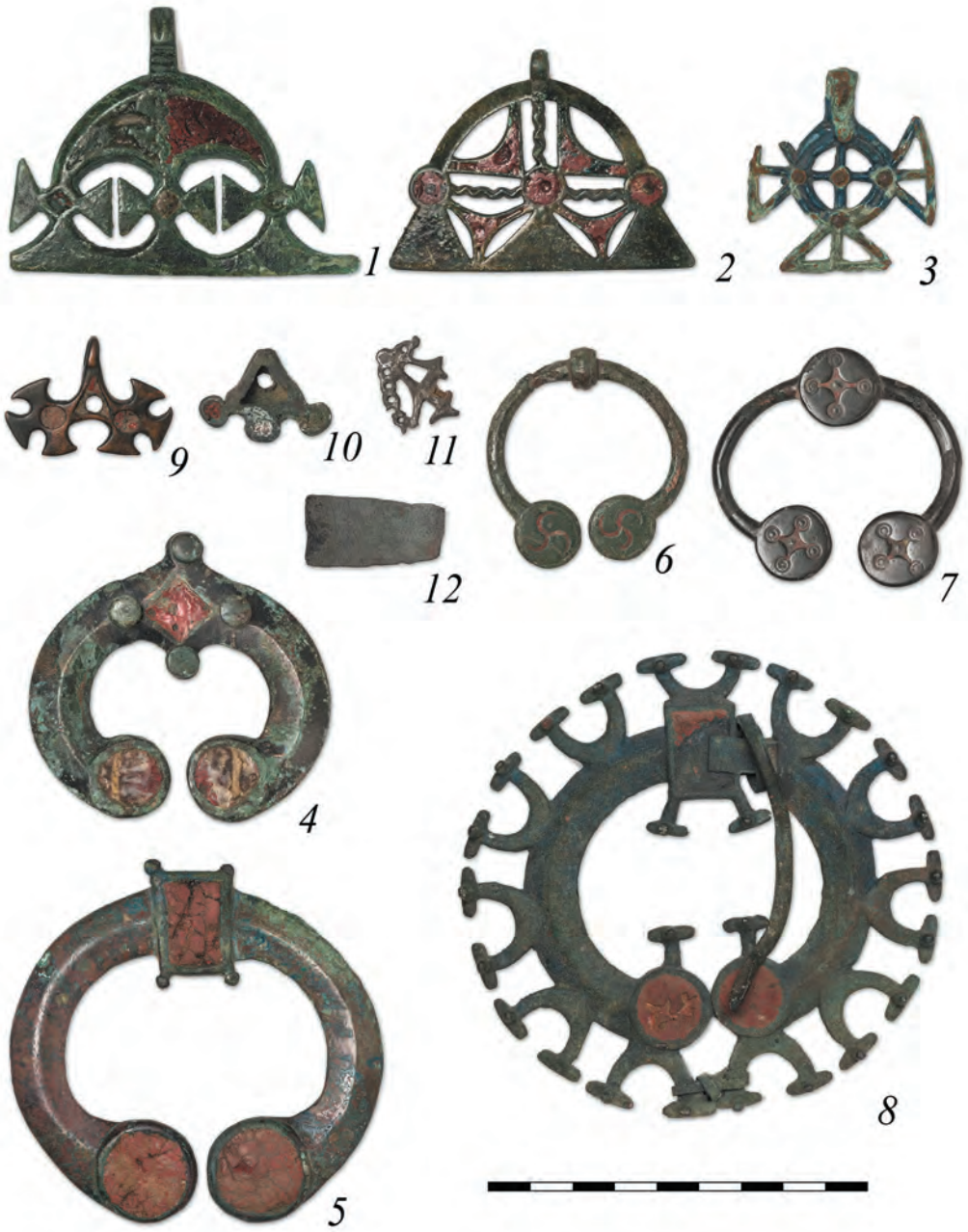


Рис. 3. Подковообразные фибулы, лунницы, подвески, фрагмент венчика (© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020. Фото С.В. Суетовой): *1–3* – Меженис (Инв. № 976/2, 976/3, 976/1), *4, 5* – Бакшяй (Инв. № 982-9, 982-8), *6* – Киевская обл. (№ 771-5), *7* – Головятино (Инв. № 2125-3), *8* – Релинги (Инв. № 975-1), *9* – Киевская обл. (Инв. № 2037-1), *10* – Березняки (Инв. № 1403-272), *11, 12* – Глажево.

Fig. 3. Lunular pendants, penannular brooches, pendants, a fragment of head-band

Спицын, 1903. С. 162. Рис. 181, *6*, *7*; Макаренко, 1928. С. 92. Рис. 11, 12; Moora, 1934. S. 82. Abb. 16; Корзухина, 1978. С. 81, 82. Табл. 28, *1*; Michelbertas, 2016. P. 74).

Оба предмета (Инв. № 976-2, 3) по классификации Г.Ф. Корзухиной относятся к первому типу больших лунниц (трехрогие (подвески)) круга выемчатых эмалей. Отличительной чертой типа являются три рога, заканчивающихся широкими секировидными лопастями, соединенными друг с другом в одну линию по нижнему краю (Корзухина, 1978. С. 36). Литовские исследователи предлагают относить данные лунницы преимущественно к поздней части позднеримского времени, однако основания для подобной датировки неясны: данные о подобных находках,

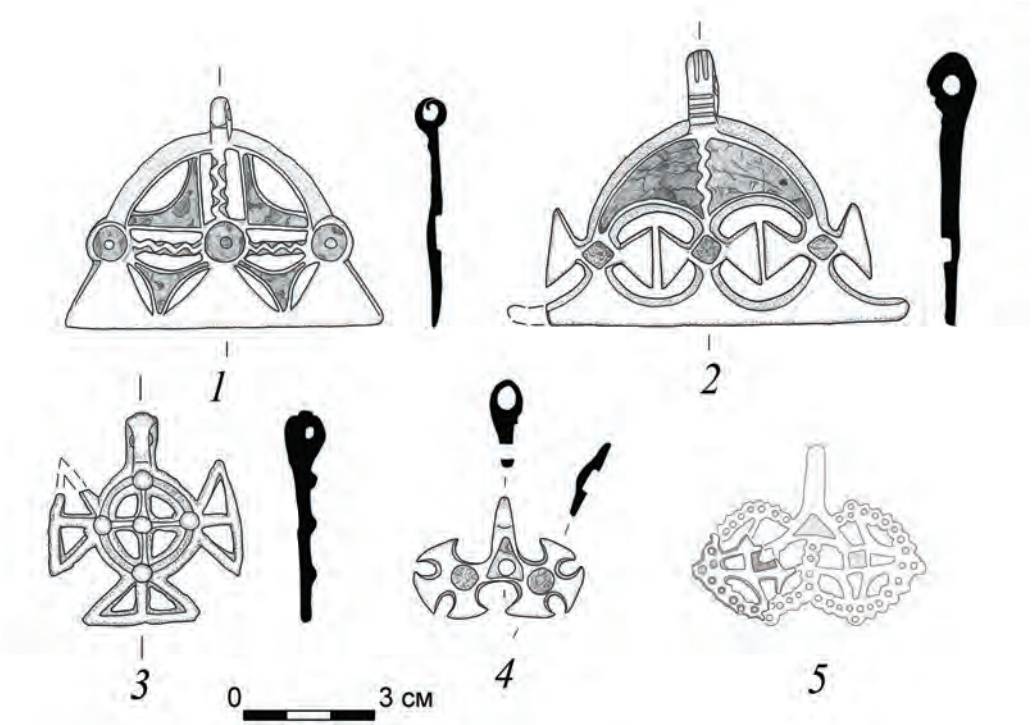


Рис. 4. Лунницы и подвеска: *1, 2, 3* – Меженис (Инв. № 976/3, 976/2, 976/1), *4* – Киевская область (Инв. № 2037-1), *5* – Глажево. Рисунок С.В. Воронятова.

Fig. 4. Lunular and openwork cruciform pendants

имеющих дату на основании археологического контекста, в публикациях не приводятся. В каталоге монографии М. Михельбертаса датировка лунниц из Мегениса определяется периодами C3-D (Michelbertas, 2016. P. 74), а в немецкоязычном резюме того же издания – III–IV вв. (P. 103), что лишний раз подтверждает дискуссионность данной датировки. В монографии А. Блюене их хронологическая позиция определена периодом C3 (или 300–350/375 гг.), однако она основана на более ранних публикациях других авторов; уточнение хронологии отдельных типов украшений не входило в задачи данной работы (Bliujenė, 2013. P. 490. Pav. 340). Крупные трехрогие лунницы можно отнести к средней стадии развития стиля восточноевропейских выемчатых эмалей. По материалам Среднего Поднепровья она в настоящее время датируется концом II–III в. (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 118–119).

При большом количестве вариантов оформления трехрогих лунниц точные аналогии образцам из Мегениса неизвестны. Лунницы отличает сложный узор из сквозных прорезей и гнезд, заполненных у каждого из изделий эмалями двух цветов. Из семи гнезд с красной эмалью одной из лунниц (Инв. № 976-2) в центр трех круглых эмалевых полей помещены маленькие вставки в виде “глазков” белого цвета (рис. 3, *2*; 4, *1*); “глазок” из центрального поля утрачен. В оформлении второй лунницы (Инв. № 976-3) помимо красной эмали в четырех гнездах еще в одном использована эмаль зеленого цвета (рис. 3, *1*; 4, *2*).

Среди предметов из кургана № 1 могильника Меженис в эрмитажном собрании присутствует ажурная крестообразная подвеска (Инв. № 976-1, рис. 3, *3*; 4, *3*), тип которой в начале XX в. было принято относить к кругу предметов с выемчатыми эмалями (Покровский, 1897. С. 171, 172. Табл. XI, *20*; Спицын, 1903. С. 162. Рис. 181, *4*). Такие подвески встречаются только в южно-балтийской части ареала восточноевропейских варварских эмалей и датируются ступенью B2/C1, т.е. второй половиной II в. (Bliujenė, 2013. P. 490. Pav. 340).

Релинги. Крупная бронзовая подковообразная фибула-сюльгама (рис. 2, *3*; 3, *8*) относится к материалам, полученным при раскопках средневекового могильника близ с. Релинги (рис. 1, *3*) Сенненского района Витебской области Республики Беларусь в 1893 г. (ОАК за 1893 г., 1895. С. 15, 16. Рис. 10; Спицын,

1903. С. 164, 166. Рис. 280; Корзухина, 1978. С. 81).

В классификации Г.Ф. Корзухиной фибула (Инв. № 975-1) отнесена к пятому подтипу пятого типа фибул круга выемчатых эмалей. Отличительными чертами подтипа являются фигурные отростки по внешней стороне обода. Как полагала Г.Ф. Корзухина, фибулы, украшенные множественными отростками "вычурной формы", связаны своим происхождением с Литвой (Корзухина, 1978. С. 30, 31). В классификации Е.Л. Гороховского фибула наиболее близка вариантам В и Г типа 1 (прямоугольнощитковые) балто-днепро-окской серии, время распространения которого исследователь датировал концом III–IV в. (Гороховський, 1982. С. 26, 28, 32). Фибула может быть отнесена к средней стадии развития стиля; по материалам Поднепровья она датируется концом II–III в. (см. выше); учитывая особенности оформления, фибула относится, скорее, к поздней части данного периода (Корзухина, 1978. С. 30, 31; Гороховський, 1982. С. 31, 32).

Фибула обладает уникальными чертами в оформлении. Подковообразных застежек с таким большим количеством фигурных отростков на ободе и на эмалевых гнездах (рис. 3, *8*) до настоящего времени неизвестно. Следы ремонта подсказывают, что у фибулы была долгая жизнь. Мастер, ремонтировавший предмет, тщательно продумал процесс ее восстановления. Место слома обода было обточено с расчетом гармоничного соединения двух частей фибулы с помощью заклепок, лицевой и тыльной металлических пластин. Метрические параметры соединения учитывали закрепление на нем кустарно сделанной из куска проволоки иглы. Для жесткости конструкции концы фибулы были связаны фрагментом узкой металлической ленты. В результате получилось довольно надежное и долговечное изделие. Фибула была найдена на средневековом могильнике; при этом ее основа, язычок и детали, использованные для ремонта, имеют разный химический состав и могут быть разновременными (подробнее см. Румянцева и др., в печати); она могла неоднократно(?) ремонтироваться – возможно, в разные хронологические периоды – и иметь долгую историю бытования. Крепление металлических пластин к гнезду для эмалей позволяет заключить, что ремонт был произведен, когда часть эмалевой вставки уже была утрачена. Однако даже в таком виде изделие, очевидно, не потеряло ценности для владельца или находчика.

Деталь оформления, не фигурирующая в предыдущих публикациях фибулы из Релингов, – нанесенная по ребру обода линия точек (рис. 2, *3*), которая в настоящее время просматривается очень слабо.

Киевская область. В эрмитажном собрании хранятся два не публиковавшихся ранее предмета, географическое происхождение которых известно только на уровне области. Первый из них – это подковообразная фибула-сюльгама (рис. 2, *5;* 3*, 6*) из собрания А.А. Бобринского, являющаяся случайной находкой из Киевской губернии (рис. 1, *4*). Предмет передан в Эрмитаж из ГАИМК в 1931 г.

В классификации Г.Ф. Корзухиной фибула (Инв. № 771-5) может занять промежуточное место между первым и вторым подтипами пятого типа фибул. Со вторым подтипом рассматриваемый экземпляр сближает не самая маленькая из возможных толщина обода. Чертой, характерной для первого подтипа, является сегментовидное трехчастное утолщение в средней части обода и его овальное сечение (Корзухина, 1978. С. 29). По классификации Е.Л. Гороховского фибулу следует отнести к типу 1 (с бусиной на дужке) серии Гришинцы-Малышки-Межонис, которую он датирует второй половиной II в. (Гороховський, 1982. С. 25, 26). Сегодня этим временем в целом датируется ранняя стадия бытования изделий круга восточноевропейских выемчатых эмалей, к которой данная фибула относится (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123).

Яркой особенностью фибулы является редкий орнамент на концевых дисках в виде трехлучевой вихреобразной свастики, заполненной красной эмалью (рис. 3, *6*). Свастика заключена в гравированный ободок. На ободе фибулы присутствует след от слома. Сложно определить, был ли ремонт осуществлен в древности или это современное (начало XX в.) восстановление предмета.

Вторым не публиковавшимся ранее предметом, происходящим из Киевской области Украины (рис. 1, *5*), является маленькая лунница (рис. 3, *9*; 4, *4*), поступившая в Государственный Эрмитаж из Ленинградского историко-литературного института (ЛИЛИ) в 1932 г. Украшение (Инв. № 2037-1) имеет три гнезда с красной эмалью и по три секировидных лопасти на каждом концевом

Рис. 5. Треугольные и перекладчатые фибулы (© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020. Фото С.В. Суетовой): *1* – Головятино (Инв. № 2125-2), *2* – Дуна (Инв. № 120-101), *3* – Правобережное Цимлянское городище (Инв. № 2837-41), *4* – Камунта (Инв. № Кз-1881), *5, 6* – Херсонес (Инв. № Х-7а, Х-7б).

Fig. 5. Triangular and cross-bared brooches

щитке. Корпус лунницы занимает очень маленькое пространство, фактически представляя собой место соединения двух ее концов и ушка для подвешивания. Обычно у предметов данной категории он имеет либо дугообразную, либо треугольную форму; в данном случае форму корпуса практически невозможно охарактеризовать.

В классификации Г.Ф. Корзухиной наш экземпляр относится к первому типу подвесок – маленькие лунницы (Корзухина, 1978. С. 47). Согласно дробной классификации И.К. Фролова, она ближе всего к варианту Д типа II (этап бытования В), который встречается и в Южной Прибалтике, и в Днепровском регионе (Фролов, 1980. С. 122. Рис. 2, *1–4*; Кухарская, Терпиловский, 1981. С. 75, 76. Рис. 5, *4*). Датировку лунницы, вероятно, следует определять периодом, соответствующим развитой стадии эволюции стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (конец II–III в.) по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому (2007. С. 119–123).

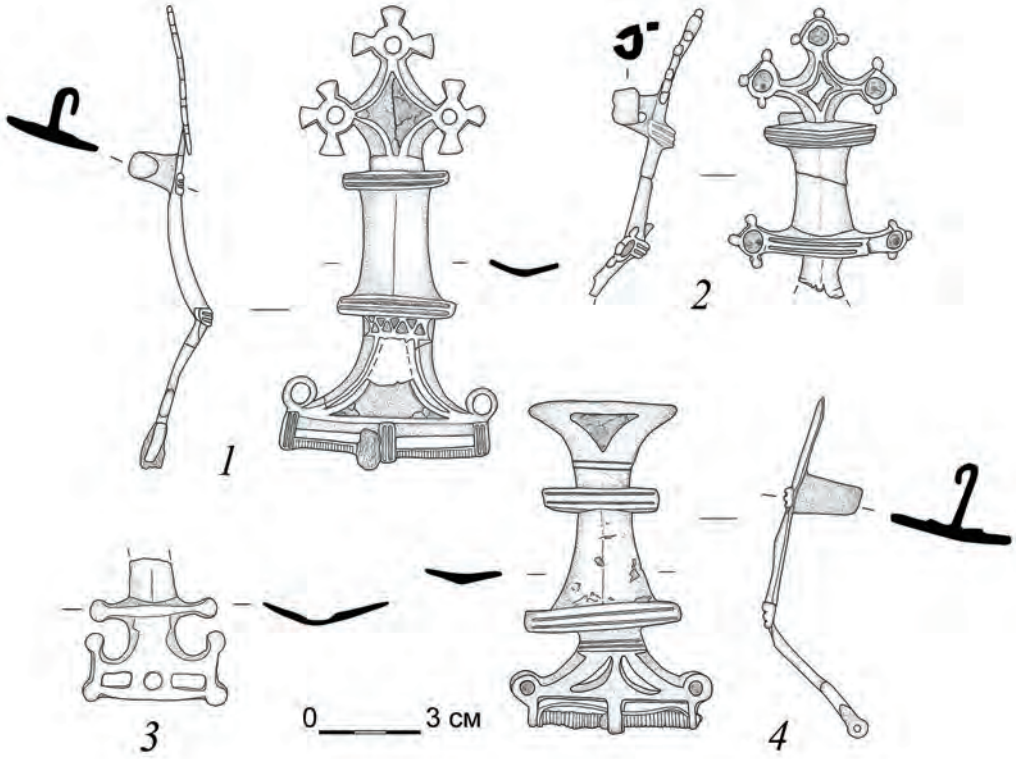


Рис. 6. Перекладчатые фибулы: *1* – Камунта (Инв. № Кз-1881), *2* – Головятино (Инв. № 2125-2), *3* – Правобережное Цимлянское городище (Инв. № 2837-41), *4* – Дуна (Инв. № 120-101). Рисунок С.В. Воронятова.

Fig. 6. Cross-bared brooches

Лунницу отличают нарочито загнутые концы секировидных лопастей (рис. 4, *4*), что встречается нечасто. В треугольном гнезде на корпусе присутствует сквозное отверстие. Можно предположить, что оно служило для закрепления в гнезде вставки – эмалевой или из другого материала, – сделанной, возможно, после того, как "родное" эмалевое поле было частично утрачено (подробнее см. Румянцева и др., в печати).

Головятино. Перекладчатая и подковообразная бронзовые фибулы (рис. 2, *4*; 3, *7*; 5, *1*; 6, *2*), найденные в с. Головятино (рис. 1, *6*) Черкасского района одноименной области, были приобретены А.А. Бобринским в 1914 г. (ОАК за 1913–1915 гг., 1918. С. 170; Бобринский, 1916. С. 4. Рис. 14, 15; Корзухина, 1978. С. 69. Табл. 5, *4*; 7, *7*). В своде Г.Ф. Корзухиной указано, что современное местонахождение вещей неизвестно (Корзухина, 1978. С. 69).

Подковообразная фибула-сюльгама (Инв. № 2125-3) в классификации Г.Ф. Корзухиной отнесена к первому подтипу пятого типа фибул круга выемчатых эмалей. Отличительными чертами подтипа являются тонкий, круглый в сечении обод и крестообразный или центрический орнамент на дисках (Корзухина, 1978. С. 29). В классификации Е.Л. Гороховского фибула отнесена к типу 1 (с круглым центральным щитком) Днепро-Немано-Мазурской серии, датирующейся концом II – перв. пол. III в. (Гороховський, 1982. С. 25–30. Рис. 6, *8*). Малый размер эмалевых полей позволяет отнести данную фибулу к первой стадии развития стиля (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120), указывая, очевидно, на раннюю часть обозначенного Е.Л. Гороховским периода.

Уточняя информацию из более ранних публикаций, можно добавить, что красной эмалью были заполнены не только ромбические центры крестообразного орнамента, но и концентрические глазки. На каждом из трех дисков крестообразные фигуры обрамлены кругами из мелких точек (рис. 2, *4*), в настоящее время просматривающимися очень слабо.

Фрагмент перекладчатой фибулы с красной эмалью в гнездах (рис. 5, *1;* 6, *2*) из Головятино (Инв. № 2125-2) в классификации Г.Ф. Корзухиной отнесен ко второму подтипу

второго типа фибул круга выемчатых эмалей. Отличительной чертой подтипа является крестчатый конец (Корзухина, 1978. С. 23. Табл. 5, *4*). В классификации Е.Л. Гороховского фибула отнесена к первому типу (профилированные) третьей серии, образцы которого встречены в Среднем Поднепровье, Подесенье, Поочье, Подонье и на Северном Кавказе. В рамках этого типа фибула относится к варианту с отростками в виде шишечек на крестчатом конце (Гороховский, 1982. С. 131). Хронология типа определена в рамках первой пол. IV в. (Гороховский, 1982. С. 139). А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский определили место головятинской фибулы в развитой стадии стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (конец II–III в.) (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 116. Рис. 136, *10*).

На загнутом в петлю иглоприемнике имеются два сквозных отверстия. Возможно, это свидетельствует о том, что фибула использовалась в паре с аналогичной, и они соединялись цепью, крепившейся к иглоприемникам. Кроме утраты части изделия на корпусе присутствует след поперечного слома. Определить время ремонта затруднительно.

Глажево. Фрагмент ажурной лунницы (рис. 3, *11*; 4, *5*) и обломок пластинчатого венчика (рис. 3, *12*; 7, *4*) были найдены в 2015 и 2016 гг. Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа в пахотном слое селища Глажево (рис. 1, *7*) Навлинского района Брянской области (Воронятов, 2017. С. 301. Илл. 3; Воронятов, Рябчевский, 2019. С. 267, 268. Илл. 4).

Реконструируемая по фрагменту ажурная лунница (рис. 3, *11*; 4, *5*), скорее всего, имела три гнезда для эмалевых вставок. В единственном сохранившемся гнезде присутствуют остатки эмали оранжевого цвета. Основа изделия покрыта тонким слоем белого металла. По классификации Г.Ф. Корзухиной лунница относится к первому типу подвесок (маленькие лунницы) (Корзухина, 1978. С. 47). Согласно дробной классификации И.К. Фролова лунница ближе всего к варианту В типа V (этап бытования Г), который встречается в Среднем Поднепровье (Фролов, 1980. С. 123. Рис. 3, *12*, *13*). Согласно последним разработкам, лунница находит место в средней стадии эволюции стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (конец II–III в.) по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому (2007. С. 119, 123) и, вероятно, датируется ее поздней частью.

На лицевой стороне фрагмента пластинчатого венчика (гривны?) присутствует тремолоорнамент (рис. 3, *12*; 7, *4*). Это обстоятельство позволяет говорить, что мы имеем дело с обломком пластинчатого украшения, аналогии которому хорошо известны по кладовым комплексам с городища Мощины Калужской области (Булычов, 1899. С. 18. Табл. VII, *5*) и из Усуха Брянской области (Брянский клад..., 2018. Табл. I, II). В последние годы вопросам происхождения, распространения и типологии пластинчатых венчиков посвящено несколько обстоятельных работ (Левада, 2010. С. 562, 568. Рис. 10, 12; Martens, 2011. P. 193. Fig. 4, 5; Родинкова, 2018. С. 67–81).

Дуна. Перекладчатая фибула (рис. 5, *2*; 6, *4*) была найдена Ю.Г. Гендуне в 1899 г. при раскопках городища Дуна (рис. 1, *8*) близ г. Чекалин в Суворовском районе Тульской области (Гендуне, 1903. С. 17. Табл. III, *9*; Спицын, 1903. С. 186. Рис. 288; Корзухина, 1978. С. 75. Табл. 15, *3*).

Фибула с красной эмалью в трех гнездах (Инв. № 120-101) в классификации Г.Ф. Корзухиной отнесена к первому подтипу второго типа фибул круга выемчатых эмалей. Отличительной чертой подтипа является треугольный конец (Корзухина, 1978. С. 22, 23. Табл. 15, *3*). В классификации Е.Л. Гороховского фибула соответствует второму типу (с угловатым профилем) второй серии, образцы которого встречены в Среднем Поднепровье, Подесенье и Поочье. Хронология бытования типа определена в рамках перв. пол. – сер. IV в., не исключая появления уже в III в. (Гороховский, 1982. С. 130, 139). А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский, уточняя хронологию, определили место дунской фибулы в развитой стадии стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (конец II–III в.) (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 116. Рис. 136, *12*).

Березняки. Фрагмент изделия со следами красной эмали в круглых гнездах (рис. 3, *10*; 7, *3*) происходит из материалов раскопок П.Н. Третьяковым поселения у д. Березняки (рис. 1, *9*) Рыбинского района Ярославской области в 1903 г. (Третьяков, 1941. С. 80, 136. Рис. 37, *4*; Корзухина, 1978. С. 76. Табл. 14, *8а*, *б*).

П.Н. Третьяков и Г.Ф. Корзухина определяли предмет (Инв. № 1403-272) как часть фибулы (Третьяков, 1941. С. 80; Корзухина, 1978. С. 76). Но поскольку фибулы с подобными частями до сих пор неизвестны, подтвердить это

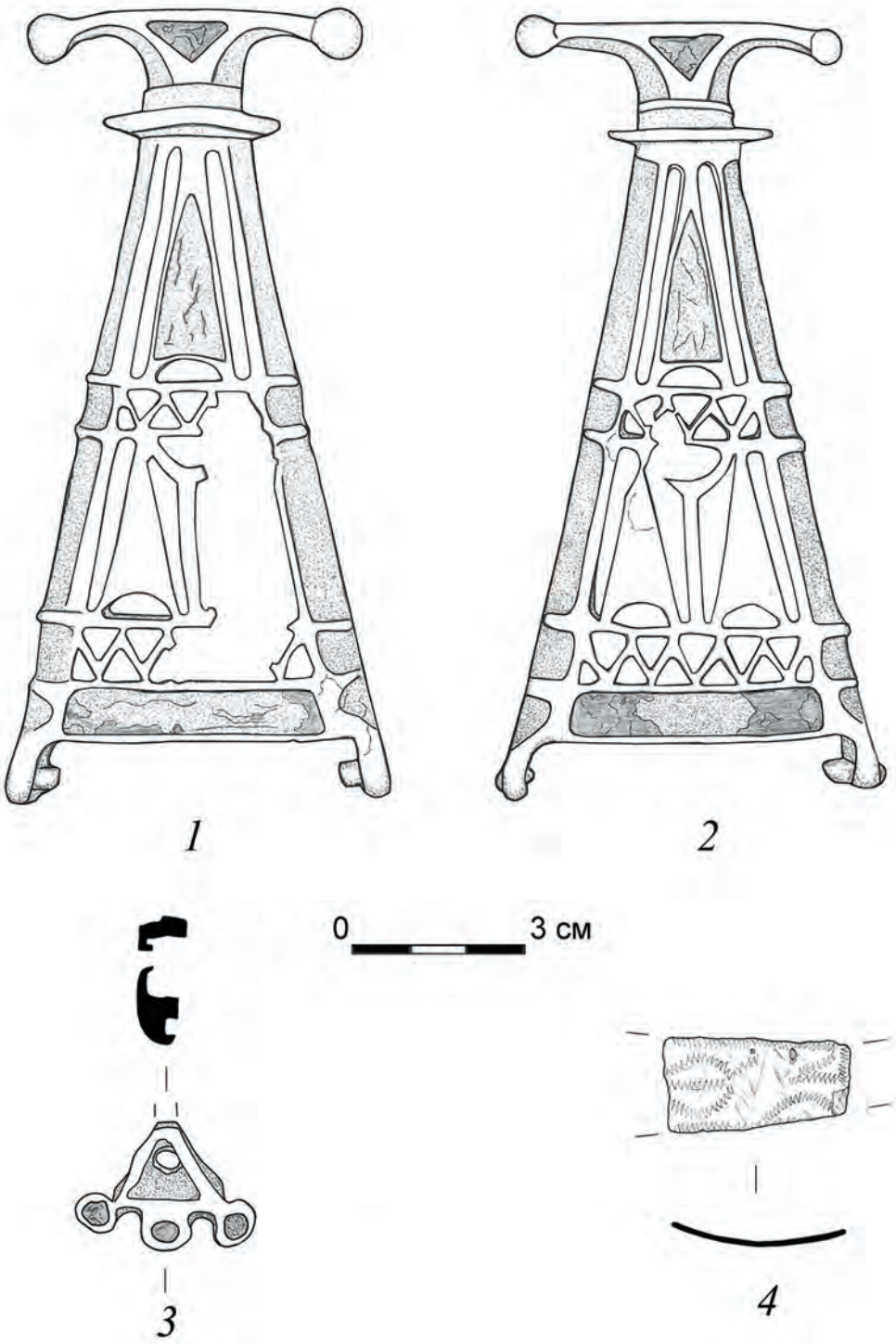


Рис. 7. Треугольные фибулы, фрагменты изделия и венчика: *1, 2* – Херсонес (Инв. № Х-7а, Х-7б), *3* – Березняки (Инв. № 1403-272), *4* – Глажево. Рисунок С.В. Воронятова.

Fig. 7. Triangular brooches, fragments of an object and a head-band

определение сложно. Можно лишь отметить, что предмет сделан очень грубо.

Камунта. Перекладчатая фибула (Рис. 5, *4*; 6, *1*) из коллекции К.И. Ольшевского является случайной дореволюционной находкой из с. Камунта (рис. 1, *10*) в Северной Осетии (Уварова, 1900. С. 320. Табл. CXXVI, *21*; Корзухина, 1978. С. 77. Табл. 23, *8*).

Фибула из Камунты (Инв. № Кз-1881) в классификации Г.Ф. Корзухиной отнесена

ко второму подтипу второго типа фибул круга выемчатых эмалей. Отличительной чертой подтипа является крестчатый конец (Корзухина, 1978. С. 23. Таб. 23, *8*). В классификации Е.Л. Гороховского фибула соответствует первому типу (профилированные) третьей серии, образцы которого встречены в Среднем Поднепровье, Подесенье, Поочье, Подонье и на Северном Кавказе. В рамках этого типа фибула относится к варианту с секировидными отростками на крестчатом конце (Гороховский, 1982. С. 131). Хронология бытования типа определена в рамках середины – втор. пол. IV в. (Гороховский, 1982. С. 140–142). А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский, уточняя хронологию, определили место данной фибулы в развитой стадии стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (кон. II–III в.) (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 116. Рис. 136, *11*).

Из деталей фибулы необходимо отметить следующие. Под нижней перекладиной присутствует поясок с углубленными треугольниками (рис. 5, *4*; 6, *1*). Эмалевое поле в ромбическом гнезде разделено по вертикали на два цвета – красный и зеленый. Два круглых выступа имеют сквозные отверстия, которые в некоторых более ранних публикациях изображены как гнезда, заполненные эмалью. Фрагмент фибулы в районе треугольного гнезда утрачен (рис. 5, *4*).

Цимлянское правобережное городище. Фрагмент перекладчатой фибулы (рис. 5, *3*; 6, *3*) был найден Саркельской экспедицией в 1959 г. на городище (рис. 1, *11*) в Ростовской области (Артамонов, 1962. С. 322; Корзухина, 1978. С. 77. Табл. 22, *7*).

Реконструируемая по фрагменту фибула (Инв. № 2837-41) по классификации Е.Л. Гороховского относится ко второму типу (уплощенные) третьей серии, встреченному в Среднем Поднепровье, Подесенье, Днепровском Левобережье и Подонье (Гороховский, 1982. С. 131). Дата типа определена сер. – втор. пол. IV в. (Гороховский, 1982. С. 140). Такие признаки, как отсутствие эмали и уплощенность, позволили А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому отнести рассматриваемую фибулу к заключительному этапу развития стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (втор. пол. III–IV в.) (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 116. Рис. 136, *22*).

Херсонес. Пара треугольных бронзовых фибул (рис. 5, *5, 6*; 7, *1*, *2*) происходит из дореволюционных раскопок К.К. Костюшко-Валюжиничем некрополя Херсонеса (рис. 1, *12*) на Крымском полуострове (ОАК за 1891 г., 1893. С. 139. Рис. 153; Спицын, 1903. С. 152. Рис. 147; Макаренко, 1928. С. 84. Рис. 1; Корзухина, 1978. С. 77. Табл. 23, *1*, *2*; Щукин, 1988. С. 136, 137; Залесская, 2006. С. 111). Фибулы происходят из заполнения коллективной гробницы № 3, которая была ограблена. Судя по многочисленным находкам из заполнения гробницы, она использовалась вплоть до начала V в. (Обломский, 2017. С. 62).

Обнаруженные в разрушенном погребении ажурные фибулы (Инв. № Х-7а, Х-7б) по классификации Г.Ф. Корзухиной относятся к первому подтипу третьего типа фибул круга выемчатых эмалей (Корзухина, 1978. С. 24. Табл. 23, *1*, *2*). Отличительной чертой типа является треугольный конец. А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский определяют место данного типа в развитой стадии стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (кон. II–III в.) (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 117. Рис. 137, *12*).

К предыдущим публикациям фибул следует сделать уточнение, касающееся цвета эмали. В ряде изданий указано, что в гнездах фибул присутствуют красная и зеленая эмали. Также уточняется, что ныне следов зеленой эмали не видно. Однако визуальный осмотр (рис. 5, *5, 6*) подтверждает наличие во всех гнездах только красной эмали или ее следов.

В завершение археологического анализа эрмитажной коллекции изделий круга восточноевропейских выемчатых эмалей нужно отметить сложность датирования предметов из нее. Ни один из них не имеет узкой датировки на основании археологического контекста находки, что характеризует наибольшую часть известных нам украшений, выполненных в данном стиле. Если говорить о датировании по аналогиям, то здесь наибольшей проблемой является несоответствие дат для вещей одних и тех же типов из Поднепровья и Прибалтики. Наиболее вероятным объяснением этому факту представляется скорее недостаток данных, на которых базируются актуальные разработки, и необходимость в синхронизации региональных хронологических шкал, чем реальные расхождения в бытовании украшений одних и тех же типов в Поднепровье и Прибалтике. Однако это предположение может рассматриваться лишь как гипотетическое, а разработка хронологии предметов с эмалями

не входит в задачи данной работы. В качестве основы для химико-технологического анализа изделий из коллекции Эрмитажа мы применяем существующую схему деления украшений круга “варварских” эмалей на три этапа развития стиля. К первому, наиболее раннему этапу относятся подковообразные фибулы из Головятино и из Киевской области, имеющие относительно тонкие дужки и эмалевые поля малых размеров. Согласно хронологии А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского, разработанной на материалах лесостепного Поднепровья, данный этап датируется второй половиной (возможно, серединой) II – началом III в. (2007. С. 120–124; Обломский, 2018. С. 239). К наиболее поздней, третьей стадии, которая по днепровским материалам датируется сер. III–IV в., принадлежит перекладчатая фибула с Цимлянского городища, не имеющая эмалевых полей. Остальные украшения можно отнести к средней стадии развития стиля, при этом особенности декоративного оформления в двух случаях позволяют соотнести изучаемые предметы – подковообразную фибулу из Релингов и ажурную лунницу из Глажево – с ее поздней частью. По материалам лесостепного Поднепровья, эта стадия датируется концом II–III в. (возможно, исключая конец столетия) (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120–124; Обломский, 2018. С. 239), однако на сегодня было бы, вероятно, преждевременно механически переносить эту дату на прибалтийские материалы. Подвеска из Межениса и обломок пластинчатого венчика, вероятно, не могут быть однозначно отнесены ни к одной из стадий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-40093.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. История хазар / Под ред. и с примеч. Л.Н. Гумилева. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. 523 с.

Ахмедов И.Р. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; Вологда: ИА РАН: Древности Севера, 2018 (Раннеславянский мир; вып. 18). С. 146–158.

Битнер-Врублевска А. Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмалями в Прибалтике и на территории вельбаркской и пшеворской культур // КСИА. 2019. Вып. 254. С. 171–190.

Бобринский А.А. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году // Известия Археологической комиссии. Вып. 60. СПб., 1916. С. 1–6.

Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; Вологда: ИА РАН; Древности Севера, 2018. (Раннеславянский мир. Вып. 18). 560 с.

Булычов Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1899. 85 с.

Воронятов С.В. Разведочные работы Славяно-Сарматской экспедиции на селище Глажево Брянской области в 2015 году // АСГЭ. Вып. 41. СПб.: ГЭ, 2017. С. 300–303.

Воронятов С.В., Рябчевский Н.Г. Работы Славяно-Сарматской экспедиции на селище Глажево Брянской области в 2016 году // АСГЭ. Вып. 42. СПб.: ГЭ, 2019. С. 267–271.

Гендуне Ю.Г. Городище Дуна. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1903. 22 с.

Гороховский Е.Л. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев: Наук. думка, 1982. С. 115–151.

Гороховський Е.Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров’я з виїмчастою емаллю // Археологія. № 38. 1982. С. 16–36.

Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков: каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 272 с.

Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука, 1978 (САИ; вып. Е1-43). 122 с.

Кухарская Е.М., Терпиловский Р.В. Некоторые типы лунниц III – V вв. в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981. С. 69–79.

Левада М.Е. Сухоносивка // Terra Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. T. II. Łydź; Warszawa: Drukania Janusz Bieszczad, 2010. С. 557–594.

Макаренко М. Борзенські емалі й старі емали України взагалі // Чернигів і Північне Лівобережжя. Київ, 1928. С. 81–100.

Обломский А.М. Украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля в степях Причерноморья и в Крыму // РА. 2017. № 1. С. 55–69.

Обломский А.М. Проблемы изучения кладов с эмалями в Поднепровье и Подонье // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью

восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; Вологда, 2018. (Раннеславянский мир. Вып. 18). С. 237–253.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 10). С. 113–141.

Отчет Археологической комиссии за 1882–1888 годы. СПб., 1891. 334 с.

Отчет Археологической комиссии за 1891 год. СПб., 1893. 187 с.

Отчет Археологической комиссии за 1893 год. СПб., 1895. 121 с.

Отчет Археологической комиссии за 1894 год. СПб., 1896. 173 с.

Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 годы. СПб., 1918. 295 с.

Покровский Ф.В. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы (1893–1894 гг.) // Труды IX археологического съезда в Вильне. Т. II. М., 1897. С. 138–196.

Родинкова В.Е. Пластинчатые венчики или “диадемы” круга восточноевропейских выемчатых эмалей // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; Вологда: ИА РАН: Древности Севера, 2018 (Раннеславянский мир; вып. 18). С. 66–81.

Румянцева О.С., Сапрыкина И.А., Воронятов С.В., Трифонов А.А., Ханин Д.А. Химико-технологический анализ предметов убора с выемчатыми эмалями из собрания Государственного Эрмитажа // РА. (В печати)

Спицын А.А. Находки древних вещей в Сувалкской губернии // ЗРАО. 1898. Т. X, вып. 1–2. С. 358–360.

Спицын А.А. Предметы с выемчатой эмалью // ЗОРСА. 1903. Т. V. Вып. 1. С. 149–192.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н.э. М.: Наука, 1941 (МИА; № 5). 150 с.

Уварова П.К. Могильники Северного Кавказа. М., 1900 (МАК; № 8). 381 с.

Фролов И.К. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига: Зинатне, 1980. С. 111–124.

Щукин М.Б. Ажурные эмалевые фибулы из некрополя Херсонеса и некоторые вопросы балто-черноморских связей // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Севастополь, 1988. С. 136–137.

Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią // Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam / Eds. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa: PMA, 2009. S. 303–352.

Bliujenė A. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda: Klaipedos universitetas, 2013. 750 p.

Godłowski K. The chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Zestyty Naukowe Uniwersitetu Jagiellońskiego. Krakow: Nakładem *Uniwersytetu Jagiellońskiego*, 1970 (Prace Archeologiczne; 11). 217 p.

Martens J. Diadems? In search for the date, use and origin of the riveted neck-rings from Scandinavia // Inter ambro Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand; Simferopol: DOLYA Publishing House, 2011. P. 187–197.

Michelbertas M. Radiniai iš Bakšiu (Alytaus rajonas) laidojimo paminklo // Lietuvos archeologijos šaltiniai Sankt Petersburge. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2011. P. 67–86.

Michelbertas M. Romėniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilniaus: Vilniaus universiteto leidykla, 2016. 110 p.

Moora H. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // SMYA. 1934. T. 40. S. 75–90.

Moora H. Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. chr. Teil II. Tartu, 1938. 749 s.

Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität, 1996 (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10). 170 S.

Nowakowski W. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit aus Masuren. Berlin, 1998 (Bestandkataloge des Museums für Vor- und Frühgeschichte; Bd. 6). 186 S.

OBJECTS WITH CHAMPLEVÉ ENAMELS FROM THE STATE HERMITAGE MUSEUM: ARCHAEOLOGICAL ANALYSIS OF THE COLLECTION

Sergey V. Voroniatov[1,*], Olga S. Rumyantseva[2,], Irina A. Saprykina[2,***]**

[1]*The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia*
[2]*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[*]*E-mail: s.voroniatov@gmail.com*
[**]*E-mail: o.roumiantseva@mail.ru*
[***]*E-mail: dolmen200@mail.ru*

The article is the first part in the publication of a circle of East European champlevé enamel objects from the collection of the State Hermitage Museum. It required a comprehensive archaeological and chemical-technological analysis. The publication gives a detailed description of the objects, provides latest data on their chronology, clarifies some details that were missing or erroneously given in previous publications of some objects. One of the essential chronological issues of this circle of antiquities is the mismatch of dates suggested for different parts of the area of objects with enamels, probably related to the degree of development of local chronological systems.

Keywords: the Dnieper region, the Southeast Baltic region, East European champlevé enamels, the period of Roman influence.

REFERENCES

Akhmedov I.R., 2018. Finds of a circle of East European enamels on the Volga and Oka. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n.e.) [The Bryansk hoard of champlevé enamels in East European style (the 3rd century AD)]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow; Vologda: IA RAN: Drevnosti Severa, pp. 146–158. (Ranneslavyanskiy mir, 18). (In Russ.)

Artamonov M.I., 1962. Istoriya khazar [History of the Khazars]. L.N. Gumilev, ed. Leningrad: Izd-vo GE. 523 p.

Bitner-Vrublevska A., 2019. Chronology of East European enameled artifacts from the Balt Lands and from the areas of the Przeworsk and Wielbark cultures *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 254, pp. 171–190. (In Russ.)

Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T., 2009. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią. *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam*. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska, eds. Warszawa: PMA, pp. 303–352.

Bliujenė A., 2013. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda: Klaipedos universitetas. 750 p.

Bobrinskiy A.A., 1916. Report on excavations in the Kiev province in 1913. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission]*, 60. St. Petersburg, pp. 1–6. (In Russ.)

Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n.e.) [The Bryansk hoard of champlevé enamels in East European style (the 3rd century AD)]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow; Vologda: IA RAN: Drevnosti Severa, 2018. 560 p. (Ranneslavyanskiy mir, 18).

Bulychov N.I., 1899. Zhurnal raskopok po chasti vodorazdela verkhnikh pritokov Volgi i Dnepra [Diary of excavations in a part of the watershed of the Volga and Dnieper upper tributaries]. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamontova. 85 p.

Frolov I.K., 1980. Lunular pendants with champlevé enamel. *Iz drevneyshey istorii baltskikh narodov (po dannym arkheologii i antropologii) [From the earliest history of the Baltic peoples (based on archaeology and anthropology data)]*. Riga: Zinatne, pp. 111–124. (In Russ.)

Gendune Yu.G., 1903. Gorodishche Duna [The fortified settlement of Duna]. St.Petersburg: Tip. A.P. Lopukhina. 22 p.

Godłowski K., 1970. The chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Zestyty Naukowe Uniwersitetu Jagiellońskiego. Krakow: Nakładem *Uniwersytetu Jagiellońskiego*. 217 p. (Prace Archeologiczne, 11).

Gorokhovskiy E.L., 1982. A group of brooches with champlevé enamel from the Middle Dnieper region. *Novyye pamyatniki drevney i srednevekovoy khudozhestvennoy kul'tury [New sites of ancient and medieval artistic culture]*. Kiyev: Naukova dumka, pp. 115–151. (In Russ.)

Gorokhovs'kiy E.L., 1982. Penannular brooches with champlevé enamel of the Middle Dnieper region. *Arkheologiya [Archaeology]*, 38, pp. 16–36. (In Ukrainian).

Korzukhina G.F., 1978. Predmety ubora s vyyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n.e.

v Srednem Podneprov'ye [Objects with champlevé enamels of the 5th – first half of the 6th century AD in the Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 122 p. (SAI, E1-43).

Kukharskaya E.M., Terpilovskiy R.V., 1981. Some types of lunular pendants of the 3rd–5th centuries in the Middle Dnieper region. *Drevnosti Srednego Podneprov'ya [Antiquities of the Middle Dnieper region]*. Kiyev: Naukova dumka, pp. 69–79. (In Russ.)

Levada M.E., 2010. Suhonosivka. *Terra Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina*, II. Łydź; Warszawa: Drukania Janusz Bieszczad, pp. 557–594. (In Russ.)

Makarenko M., 1928. Borzna enamels and ancient enamels of Ukraine in general. *Chernigiv i Pivnichne Livoberezhzhya [Chernihiv and the north of left bank region]*. Kiïv, pp. 81–100. (In Ukrainian).

Martens J., 2011. Diadems? In search for the date, use and origin of the riveted neck-rings from Scandinavia. *Inter ambro Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand; Simferopol: DOLYA Publishing House, pp. 187–197.

Michelbertas M., 2011. Radiniai iš Bakšiu (Alytaus rajonas) laidojimo paminklo. *Lietuvos archeologijos šaltiniai Sankt Petersburge*. Vilnius: Vilniaus universitetas, pp. 67–86.

Michelbertas M., 2016. Romėniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilniaus: Vilniaus universiteto leidykla. 110 p.

Moora H., 1934. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*, 40, pp. 75–90.

Moora H., 1938. Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. chr., II. Tartu. 749 p.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität. 170 p. (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, 10).

Nowakowski W., 1998. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit aus Masuren. Berlin. 186 p. (Bestandkataloge des Museums für Vor- und Frühgeschichte, 6).

Oblomskiy A.M., 2017. Ornaments with champlevé enamels of the Eastern European style in the Pontic steppes and in the Crimea. *Ross. Arkheol. [Russian archaeology]*, 1, pp. 55–69. (In Russ.)

Oblomskiy A.M., 2018. Problems of studying hoards with enamels in the Dnieper and Don regions. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n.e.) [The Bryansk hoard of champlevé enamels in East European style (the 3rd century AD)]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow; Vologda: IA RAN; Drevnosti Severa (Ranneslavyanskiy mir, 18), pp. 237–253. (In Russ.)

Oblomskiy A.M., Terpilovskiy R.V., 2007. Objects with champlevé enamels in the forest-steppe zone of Eastern Europe (supplement to the registers by G.F. Korzukhina, I.K. Frolov and E.L. Gorokhovsky). *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n.e.) [Sites of the Kiev culture in the forest-steppe zone of Russia (the 3rd – the early 5th century AD)]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (Ranneslavyanskiy mir, 10). (In Russ.)

Otchet arkheologicheskoy komissii za 1882–1888 gody [Report of the Archaeological Commission for 1882–1888]. St. Petersburg, 1891. 334 p.

Otchet arkheologicheskoy komissii za 1891 god [Report of the Archaeological Commission for 1891]. St. Petersburg, 1893. 187 p.

Otchet arkheologicheskoy komissii za 1893 god [Report of the Archaeological Commission for 1893]. St. Petersburg, 1895. 121 p.

Otchet arkheologicheskoy komissii za 1894 god [Report of the Archaeological Commission for 1894]. St. Petersburg, 1896. 173 p.

Otchet arkheologicheskoy komissii za 1913–1915 gody [Report of the Archaeological Commission for 1913–1915]. St. Petersburg, 1918. 295 p.

Pokrovskiy F.V., 1897. On the study of mounds and hillforts in the eastern borderland of modern Lithuania (1893–1894). *Trudy IX arkheologicheskogo s"yezda v Vil'ne [Proceedings of the IX Archaeological Congress in Vilna]*, II. Moscow, pp. 138–196. (In Russ.)

Rodinkova V.E., 2018. Plated head-bands or "diadems" of a circle of East European champlevé enamels. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n.e.) [The Bryansk hoard of champlevé enamels in East European style (the 3rd century AD)]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow; Vologda: IA RAN: Drevnosti Severa, pp. 66–81. (Ranneslavyanskiy mir, 18). (In Russ.)

Rumyantseva O.S., Saprykina I.A., Voronyatov S.V., Trifonov A.A., Khanin D.A. Chemical and technological analysis of champlevé enamel items from the collection of the State Hermitage. *Ross. Arkheol. [Russian archaeology]*. (In print). (In Russ.)

Shchukin M.B., 1988. Openwork enamel brooches from the necropolis of Chersonesos and some issues of the Baltic-Pontic ties. *Problemy issledovaniya antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. 1888–1988 gg. [Issues of studying ancient and medieval Chersonesos. 1888–1988]*. Sevastopol', pp. 136–137. (In Russ.)

Spitsyn A.A., 1898. Finds of ancient items in Suwalska Gubernia. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Transactions of the Imperial Russian Archaeological Society]*, vol. X, iss. 1–2, pp. 358–360. (In Russ.)

Spitsyn A.A., 1903. Objects with champlevé enamel. *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Transactions of the Russian and Slavic Archaeology Department of the Imperial Russian Archaeological Society]*, vol. V, iss. 1, pp. 149–192. (In Russ.)

Tret'yakov P.N., 1941. K istorii plemen Verkhnego Povolzh'ya v I tysyacheletii n.e. [On the history of the tribes of the Upper Volga region in the 1st millennium AD]. Moscow: Nauka. 150 p. (MIA, 5). (In Russ.)

Uvarova P.S., 1900. Mogil'niki Severnogo Kavkaza [Cemeteries of the North Caucasus]. Moscow. 381 p. (MAK, 8).

Voroniatov S.V., 2017. Archaeological surreys work of the Slavic-Sarmatian expedition to the settlement of Glazhevo, Bryansk Region in 2015. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage]*, 41. St. Petersburg: GE, pp. 300–303. (In Russ.)

Voroniatov S.V., Ryabchevskiy N.G., 2019. The activities of the Slavic-Sarmatian expedition at the settlement of Glazhevo, Bryansk Region in 2016. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage]*, 42. St. Petersburg: GE, pp. 267–271. (In Russ.)

Zalesskaya V.N. Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vekov: katalog kollektsii [Monuments of Byzantine decorative art of the 4th–7th centuries: collection catalogue]. St. Petersburg: Izd-vo GE, 2006. 272 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 33–46

АЛТАЙ В СЯНЬБИЙСКОЕ ВРЕМЯ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

© 2020 г. А.А. Тишкин*, В.В. Горбунов**

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**E-mail: tishkin210@mail.ru*
***E-mail: gorbunov@hist.asu.ru*

Поступила в редакцию 14.10.2019 г.

На Алтае археологические памятники сяньбийского времени по разным причинам долгое время не исследовались. Основной массив материалов по этому периоду был получен в 1980-е и в начале 1990-х годов при проведении массовых раскопок выявленных погребальных комплексов. За последние два десятилетия количество сведений о погребальном обряде и материальном мире населения Алтая во II–IV вв. немного увеличилось. Это позволило решать проблемы культурно-хронологического характера, опираясь на типологический анализ различных категорий зафиксированного инвентаря. В статье детально представлены предметы вооружения, снаряжения человека и верхового коня, а также орудия труда и быта, украшения костюма. Определены их аналогии и датировки. Приведена характеристика выделенного бело-бомского этапа булан-кобинской культуры, указаны перспективы его дальнейшей дробной хронологии и дан исторический контекст.

Ключевые слова: Алтай, сяньбийское время, вооружение, конское снаряжение, орудия труда, предметы быта, украшения, культурно-хронологический анализ.

DOI: 10.31857/S086960630010940-3

Началом изучения археологических памятников Алтая, относящихся к последним векам I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э., стали раскопки В.В. Радлова в 1865 г. на могильниках Катанда I и Берель (Радлов, 1989. С. 443–445, 451; Захаров, 1926. С. 76–80; Гаврилова, 1965. С. 54, 55; Сорокин, 1969. С. 231, 234). За следующие 100 лет исследованию подверглось всего шесть курганов на памятниках Кокса, Пазырык и Балыктыюль (Гаврилова, 1965. С. 52, 53; Сорокин, 1977). Прорыв был совершен в 1980-е – начале 1990-х годов. В данный период археологическими экспедициями открыты, частично или полностью раскопаны десятки могильников и сотни объектов, которые заняли свое место между комплексами пазырыкской и тюркской культур Алтая. История их изучения подробно изложена (Соенов, 2003. С. 4–12). В настоящее время темпы полевых исследований снизились, что связано с разными причинами, в том числе с необходимостью научного осмысления и публикации огромного количества полученных материалов.

Первая культурно-хронологическая интерпретация памятников Алтая конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. была опубликована спустя столетие после самых ранних раскопок. А.А. Гаврилова (1965. С. 52–57, 105), проанализировав имевшиеся к тому времени сведения, выделила два типа могил: одинцовский (Пазырык) и берельский (Берель, Катанда I, Кокса, Яконур), датировав их соответственно II–IV и IV–V вв. Позднее С.С. Сорокин (1977. С. 65, 66) отнес раскопанные им курганы на памятниках Балыктыюль и Пазырык ко второй четверти I тыс. н.э., но воздержался от их культурного определения. Дальнейшее осмысление памятников указанного периода проводилось по мере получения новых материалов. Так, В.Н. Елин и А.С. Васютин (1984. С. 37, 38) выделили для восточной части Алтая кок-пашский тип погребений III–V вв., противопоставив его берельскому. Ю.Т. Мамадаков (1990. С. 15–18) объединил памятники Центрального Алтая в булан-кобинскую культуру I в. до н.э. – III/IV в. н.э. А.С. Суразаков (1992. С. 92–97) предложил свести все горно-алтайские памятники в кудыргинскую культуру конца I тыс. до н.э. – VII в. н.э.

В начале 2000-х годов авторами статьи разработана общая схема культурно-хронологического развития Алтая. Детальное рассмотрение различных признаков памятников II в. до н.э. – V в. н.э. показало их единую основу, что свидетельствовало о существовании одной (булан-кобинской) археологической культуры. Типологический анализ инвентаря из булан-кобинских комплексов позволил выделить в их развитии три этапа: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.); бело-бомский (II–первая половина IV в.); верх-уймонский (вторая половина IV – первая половина V в.) (Тишкин, Горбунов, 2005. С. 160, 161; Тишкин, 2007. С. 174–179). Эти этапы были соотнесены с политическим господством в Центральной Азии объединений кочевников хунну (сюнну), сяньби и жужаней. Ранее авторами опубликована характеристика усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры, отражавшего ситуацию на Алтае в хуннуское (сюннуское) время (Тишкин, Горбунов, 2006). В настоящей статье представлен анализ археологических материалов из памятников бело-бомского этапа, которые соответствуют сяньбийскому времени (II–первая половина IV в.). К нему отнесены могильники Белый Бом II, Булан-Кобы IV, Бош-Ту, Боочи, Сальдяр II, Степушка, Айрыдаш I, Бике I, Карбан I, Тыткескень VI, Улуг-Чолтух, Балыктыюль, Курайка, Кальджин 6, Урочище Балчикова 3, а также одиночные погребения в пунктах Катанда 3, Кокса, Кызыл, Семисарт I, Бийке, Пазырык (курган 6), Кам-Тытугем, Ак-Кол 1, Кальджин 8, Ябоган III (Тишкин, Горбунов, 2005. С. 161). Материалы некоторых из них введены в научный оборот пока лишь частично. Не исключено, что после их полной публикации выделятся объекты как более ранней, так и более поздней стадии. Следует отметить, что по образцам из некоторых курганов получены радиоуглеродные датировки (Тишкин и др., 2018. С. 149–154, 156, 157), которые подтверждают приводимые ниже хронологические выкладки.

Курганы бело-бомского этапа имеют небольшие насыпи округлой и овальной, реже четырехугольной в плане формы, которые располагаются тесными цепочками. Для внутримогильных сооружений характерны каменные ящики из тонких плит. Численно доминируют захоронения по обряду одиночной ингумации с расположением умерших людей вытянуто на спине, головой в восточный или западный сектор. Есть кенотафы. Устойчивую группу составляют погребения в сопровождении верхового коня, который ориентирован в одну сторону с человеком.

Вооружение представлено луками, наконечниками стрел и копья, мечом, кинжалами, боевыми ножами и панцирными пластинами.

Остатки сложносоставных луков из памятников бело-бомского этапа делятся на два типа с наборами из семи (рис. 1, *1*) и шести (рис. 1, *2*) роговых накладок. По конструкции и параметрам они повторяют хуннуские образцы III/II в. до н.э. – I в. н.э. (Коновалов, 1976. Табл. III–V; Худяков, 1986. Рис. 2, 3; Давыдова, 1996. Табл. 12, 52, 84; Миняев, 1998. Табл. 57, 63). Однако в оформлении накладок на рукоять лука наблюдаются определенные изменения. Срединные боковые накладки приобретают дуговидную и трапециевидную форму, с закругленными или заостренными окончаниями. Срединные тыльные накладки, сохраняя прежнюю форму, становятся длиннее, сравниваясь с боковыми или немного превосходя их. Луки с такими деталями более всего характерны для булан-кобинских памятников II–V вв. и отражают местное переоформление исходных хуннуских экземпляров (Горбунов, 2006. С. 16–18).

Все боевые наконечники стрел бело-бомского этапа изготовлены из железа и имеют черешковый насад. Преобладают изделия с трехлопастным пером (рис. 1, *3–32*). По общему абрису пера эти наконечники делятся на ярусные (рис. 1, *3–19*), треугольные (рис. 1, *20, 21*), ромбические (рис. 1, *22–30*) и шестиугольные (рис. 1, *31, 32*). Ярусные наконечники разбиваются на экземпляры с более коротким верхним ярусом (рис. 1, *3–15*) и на образцы с почти равными ярусами (рис. 1, *16–19*). Сочетание форм ярусов весьма многообразно: треугольные (верхний ярус) и асимметрично-ромбические (нижний ярус) наконечники (рис. 1, *3–5*), треугольные и овальные (рис. 1, *6*), треугольные и шестиугольные (рис. 1, *7, 8*), пятиугольные и асимметрично-ромбические (рис. 1, *9, 10*), пятиугольные и шестиугольные (рис. 1, *11–13*), пятиугольные и пятиугольные (рис. 1, *14*), вытянуто- и асимметрично-ромбические (рис. 1, *15, 16*), вытянуто-ромбические и шестиугольные (рис. 1, *17*), килевидные и асимметрично-ромбические (рис. 1, *18, 19*). Некоторые из них имеют округлые прорези в лопастях нижнего яруса и роговые свистунки у основания пера. Большинство находок с коротким верхним

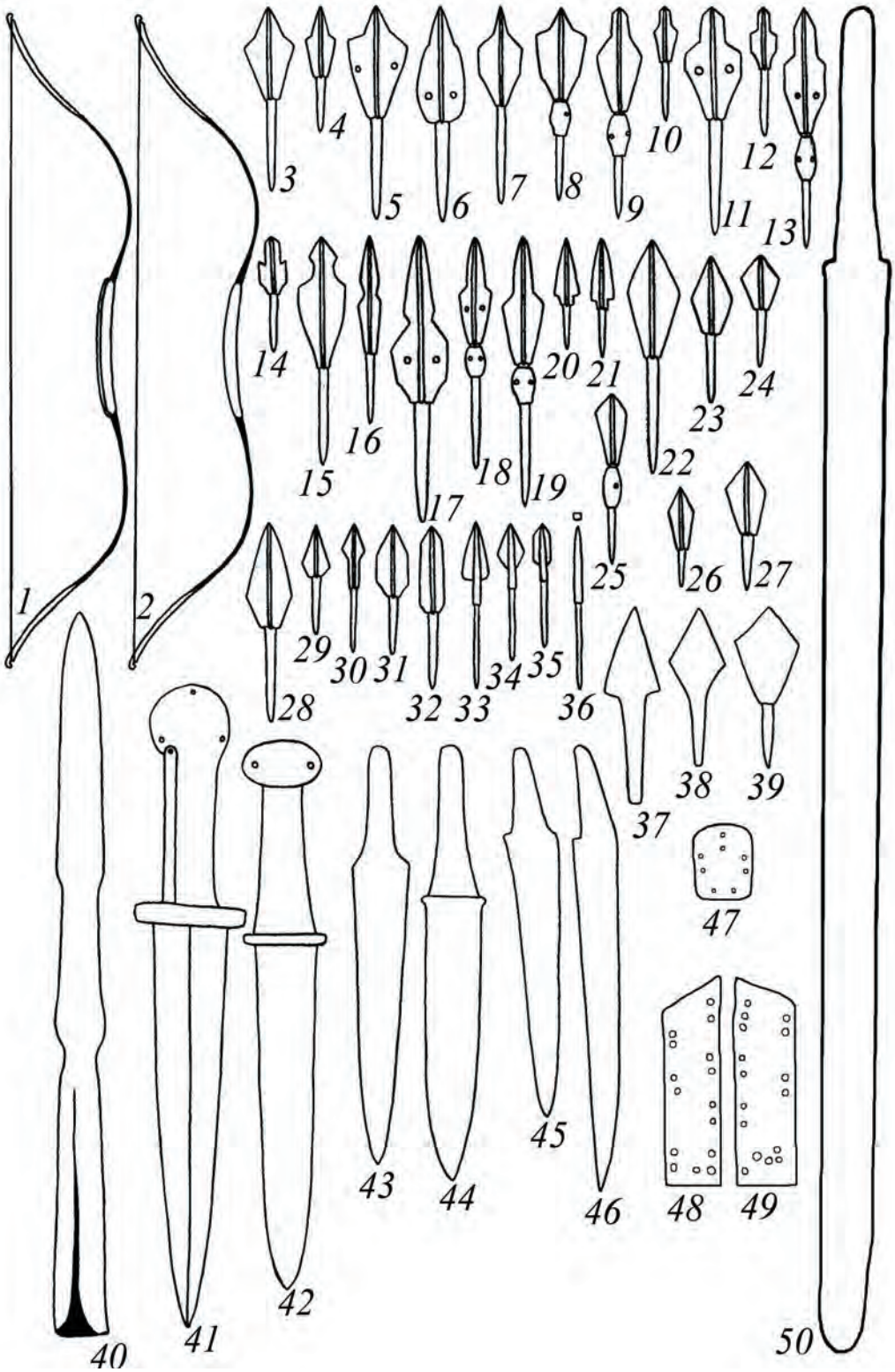


Рис. 1. Материалы бело-бомского этапа булан-кобинской культуры (II–первая половина IV в.): вооружение (*1–50*). Памятники: Белый-Бом II – *11, 12, 14, 18, 19, 22, 25*; Булан-Кобы IV – *1, 3, 5, 6, 10, 15, 17, 20, 27, 40, 45, 42*; Кокса – *48–50*; Кызыл – *4, 30, 33–36*; Степушка – *47*; Балыктыюль – *13, 31, 44*; Пазырык – *16, 46*; Айрыдаш I – *9, 21, 24, 29*; Тыткескень VI – *39*; Улуг-Чолтух – *2, 7, 8, 23, 26, 28, 32, 43*; Урочище Балчикова 3 – *37, 38*; Семинский перевал – *41*. Материал: *1, 2* – рог, дерево; *3–7, 10–12, 14–17, 20–24, 26–41, 43–47, 50* – железо; *8, 9, 13, 18, 19, 25* – железо, рог; *42* – железо, бронза, дерево; *48, 49* – рог. Масштаб: *1, 2* – 1:12; *3–49* – 1:3; *50* – 1:4.

Fig. 1. Materials of the Bely Bom stage of the Bulan-Koba culture (the 2nd–the first half of the 4th century): weaponry (*1–50*)

ярусом продолжают собой развитие аналогичных хуннуских наконечников стрел II в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков, 1986. Рис. 5, *14–20*; Турбат, Худяков, 2003. Рис. 1, *1–3, 10, 12–14*). Идентичные образцы встречаются во многих культурах Центральной Азии и Южной Сибири II–V вв. (Худяков, 1986. Рис. 26, *1–8, 12*; 36, *9, 12*; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 1, *10*). Наконечники с равновеликими ярусами представляют дальнейшую модификацию таких стрел, возникшую не ранее II в. и первоначально характерную для Южносибирского региона (Неверов, Мамадаков, 1991. С. 128, 129. Рис. 1).

Треугольные и шестиугольные наконечники уже применялись на усть-эдиганском этапе (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, *3–7*) и использовались в комплексах вооружения многих культур на протяжении II–V вв. (Худяков, 1986. Рис. 25, *18, 23, 24, 30*; 36, *22, 23*; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 1, *27*). Экземпляры стрел с ромбическим очертанием пера по характеру преломления лопастей делятся на симметричные (рис. 1, *22, 23*), асимметричные (рис. 1, *24–27*) и вытянутые (рис. 1, *28–30*). В Центральноазиатском регионе они встречаются среди археологических материалов хуннуской, сяньбийской, кокэльской и таштыкской культур во II в. до н.э. – V в. н.э. (Худяков, 1986. Рис. 5, *2–13*; 25, *1–17, 19–22, 25–28*; 36, *1–6*; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 1, *28*; Турбат, Худяков, 2003. Рис. I, *6–9, 11*).

В памятниках Алтая бело-бомского этапа обнаружены наконечники с двухлопастным, граненым и однолопастным пером. Силуэт двухлопастных экземпляров треугольный (рис. 1, *33*), ромбический (рис. 1, *34*) и шестиугольный (рис. 1, *35*). Они находят соответствия в сяньбийском комплексе вооружения конца I–III в. (Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 1, *14, 16–18*). Бронебойный четырехгранный (квадратный) наконечник килевидной формы (рис. 1, *36*) достаточно оригинален. Однолопастные экземпляры имеют перо уплощенно-линзовидного сечения с треугольным (рис. 1, *37*), ромбическим (рис. 1, *38*) и асимметрично-ромбическим (рис. 1, *39*) абрисом. Подобные наконечники появились у хунну, а позднее известны у сяньби и населения Южной Сибири (Худяков, 1986. Рис. 6, *2–7*; 27, *12, 13, 23*; 36, *24, 25*; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 1, *23, 25, 30*).

Железный наконечник копья происходит из могильника Булан-Кобы IV (Мамадаков, 1996. С. 75). Он отличается значительными размерами (общая длина до 40 см) и массивностью. Перо наконечника имеет линзовидное сечение и абрис килевидной формы. Его переход в округлую шейку выражен небольшими покатыми плечиками. В свою очередь переход шейки во втулку обозначен четким расширением, что придает общему силуэту наконечника двухъярусный вид (рис. 1, *40*). Подобную форму можно видеть на некоторых моделях кокэльских наконечников копий (Худяков, 1986. Рис. 32, *2, 7*). Булан-кобинское изделие по достаточно узкому, но толстому перу можно отнести к бронебойным копьям-пикам, предназначенным для нанесения таранного удара.

Железный меч обнаружен во впускном погребении на памятнике Кокса (Гаврилова, 1965. С. 55). Данный экземпляр (длиной 94.5 см) имеет обоюдоострый клинок линзовидного сечения, а также небольшие плечики в месте перехода в прямой черен (рис. 1, *50*). Он демонстрирует преемственность с усть-эдиганским мечом (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, *16*) и указывает на дальнейшее применение булан-кобинскими воинами этого типа оружия.

Кинжалы бело-бомского этапа представлены изделиями без навершия и перекрестия, а также экземплярами с наличием таких деталей. Первые имеют клинок линзовидного сечения, прямой черен, наклонные или выступающие плечики (рис. 1, *43, 44*). В целом, они продолжают линию развития аналогичных образцов усть-эдиганского этапа (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, *9, 13*). Кинжалы с прямым брусковидным перекрестием и дисковидным навершием (округлого и овального абриса) имеют клинки уплощенно-ромбовидного и линзовидного сечения. Если у одного из них все сохранившиеся части из железа (рис. 1, *41*), то у другого обкладка черена, навершие и перекрестие изготовлены из деревянных, бронзовых и кожаных деталей (рис. 1, *42*). Эти предметы заканчивали собой эволюцию кинжалов с брусковидным перекрестием, когда волютообразное навершие (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, *14, 15*) преобразовывалось в диск. Конструктивно близкие экземпляры известны в погребениях раннекушанской знати и саргатских курганах первых веков н.э. (Погодин, 1998. Рис. 4, 5).

Боевые ножи – новый вид оружия на бело-бомском этапе. Значительная длина клинка и достаточно широкий обух позволяют допускать их военное применение в качестве

дополнительного оружия рукопашного боя. Клинки ножей имеют вытянуто-треугольное сечение, немного выпуклый обух и наклонный в сторону лезвия черен (рис. 1, *45, 46*). Такие ножи уже известны в памятниках хунну, а затем в материалах кокэльской и таштыкской культур, но наиболее характерны они для булан-кобинских погребальных комплексов начиная со II в. н.э. (Горбунов, 2006. С. 77).

Железная панцирная пластина обнаружена на памятнике Степушка (Соенов и др., 2018. С. 40). Она относится к доспеху ламеллярной структуры, имеет укороченные пропорции, овально-прямоугольную форму и восемь сквозных отверстий для крепления: две пары боковых, вертикальную пару срединных верхних и горизонтальную пару срединных нижних (рис. 1, *47*). Пластины данного типа появились в конце III в. до н.э. в Китае под влиянием хунну и активно применялись до V в. н.э. (Горбунов, 2013. С. 82. Рис. 1, *13, 14, 23*).

Роговые панцирные пластины происходят из памятника Кокса (Гаврилова, 1965. С. 56). Там найдено шесть фрагментов от не менее трех пластин четырехугольной формы, с преимущественно парными отверстиями вдоль длинных сторон. Их особенность – скошенность одной короткой стороны (рис. 1, *48, 49*). Похожие изделия есть в саргатских материалах III/II в. до н.э. – III в. н.э. (Матвеева и др., 2004. С. 88. Рис. 6, *4, 5*). Пластины со скошенным краем, но из железа есть в сяньбийском памятнике начала IV в., где они использовались для набора бронированного воротника (Горбунов, 2015. С. 11, 12. Рис. 2, *2–5*). На Алтае элементы брони из кости и рога использовались с VII в. до н.э., а со II в. до н.э. начал применяться железный доспех, который к III в. н.э. стал господствующим (Горбунов, 2003. С. 38–39). Присутствие роговых пластин на памятнике бело-бомского этапа отражает завершающую стадию их бытования и, вероятно, указывает на контакты с населением лесостепных районов Западной Сибири.

Снаряжение человека представлено металлической гарнитурой от основных и стрелковых поясов и портупейных ремней: пряжки, распределители, звенья и бляхи.

В памятниках бело-бомского этапа обнаружены различные пряжки. Из них наиболее распространены железные рамчатые с подвижным язычком, округлой, сегментовидной, прямоугольной (часто с вогнутыми сторонами) формы (рис. 2, *1–3, 5, 6, 10*). Они аналогичны таким же изделиям из памятников усть-эдиганского этапа, видоизменяясь лишь в незначительной степени. Например, исчезли из обихода крупные округлые пряжки (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, *21, 25, 27*). Наряду с этим появились новые типы пряжек: экземпляры с подвижным щитком-зажимом и округлой (рис. 2, *24*), вогнуто-прямоугольной (рис. 2, *9*) и овально-трапециевидной (рис. 2, *11, 17*) рамкой. Последние могли снабжаться длинным язычком (рис. 2, *17*) или язычком на вертлюге (рис. 2, *11*). Прототипы таких изделий есть уже у хунну (Коновалов, 1976. Табл. X, *1, 2, 10*; XI, *13, 15, 17–19*). Более близкие аналогии происходят из памятников сяньби, у которых данные пряжки входят в широкое употребление с рубежа I–II вв. н.э., будучи непременным атрибутом воинских поясов (Раскопки..., 1985. Рис. 5, *9–15*; 10, *1–4*; Горбунов, 2015. Рис. 5, *4, 7*). Бронзовая пряжка без язычка, с округлой рамкой и неподвижным щитком (рис. 2, *25*) по своим типологическим признакам датируется III–IV вв. (Матренин, 2017. С. 80). Новую конструкцию пряжек демонстрируют крюки с петельчатым основанием (которое могло снабжаться подвижным щитком-зажимом) и поперечной планкой на загнутом окончании (рис. 2, *23*). Они стали заменять основные пряжки на стрелковых поясах. Подобные изделия были распространены в середине III – начале VI в. помимо Алтая у населения Забайкалья, Маньчжурии, Тувы, Семиречья и Приаралья (Матренин, 2017. С. 13, 14, 16).

Распределители ремней на бело-бомском этапе представлены кольцами (рис. 2, *4*), пряжковидными и прямоугольными рамками с двумя подвижными щитками-зажимами (рис. 2, *21, 22*). Первые изделия повторяют усть-эдиганские образцы, но имеют меньший диаметр (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, *26, 28*). Аналогичные распределители от стрелковых поясов фиксируются у сяньби в конце I–III в., где они также идут в комплекте с округлыми рамчатыми пряжками (Раскопки..., 1985. Рис. 14, *9, 10*). Распределители со щитками находят аналогии в материалах кокэльской культуры (Дьяконова, 1970. Табл. XI, *30, 31*; XII, *35*).

Железные звенья представляют собой изделия из стержня, окончания которого раскованы в кольца. Стержни могут быть гладкими двухсоставными (рис. 2, *7*) и цельными (рис. 2, *20*),

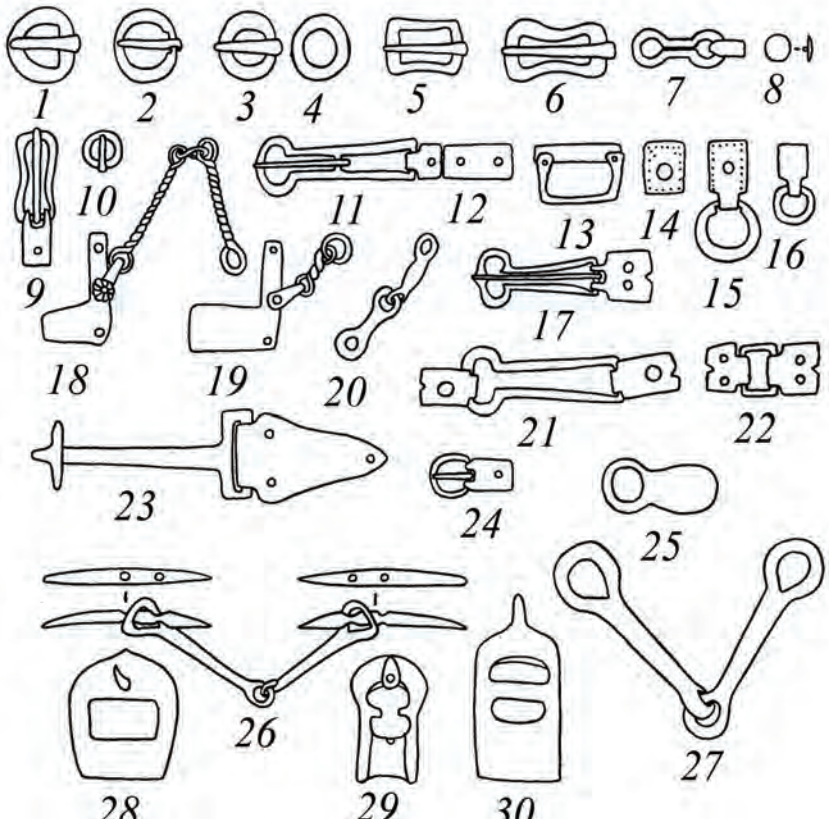


Рис. 2. Материалы бело-бомского этапа булан-кобинской культуры (II–первая половина IV в.): снаряжение человека (*1–25*) и верхового коня (*26–30*). Памятники: Белый-Бом II – *26, 28, 29*; Булан-Кобы IV – *5, 8, 10, 20, 27, 30*; Балыктыюль – *11–15, 17, 21–23*; Пазырык – *2, 18, 19*; Курайка – *24*; Айрыдаш I – *7*; Бике I – *1, 9, 25*; Тыткескень VI – *3, 4, 6, 16*. Материал: *1–10, 16, 18–20, 27* – железо; *11–15, 17, 21–25* – цветной металл; *26* – железо, рог; *28–30* – рог. Масштаб: *1–25, 28–30* – 1:3; *26, 27* – 1:4.

Fig. 2. Materials of the Bely Bom stage of the Bulan-Koba culture (the 2nd–the first half of the 4th century): equipment of a person (*1–25*) and a riding horse (*26–30*)

но гораздо чаще они витые (рис. 2, *18, 19*). Есть одиночные звенья (с дополнительными деталями из щитка-зажима и кольца), но по большей части они соединялись между собой в цепочки, которые заменяли кожаные портупейные ремни при подвешивании предметов к поясу. В памятниках бело-бомского этапа звенья или цепочки из них обычно сопровождали ножи и могли крепиться к специальным обоймам от ножен (рис. 2, *18, 19*). Одиночные двухсоставные звенья со щитком-зажимом известны уже на усть-эдиганском этапе (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, *31*). Остальные звенья и цепочки стали новыми деталями, которые помимо булан-кобинских комплексов известны в памятниках таштыкской и кокэльской культур (Кызласов, 1960. Рис. 30, *2*; 47, *6, 7*; Дьяконова, 1970. Табл. XI, *48, 49*; XII, *36–43*).

Поясные бляхи-накладки бело-бомского этапа частично продолжали предыдущие традиции. Это касается округлых изделий (рис. 2, *8*), а вот предметы прямоугольной формы (рис. 2, *12, 14*), возможно, были дальнейшим видоизменением овальных прототипов (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, *29, 30*). На ряде таких накладок имеется дополнительная деталь в виде подвижного кольца, закрепленного на выступе нижнего края бляхи (рис. 2, *15, 16*). Изделия аналогичной конструкции характерны для сяньбийской поясной гарнитуры (Горбунов, 2015. Рис. 5, *5, 7*). Еще один тип представляют узкие бляхи со скобой на нижний край пояса (рис. 2, *13*). Они завершали линию развития хуннуских ажурных блях (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, *22*), которая заключалась в постепенной стилизации орнамента и упрощении формы. Этот процесс демонстрируют и подобные сяньбийские накладки I/II–III вв. (Раскопки..., 1985. Рис. 5, *4*; 8, *3*).

Снаряжение верхового коня включает в себя уздечные и седельные принадлежности: удила и псалии, подпружные пряжки. Удила имеют

кольчатые окончания внешних звеньев и кольчатое (рис. 2, *27*) либо кольчато-крюковое (рис. 2, *26*) соединение внутренних звеньев. Первая конструкция характерна для предыдущего времени, а вторая появляется не ранее II в. (Неверов, 1992. С. 143). Некоторые пары удил продолжают снабжаться роговыми двудырчатыми псалиями (рис. 2, *26*).

Подпружные пряжки представлены следующими типами. Первый состоит из двутавровых изделий с выступающим носиком (рис. 2, *30*), которые завершают линию развития усть-эдиганских образцов (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, *52–54*). Второй – это пряжки со шпеньком (рис. 2, *28*). Они восходят к хуннуским подпружным пряжкам (Коновалов, 1976. Табл. VIII, *16*), но отличаются от них приостренным оформлением рамки и наличием одной прямоугольной прорези под ремни. Третий тип – однотавровые экземпляры с выделенной рамкой (рис. 2, *29*). Исходной конструкцией для него могли послужить роговые пряжки с подвижным язычком, зафиксированные в памятниках хунну II в. до н.э. – I в. н.э. и сяньби I–II вв. н.э. (Давыдова, 1996. Табл. 58, *13*; Деревянко, 1999. Табл. I).

Орудия труда и предметы быта составляют следующие категории вещей: охотничьи наконечники стрел; рабочие ножи; трубочки-“игольники”; посуда. Костяные (роговые) наконечники стрел по характеру насада делятся на втульчатые (рис. 3, *1–3*), черешковые (рис. 3, *4–13*) и раздвоенные (рис. 3, *14–23*). Большинство из них четырехгранного (ромбовидного) сечения, по всему телу пера или только на острие, но имеются и трехгранные экземпляры (рис. 3, *10*). Втульчатые наконечники представляют совершенно новую конструкцию, когда втулка изготовлялась в виде шарика-свистунки. Их перо треугольной формы со слегка приостренными плечиками (рис. 3, *1*) и килевидного очертания с круглой шейкой (рис. 3, *2, 3*). Образцы, аналогичные первому типу, известны в материалах бурхотуйской культуры Забайкалья (Худяков, 1991. Рис. 28, *1–4*). Для Центральноазиатского региона время появления наконечников с втулкой-свистункой определяется не ранее II в. (Тетерин, 2004. С. 54). Среди черешковых наконечников по абрису пера выделяются треугольные с плечиками-шипами (рис. 3, *4, 5, 11, 12*), треугольные с круглой шейкой (рис. 3, *9, 10*), шестиугольные (рис. 3, *7*) и килевидные (рис. 3, *6, 8, 13*) со слабовыраженными плечиками. Все они, за исключением экземпляров с круглой шейкой, продолжают развитие усть-эдиганских стрел (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 2, *4–11*). Наконечники с раздвоенным насадом имеют треугольную и килевидную формы пера, заостренные (рис. 3, *14, 15*), прямые (рис. 3, *16–22*) и покатые плечики (рис. 3, *23*). Изделия с раздвоенным насадом характерны для хунну (Давыдова, 1995. Табл. 180; 1996. Табл. 71; Миняев, 1998. Рис. 13; Турбат, Худяков, 2003. Рис. II), а в дальнейшем они заимствовались многими народами и бытовали до начала эпохи Средневековья. Впрочем, бело-бомский набор раздвоенных стрел имеет отличия от хуннуского. В нем меньше расщепленных наконечников и больше вырезных экземпляров, к тому же раздвоение насада всегда производилось в широкой плоскости пера.

Железные ножи подразделяются на следующие типы. Первый характеризуется клинком с выделенным острием, двумя плечиками и череном, раскованным в крюковое навершие (рис. 3, *24*). Он продолжает собой развитие усть-эдиганского образца (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 2, *13*). Второй – это ножи с прямым череном и обухом и одним плечиком со стороны лезвия (рис. 3, *25–27*). Третий – ножи с прямым или наклонным череном, одним или двумя плечиками, иногда с обоймой под обкладку рукояти, выпуклым обухом, со стороны которого может быть выделенное острие (рис. 3, *28–30*). Такие экземпляры представляют уменьшенные аналоги боевых буланкобинских ножей.

Костяные трубочки бело-бомского этапа (рис. 3, *31, 33*) во многом аналогичны усть-эдиганским (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 35. Рис. 2, *14–17*). Их отличительные детали – расширенные окончания (рис. 3, *34*) и нарядный вырезной корпус (рис. 3, *32*).

Посуда по материалу подразделяется на керамическую, металлическую и деревянную. Керамические сосуды представлены неорнаментированными горшками с прямым или отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *35–37*) и продолжают собой традицию усть-эдиганского этапа в сторону ее упрощения (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 2, *32, 35, 37*). Бронзовый котел также аналогичен раннему образцу (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 2, *38*), отличаясь меньшими размерами и отсутствием вырезов на поддоне (рис. 3, *38*). Деревянные кружки

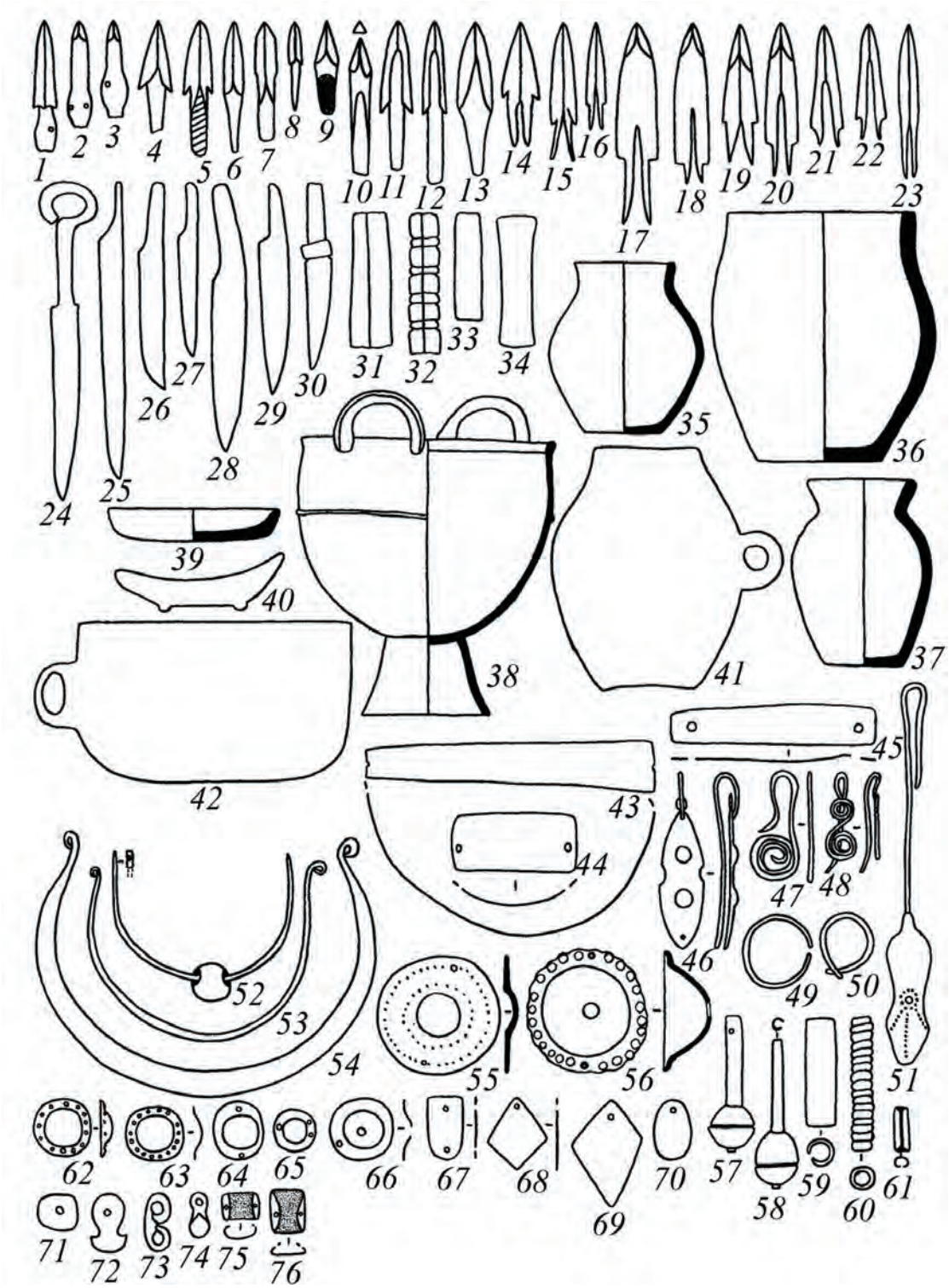


Рис. 3. Материалы бело-бомского этапа булан-кобинской культуры (II–первая половина IV в.): орудия труда и предметы быта (*1–42*), украшения костюма (*43–76*). Памятники: Белый-Бом II – *15, 16, 23, 60, 74*; Бош-Ту – *39, 40, 42*; Булан-Кобы IV – *24, 51, 55*; Катанда 3 – *10, 26, 33*; Кызыл – *9, 25, 35*; Балыктыюль – *30, 38, 41, 56*; Пазырык – *5, 29*; Курайка – *37, 48, 52, 59*; Айрыдаш I – *1, 2, 7, 8, 17–20, 31, 32, 43–46, 54, 57, 58, 61, 62, 69*; Бике I – *27, 36, 47, 49, 50, 53, 63–68, 70–73, 75, 76*; Тыткескень VI – *4, 6, 11–14, 28, 34*; Улуг-Чолтух – *3, 21, 22*. Материал: *1–23, 31–34* – рог и кость; *24–29* – железо; *30* – железо, цветной металл; *35–37* – керамика; *38, 43–51, 53–76* – цветной металл; *39–42* – дерево; *52* – цветной металл, камень. Масштаб: *1–34, 52–54* – 1:3; *35–42* – 1:4; *43–51, 55–76* – 1:2.

Fig. 3. Materials of the Bely Bom stage of the Bulan-Koba culture (the 2nd–the first half of the 4th century): working tools and household items (*1–42*), apparel ornaments (*43–76*)

(рис. 3, *41, 42*), миски (рис. 3, *39*) и блюда на ножках (рис. 3, *40*) во многом соответствуют своим усть-эдиганским прототипам (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 2, *40–45*).

К **украшениям костюма** отнесены диадемы, бляхи-фалары, нашивные бляхи, трубочки-пронизи, бубенчиковидные подвески, серьги и гривны. Диадемы бело-бомского этапа представлены бронзовыми, реже железными неширокими подпрямоугольными пластинами, как правило, имеющими по одному отверстию у коротких сторон (рис. 3, *43–45*). Это более простая и дешевая модификация усть-эдиганских диадем (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 3, *1–4*).

Бляхи-фалары также продолжают собой дальнейшее развитие изделий предыдущего этапа (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 3, *5, 6, 8*). Они, сохраняя округлую форму, становятся крупнее, изготавливаются из бронзы, имеют выраженную умбоновидную центральную часть, два крепежных отверстия и орнаментальное зернистое поле по периметру (рис. 3, *55, 56*). Похожий предмет зафиксирован на могильнике Кокэль (Дьяконова, 1970. Табл. XI, *55*).

Бляхи-нашивки из меди и бронзы имеют самую разнообразную форму: полусферические округлой формы с бортиком (рис. 3, *62*) или ровным полем (рис. 3, *63–66*), у некоторых по периметру зернистый орнамент (рис. 3, *62, 63*); гладкие овально-прямоугольной, ромбовидной и овальной форм (рис. 3, *67–71*); сложнофигурные (рис. 3, *72–74*) и прямоугольные с загнутыми сторонами (рис. 3, *75, 76*). Большинство этих изделий находят прототипы в усть-эдиганских памятниках (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 3, *18–43*), но отличаются более крупными размерами и материалом. То же самое можно сказать о трубочках-пронизях (рис. 3, *59–61*). Новым элементом украшений головного убора выступают бубенчиковидные подвески (рис. 3, *57, 58*). Нашивки с умбонами и зернистым орнаментом характерны для сяньбийских украшений II–III вв. (Худяков, Юй Су-Хуа, 2006. Рис. 3).

Серьги из памятников бело-бомского этапа в отличие от украшений головного убора и верхней одежды имеют гораздо меньше параллелей в предшествующем этапе. Эволюционно с ним связаны изделия с крюковидным стержнем и спиралевидным окончанием (рис. 3, *47*). Аналогичные украшения есть в материалах кокэльской культуры (Трифанова, 2004. Табл. I, *14–16*). На их основе формируются серьги с длинным крюковидным стержнем и щитком из двойной 8-видной спирали (рис. 3, *48*). Серьги крюковой конструкции со щитками, украшенными спиралями, распространены среди инвентаря сяньбийских могильников II–III вв. (Худяков, Юй Су-Хуа, 2006. Рис. 1, *15, 16, 20*; 2, *6, 18*). Представлены на бело-бомском этапе и простые кольчатые серьги с несомкнутыми, иногда пересекающимися концами (рис. 3, *49, 50*). Точно такие украшения известны и в других культурах Южной Сибири во II–V вв. (Трифанова, 2004. Табл. I, *19, 22, 27*). Весьма оригинальны серьги с длинным крюковидным стержнем и сложно-фигурным щитком. У одних щиток плоский ладьевидной формы с выемками и двумя умбонами в центральной части (рис. 3, *46*). Другие имеют рельефный щиток зооморфной формы, украшенный зернистым орнаментом в “головной” части (рис. 3, *51*). Очень близкие аналогии последним имеются в кокэльской культуре (Трифанова, 2004. Табл. I, *17, 18*).

Гривны бело-бомского этапа делятся на изделия с гладким и перевитым стержнем. Все они имеют дуговидную, близкую к полукругу форму. Среди гладких выделяются следующие экземпляры: с круглым в сечении стержнем и отверстиями на концах (рис. 3, *52*); с круглым или овальным стержнем и петлевидными окончаниями (рис. 3, *53*); с уплощенным стержнем и петлевидными окончаниями (рис. 3, *54*). Некоторые изделия имеют один конец, не согнутый в петлю, или оба прямых конца, что возможно указывает на недоделку, позднейшее распрямление или поломку (Трифанова, 2005. Рис. 1, *4, 6, 10, 12*). Гривны с могильников Курайка (рис. 3, *52*), Айрыдаш I и Бике I снабжены по центру крупной бусиной (Тетерин, 2001. Рис. 2, *4, 5*). Гладкие гривны с перечисленными признаками известны в памятниках таштыкской культуры конца I – начала IV в. (Тетерин, 2001. С. 109, 110. Рис. 1, *1*; 2, *1, 2*). Перевитая гривна найдена на могильнике Айрыдаш I. Ее стержень квадратного сечения перекручен достаточно редко по всей длине, концы прямые (Трифанова, 2005. Рис. 1, *7*). Похожие по конструкции экземпляры, но из уплощенного стержня есть в памятниках кокэльской и таштыкской культур конца I–IV в. (Тетерин, 2001. С. 110. Рис. 3, *1–7*).

В инвентарном наборе из памятников бело-бомского этапа можно выделить две серии

вещей, которые своим происхождением связаны с материальной культурой хунну и сяньби. К хуннуской традиции восходят накладки луков, трехлопастные наконечники стрел с меньшим верхним ярусом, треугольным, ромбическим и шестиугольным абрисом пера, кинжалы и ножи без перекрестия и навершия, панцирная пластина овально-прямоугольной формы, рамчатые пряжки с подвижным язычком, кольчатые распределители, кольчатые удила, подпружные пряжки со шпеньком и подвижным язычком, часть наконечников стрел с раздвоенным насадом, трубочки. Многие из этих предметов применялись населением булан-кобинской культуры еще на раннем этапе, но наконечники стрел с ярусным и ромбическим пером, раздвоенным насадом, боевые ножи и подпружные пряжки отсутствуют в усть-эдиганских памятниках. Получается, что кочевники Алтая и других районов Южной Сибири смогли заимствовать часть материального комплекса хунну уже после утраты последними политического господства в Центральной Азии. Выше было показано, что часть предметов хуннуского облика на бело-бомском этапе прошла местную переработку. Особенно хорошо это видно на примере накладок на рукояти луков, костяных наконечников стрел, трубочек.

К сяньбийской традиции относятся двухлопастные наконечники стрел, пряжки с подвижным щитком, пряжки-крюки, поясные накладки с кольцом и скобой, кольчато-крюковые удила, наконечники стрел с втулкой-свистункой, нашивки с зернистым орнаментом, крюковые серьги со спиралями. Все эти изделия новые и начинают свое развитие на рубеже I–II вв., четко очерчивая нижнюю границу бело-бомского этапа. Еще одной новой серией вещей стали наконечники стрел с равновеликими ярусами, двухъярусный наконечник копья, звенья-цепочки, распределители со щитками, серьги со сложным щитком и гривны, видимо, имеющие общую южносибирскую основу.

Верхняя граница бело-бомского этапа ограничивается рядом архаичных изделий: кинжалы с перекрестием и навершием, костяные панцирные пластины, подпружная пряжка с выступающим носиком, нож с крюковым навершием, бронзовый котел. Эти предметы уже не фиксируются в памятниках IV–V вв. Устойчивые внутренние связи между бело-бомским и усть-эдиганским этапами показывают посуда, украшения головных уборов и одежды. Новых форм предметов среди них почти нет. Происходили лишь постепенные изменения в сторону упрощения или усложнения отдельных типов.

Этнокультурные процессы, приведшие к изменениям в материальной культуре населения Алтая на бело-бомском этапе, логично объяснить важными переменами в политической ситуации Центральноазиатского региона. В период между 87–117 гг. северные хунну потерпели ряд поражений от сяньби, и значительная часть их кочевий признала власть победителей. Земли Алтая оказались в сфере влияния державы Сяньби, достигшей своего пика в период правления вождя Таньшихая (147–181 гг.). Особенно этому могли способствовать его походы в западные области Центральной Азии (151–155 гг.). Именно с такими событиями можно связать появление сяньбийской группы вещей в булан-кобинских памятниках.

После смерти Таньшихая начался процесс децентрализации державы Сяньби, который был ненадолго приостановлен вождем Кэбиненом, но после его убийства в 235 г. эта “империя” окончательно распадается на отдельные племена и союзы. В 258 г. племена северных сяньби объединяет клан Тоба, контролировавший северные районы Центральной Азии во второй половине III – первой половине IV в. Часть вещей сяньбийской группы из булан-кобинских памятников, имеющих аналогии в Забайкалье, вполне можно соотнести с сяньбийско-тобаским комплексом. В сяньбийское время население на Алтае увеличилось. На это указывают число памятников и размеры могильников по сравнению с предыдущим этапом.

Союз Тоба принимал самое активное участие в войнах с другими объединениями за раздел территории Северного Китая, постепенно смещаясь в его пределы, и в 359 г. на освободившихся от сяньби землях Центральной Азии образуется орда жужаней, чье господство определило качественно новый этап в развитии булан-кобинской культуры.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект №16-18-10033.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: АлтГУ, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: АлтГУ, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 78–87.

Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница сяньбимуюнов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 3–20.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: АзиатИКА, 1995. 287 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 175 с.

Деревянко Е.И. Контакты Приамурского населения со степными племенами // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. С. 360–365.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л.: Наука, 1970. С. 80–209.

Елин В.Н., Васютин А.С. Новые материалы предтюркского времени из восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово: КемГУ, 1984. С. 35–39.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. (верховья Катуни) // Труды ГИМ. Вып. 1. М., 1926. С. 71–106.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: МГУ, 1960. 198 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

Мамадаков Ю.Т. Колющее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 75–78.

Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язево-3) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 85–99.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб.: АзиатИКА, 1998. 233 с.

Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: БГПИ, 1992. С. 141–154.

Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: АлтГУ, 1991. С. 121–135.

Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: ОмГУ, 1998. 84 с.

Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 718 с.

Раскопки группы гробниц народности сяньбэй в Лаохэшэнь в Юйшу, Цзилинь // Вэньу. 1985. № 2. С. 68–82. (На кит. яз.)

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. 160 с.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Культура и искусство народов Востока. Л.: ГЭ, 1969 (Труды ГЭ; т. X). С. 208–236.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 18. Л.: ГЭ, 1977. С. 57–67.

Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск: ОмГУ, 1992. С. 92–97.

Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 6. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. С. 107–115.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 37–82.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: АлтГУ, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 111–115.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: АлтГУ, 2018. 368 с.

Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. № 12. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. С. 92–95.

Трифанова С.В. Классификация гривен Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 201–205.

Турбат Ц., Худяков Ю.С. Характерные особенности хуннских стрел из Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 498–503.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 5. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. С. 37–48.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Украшения сяньби // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 50–64.

ALTAI IN THE XIANBEI PERIOD: CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ANALYSIS OF ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

Aleksey A. Tishkin*, Vadim V. Gorbunov**

Altai State University, Barnaul, Russia

**E-mail: tishkin210@mail.ru*
***E-mail: gorbunov@hist.asu.ru*

For various reasons, archaeological sites of the Xianbei period in Altai have not been investigated for long time. The bulk of the material for this period was obtained in the 1980s and early 1990s during a massive excavation of the identified burial complexes. Over the past two decades, the scope of information on the funeral rite and the material world of the population of Altai in the 2nd–4th centuries has increased a little. This made it possible to solve problems of cultural and chronological nature based on a typological analysis of various categories of reference goods. The article presents in detail weaponry, equipment of human and riding horse, as well as working and everyday tools, and apparel ornaments. The authors established analogies for these objects and determined their dating. The study gives characteristic of the identified Bely Bom stage of the Bulan-Koba archaeological culture, shows prospects for its further fractional chronology and presents the historical context.

Keywords: Altai, the Xianbei period, weaponry, horse equipment, tools, household items, jewelry, cultural and chronological analysis.

REFERENCES

Excavations of a group of tombs of the Xianbei people in Laoheshen in Yushu, Jilin. *Ven'u [Wen Wu]*, 1985, 2, pp. 68–82. (In Chinese)

D'yakonova V.P., 1970. Large mound cemeteries at the Kokel burial ground (based on excavations of 1963, 1965). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition], III. Materialy po arkheologii i antropologii mogil'nika Kokel' [Materials on the archaeology and anthropology of the Kokel burial ground].* Leningrad: Nauka, pp. 80–209. (In Russ.)

Davydova A.V., 1995. Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks [The Ivolginsk archaeological complex], 1. Ivolginskoye gorodishche [Ivolginsk fortified settlement]. St. Petersburg: AziatIKA. 287 p.

Davydova A.V., 1996. Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks [The Ivolginsk archaeological complex], 2. Ivolginskiy mogil'nik [The Ivolginsk burial ground]. St. Petersburg: Peterb. Vostokovedeniye. 175 p.

Derevyanko E.I., 1999. Contacts of the Amur population with steppe tribes. *Problemy arkheologii,*

etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Issues of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighbouring territories], V. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 360–365. (In Russ.)

Elin V.N., Vasyutin A.S., 1984. New materials of the pre-Turkic period from eastern Altai. *Problemy arkheologii stepey Evrazii [Issues of archaeology of Eurasian steppes]*. Kemerovo: KemGU, pp. 35–39. (In Russ.)

Gavrilova A.A., 1965. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen [The Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p.

Gorbunov V.V., 2003. Voyennoye delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. [Military art of the Altai population in the 3rd–14th centuries], I. Oboronitel'noye vooruzheniye (dospekh) [Defensive weapon (armour)]. Barnaul: AltGU. 174 p.

Gorbunov V.V., 2006. Voyennoye delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. [Military art of the Altai population in the 3rd–14th centuries], II. Nastupatel'noye vooruzheniye (oruzhiye) [Offensive armament (weapon)]. Barnaul: AltGU. 232 p.

Gorbunov V.V., 2013. Ethnocultural features in the fashioning of iron plates for lamellar armour. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 231, pp. 78–87. (In Russ.)

Gorbunov V.V., 2015. The heavily armed cavalry of Xianbei-Moyun. *Voyna i oruzhiye. Novyye issledovaniya i materialy [War and weapon. New studies and materials]*, II. St. Petersburg: VIMAIViVS, pp. 3–20. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S., 1986. Vooruzheniye srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Armament of the medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. 268 p.

Khudyakov Yu.S., 1991. Vooruzheniye tsentral'no-aziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya [Armament of Central Asian nomads in the Early and High Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka. 190 p.

Khudyakov Yu.S., Yuy Su-Khua, 2000. Xianbei armament complex. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii [Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archaeology]*, 5. Gorno-Altaysk: GAGU, pp. 37–48. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S., Yuy Su-Khua, 2006. Xianbei ornaments. *Vestnik Novosibirskogo gos. univ. Seriya: Istoriya. Filologiya [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History. philology], vol. 5, iss. 3. Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and ethnography]*, pp. 50–64. (In Russ.)

Konovalov P.B., 1976. Khunnu v Zabaykal'ye (pogrebal'nyye pamyatniki) [Xiongnu in Transbaikalia (funerary sites)]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd. 221 p.

Kyzlasov L.R., 1960. Tashtykskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny [The Tashtyk period in the history of the Khakass-Minusinsk depression]. Moscow: MGU. 198 p.

Mamadakov Yu.T., 1990. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [The culture of the Central Altai population in the first half of the 1st millennium AD: The author's abstract of a Doctoral Thesis in History]. Novosibirsk. 19 p.

Mamadakov Yu.T., 1996. The piercing weapon of the Bulan-Koba population. *Aktual'nyye problemy sibirskoy arkheologii [Topical issues of Siberian archaeology]*. Barnaul: AltGU, pp. 75–78. (In Russ.)

Matrenin S.S., 2017. Snaryazheniye kochevnikov Altaya II v. do n.e. – V v. n.e. [Equipment of Altai nomads of the 2nd century BC – 5th century AD]. Novosibirsk: Izd. SO RAN. 142 p.

Matveyeva N.P., Potemkina T.M., Solov'yev A.I., 2004. Some issues of reconstruction of the defensive armour used by the Sargat culture carriers (based on materials from the Yazevo-3 burial ground). *Arkhaeologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archeology, ethnology and anthropology of Eurasia]*, 4 (20), pp. 85–99. (In Russ.)

Minyayev S.S., 1998. Dyrestuyskiy mogil'nik [The Dyrestui burial ground]. St. Petersburg: AziatIKA. 233 p.

Neverov S.V., 1992. Horse-bits of the second half of the 1st millennium AD in the Upper Ob region (classification and typology). *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla [Issues of Altai and West Siberian archaeology of the Metal Age]*. Barnaul: BGPI, pp. 141–154. (In Russ.)

Neverov S.V., Mamadakov Yu.T., 1991. Issues of typology and chronology of longline arrowheads of Southern Siberia. *Problemy khronologii v arkheologii i istorii [Problems of chronology in archaeology and history]*. Barnaul: AltGU, pp. 121–135. (In Russ.)

Pogodin L.I., 1998. Vooruzheniye naseleniya Zapadnoy Sibiri rannego zheleznogo veka [Armament of West Siberian population in the early Iron Age]. Omsk: OmGU. 84 p.

Radlov V.V., 1989. Iz Sibiri [From Siberia]. Moscow: Nauka. 718 p.

Sorokin S.S., 1969. The Bolshoy Berel mound (Complete publication of excavation materials of 1865 and 1959). *Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka [Culture and art of the Oriental peoples]*. Leningrad: GE, pp. 208–236. (Trudy Gos. Ermitazha, X). (In Russ.)

Sorokin S.S., 1977. Burials of the Migration period in Pazyryk area. *Arkheologicheskiy sbornik Gos. Ermitazha [Archaeological collection of papers of the State Hermitage]*, 18. Leningrad: GE, pp. 57–67. (In Russ.)

Soyenov V.I., 2003. Arkheologicheskiye pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoy epokhi (opisaniye, sistematika, analiz) [Archaeological sites of the Altai Mountains of the Xiongnu-Sarmatian period (description, systematics, analysis)]. Gorno-Altaysk: GAGU. 160 p.

Soyenov V.I., Konstantinov N.A., Trifanova S.V., 2018. Mogil'nik Stepushka-2 v Tsentral'nom Altaye [The Stepushka-2 burial ground in Central Altai]. Gorno-Altaysk. 242 p.

Surazakov A.S., 1992. The sites of the Altai Mountains of the first half and the middle of the first millennium (the Kudyrge culture). *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy (po dannym arkheologii) [Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories (based on archaeological data)]*. Omsk: OmGU, pp. 92–97. (In Russ.)

Teterin Yu.V., 2001. Torques of the Xiongnu-Sarmatian period from Southern Siberia. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii [Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archaeology]*, 6. Gorno-Altaysk: GAGU, pp. 107–115. (In Russ.)

Teterin Yu.V., 2004. Armament of nomads of the Altai Mountains in the Berel period. *Voyennoye delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Military art of the peoples of Siberia and Central Asia]*. Novosibirsk: NGU, pp. 37–82. (In Russ.)

Tishkin A.A., 2007. Sozdaniye periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya [Developing periodization and cultural-chronological patterns: historical experience and the modern concept of studying ancient and medieval population of Altai]. Barnaul: AltGU. 356 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., 2005. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Biyka (Gornyy Altay) [A complex of archaeological sites in the valley of the river Biyka (Altai Mountains)]. Barnaul: AltGU. 200 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., 2006. The Altai Mountains in the Hunnian period: cultural and chronological analysis of archaeological material. *RA [Russian archaeology]*, 3, pp. 111–115. (In Russ.)

Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2018. Altay v syan'biysko-zhuzhanskoye vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) [Altai in the Xianbei-Zhushan period (based on materials from the Stepushka site)]. Barnaul: AltGU. 368 p. (In Russ.)

Trifanova S.V., 2004. Earrings from the Altai-Sayan sites of the Xiongnu-Sarmatian period. *Drevnosti Altaya [Altai antiquities]*, 12. Gorno-Altaysk: GAGU, pp. 92–95. (In Russ.)

Trifanova S.V., 2005. Classification of torques from the Altai-Sayan of the Xiongnu-Sarmatian period. *Snaryazheniye kochevnikov Evrazii [Equipment of nomads of Eurasia]*. Barnaul: AltGU, pp. 201–205. (In Russ.)

Turbat Ts., Khudyakov Yu.S., 2003. Peculiar features of the Xiongnu arrows from Northern Mongolia. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Issues of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighbouring territories]*, vol. IX, part I. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 498–503. (In Russ.)

Zakharov A.A., 1926. Materials on the archaeology of Siberia. Excavations by Acad. V.V. Radlov in 1865 (the upper reaches of the Katun). *Trudy GIM [Proceedings of the State Historical Museum]*, 1. Moscow, pp. 71–106. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 47–62

ФОРМЫ ЛОЩЕНЫХ СОСУДОВ ДМИТРИЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (вопросы периодизации)

© 2020 г. Е.В. Суханов

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: sukhanov_ev@mail.ru

Поступила в редакцию 15.10.2019 г.

Статья посвящена исследованию хронологических изменений форм керамических сосудов Дмитриевского могильника – одного из наиболее известных погребальных памятников салтово-маяцкой археологической культуры. Объектом изучения являются две наиболее массовые и морфологически разнообразные категории керамики памятника – кувшины и кружки. В статье предпринимается попытка выделить разные традиции придания формы сосудам обеих функциональных категорий, а также выявить критерии и случаи смешения этих традиций. На основании полученных данных разработана хронологическая группировка комплексов могильника, которая нашла подтверждение в ряде независимых данных: в металлическом инвентаре, планиграфии и топографии погребальных комплексов. В результате показана возможность использования форм керамических сосудов для разработки периодизации Дмитриевского могильника.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Дмитриевский могильник, кувшины, кружки, историко-культурный подход.

DOI: 10.31857/S086960630010941-4

Изучение хронологических изменений форм керамики – это одно из актуальных направлений в исследованиях салтово-маяцких древностей, которое, однако, еще не получило достаточного исследовательского внимания. Главная причина этого – слабая разработанность внутренней хронологии самой салтово-маяцкой культуры. Основной хронологической схемой салтово-маяцких древностей принято считать разработку С.А. Плетневой, выполненную на материалах Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 146–172). Опираясь на наиболее массовые категории вещевого инвентаря, она разделила большинство погребальных комплексов памятника на три хронологические группы: раннюю (втор. пол. VIII – сер. IX в.), промежуточную (ок. сер. IX в.) и наиболее многочисленную позднюю (втор. пол. IX – нач. X в.). В последующем некоторые выводы С.А. Плетневой были подвергнуты критике со стороны А.В. Комара и И.О. Гавритухина. По мнению этих исследователей, некоторые комплексы Дмитриевки были отнесены к поздней группе необоснованно. Судя по аналогиям элементам ременной гарнитуры, многие погребения из поздней группы следует относить к числу наиболее ранних (Комар, 1999. С. 111; Гавритухин, 2005. С. 394, 414).

Из-за отсутствия общепринятого мнения относительно датировок конкретных погребальных комплексов памятника очень сложно установить направления и конкретное содержание изменений форм керамических сосудов, используя традиционный путь – анализ распределения разных типов посуды по датированным реперным комплексам.

Существует и другое препятствие для проведения такой работы – это очень высокое разнообразие и нестандартность форм салтово-маяцкой керамики. Основные исследователи салтово-маяцкой глиняной посуды, предлагая свои варианты типологии этого материала, по-разному подходили к решению данной проблемы. Можно выделить два основных методических подхода. Первый подход – это интуитивное деление массива керамики на некоторое небольшое количество таксонов с опорой на визуально “очевидные” морфологические признаки. Сюда можно отнести схемы, предложенные Н.Я. Мерпертом (1949), Б.А. Шрамко (1959), С.А. Плетневой (1989), В.А. Сарапулкиным (2003). Разумеется, детали

типологий, предложенных каждым из указанных исследователей, имеют свои особенности. Второй подход – это опора при типологическом анализе керамики на результаты специальных обмеров сосудов (в основном, разные пропорциональные показатели), используемых для типологического деления материала с высокой степенью детальности: на большое число таксонов, но с малым числом сосудов, относящихся к каждому из них. Сюда можно отнести схемы, предложенные К.И. Красильниковым (2009) и В.С. Флёровым (1981).

Основная идея автора этой статьи состоит в том, чтобы попытаться выяснить закономерности хронологических изменений форм салтово-маяцких сосудов (на примере Дмитриевского могильника), используя возможности историко-культурного подхода к изучению керамики, который был разработан А.А. Бобринским (1986; 1988; Цетлин, 2017; 2018). При изучении керамики с позиций историко-культурного подхода основная задача состоит в реконструкции разных культурных традиций изготовителей посуды, каждая из которых представляет собой систему определенных навыков труда. Форма сосуда представляет собой результат действия определенного динамического стереотипа, закрепленного в навыках труда человека-изготовителя этого изделия. Благодаря анализу этнографического и экспериментального материала, который проводится в лаборатории группы “История керамики” ИА РАН, было выяснено, что устойчивость трудовых навыков, связанных с приданием формы разным функциональным частям, из которых состоит сосуд, неодинакова. Общая тенденция состоит в следующем: степень устойчивости навыков создания функциональной части зависит от ее положения в структуре формы и от ее размера (высоты). Чем более выражена та или иная функциональная часть, тем более устойчивы навыки ее изготовления, и тем менее она подвержена случайным колебаниям. Важно, что эта закономерность действует вне зависимости от уровня квалификации мастера, а также не зависит от степени использования гончарного круга (Холошин, 2018. Рис. 1).

Таким образом, реконструкция разных традиций придания сосудам формы на основании археологических материалов должна опираться на анализ тех функциональных частей, навыки изготовления которых характеризуются наибольшей степенью устойчивости. В данной статье предпринимается попытка использовать эту достаточно универсальную закономерность для изучения хронологических изменений форм сосудов Дмитриевского могильника. Для этого сформулирован ряд конкретных исследовательских задач:

– опираясь на параметры наиболее устойчивых функциональных частей, а также на общую пропорциональность сосудов, выделить разные традиции придания им формы. В отличие от типологического метода, в основе которого лежат те или иные характеристики форм, *важные с точки зрения исследователя*, в данном случае объектом рассмотрения будут выступать определенные универсальные морфологические характеристики, *важные с точки зрения физиологии труда изготовителя сосуда*;

– выделить на памятнике сосуды, которые по наиболее устойчивым морфологическим параметрам представляют собой промежуточное состояние навыков, характерных для разных традиций, т.е. фактически являются результатом смешения этих традиций[1];

– учитывая, что смешение разных традиций в гончарстве – это протяженный во времени процесс, расположить погребальные комплексы Дмитриевского могильника в хронологической последовательности на основании изменения традиций придания сосудам формы – от несмешанных к смешанным;

– проверить полученную хронологическую последовательность погребальных комплексов с помощью всех доступных нам независимых данных.

Предметом анализа в этой статье являются две наиболее массовые, морфологически разнообразные и “нестандартные” по своим формам категории сосудов Дмитриевского могильника – кувшины (157 экз.) и кружки (103 экз.).

Анализ и систематика форм кувшинов. Первый шаг в исследовании форм кувшинов состоит в анализе их общей пропорциональности (далее – ОПП), которая показывает

[1] Применительно к формам сосудов пока еще нет достаточных оснований отождествлять понятия “смешение традиций” и “смешение носителей традиций”. Смешанные традиции изготовления форм сосудов могут быть результатом не только смешения самих носителей разных традиций, но результатом копирования местными гончарами инокультурных образцов посуды. Приемы достоверного выявления таких случаев и их отделения от случаев смешанности носителей разных традиций еще не разработаны.

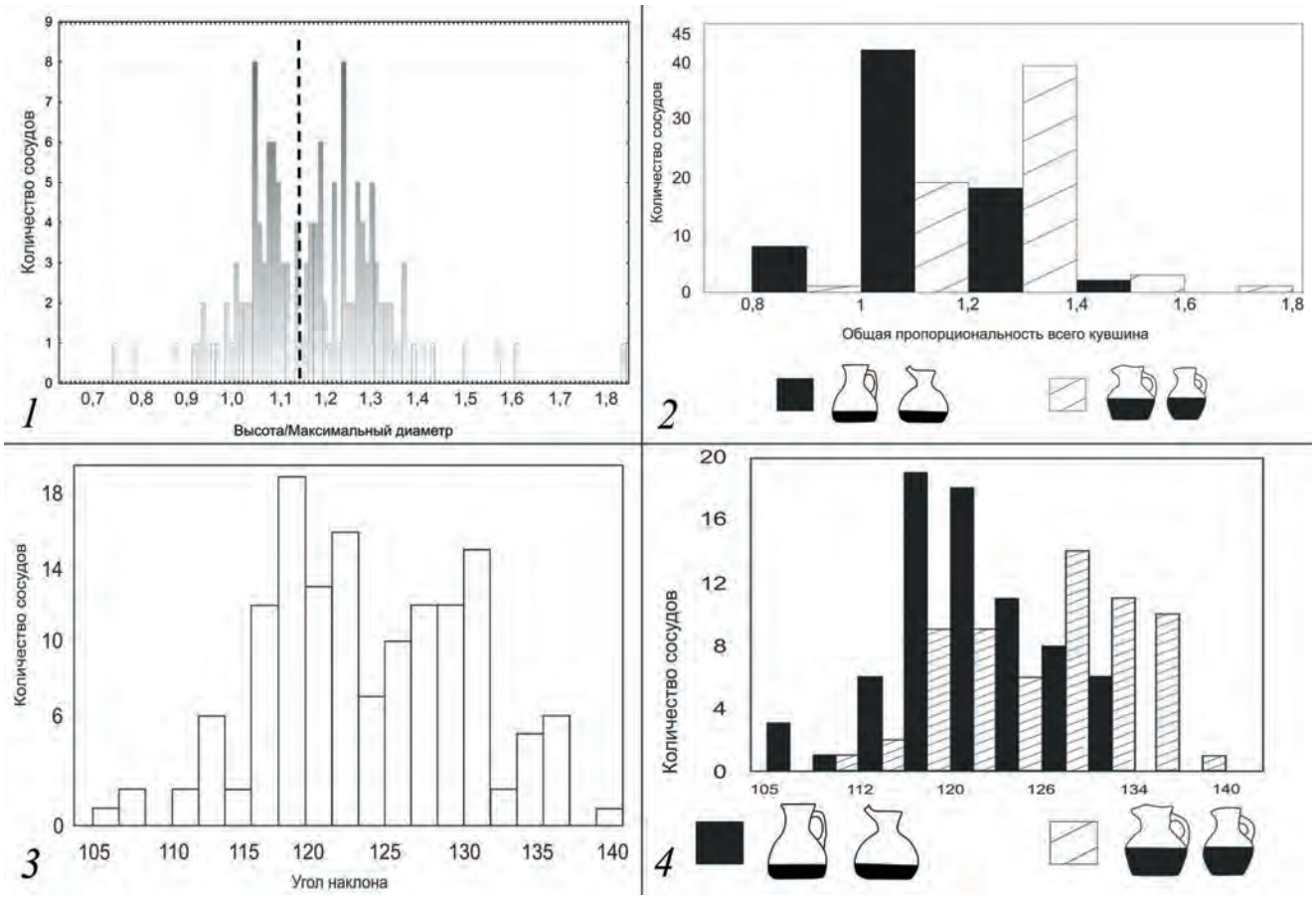


Рис. 1. Аналитические графики. Кувшины: *1* – ОПП сосудов, *2* – сопоставление ОПП сосуда и ОПП тулова, *3* – углы наклона П/ПП, *4* – сопоставление углов наклона П/ПП и ОПП тулова.

Fig. 1. Analytical charts (jars)

разнообразие сосудов по соотношению наиболее общих параметров – высоты и максимального диаметра. Распределение значений ОПП кувшинов не является нормальным: гистограмма показывает две группы сосудов с границами примерно 0.9–1.15 и 1.15–1.4, с пиками в районе отметок 1 и 1.2 (рис. 1, *1*). Следовательно, уже на самом общем уровне анализа возникают основания полагать, что эти кувшины делались носителями разных традиций, обладавшими различными представлениями о необходимых пропорциях этих сосудов.

Далее следует определить, какие функциональные части у кувшинов из Дмитриевки являются наиболее устойчивыми и “выраженными”, то есть обладают наибольшей относительной высотой. Простые расчеты показали, что более чем в 90% случаев наибольшей относительной высотой характеризуются две части: либо тулово (далее – Т), либо функциональная часть, расположенная непосредственно над туловом. Не вдаваясь в конкретные детали формы этой части, в дальнейшем изложении будем во всех случаях обозначать ее как “плечо/предплечье” (далее – П/ПП). Именно эти две функциональные части стали объектом анализа.

В методике, используемой в рамках историко-культурного подхода, форма каждой функциональной части может характеризоваться двумя параметрами – ОПП этой части[2] и угол наклона боковой линии костяка (подробнее см.: Цетлин, 2018). В этой статье при анализе разных частей сосудов мы будем приводить данные лишь по тем их параметрам, которые показывают наиболее яркую и четкую картину. Если говорить о кувшинах, то для тулова это ОПП, для П/ПП это угол наклона боковой линии костяка.

[2] ОПП функциональной части представляет собой отношение ее высоты к полусумме верхнего и нижнего оснований.

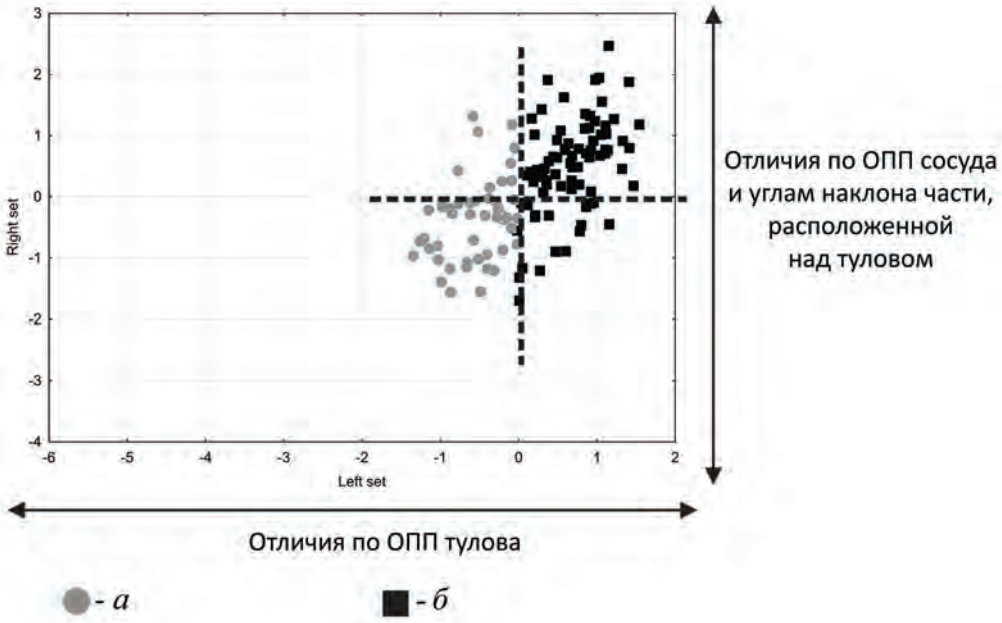


Рис. 2. Результаты канонического анализа форм кувшинов. Условные обозначения: *а* – низкое тулово; *б* – среднее/низкое тулово.

Fig. 2. The results of the canonical analysis of jar shapes

Поскольку гистограмма реальных значений ОПП тулова не показала каких-то дискретных групп, эти значения были распределены по теоретической шкале качеств Ю.Б. Цетлина (2018. Табл. 9а). В соответствии с ней, все значения ОПП тулова укладываются в рамки двух качеств, которые определяются как “низкое тулово” (ОПП 0.177–0.353) и “среднее/низкое тулово” (ОПП 0.354–0.707). При таком подходе выяснилось, что на отрезке от 1.0 до 1.2 доминируют кувшины с низким туловом, а в интервале 1.2–1.4 ситуация прямо противоположная – здесь преобладают сосуды со средним/низким туловом и гораздо реже представлены кувшины с низким туловом (рис. 1, *2*). Таким образом, группировка по ОПП всего сосуда, полученная на предыдущем этапе, скорее всего, является не случайной. Отличия кувшинов по ОПП тесно связаны с разными вариантами ОПП тулова.

Следующий шаг – это анализ параметров П/ПП. Плотность распределения значений угла наклона П/ПП (рис. 1, *3*) демонстрирует наличие двух групп сосудов. Они находятся в интервалах примерно 115–123° и 125–132° соответственно. Наметившаяся на гистограмме граница в районе отметки 123–124° становится объяснимой, если провести сравнение углов наклона П/ПП у кувшинов с низким и кувшинов со средним/низким туловом. Углы наклона в интервале 115–123° встречаются в основном у кувшинов с низким туловом (рис. 1, *4*). Ситуация с кувшинами со средним/низким туловом несколько иная. В правой части гистограммы (угол наклона 125–132°) кувшинов со средним/низким туловом примерно в 2.5 раза больше, чем кувшинов с низким туловом, в то время как в левой части кувшины со средним/низким туловом малочисленны.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что между рассмотренными морфологическими параметрами кувшинов существует определенная взаимосвязь. Общая тенденция состоит в следующем:

– для кувшинов с более низкой ОПП всего сосуда (до 1.2) характерны низкое тулово и низкие углы наклона П/ПП;

– для кувшинов с более высокой ОПП всего сосуда (более 1.2) характерны среднее/низкое тулово и высокие углы наклона П/ПП.

Наличие такой взаимосвязи наглядно демонстрирует график с результатами канонического анализа (рис. 2). Суть этого метода заключается в оценке сходств/различий между объектами по нескольким группам переменных, заданных самим исследователем. Общая тенденция достаточно очевидна: различия по высоте и пропорциям тулова, т.е.

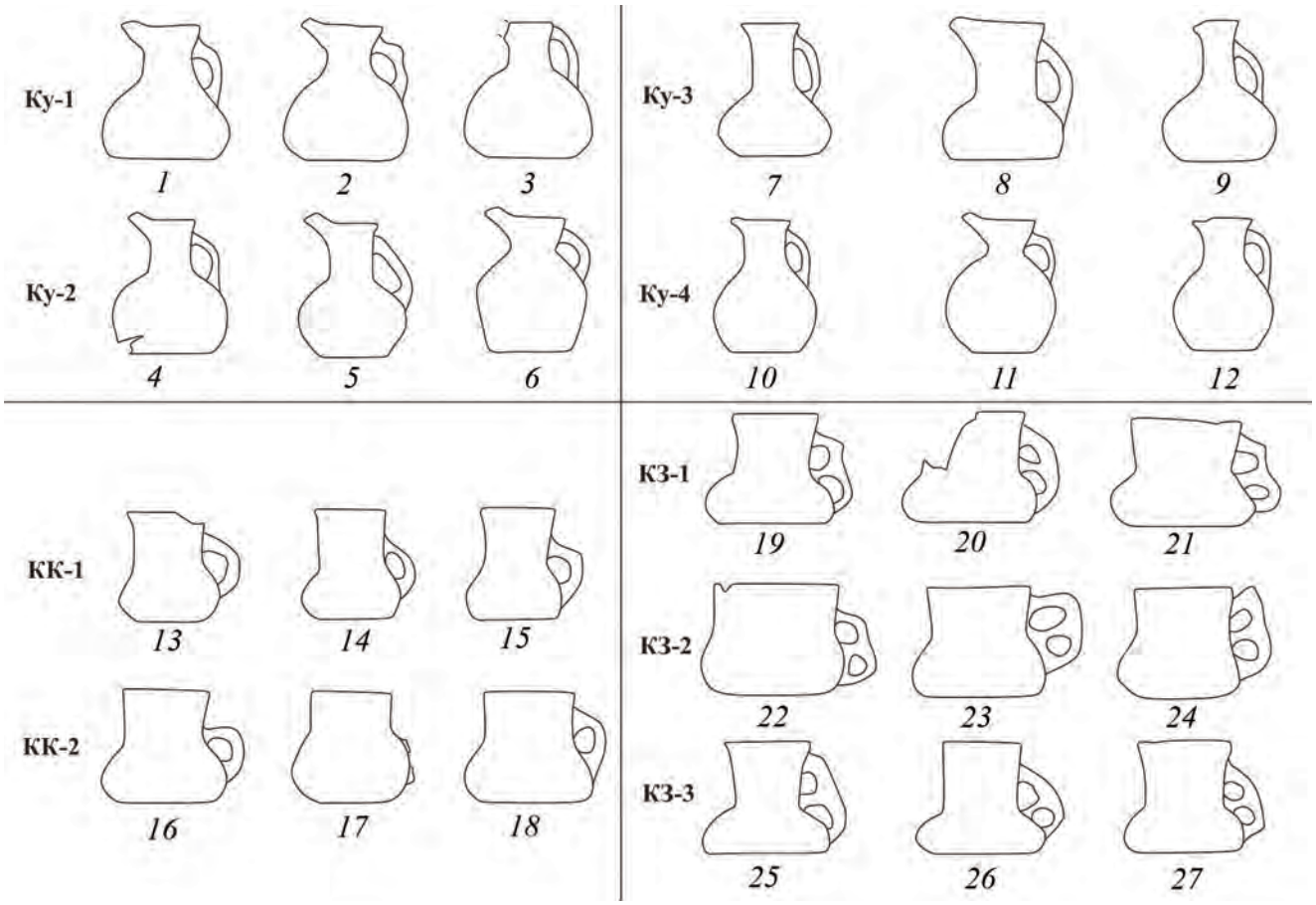


Рис. 3. Результаты систематики форм кувшинов (Ку) и кружек (КК и КЗ): *1* – погр. 111, *2* – погр. 94, *3* – погр. 108, *4* – погр. 55, *5* – погр. 74, *6* – погр. 151, *7* – погр. 138, *8* – погр. 57, *9* – погр. 89, *10* – погр. 26, *11* – погр. 1, *12* – погр. 119, *13* – погр. 30, *14* – погр. 23, *15* – погр. 121, *16* – погр. 21, *17* – погр. 1, *18* – погр. 174, *19* – погр. 134, *20* – погр. 107, *21* – погр. 84, *22* – погр. 84, *23* – погр. 32, *24* – погр. 79, *25* – погр. 107, *26* – погр. 108, *27* – погр. 94.

Fig. 3. The results of the taxonomy of jar and mug shapes

по горизонтальной оси, связаны с особенностями кувшинов по двум другим параметрам. Именно поэтому кувшины с низким туловом в основном расположены в левой нижней части графика, а кувшины со средним/низким туловом преимущественно в правой верхней части графика.

Правомерным представляется заключение, что в данном случае мы имеем дело с кувшинами, сделанными носителями двух разных традиций придания им формы. Эти традиции отличаются как по самым общим представлениям о пропорциях изделий (ОПП всего сосуда), так и по параметрам наиболее устойчивых функциональных частей (тулова и плеча/предплечья).

К первой традиции отнесены кувшины с более низкой общей пропорциональностью (т.е. до 1.2) и низким туловом, у которых угол наклона П/ПП составляет до 123° (рис. 3, *1–3*). Эта группа посуды в дальнейшем будет обозначаться как “Ку-1”, т.е. кувшины группы 1. Ко второй традиции отнесены кувшины с более высокой общей пропорциональностью (т.е. более 1.2), со средним/низким туловом и углом наклона П/ПП более 125° (рис. 3, *4-6*). Этой группе сосудов присвоено условное обозначение “Ку-2”. Суммарно в рамки этих двух групп попадает около 65% всех изученных кувшинов: к Ку-1 относится 29%, к Ку-2 – 36% кувшинов.

Завершая систематику кувшинов, нужно остановиться на вопросе интерпретации группы сосудов, которые по формам не соответствуют ни одной из двух массовых традиций. Наиболее вероятными представляются два варианта, объясняющих их происхождение: либо такие формы являются результатом смешения двух массовых традиций, либо они представляют собой образцы каких-то других традиций, единично представленных у населения,

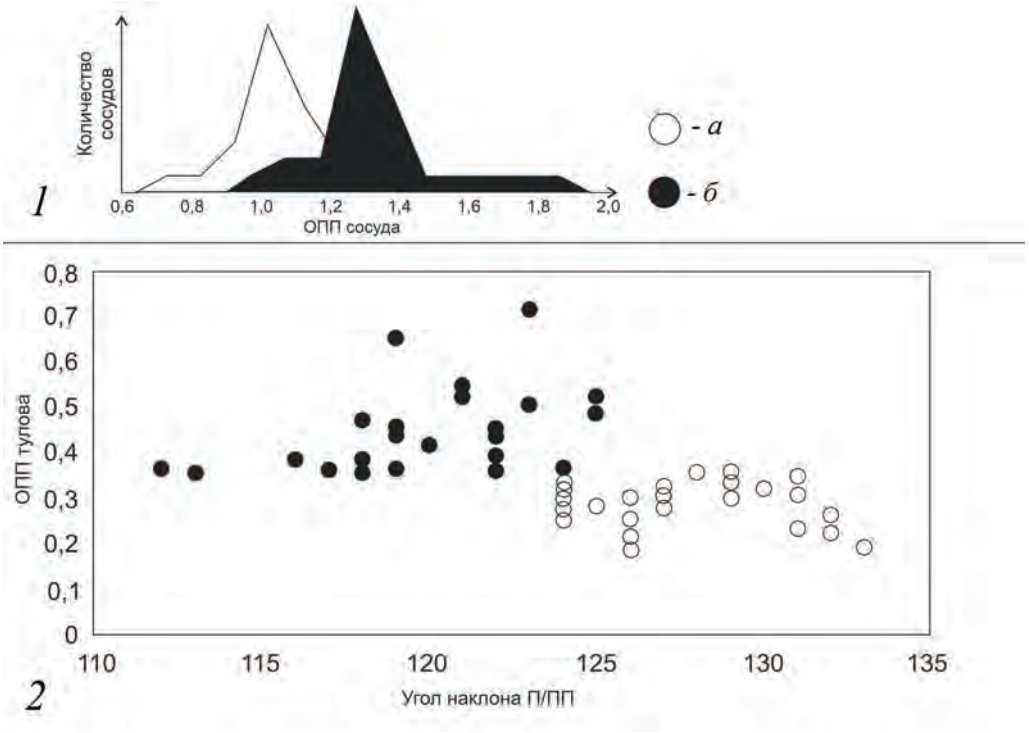


Рис. 4. Результаты анализа форм кувшинов, не соответствующих массовым традициям: *1* – ОПП сосуда у кувшинов с разной конфигурацией тулова, *2* – соотношение углов наклона П/ПП и ОПП тулова. Условные обозначения: *а* – низкое тулово; *б* – среднее/низкое тулово.

Fig. 4. The results of the analysis of jars shapes that do not correspond to common traditions

оставившего Дмитриевский могильник, и в их формировании не принимали участие носители массовых традиций. Также нельзя исключать и того, что в этой группе форм могут находиться сосуды, появление которых вызвано как первой, так и второй причиной. Этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

В рамках данной статьи я ограничусь указанием на три аргумента в пользу первого варианта интерпретации.

Во-первых, формы кувшинов, оказавшиеся за пределами двух выделенных традиций, не находят *массовых* аналогий в материалах относительно более ранних памятников Предкавказья, с которым тесно связано формирование салтово-маяцкой культуры. Иная картина наблюдается для форм сосудов, относящихся к двум выделенным традициям. Например, аналогии Ку-2 широко представлены в материалах опорных аланских могильников Центрального Предкавказья – Мокрая Балка и Клин-Яр-3. Это кувшины высоких пропорций, с высоким, очень выраженным туловом и низким, с высоким углом наклона П/ПП (Малашев, 2000; 2001). Что касается кувшинов группы Ку-1, то похожие формы известны в более ранних (относительно салтово-маяцких) материалах Восточного Предкавказья (Магомедов, 1983. Рис. 31, *1–8, 10, 13, 31*). Возможно, следует также указать на многочисленность таких сосудов в синхронных салтово-маяцким древностях Среднего Поволжья, т.е. региона, связываемого многими исследователями с территорией обитания “праболгар” (Генинг, Халиков, 1964. Рис. 2, 11, *2, 3, 7, 8*; Багаутдинов и др., 1998. Рис. 37).

Найти массовые аналогии формам кувшинов, не входящих в группы Ку-1 и Ку-2, в более ранних памятниках и на соседних территориях пока не удается. Это является аргументом в пользу того, что появление таких форм произошло “на месте”, в рамках человеческого коллектива, оставившего Дмитриевский могильник.

Во-вторых, судя по предварительным результатам изучения кувшинов из других могильников салтово-маяцкой культуры, зафиксированная в Дмитриевке ситуация повторяется и на других памятниках. Большинство кувшинов на каждом из памятников (от 60 до 90%) укладывается в рамки одной из двух традиций, а формы сосудов, не относящиеся к этим традициям, оказываются менее многочисленными,

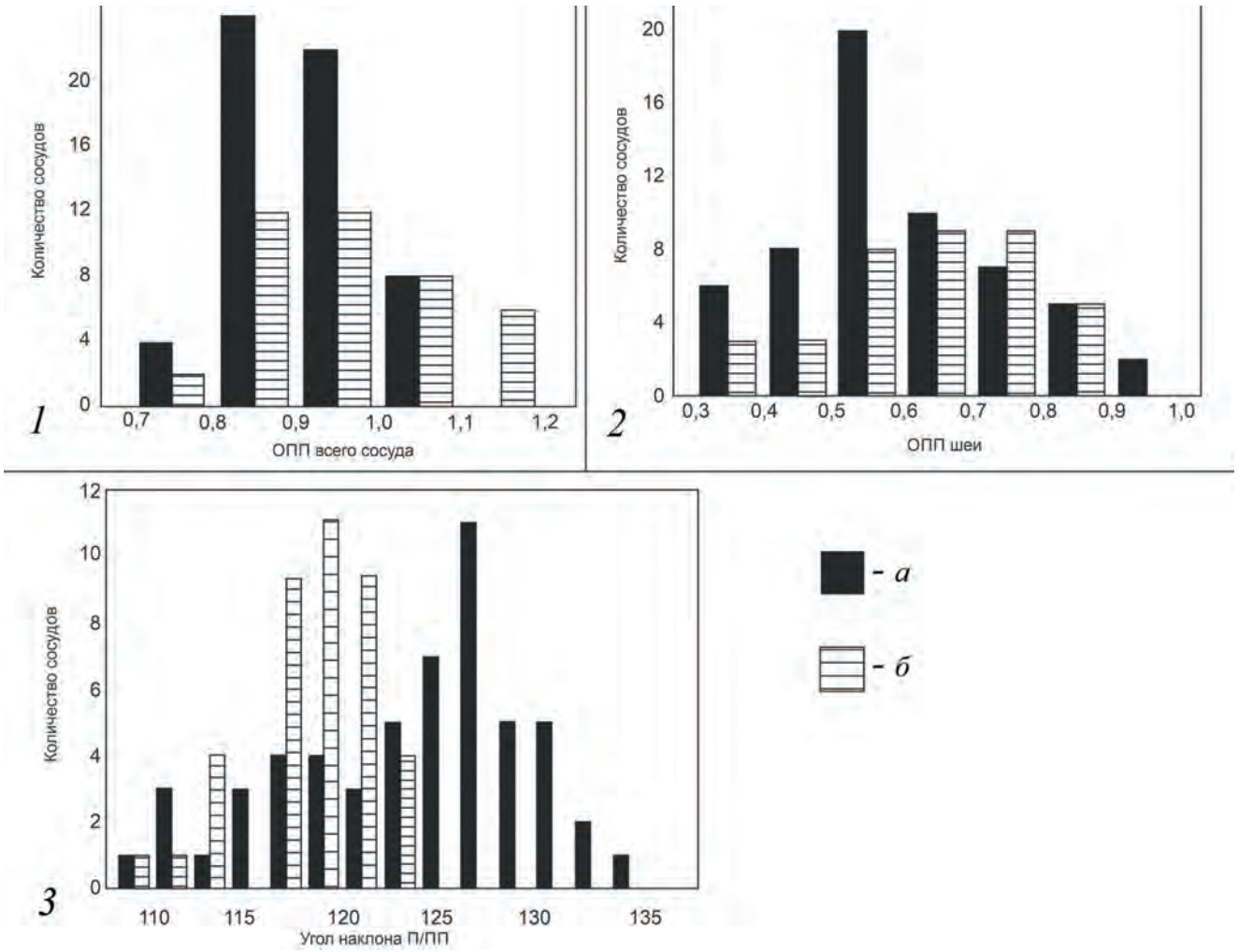


Рис. 5. Аналитические графики. Кружки: *1* – ОПП сосудов, *2* – ОПП шеи, *3* – углы наклона П/ПП. Условные обозначения: *а* – кружки с зооморфной ручкой, *б* – кружки с кольцевидной ручкой.

Fig. 5. Analytical charts (mugs)

они составляют по разным могильникам от 10 до 40%.

В-третьих, кувшины Дмитриевки, оказавшиеся за пределами двух массовых традиций, по характеру взаимосвязи ОПП всего сосуда и ОПП тулова сохраняют разделение на две формальные группы: у кувшинов с низким туловом ОПП всего сосуда относительно более низкая, в основном до 1.2 (Ку-3), а у кувшинов со средним/низким туловом ОПП всего сосуда более высокая, в основном более 1.2 (Ку-4) (рис. 4, *1*). Это очень важно, поскольку речь в данном случае идет о сохранении в этой группе кувшинов устойчивой связи между наиболее общими представлениями гончаров о привычных пропорциях сосудов и той частью емкости, с изготовления которой начинался процесс формовки салтово-маяцких кувшинов. Это обстоятельство указывает на связь таких форм именно с теми двумя массовыми традициями, выявленными на памятнике.

Анализ и систематика форм кружек. Для анализа кружек Дмитриевского могильника использован примерно тот же алгоритм, который применялся при изучении кувшинов. Существует, однако, один важный нюанс. Известно, что салтово-маяцкие кружки обладают качественной особенностью, разделяющей их на две общепринятые группы, – это кружки с кольцевидной ручкой и кружки с зооморфной, двухчастной ручкой. Именно поэтому цель анализа морфологии кружек – это выделение традиций, характерных для форм кружек с кольцевидной ручкой (далее – КК) и форм кружек с зооморфной ручкой (далее – КЗ).

Первая процедура – это анализ ОПП всего сосуда, а также сравнение по этому параметру

КК и КЗ. Оказалось, что здесь отличия в традициях придания формы между КК и КЗ отсутствуют (рис. 5, *1*). Большинство значений ОПП у обеих групп кружек укладываются в интервал 0.15–0.3, распределение соответствует нормальному.

Для последующих аналитических процедур следует определить, какие функциональные части у кружек являются наиболее выраженными по высоте. Расчеты показали, что таковыми являются “шея” (60% кружек), а также П/ПП (23% кружек).

Анализ ОПП шеи демонстрирует некоторые отличия между КК и КЗ. На основании гистограммы (рис. 5, *2*) можно наметить условную границу между интервалами наибольшей плотности значений, характеризующих эти две группы, в районе отметки 0.6. Среди КЗ большинство (34 из 55, т.е. 62%) имеют ОПП шеи до 0.6; среди КК большинство (25 из 39, т.е. 64%) обладают ОПП шеи свыше 0.6.

Теперь рассмотрим углы наклона П/ПП (рис. 5, *3*). Большинство КЗ по этому параметру попадает в диапазон примерно 123–130°, т.е. фактически в правую часть гистограммы (36 сосудов из 55). Меньшая часть КЗ находится в интервале 117–123°. Для КК наблюдается несколько иная картина: почти все сосуды находятся в интервале примерно 110–123°.

Обобщение представленных данных позволяет выделить те конкретные сочетания параметров форм, которые являются наиболее характерными для разных групп кружек. Для КК таковыми являются высокая ОПП шеи (более 0.6) и относительно более низкие углы наклона П/ПП (примерно до 123–124°). Этой подгруппе кружек для дальнейшего анализа присвоено обозначение “КК-1” (рис. 3, *13-15*). Для КЗ наиболее характерными оказалась относительно более низкая ОПП шеи (до 0.6) и относительно более высокие углы наклона П/ПП (124° и более). Эта подгруппа кружек будет в дальнейшем обозначаться “КЗ-1” (рис. 3, *19-21*).

Учитывая, во-первых, массовость таких вариантов сочетаний ОПП шеи и углов наклона П/ПП и, во-вторых, сильные различия этих вариантов между собой, мы считаем возможным рассматривать их как две разные традиции придания салтово-маяцким кружкам определенной формы, одна из которых характерна для КЗ, а вторая – для КК. Вместе с тем рассмотренный материал демонстрирует несколько вариантов отступлений от этих двух традиций.

В группе КК выделяется всего один такой вариант – это кружки, обладающие “нехарактерной” шеей (ее ОПП менее 0.6). Данной подгруппе для последующего анализа присвоено обозначение “КК-2” (рис. 3, *16-18*).

Два варианта “нарушений” (отступлений от основной традиции) зафиксировано у кружек КЗ. К подгруппе КЗ-2 отнесены кружки с характерной для КЗ шеей, но менее характерным для них углом наклона П/ПП (до 123–124°) (рис. 3, *22-24*). К подгруппе КЗ-3 отнесены кружки с типичными для КЗ углами наклона П/ПП (более 123–124°), но с не характерной для КЗ шеей (ОПП более 0.6).

В результате все проанализированные кружки были распределены на несколько подгрупп. Две из них, КК-1 и КЗ-1, представляют собой “чистые” варианты традиций придания кружкам формы, все остальные – различные варианты нарушения этих традиций.

На этом этап систематики сосудов и выделения разных традиций придания сосудам форм завершен, и это позволяет перейти к решению следующих задач.

О периодизации кувшинов и кружек. Этот раздел посвящен непосредственной проверке основной гипотезы данного исследования. В соответствии с ней, за хронологическими изменениями керамики Дмитриевского могильника стоят процессы смешения изначально разных традиций придания сосудам формы.

Такая проверка подразумевает решение двух частных задач. Первая – это группировка погребений, содержащих кувшины и/или кружки, в хронологическую последовательность. Требуемый принцип группировки исходит непосредственно из проверяемой сейчас гипотезы. Две крайние позиции в этой последовательности должны отражать противоположные состояния смешанности традиций придания сосудам формы: в начале – комплексы с сосудами только несмешанных традиций, в конце – комплексы с сосудами только смешанных традиций. Промежуточное положение, в таком случае, занимают погребения, где формы не смешанных и смешанных традиций встречены совместно. Вторая задача – это проверка правомерности полученной группировки, а также самого принципа, положенного в его основу, путем привлечения всех доступных нам независимых данных.

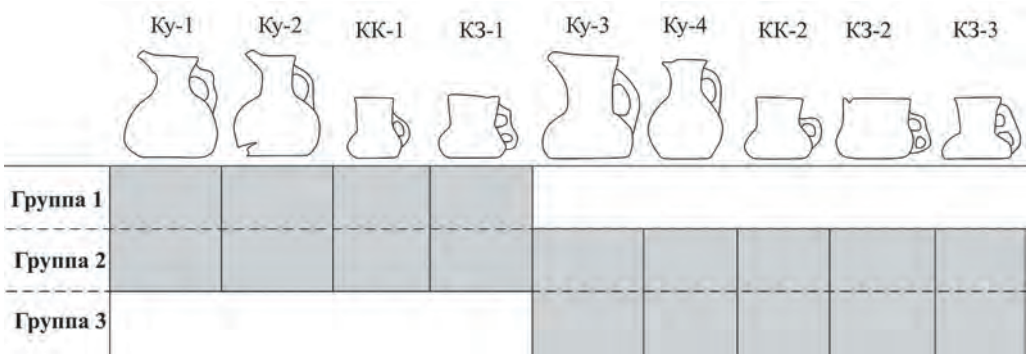


Рис. 6. Примеры форм кувшинов и кружек, отнесенных к разным группам.

Fig. 6. Examples of the shapes of jars and mugs assigned to different groups

Группа 1 включает погребения, где были найдены сосуды только несмешанных традиций придания формы, т.е. Ку-1, Ку-2, КК-1, КЗ-1 и любые возможные варианты сочетаний этих наименований посуды (рис. 6). На Дмитриевском могильнике насчитывается 34 таких комплекса. Это погребения 3, 6, 21, 44, 46, 49, 52, 55, 56, 58, 50, 61, 62, 64, 70, 74, 86, 98, 102, 103, 109, 114, 121, 135, 137, 140, 150, 154, 159, 165, 168, 173, 178, 179.

В *группу 2* включены погребения, где формы несмешанных традиций зафиксированы в рамках одного комплекса вместе с формами смешанных традиций (Ку-3, Ку-4, КК-2, КЗ-2, КЗ-3). На Дмитриевском могильнике насчитывается 38 таких погребений: 11, 14, 22, 23, 26, 28, 30, 38, 45, 51, 57, 63, 69, 72, 77, 81, 83, 89, 94, 101, 106, 107, 108, 110, 111, 118, 119, 123, 125, 126, 134, 151, 152, 164, 170, 171, 174, 177.

Наконец, в состав *группы 3*, являющейся заключительной в предлагаемой последовательности, включены погребения, в которых найдены кувшины и кружки исключительно смешанных традиций придания формы. Здесь находятся 29 погребений: 1, 5, 7, 8, 10, 15, 17, 32, 36, 43, 54, 59, 67, 71, 73, 79, 82, 84, 88, 91, 92, 116, 120, 122, 124, 130, 138, 155, 167. Все три выделенные группы оказываются примерно равными между собой по числу погребений, отнесенных к каждой из них.

Теперь попробуем выяснить, может ли такая группировка погребений отражать внутреннюю хронологию могильника. Для этого в первую очередь нам необходимо убедиться, что изменения в традициях придания сосудам формы сопровождаются изменениями в вещевых наборах, характерных для погребений разных групп. Поэтому на первом этапе следует выяснить, отличаются ли вообще выделенные нами группы по типам обнаруженных в них металлических вещей.

Для решения этой задачи на основании данных С.А. Плетневой была составлена сводная таблица, включающая данные о вещах, найденных в погребениях вместе с кувшинами и кружками[3]. В нее внесена информация о наиболее массовых категориях инвентаря[4] – украшениях, предметах труда, туалета и одежды.

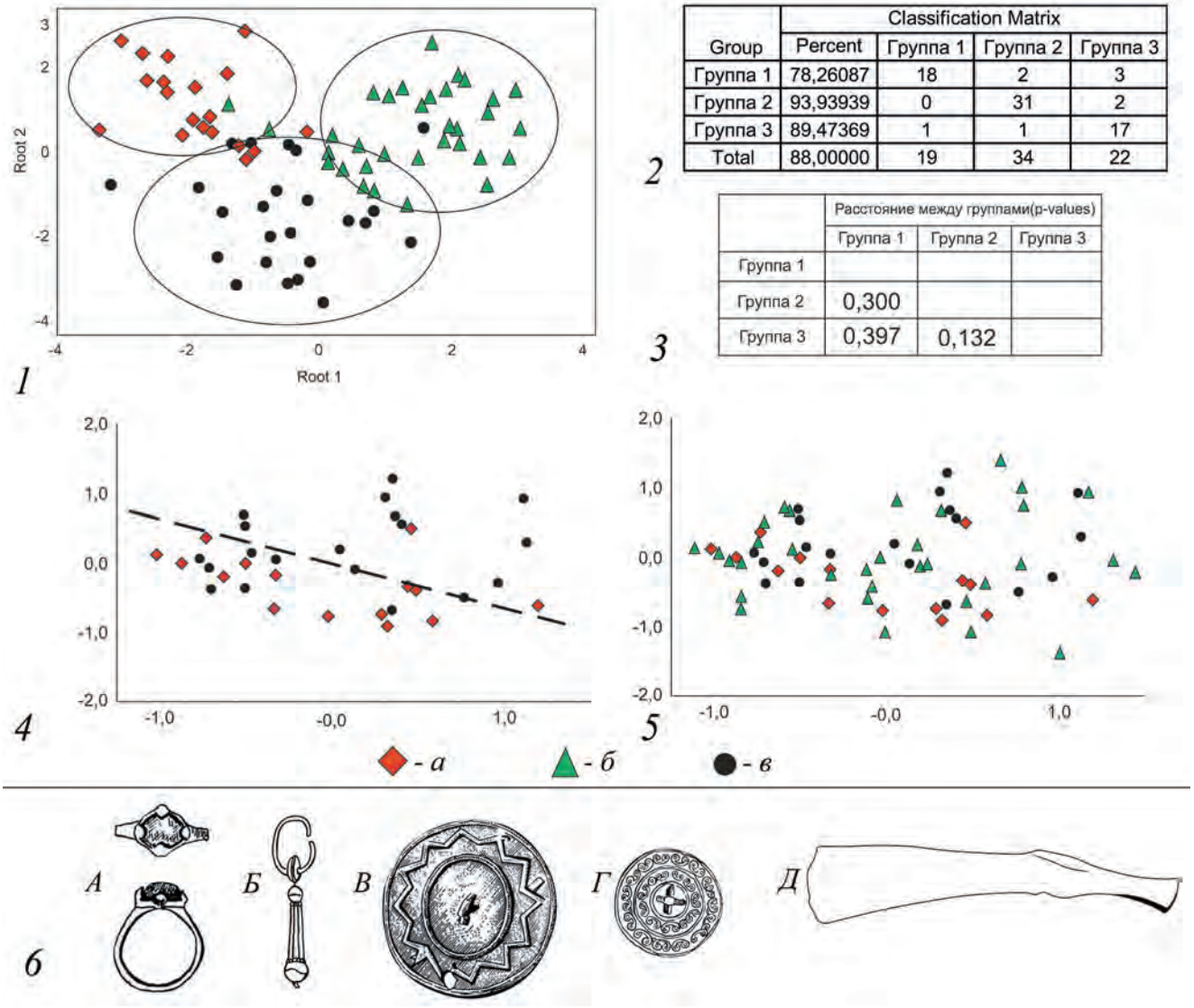
На основании собранных данных можно провести сравнение трех выделенных нами групп по типам металлических вещей, встреченных в комплексах каждой из этих групп.

Сначала рассмотрим результаты дискриминантного анализа (рис. 7, *1–3*). Результаты проведенного анализа (рис. 7, *1*) позволяют сделать вывод, что такие отличия в реальности существуют. В соответствии с так называемой таблицей ошибочной классификации (рис. 7, *2*), достоверность различий между группами в среднем составляет 88%. В том случае если бы каждая из трех этих групп характеризовалась одними и теми же типами вещей, то подобный результат оказался бы невозможен. Характер расстояний между сравниваемыми группами (p-values) каких-либо противоречий не демонстрирует (рис. 7, *3*). Выясняется, что между группами погребений, выделенными по формам посуды, существуют какие-то отличия по типам наиболее характерных для каждой группы металлических вещей.

Эти отличия проявляются и при использовании другого способа сравнения – метода

[3] Мы вынуждены отказаться от приведения этой таблицы в статье из-за ограниченности допустимого объема рукописи.

[4] С учетом типологической атрибуции вещей, предложенной С.А. Плетневой.



Classification Matrix				
Group	Percent	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Группа 1	78,26087	18	2	3
Группа 2	93,93939	0	31	2
Группа 3	89,47369	1	1	17
Total	88,00000	19	34	22

	Расстояние между группами(p-values)		
	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Группа 1			
Группа 2	0,300		
Группа 3	0,397	0,132	

Рис. 7. Результаты дискриминантного анализа и анализа главных компонент: *1* – график, дискриминантный анализ; *2* – таблица ошибочной классификации; *3* – расстояния между группами; *4* – график, анализ главных компонент, группы 1 и 2; *5* – график, анализ главных компонент, группы 1, 2, 3 (условные обозначения: *а* – группа 1; *б* – группа 2; *в* – группа 3); *6* – типы вещей, характерные для групп 1 и 2 (*А* – перстни типа 1, *Б* – серьги типа 2, *В* – зеркала типа 2 вида 1, *Г* – амулеты-зеркальца, *Д* – топоры типа 3 вида 1.

Fig. 7. The results of discriminant analysis and principal component analysis

главных компонент. По итогам проведенного анализа, наиболее значимыми для нас являются различия между двумя “крайними” позициями из предложенной последовательности – группами 1 и 3 (рис. 7, *4*). Участки наиболее плотной концентрации на графике погребений указанных групп схематично разделены пунктирной линией: погребения группы 1 расположены в основном в правой верхней части графика, а погребения группы 3, в основном, в левой нижней части графика. Комплексы из “промежуточной” группы 2 расположены некомпактно (рис. 7, *5*): около половины из них занимают на графике зону, характерную для группы 1, другая часть занимает зону, характерную для группы 3. Таким образом, метод главных компонент подтверждает наличие между сравниваемыми группами некоторых отличий по характерным типам металлических вещей, по крайней мере между группой 1 и группой 3.

Следующий шаг в процедуре проверки предложенной хронологической последовательности погребений – выяснение, какие именно типы металлических вещей отличают выделенные нами группы, и каково их значение как хронологических маркеров. По итогам

построения частотных графиков по наиболее массово распространенным типам вещей выяснилось, что некоторые из таких типов встречаются либо только, либо преимущественно в погребениях наиболее ранних по нашей периодизации групп 1 и 2.

Перстни типа 1 (рис. 7, *6, А*) присутствуют в 15 погребениях (здесь и далее: из числа погребений с кувшинами и кружками): все 15 случаев приходятся на группу 1 и группу 2, в группе 3 таких перстней нет. *Серьги типа 2* (рис. 7, *6, Б*) присутствуют в 13 погребениях: все 13 случаев приходятся на группы 1 и 2, причем в группе 1 такие серьги встречены в 3 комплексах, в группе 2 – в 10 комплексах; в группе 3 серьги этого типа отсутствуют. *Зеркала типа 2, вида 1* (с концентрическими кругами и зигзагами) (рис. 7, *6, В*) присутствуют в 16 погребениях: 14 раз они встречены в погребениях групп 1 и 2 (8 раз в группе 1 и 6 раз в группе 2); в группе 3 встречены всего лишь в двух комплексах. *Амулеты типа 9* ("амулеты-зеркальца") (рис. 7, *6, Г*) присутствуют в 17 погребениях: 15 раз зафиксированы в погребениях групп 1 и 2 (7 раз в группе 1, 8 раз в группе 2); в группе 3 встречены только в двух комплексах. *Топоры вида 1 типа 3* (с треугольным лезвием и оттянутым молотковидным обухом) (рис. 7, *6, Д*) присутствуют в 11 погребениях: 1 раз найдены в погребении группы 1, 10 раз в погребениях группы 2; в погребениях группы 3 такие топоры отсутствуют. *Мотыги типа 4* найдены в 10 погребениях: все 10 случаев – это комплексы групп 1 и 2 (4 раза встречены в погребениях группы 1, 6 раз в погребениях группы 2); в погребениях группы 3 такие мотыги отсутствуют.

Отметим, что здесь приведены только те типы вещей, которые показывают наиболее яркие отличия между некоторыми из сравниваемых групп.

В соответствии с заключениями С.А. Плетневой, почти все указанные типы (кроме мотыг) являются характерными маркерами ранней группы катакомб Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 155–163), обоснованность которой признается и современными специалистами (Гавритухин, 2005. С. 394). Распределение указанных типов вещей по группам, выделенным нами по керамике, не демонстрирует в данном случае каких-то противоречий.

Важное дополнение к полученной картине дает распределение по группам наиболее ранних типов элементов поясной гарнитуры[5]. Из числа рассматриваемых в статье погребений ранние поясные наборы и их элементы присутствуют в 15 комплексах (погребения 5, 21, 51, 52, 54, 55, 79, 81, 83, 88, 106, 111, 121, 164, 165). Важно, что из этих 15 комплексов 12 погребений опять-таки относятся к двум наиболее ранним группам 1 и 2.

В итоге следует отметить три принципиально важных момента. Во-первых, предложенная на основании форм лощеных сосудов периодизация могильника отражает некоторые изменения в типах вещей, помещавшихся в погребения разных групп. Во-вторых, изменения происходят в распространенности именно тех типов металлических вещей, которые правомерно рассматривать как ориентировочные хронологические маркеры. В-третьих, эти изменения приходятся именно на то время функционирования могильника (группа 3), когда формы кувшинов и кружек несмешанных традиций перестают помещаться в захоронения покойных.

Еще один вопрос, на котором следует остановиться, – это пространственное распределение погребений, отнесенных к разным группам. В данном случае нас интересует та часть памятника, на которой расположено большинство погребений. Это участки I, II, III, IV, VII и VIII по С.А. Плетневой (1989. Рис. 118). Картирование позволило выяснить определенные закономерности, касающиеся пространственного соотношения наиболее ранних погребений, которые содержали лощеные сосуды только несмешанных традиций (группа 1), и более поздних погребений, в которых появляются формы смешанных традиций (группы 2, 3). На плане (рис. 8) хорошо видно, что в юго-восточной части могильника "ранние" погребения составляют явное меньшинство – их всего 6. Погребений, содержащих формы смешанных традиций (т.е. группы 2, 3), здесь *почти в 4.5 раза больше:* всего 27, из них 15 группы 2 и 12 группы 3. Кроме того, 20 из 26 самых ранних погребений, не содержащих кувшинов и кружек смешанных традиций (группа 1), располагаются на северо-западных участках могильника.

[5] В качестве ранних мы рассматривали, во-первых, пояса, характерные для ранней по С.А. Плетневой группы катакомб, во-вторых, элементы ремней из "поздней" по С.А. Плетневой группы, даты которых были скорректированы на более ранние И.О. Гавритухиным.

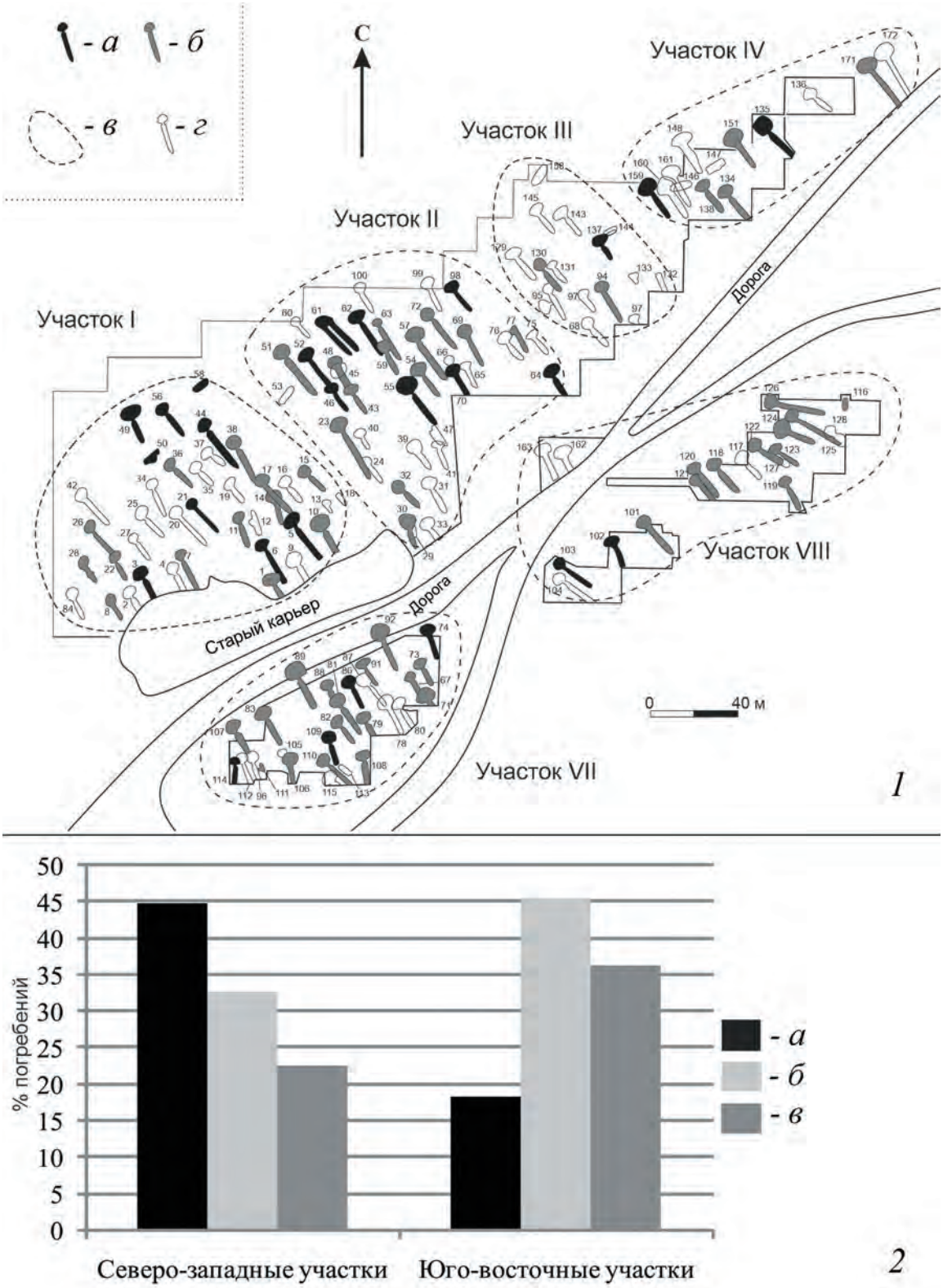


Рис. 8. Планиграфия погребений: *1* – расположение погребений на плане могильника (условные обозначения: *а* – “ранние” погребения (группа 1), *б* – “поздние” погребения (группы 2 и 3), *в* – границы участков по С.А. Плетневой; *г* – погребения без кувшинов и кружек); *2* – распределение погребений по двум частям могильника (условные обозначения: *а* – группа 1; *б* – группа 2: *в* – группа 3).

Fig. 8. The planigraphy of burials

Мы видим, что родовые участки на некрополе, хорошо выделяющиеся по плотности расположения могил, использовались на всем протяжении функционирования могильника и на каждом из них присутствуют как самые ранние, так и относительно более поздние погребения. Однако периодизация погребений, построенная на основании керамики, позволяет зафиксировать, что на юго-восточной оконечности могильника весомое преобладание показывают комплексы, в состав которых входят формы лощеных сосудов смешанных традиций, т.е. относительно более поздние.

Полученный результат представляется неслучайным, поскольку он хорошо увязывается с топографией памятника. Дело в том, что с северо-западной стороны территория могильника ограничена холмом, на пологом склоне которого он расположен. Представляется очень логичным, что мы фиксируем существенное преобладание относительно более поздних погребений именно в юго-восточной части памятника: именно юго-восточное направление соответствует направлению вниз по склону холма. Такая схема хронологической зональности подтверждается еще двумя обстоятельствами. Во-первых, именно в юго-восточной части могильника мы наблюдаем наибольшую скученность катакомб, во-вторых, именно южная и юго-западная границы могильника пока еще достоверно не установлены, что хорошо видно на плане памятника по уходящим в юго-восточном направлении дромосам катакомб.

Таким образом, предложенная в этой статье схема эволюции форм кувшинов и кружек Дмитриевского могильника нашла ряд подтверждений, полученных путем анализа независимых друг от друга групп данных: вещевой инвентарь погребений, планиграфия и отчасти топография погребальных комплексов.

Последний вопрос, заслуживающий внимания, — это абсолютные даты предложенных в этой статье периодов истории Дмитриевского могильника. Сразу оговорим, что наблюдения на этот счет следует пока что рассматривать как наиболее предварительные данные, требующие своего дальнейшего уточнения. Некоторое самое общее представление об абсолютных датах могут дать монеты, происходящие из комплексов с кувшинами и кружками, изученных на других погребальных памятниках. Поступление византийских монет на территорию, подконтрольную Хазарскому каганату, прекращается около 760-х годов (Круглов, 2002. С. 90). Что касается арабских монет из салтовских могильников, то, как известно, даты их чекана относятся, как правило, к последней четверти VIII в., редко заходя в первые десятилетия IX в. Поэтому наличие монетного материала вполне правомерно рассматривать как индикатор ранних этапов салтово-маяцкой культуры, относящихся ко времени ориентировочно до середины IX в.[6]

Всего нами сейчас собраны данные о 15 комплексах, в которых кружки или кувшины сопровождались монетами. Общая тенденция состоит в том, что в большинстве таких ранних (по монетам) комплексов находились формы несмешанных традиций. Таковых 9 из 15: катакомба 69 Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 111. Рис. 58), катакомба 14 Старосалтовского могильника (Аксенов, 1999. С. 141. Рис. 8, *1*), погребение 472 Нетайловского могильника (Аксьонов, 2011. С. 95. Рис. 3, *9*), катакомбы 93, 119, 148 Верхнесалтовского-IV могильника (Аксенов, Лаптев, 2009. С. 247. Рис. 2, *1*; Аксенов, 2015. Табл. 1. Рис. 3, *2*; 2019. С. 8. Рис. 2, *1*), катакомба 25 из раскопок там же в 1901 г. (Мерперт, 1949. Гл. 8. Табл. 52), погребения 2 и 12 Ржевского могильника (Сарапулкин, 2006. С. 202). Сосуды смешанных традиций зафиксированы в комплексах с монетами реже, в 6 случаях, причем находка кувшина формы смешанной традиции отмечена лишь в одном случае — в катакомбе 10 Ютановского могильника (Афанасьев, 1979. С. 3), все остальные 5 — это находки кружек КК-2 (Лаптев, Аксенов, 2017. С. 84. Рис. 6, *2—4*; Аксенов, 2003. Табл. XIII, XIV; 2004. Табл. XLVI, L).

Таким образом, на основании собранных к настоящему времени материалов можно предполагать, что бытование форм несмешанных традиций на Дмитриевском могильнике в целом могло соответствовать времени поступления на салтово-маяцкие памятники и попадания в археологические комплексы монетного материала, т.е. ориентировочно до середины IX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Viva Antiqua. 1999. № 2. С. 137—149.

[6] Нужно отметить определенную условность хронологической границы в виде середины IX в. Она основана главным образом на допущении, что монета попала в погребение после смерти ее владельца.

Аксенов В.С. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 2003 году. [Рукопись] // Архив Харьковского исторического музея. 2003. 17 с.

Аксенов В.С. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 2004 году. [Рукопись] // Архив Харьковского исторического музея. 2004. 26 с.

Аксенов В.С. Богатое катакомбное захоронение с Верхне-Салтовского IV могильника // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Т. 13 (2014–2015). Харьков, 2015. С. 288–305.

Аксенов В.С. Новые данные о византийско-крымском влиянии на салтовское население бассейна Северского Донца // Laurea III. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков: ООО "НТМТ", 2019. С. 6–11.

Аксенов В.С., Лаптев А.А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Т. 8 (2009). Харьков, 2009. С. 245–258.

Аксьонов В.С. Поховання 472 Нетайлівського могильника салтівської культури // Археологія. 2011. № 1. С. 90–96.

Афанасьев Г.Е. Отчет о работе Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции за 1979 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 7994.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: Самарский региональный фонд "Полдень. XXII век", 1998. 286 с.

Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1986. С. 137–157.

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1988. С. 5–21.

Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим; М.: Гешарим / Мосты культуры, 2005. С. 378–426.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 201 с.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. 1999. № 2. С. 111–136.

Красильников К.И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7: Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 99–152.

Круглов Е.В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Т. 1. Киев; Харьков, 2002. С. 79–93.

Лаптев А.А., Аксенов В.С. Погребения с "оболом мертвых" на Бочковском могильнике салтово-маяцкой культуры (по материалам раскопок 2014 г.) // В.К. Міхеєв. Учні та послідовники до 80-річчя з дня народження: збірка статей. Харків: ТОВ РА "ІРІС", 2017. С. 80–97.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука, 1983. 225 с.

Малашев В.Ю. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр 3. Вопросы хронологии. М.: Полимедиа, 2000. 52 с.

Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. 150 с.

Мерперт Н.Я. Верхнее Салтово [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук. М., 1949. Архив ИА РАН. Р-2. № 884. 416 с.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 286 с.

Сарапулкин В.А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 24 с.

Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2006. С. 195–204.

Флёров В.С. Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. Архив ИА РАН. Р-2.

Холошин П.Р. Опыт изучения величины случайных колебаний функциональных частей сосудов // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных: материалы V междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2019. С. 204–206.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.

Шрамко Б.А. Кераміка салтівської культури // Труди історичного факультету. Учені записки. Т. 7. Харків: Видавництво Харківського державного університету ім. О.М. Горького, 1959. С. 241–267.

SHAPES OF BURNISHED VESSELS FROM THE DMITRIEVKA CEMETERY OF THE SALTOVO-MAYAKI CULTURE (periodization issues)

Evgeny V. Sukhanov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: sukhanov_ev@mail.ru

The article focuses on the study of chronological changes in the shapes of ceramic ware from the Dmitrievka cemetery, one of the best-known burial sites of the Saltovo-Mayaki archaeological culture. The object of study are the two most common and morphologically diverse categories of pottery from the site – jars and mugs. The article attempts to identify the different traditions of shaping the vessels of both functional categories, as well as the criteria and cases of mixing these traditions. Based on the obtained data, a chronological grouping of the cemetery assemblages was developed which was confirmed with some independent data: metal inventory, planigraphy and topography of burial complexes. As a result, the possibility of using shapes of ceramic ware to develop the periodization of the Dmitrievka cemetery is shown.

Keywords: the Saltovo-Mayaki culture, the Dmitrievka cemetery, jars, mugs, historical and cultural approach.

REFERENCES

Afanas'yev G.E. Otchet o rabote Oskol'skogo otryada Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii za 1979 god [Report on the activities of the Oskol detachment of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition for 1979]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 7994.

Aks'onov V.S., 2011. Burial 472 of the Netaylovka cemetery of the Saltovo culture. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 90–96. (In Ukrainian).

Aksenov V.S., 1999. The Starosaltovo catacomb burial ground. *Viva Antiqua*, 2, pp. 137–149. (In Russ.)

Aksenov V.S., 2003. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Khar'kovskogo istoricheskogo muzeya v 2003 godu (Rukopis') [Report on archaeological research of the Kharkiv Historical Museum in 2003 (Manuscript)]. *Arkhive Khar'kovskogo istoricheskogo muzeya [Arkhive of the Kharkiv Historical Museum].*

Aksenov V.S., 2004. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Khar'kovskogo istoricheskogo muzeya v 2004 godu. (Rukopis') [Report on archaeological research of the Kharkiv Historical Museum in 2004. (Manuscript)]. *Arkhiv Khar'kovskogo istoricheskogo muzeya [Arkhive of the Kharkiv Historical Museum].*

Aksenov V.S., 2015. A rich catacomb burial from the Verkhne-Saltov IV burial ground. *Drevnosti. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik [Antiquities. Kharkiv historical and archaeological yearbook]*, 13 (2014–2015). Khar'kov. C. 288–305. (In Russ.)

Aksenov V.S., 2019. New data on the Byzantine-Crimean influence on the Saltovo population of the Seversky Donets region. *Laurea III. Antichnyy mir i Sredniye veka: Chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeyeva [Laurea III. The ancient world and the Middle Ages: Readings in memory of Professor Vladimir Ivanovich Kadeev].* Khar'kov: OOO "NTMT", pp. 6–11. (In Russ.)

Aksenov V.S., Laptev A.A., 2009. On the Slavic-Saltovo contacts (the case of catacomb No. 93 of the Verkhne-Saltov burial ground). *Drevnosti. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik [Antiquities. Kharkiv historical and archaeological yearbook]*, 8 (2009). Khar'kov, pp. 245–258. (In Russ.)

Bagautdinov R.S., Bogachev A.V., Zubov S.E., 1998. Prabolgary na Sredney Volge. U istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya [Proto-Bulgarians on the Middle Volga. At the origins of the history of the Volga-Kama Tatars]. Samara: Samarskiy regional'nyy fond "Polden'. XXII vek". 286 p.

Bobrinskiy A.A., 1986. On the methodology for studying the shapes of pottery from archaeological sites. *Kul'tury Vostochnoy Evropy I tysyacheletiya [East European cultures of the 1st millennium].* Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. ped. un-t, pp. 137–157. (In Russ.)

Bobrinskiy A.A., 1988. Functional parts in the structure of ceramic containers. *Problemy izucheniya arkheologicheskoy keramiki [Problems of studying archaeological pottery].* Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. ped. un-t, pp. 5–21. (In Russ.)

Flerov V.S., 1981. Loshchenaya keramika saltovo-mayatskoy kul'tury kak istoricheskiy istochnik (Rukopis') [Burnished pottery of the Saltovo-Mayaki culture as a historical source (Manuscript)]: Thesis for the Doctoral degree in History]. Moscow. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-2.

Gavritukhin I.O., 2005. Chronology of the formation era of the Khazar Khaganate (elements of a belt set). *Khazary. Evrei i slavyane [Khazars. Jews and Slavs]*, 16. Iyerusalim; Moscow: Gesharim / Mosty kul'tury, pp. 378–426. (In Russ.)

Gening V.F., Khalikov A.Kh., 1964. Ranniye bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskiy mogil'nik) [Early Bulgarians on the Volga (The Bolshye Tarkhany cemetery)]. Moscow: Nauka. 201 p.

Kholoshin P.R., 2019. Experience in studying the magnitude of random fluctuations in the functional parts of vessels. *Novyye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh: materialy V mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh [New materials and methods of archaeological research: from source criticism to generalization and interpretation of data: Proceedings of the V International conference of young researchers]*. Moscow: IA RAN, pp. 204–206. (In Russ.)

Komar A.V., 1999. Pre-Saltovo and Early Saltovo horizons of Eastern Europe (issues of chronology). *Vita antiqua*, 2, pp. 111–136. (In Russ.)

Krasil'nikov K.I., 2009. Burnished pottery from the steppe massif of the Saltovo-Mayaki culture (typology, technology, ornamentation, stamps). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in the Middle Ages], 7. Khazarskoye vremya [The Khazarian period]*. Donetsk: DonNU, pp. 99–152. (In Russ.)

Kruglov E.V., 2002. Some issues of analyzing the features of the circulation of Byzantine coins of the 6th–8th centuries in the eastern European steppes. *Khazarskiy al'manakh [Khazar almanac]*, 1. Kiyev; Khar'kov, pp. 79–93. (In Russ.)

Laptev A.A., Aksenov V.S., 2017. Burials with an "obolus for the dead" at the Bochkovo cemetery of the Saltovo-Mayaki culture (based on 2014 excavations). *V.K. Mikheєv. Uchni ta poslidovniki do 80-richchya z dnya narodzhennya: zbirka statey [V.K. Mikheev. Pupils and followers to the 80th anniversary: collected papers]*. Kharkiv: TOV RA "IRIS", pp. 80–97. (In Russ.)

Magomedov M.G., 1983. Obrazovaniye Khazarskogo kaganata (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy i pis'mennym dannym) [Formation of the Khazar Khaganate (based on archaeological research and written data)]. Moscow: Nauka. 225 p.

Malashev V.Yu., 2000. Rannesrednevekovaya keramika mogil'nika Klin-Yar 3. Voprosy khronologii [Early medieval pottery of the Klin-Yar 3 cemetery. Chronological issues]. Moscow: Polimedia. 52 p.

Malashev V.Yu., 2001. Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka [Pottery of the early medieval cemetery Mokraya Balka]. Moscow: IA RAN. 150 p.

Merpert N.Ya., 1949. Verkhneye Saltovo (Rukopis'): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Verkhneye Saltovo (Manuscript): Thesis for the Doctoral degree in History]. Moscow. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-2, № 884.

Pletneva S.A., 1989. Na slavyano-khazarskom pogranich'ye (Dmitriyevskiy arkheologicheskiy kompleks) [At the Slavic-Khazar borderland (the Dmitrievka archaeological complex)]. Moscow: Nauka. 286 p.

Sarapulkin V.A., 2003. Keramika i keramicheskoye proizvodstvo lesostepnogo varianta saltovo-mayatskoy kul'tury: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Pottery and pottery production of the forest-steppe version of the Saltovo-Mayaki culture: an author's abstract of the Doctoral thesis in History]. Voronezh. 24 p.

Sarapulkin V.A., 2006. The Rzhev burial ground of the Saltovo-Mayaki culture (preliminary report). *Arkheologicheskiye pamyatniki Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Archaeological sites of Eastern Europe: an interuniversity collection of research papers]*, 12. Voronezh: Voronezhskiy gos. ped. un-t, pp. 195–204. (In Russ.)

Shramko B.A., 1959. The Saltovo pottery. *Trudi istorichnogo fakul'tetu. Ucheni zapiski [Transactions of the Historical Faculty]*, 7. Kharkiv: Vidavnitstvo Kharkivs'kogo derzhavnogo universitetu im. O.M. Gor'kogo, pp. 241–267. (In Ukrainian)

Tsetlin Yu.B., 2017. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Pottery. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow: IA RAN RAN. 346 p.

Tsetlin Yu.B., 2018. On the general approach and methodology for the systematic study of clay vessel shapes. *Formy glinyanykh sosudov kak ob"yekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod [Clay vessel shapes as an object of study. Historical and cultural approach]*. Moscow: IA RAN, pp. 124–179. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 63–78

НОВЫЕ ВАРИАНТЫ БУДДИЙСКОГО МОТИВА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДЕКОРЕ (СРЕДНИЙ ЕНИСЕЙ)

© 2020 г. Г.Г. Король[1,*], С.М. Фокин[2,]**

[1]*Институт археологии РАН, Москва, Россия*
[2]*Красноярский краевой краеведческий музей, Россия*

[*]*E-mail: ggkorol08@rambler.ru*
[**]*E-mail: smf.kkkm@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.01.2020 г.

Рассмотрены материалы погребения по обряду кремации у с. Дрокино под Красноярском (левобережье р. Енисей), датированного X–XI вв. Среди находок – ременные украшения из цветного металла, орнаментированные в характерном для Саяно-Алтая стиле. Предложена типология декора. Выделен тип с мотивом “пламенеющая жемчужина” (28 экз.) – известный буддийский символ чинтамани (санскр. *cintamani*), популярный в регионе в период “экспансии” Кыргызского каганата (вторая половина IX – начало X в.). На фоне рассмотренных примеров иконографии мотива в средневековых материалах Восточного Туркестана и Саяно-Алтая показано, что образцы из комплекса Дрокино 1 – новые варианты мотива в декоре ременной амуниции всадников Саяно-Алтая и соседних территорий. Возможно, погребенный с таким сопровождающим инвентарем воин – кыштым (вассал) участвовал в походах кыргызов и привез “индивидуальный”, специально подобранный ременный набор на родину.

Ключевые слова: Средний Енисей, Саяно-Алтай, средневековье, ременные украшения, цветной металл, декор, “пламенеющая жемчужина” (*cintamani*).

DOI: 10.31857/S086960630010942-5

Раннесредневековая ременная амуниция всадников, изготовленная из цветных металлов, стала не только символом тюркских кочевников и полукочевников, принесших эту моду в степную Евразию, но и элементом культуры оседлых народов, соприкасавшихся с кочевниками. В последней трети I тыс. популярен характерный декор подобных украшений, так называемый стиль степного орнаментализма. В Центральной Азии[1], особенно в северных и восточных регионах, в конце I и на рубеже I–II тыс. данный стиль представлен развитыми и разнообразными формами. Наибольшее количество ременной амуниции с подобным декором зафиксировано на территории Саяно-Алтая. Это связано с периодом (вторая половина IX – начало X в.) “экспансии” енисейских кыргызов (Кыргызский каганат) и их военными походами на восток, запад и юг Центральной Азии на значительные расстояния. Кроме того, были налажены дружественные связи с отдаленными государствами (подробнее со ссылками на литературу см. Король, 2015).

Истоки декоративного мотива “пламенеющая жемчужина”. Именно в данный период в структуре декора саяно-алтайских находок появился ряд мотивов, связанных с буддийскими по происхождению искусством и мифологией. Среди них – “пламенеющая жемчужина” (о термине см. Король, 2008. С. 169, 170. Сноска), чинтамани (санскр. *cintamani*), один из наиболее популярных мотивов. Кратко скажем о его первоначальной символике. В буддийской и индуистской мифологии это драгоценность (жемчужина, кристалл или драгоценный камень), способная исполнять желания. Это также атрибут (наряду и в сочетании с цветком лотоса[2]) бодхисатвы Авалокитешвары, одного из главных бодхисатв в буддийской мифологии, олицетворения сострадания, играющего роль универсального спасителя, представляющего собой активный аспект одного из главных будд – Амитабхи/

[1] Термин понимается в его географическом смысле (см. Кореняко, 2002. С. 15, 16).

[2] Цветок лотоса – независимый символ творческой силы, божественного происхождения и залог спасения в буддийской мифологии.

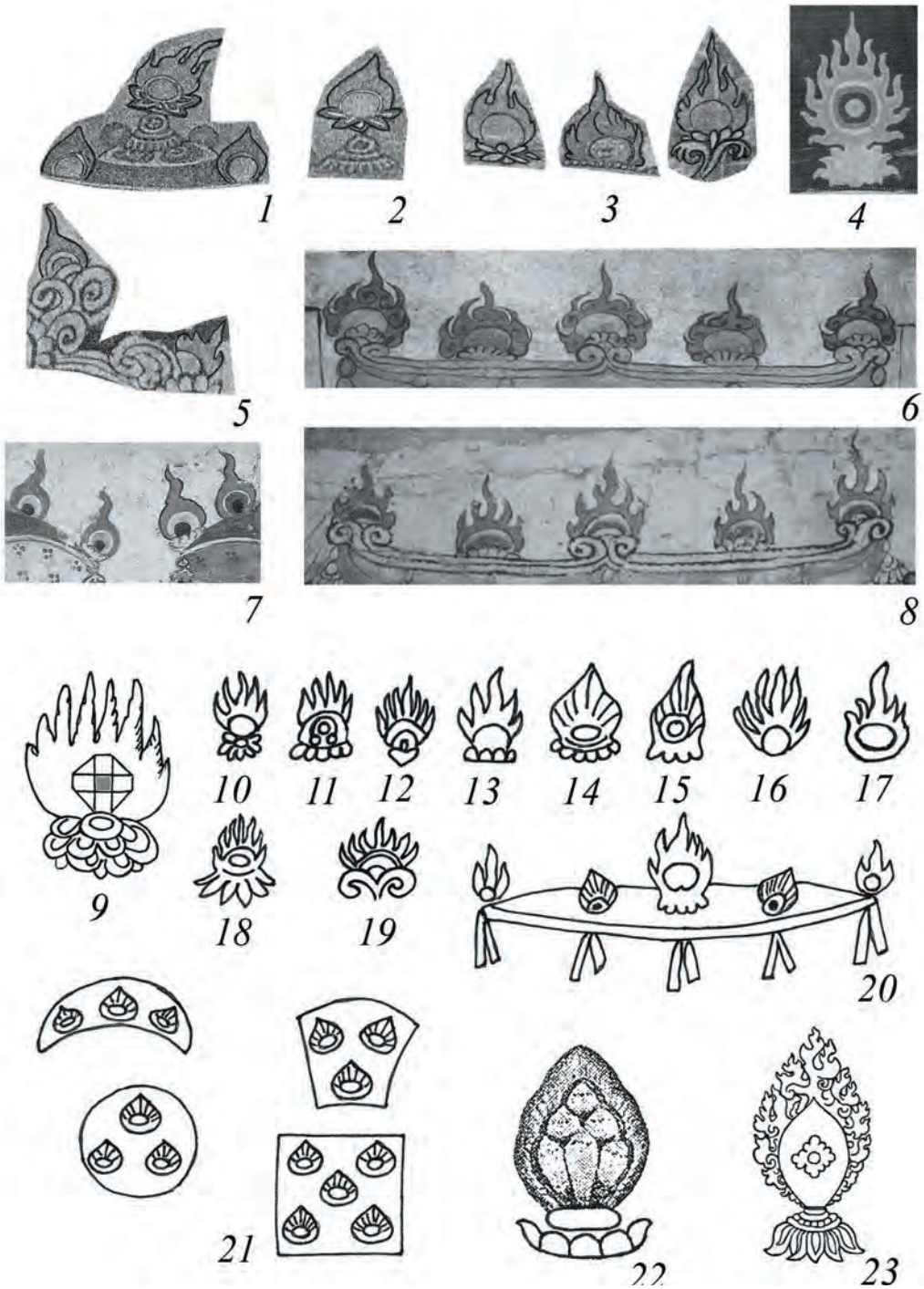


Рис. 1. Иконография мотива чинтамани в средневековых материалах Восточного Туркестана и этнографические аналогии из Тибета. *1–3, 5–21* – росписи (по: Grünwedel, 1912; Stein, 1921a, b; Dunhuang..., 1953; Le Coq, 1974; Chūgoku..., 1982; Central Asian Art..., 1991); *4* – фрагмент вышивки парчи из погребения эпохи Сун (X–XIII вв.), округ Хотан (по: Heavenly Horse..., 2008); *22, 23* – по: Цыбиков, 1919. *9–21* – рисунки-схемы. Без масштаба.

Fig. 1. Iconography of the cintamani motif in the medieval materials of East Turkestan (*1–21*) and ethnographic analogies from Tibet (*22, 23*). No scale

Амитаюс, санскр. “неизмеримый свет”, “неизмеримая жизнь” (Мифы..., 1994. Т. 1. С. 23, 69, 181). Чинтамани – символ освобождения от нечистоты, сияющий и растущий источник Чистоты, знак триединства Будды, широко распространенный в танском (608–907 гг.) искусстве Китая. Кроме того, жемчужина/драгоценность – символ богатства и благополучия. Обладание человека неисчерпаемой, неиссякаемой сияющей жемчужиной гарантирует

исполнение любого желания, изображение ее служит амулетом от огня (Williams, 1960. P. 436).

Для знакомства с иконографией мотива интерес представляют материалы средневековых буддийских храмов Восточного Туркестана[3]. Особенно хорошо изучен пещерно-храмовый комплекс Дуньхуана, ставший к VIII в. центром буддизма в танском Китае. В его изобразительных материалах (настенная роспись, роспись по шелку, бумаге и др.), в том числе VIII–X вв., представлен и мотив чинтамани. Иконография его разнообразна – от условно "первичного" (восьмигранный драгоценный камень, объятый пламенем, размещен на лотосовидном основании – рис. 1, *9*) до схематичных (с разной степенью стилизации) вариантов в первую очередь основания, на котором размещается жемчужина, а также пламени над ней или вокруг нее. Отметим наше наблюдение – нередко отличающиеся иконографией чинтамани присутствуют одновременно на одном и том же панно в сложных композициях храмовых росписей (рис. 1, *6, 8, 20*). Несмотря на обилие вариантов, замысел изображения мотива един: это фигура – круг или размещенный горизонтально овал на лотосе-основании (стилизованном), объятый пламенем с трех сторон или целиком.

Даже по небольшому числу представленных на рис. 1 образцов иконографии очевидно ее разнообразие. Учитывая, что вариативность могла иметь и хронологические отличия, можно предположить, что в конце I тыс. какие-то из них могли служить источником вдохновения для ремесленников-художников, создававших в неизвестных нам мастерских мелкие декорированные изделия из цветного металла, попавшие к кочевникам северного региона Центральной Азии – Саяно-Алтая. Возможно, смысловая наполненность именно этого мотива, проявленная в понятных изображениях огня-пламени/света, которым охвачен некий магический камень[4], размещенный на растительном "основании"[5], нашла отклик в восприятии средневековых кочевников Саяно-Алтая. Именно поэтому мотив стал одним из самых популярных в декоре ременной амуниции всадников не только Саяно-Алтая, он проник и на более северные территории. Одному из таких памятников лесостепной зоны и посвящена данная статья. Прежде чем перейти непосредственно к материалам этого объекта и характеристике новых вариантов иконографии мотива "пламенеющая жемчужина", следует кратко рассмотреть систематизацию мотива.

Иконография мотива в искусстве Саяно-Алтая. В целом иконография близка замыслу образа-символа в буддийском искусстве. При этом можно отметить стремление к стилизации в соответствии с общими тенденциями декора, а также возможностями материала (цветной металл) и технологии (литье). При этом мастер учитывал форму предмета и размер его поверхности, сочетая "пламенеющую жемчужину" с другими мотивами: буддийским символом "цветок смоквы", растительными элементами, в том числе "побегами", украшающими бордюр предмета, и пр. (подробнее об оригинальном сочетании см. Король, 2019).

Вариативность иконографии сводится к той или иной передаче "жемчужины" (овал, реже кружок или точка); ее основания – "лотоса" – в виде лепестков, точек вместо лепестков, а затем и просто дуги, иногда с двумя точками-"лепестками" по бокам; и пламени: от отдельных языков до общего контура, разделенного на доли-язычки. По материалам со Среднего и Верхнего Енисея, откуда происходит большинство ременных украшений с рассматриваемым мотивом, выделено шесть вариантов (группы "а"–"е"), отражающих этапы стилизации мотива преимущественно по изменению основания (Кызласов, Король,

[3] Напомним, что после поражения от кыргызов в Монголии в 840 г. часть уйгуров под натиском победителей ушла в Турфан (Восточный Туркестан). Во второй половине IX в. уйгуры создали собственное Турфанское княжество. К концу X в. в нем кроме 50 буддийских храмов были и манихейские. Манихейские росписи свидетельствуют о высоком уровне изобразительного искусства и несомненном буддийском влиянии (Восточный Туркестан..., 1992. С. 526, 530, 531).

[4] У древних тюрков известен магический камень "яда", с его помощью можно было управлять погодой и пр. (Мифы..., 1994. Т. 1. С. 681; Тишин, Серегин, 2017. С. 81, 82).

[5] О важности растительного кода в мировоззрении тюркских народов хорошо известно – подробнее со ссылками на литературу см. Король, 2008. С. 150–157.

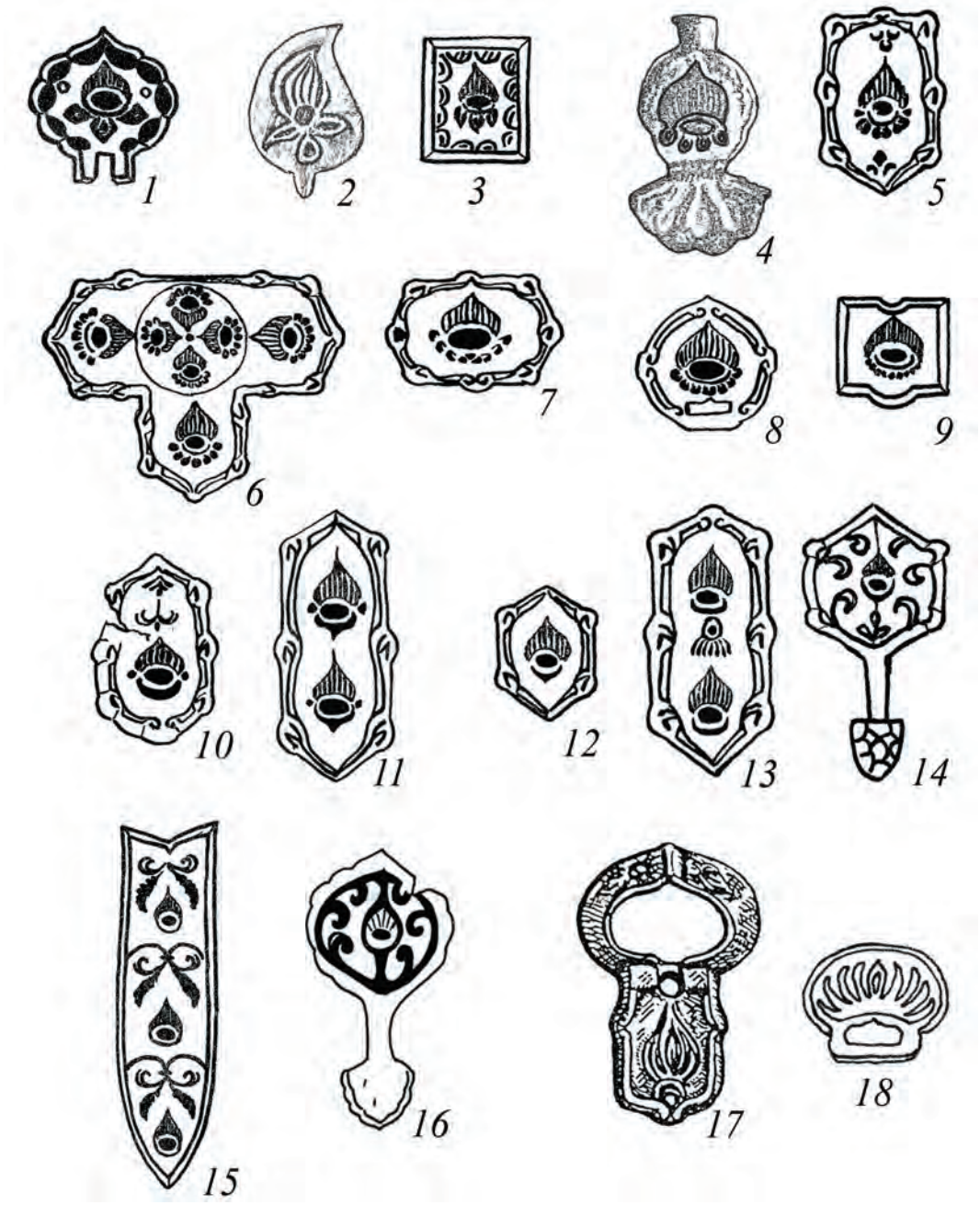


Рис. 2. Варианты иконографии мотива “пламенеющая жемчужина” в декоре ременных украшений Саяно-Алтая по материалам из Минусинской котловины (*1–16, 18*) и северо-западных предгорий Алтая (*17*). *2* (выс. 4 см, музей Томского гос. ун-та), *4* (выс. 5.2 см, музей Хельсинки), *18* (выс. 2 см, Абаканский музей) – прорисовки по контактным копиям Г.Г. Король; *17* – по: Могильников, 2002; остальные – по: Леонтьев, 1988. Без масштаба.

Fig. 2. Variations in the iconography of the “flaming pearl” motif in the ornamentation of Altai-Sayan belt decoration based on materials from the Minusinsk Basin (*1–16, 18*) and northwestern foothills of Altai (*17*). No scale

1990. Табл. XXI, 33–51)[6]. Исходный вариант (группа “а”) – основание в виде размещенных дугой стилизованных лепестков лотоса (рис. 2, *1–5*). Переработка мотива в сторону его геометризации (группа “б”) – изображение лепестков в виде отдельных округлых или подквадратных точек с выделением (иногда едва различимым) их центра (рис. 2, *6–9*). Следующий этап стилизации – “лепестки”-точки основания-дуги остаются по его

[6] Иконография пламенеющей жемчужины в декоре находок из других регионов Саяно-Алтая и прилегающих территорий в целом соответствует данной систематизации.

краям (группа “в”) (рис. 2, *10, 11*). Далее исчезают и эти две точки основания, остается только дуга; пламя с общим контуром и языками, как и в группе “в”, не соединяется с линией основания – группа “г” (рис. 2, *12–14*). В группе “д” общий контур пламени с языками соединен с дугой, оставшейся от цветочного основания (рис 2, *15, 16*).

Оригинальна группа “е”: пламя не строгих геометрических форм с возвышающимся центральным языком, а состоит из слегка изогнутых линий, в центре – некий “цветочный бутон” (рис. 2, *17, 18*). Появление варианта возможно связано с переосмыслением мотива, пламя все больше походит на растительный элемент, а схематизация ведет к исчезновению жемчужины. Представляется, что это позднейший вариант, предметы единичны.

Остальные группы, по всей видимости, не отражают хронологию стилизации мотива, а свидетельствуют о прототипах, которым следовали мастера в рисунке декора, и их творческом подходе. Все варианты так или иначе сосуществуют в рамках рассматриваемого периода.

Мотив “пламенеющая жемчужина” популярен во всем регионе и украшает бляхи разных форм. Среди них есть и серийные изделия, т.е. однотипные по форме и декору украшения (мотив на них представлен вариантами “в” и “г”). Две подгруппы серийных изделий (66 и 30 образцов) известны преимущественно из Минусинской котловины Среднего Енисея, несколько экземпляров – с Верхнего Енисея (Король, 2008. С. 171, 172).

На фоне многообразия вариантов декора ременных украшений Саяно-Алтая, в том числе с мотивом “пламенеющая жемчужина”, особый интерес с точки зрения необычности иконографии известного мотива, а также появления неизвестного ранее варианта композиции вызывает комплекс из Красноярской лесостепи. Ниже приведем общую характеристику памятника и его находок, а затем подробнее рассмотрим особенности декора ременных украшений.

“**Дрокино. Грунтовый могильник 1**”. В 2017 г. в фонды Красноярского краевого краеведческого музея (далее КМ) поступили материалы сопроводительного инвентаря средневекового погребения. Сдавший находки “любитель древностей” показал место своих незаконных работ – к северо-западу от Красноярска, у с. Дрокино. Здесь обнаружены остатки пережженных костей. Этот факт, а также следы термического воздействия на предметах позволили считать объект погребением по обряду кремации. Осенью 2018 г. археологическим отрядом музея под руководством С.М. Фокина на этом месте заложен шурф (2 × 3 м). Находки ограничились мелкими фрагментами пережженных костей из дернового слоя. По условиям органов охраны памятников культурного наследия при постановке объекта на учет ему было присвоено наименование “Дрокино. Грунтовый могильник 1” (далее Дрокино 1, погребение Дрокино 1, Дрокинское погребение).

Объект расположен (рис. 3, *А*) в Емельяновском р-не Красноярского края в 1 км северо-восточнее с. Дрокино и в 0.95 км восточнее р. Кача (левый приток Енисея). Погребение находилось в распадке между тремя возвышенностями, на южном склоне у подножия сопки. По ландшафту окружающая территория относится к лесостепной зоне с типично степным травяным покрытием и колк*а*ми берез (рис. 3, *Б*).

Близ погребения выявлены и другие памятники археологии разных эпох (рис. 3, *А*). Считать объект ранее разрушенным захоронением (помимо переотложенности верхнего покрова в результате прежнего сельскохозяйственного использования и сезонного размыва почвы, факта нахождения костных остатков только в дерновом слое, а некоторых находок – в стороне от остальных) позволяет и ситуационная аналогия – Ладейское погребение X–XI вв. Оно было обнаружено во время распашки поля в 1928 г. на правом берегу Енисея у с. Ладейское (ныне в черте Красноярска). Среди собранных сотрудником музея В.Г. Карцовым материалов большинство предметов – ременные бронзовые накладки со следами пребывания в огне (Карцов, 1929. С. 51).

Сопроводительный инвентарь Дрокинского погребения составляют 82 предмета (КМ О/Ф № 13248), он детально опубликован (Фокин, 2018). Все изделия, повторимся, носят следы вторичного обжига, благодаря чему железные артефакты – с минимальными следами коррозии, а предметы из цветного металла, наоборот, повреждены, некоторые имеют белесую патину. По категориям коллекцию можно разделить на предметы оружия дистанционного боя, конского снаряжения; отдельные изделия вне этих категорий (рис. 4, *10–13*). Предметы

Рис. 3. Расположение грунтового могильника Дрокино 1 (*1*) и других памятников на карте (*А*) и фотографии местности (*Б*). Обозначения: *2, 3* – позднесредневековые погребения; *4* – поселение Дрокино 4 (неолит – ранний железный век); *5* – “стоянка Дрокино 5” (неолит – раннее средневековье).

Fig. 3. The location of the Drokino 1 burial ground (*1*) and other sites on the map (*А*) and photo of the area (*Б*)

дистанционного боя – один трехлопастной и четыре железных боеголовковых наконечника стрел (рис. 4, *1–5*), а также крюк для подвешивания колчана (рис. 4, *8*). Предметы конского снаряжения состоят из железных и бронзовых изделий для сбруи. Железные – витые восьмеркообразные удила без псалиев (рис. 4, *6*) и две овально-рамчатые бесщитковые пряжки

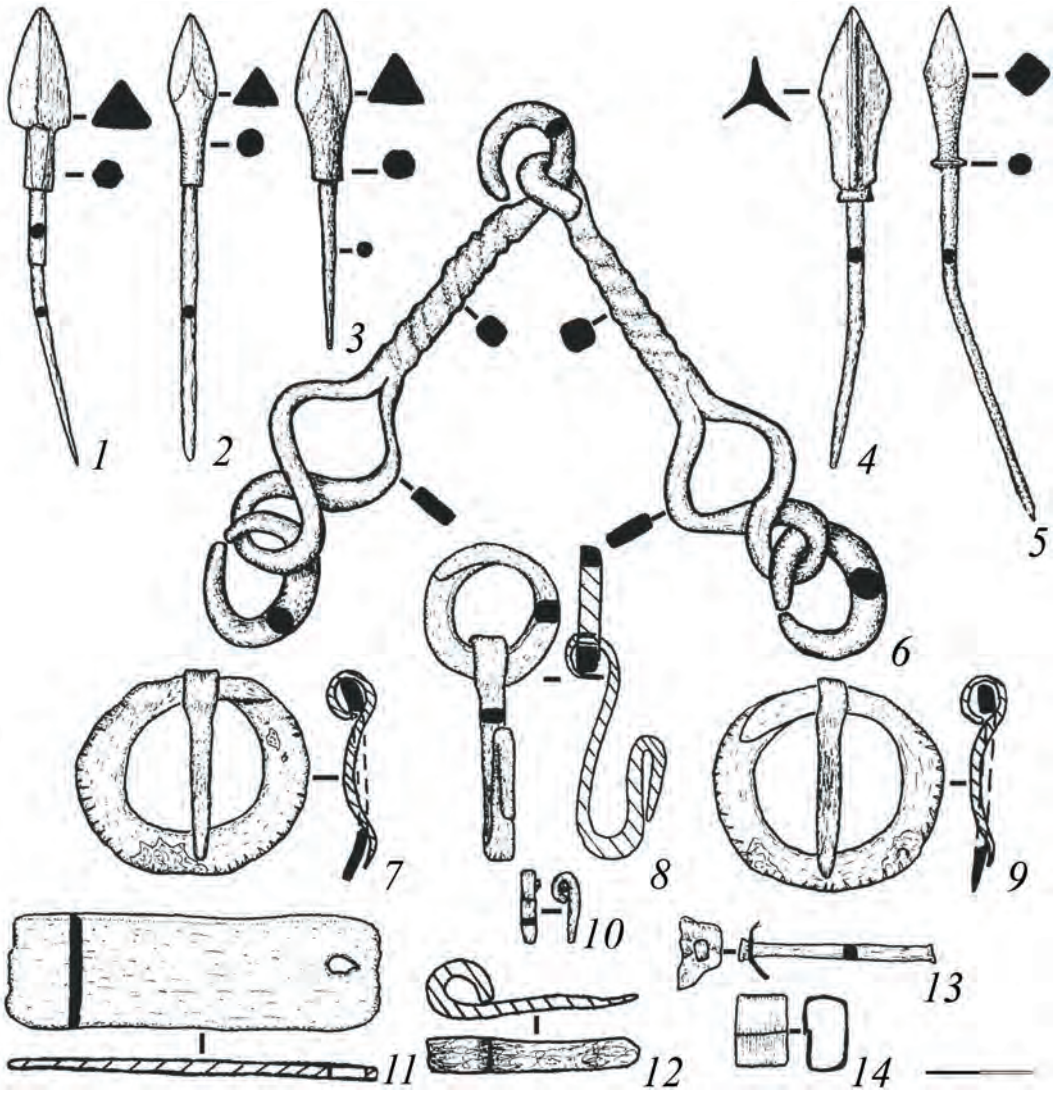


Рис. 4. Сопроводительный инвентарь погребения Дрокино 1. *1–13* – железо, *14* – медь.
Fig. 4. Accompanying objects of the burial of Drokino 1

с подвижным язычком. Они орнаментированы по внешней окружности рамки наклонными насечками (рис. 4, *7, 9*). Набор ременных медных обойм состоит из 10 предметов, прямоугольных в плане и профиле (рис. 4, *14*).

В наибольшем количестве представлены ременные бляшки и пряжки из цветного металла (бронзы). Их точные размеры, профили со штифтами, оборотные стороны, если на них были дополнительные пластины, приведены в полной публикации материалов погребения (Фокин, 2018. С. 142–144. Рис. 4, 5). Часть из них могла быть поясными накладками, но определить наверняка в наборе из бляшек и пряжек разного вида невозможно. Бляшки-накладки разделены на несколько типов на основе систематизации декора ременных украшений Саяно-Алтая (Кызласов, Король, 1990. Табл. XXI–XXIV; Король, 2008. С. 157–176).

Тип 1. “Пламенеющая жемчужина”. Вариант 1 – шесть концевых бляшек, украшенных одной композицией (рис. 5, *1*; 6, *1*). Ее центральный элемент – жемчужина, объятая с трех сторон пламенем из волнообразных языков, образующих в верхней части вытянутый конус (по две дуги справа и слева от жемчужины – часть этого пламени), размещена на месте “бутона” в центре расщепленной пальметты с отогнутыми книзу листьями-завитками и верхними прилистниками. Стебель пальметты на всех предметах “читается” не очень четко, на некоторых поврежден, но все же можно утверждать, что посредине он имеет поперечную “перевязку”-“ленту”. Это существенный иконографический

Рис. 5. Дрокино 1. Основные типы декора на ременных украшениях (*1–12*) и аналогия (*13*) декору бордюра фрагмента бляшки *8*. *1–12* – бронза; *13* – керамика (по: https://www.pinterest.ru/pin/412360909628776774), выс. 49.5 см. Для ременных украшений: слева – компьютерная обработка фото в режиме “контрастность, насыщенность”. Фото С.М. Фокина.

Fig. 5. Drokino 1. The main types of ornamentation on belt decoration (*1–12*) and an analogy (*13*) to the decor of the border of a plaque fragment *8*. Photo by S.M. Fokin

признак. Центральный мотив с двух сторон обрамлен растительными элементами – вертикальными стеблями-полупальметтами с асимметричными окончаниями.

Вариант 2 – 12 бляшек с отверстием, украшенных одинаковым декором (рис. 5, *2, 3*; 6, *2, 3*) – пламенеющей жемчужиной "в чистом виде", так же объятой пламенем, как и в первом варианте. Пламя с хорошо выделенными (на менее поврежденных огнем предметах) прямыми языками (по три боковых дугообразных языка – часть пламени). Условно декоративным основанием, на котором размещена жемчужина, служит верхняя линия (бордюр) отверстия бляшки. По формам бляшки и отверстия предметы делятся на две группы.

Группа "а" (8 экз. – 6 целых и 2 фрагментированных) – условно сегментовидная бляшка с заостренным верхом, фестончатыми бортиками и прямоугольным отверстием с выемкой сверху (на одной выемка лишь намечена), зубчатые неровности нижнего края двух из них – литейный брак (?) или следы повреждения. Некоторые из целых предметов деформированы.

Группа "б" (4 экз.) – бляшки условно пятиугольной формы с заостренным верхом и округлыми боковыми гранями, отверстия маленькие сегментовидно-округлые с явными следами (в виде зубцов и неровностей) литейного брака.

Вариант 3 (12 экз.) – маленькие пятиугольные бляшки с фестончатыми бортиками, украшенные одной композицией (рис. 5, *4*; 6, *4*). Пламя над центральным мотивом пламенеющей жемчужины соединено с дугой под жемчужиной, что передает ее охваченность огнем со всех сторон, языки пламени не выделены. Декор на большинстве бляшек читается в общих чертах (затерт), что, возможно, частично обусловлено активной эксплуатацией. Некоторые из бляшек сильно повреждены огнем. Пламенеющая жемчужина размещена в центре раскрытого цветка лотоса, переданного пятью лепестками (по два справа и слева, один снизу) с выделенной центральной частью каждого из них.

Тип 2. "Пальметта" в виде бутона и отогнутых книзу листьев представлена двумя вариантами на двух разных предметах с разными декоративными композициями, которые объединяет вертикальное размещение нескольких растительных мотивов, сходных в одной композиции, но все же не идентичных (рис. 5, *7, 8*).

Вариант 1 – маленькая концевая накладка с фигурными краями украшена двумя пальметтами (нижние листья-завитки с короткими прилистниками сверху) с разными центральными бутонами. На нижней пальметте он стандартный (слева сторона повреждена и похожа на сторону ромба, но правая обычная округлая, середина тоже повреждена), а на верхней – бутон в виде плода граната (очень плохой сохранности). В основании композиции – обычный трилистник с подовальным центральным листом.

Вариант 2 – фрагмент бляхи неясной формы с дуговидным краем (лировидной?) с оригинальным бордюром из круглых цветочных розеток (рис. 5, *8*). Металл фрагмента тонкий и хрупкий (от пребывания в огне?), пострадал декор бордюра. Среди находок имеется еще два обломка с остатками бордюра из таких же розеток (один из них – рис. 5, *9*), здесь стенки толще, но сохранность декора еще хуже. На крупном фрагменте – вертикальная композиция хорошей сохранности, в основании которой два симметричных сегмента (растительные лепестки?), из точки схождения которых начинается пальметта с оригинальным "бутоном"-цветком с каплевидной центральной частью и выделенным вертикальными штрихами верхом. "Вырастает" из него сложный четырехлепестковый цветок, верхний лепесток которого служит основанием и частью следующего аналогичного элемента. В центре каждого лепестка – подовальное углубление.

Тип 3. "Расщепленная пальметта с центральным бутоном" (горизонтально-вытянутая композиция) – три бляшки (одна очень плохой сохранности, декор почти не виден) условно сегментовидной формы с выемчатыми нижней и боковыми гранями и чуть заостренным верхом, украшены одинаковым мотивом (рис. 5, *5, 6*). Расщепленная пальметта с короткими загнутыми книзу листьями-завитками и удлиненными прилистниками. Окончания последних из-за плохой сохранности "не читаются" – тоже загнуты или имеют овальный бутон между коротким завитком и удлиненным прилистником? Четко выделено основание пальметты в виде округлой "перевязки"-"ленты", выше которой идет расщепление на два стебля. Хорошо виден (особенно на одном экземпляре – рис. 5, *5*) бутон над пальметтой в виде удлиненного

центрального элемента (“стержня”) и семи лепестков вокруг. Варианты расщепленной пальметты украшают небольшую накладку-скобу (арочную в профиле)[7], фрагмент сегментовидной бляшки с отверстием (Фокин, 2018. Рис. 5, *9*, *12*) и рамку маленькой пряжки (рис. 5, *12*), декор щитка которой неясен (возможно, также растительный).

Тип 4. “Древовидная композиция” сложного растительного узора украшает щиток (с овальным сужающимся окончанием) крупной бронзовой пряжки (рис. 5, *11*) с обломком железного язычка и двумя железными, прикрепленными крест-накрест пластинами на оборотной стороне для закрепления ремня. Растительный декор овальной рамки практически не читается. Сложный узор щитка представляет симметричные стебли, расходящиеся из одного ствола, опирающегося на основание, по-видимому, подтреугольной формы (сохранность основания плохая). В нижней части стебли образуют расщепленную пальметту с закрученными внутрь окончаниями. В верхней – замкнутую сердцевидную фигуру с симметричными стеблями, закрученными окончаниями кверху.

Три другие полностью идентичные по форме пряжки, но меньших размеров и без язычков, почти утратили орнамент. На поверхности щитка – неясные углубления, а на рамке – следы растительного узора (рис. 5, *12*), упомянутого выше (Фокин, 2018. Рис. 5, *6–8*).

Тип 5. “Геометрическая композиция” украшает две миниатюрные овальные бляшки (рис. 5, *10*). Она представляет собой срединную прямую полосу (“ствол”), выполненную “псевдозернью” (“жемчужником”), на одном конце (на рисунке сверху) хорошо сохранилась округлая “жемчужина”, на нижнем конце – возможно, расширенное основание (сохранность плохая). Полоса служит осью симметрии, к ней с двух сторон примыкают зигзагообразные полосы, образующие по три треугольника.

Все рассмотренные предметы комплекса погребения Дрокино 1 из Красноярской лесостепи относятся к средневековью. Информативны в плане хронологии накладные бляшки, относящиеся к торевтике малых форм Саяно-Алтая конца I – начала II тыс. Рассмотренные типы орнаментации комплекса на первый взгляд характерны для носителей культуры енисейских кыргызов. Относительно предметов с мотивом “пламенеющая жемчужина” – как сказано выше, именно на территории Минусинской котловины и Тувы (Средний и Верхний Енисей), бывшей ядром Кыргызского каганата, выявлено наибольшее число (“серии”) таких ременных украшений. Остальные мотивы и композиции по замыслу (но не всегда по конкретному воплощению) в целом представляют обычные для ременных украшений всего Саяно-Алтайского региона варианты.

Яркий образец торевтики малых форм из Минусинской котловины – предметы Тюхтятского клада (подробно см. Король, 2008. С. 177–192. Табл. 23), эпонима выделенной Л.Р. Кызласовым тюхтятской археологической культуры IX–X вв. (1981. С. 54), этапа наибольшего влияния Кыргызского каганата, о чем сказано выше. Но правомерно ли относить рассматриваемое здесь захоронение к енисейским кыргызам?

Отметим, что на территории Красноярской лесостепи материалы культуры енисейских кыргызов не редкость. Они известны как на поселенческих объектах, так и в погребениях. Ко времени рубежа тысячелетий относится упомянутое Ладейское погребение. Его материалы рассматривались в работах Д.Г. Савинова. Исследователь отмечал, что это, вероятно, разрушенное погребение, инвентарь имеет “собирательный” характер, т.е. предметы различаются между собой. Аналогии прослеживаются в основном с находками из Тувы. Есть предметы, имеющие аналогии и в сросткинской археологической культуре предгорий Алтая. На основе погребений у Ладейского и под Канском выделен красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов, датируемый по аналогиям из Тувы X–XI вв. (Савинов, 1989; 1994. С. 148, 149).

На могильнике Монашка, расположенном в 3 км севернее Дрокино 1, зафиксировано два погребения по обряду кремации на стороне. Сопроводительный инвентарь отличается от материалов Дрокинского погребения и датируется в пределах первой половины II тыс., но позднее XI в. (Скобелев, Митько, 2007). Объекты интересны тем, что располагаются в низинной части комплекса (напомним, что погребение Дрокино 1 – у подножия сопки

[7] Накладка крепилась к ремню заклепками, одна из которых с оборотной стороны имеет декоративную шляпку в виде круглой лепестковой розетки плохой сохранности, но все же различимой. На лицевой стороне шляпки гладкие.

в распадке) в стороне от основных захоронений по обряду ингумации. Исследователи связывают этот факт не только с разновременностью погребений, но и с их различным этническим статусом, относя кремации (характерный признак погребальной обрядности енисейских кыргызов – обзор см. Худяков, 2016) к местному населению. Стоит отметить, что для территории Южного Приангарья, где также имеются погребения по обряду кремации на стороне, даже с сопроводительным инвентарем из характерных для культуры кыргызов вещей, отрицается их принадлежность к енисейским кыргызам (Харинский, 2003).

Учитывая имеющуюся информацию о других погребениях по названному обряду, можно предположить, что захоронение у Дрокино принадлежит воину-кыштыму[8], который участвовал в завоевательных походах кыргызов, вернулся на родину, где впоследствии и был погребен. На основе комплекта бронзовых бляшек с характерным декором предлагается датировать захоронение X–XI вв.[9]

Особенности декора ременных украшений. Набор ременных украшений комплекса Дрокино 1 носит "собирательный" характер. Обобщенно рассмотрим единичные предметы.

Типы декора на них, как сказано выше, по замыслу представляют довольно стандартные для Саяно-Алтайского региона композиции, но они все же не составляют популярных и наиболее распространенных, выделенных ранее серий (Король, 2008. С. 157–176). Поиски точных аналогий им – специальная задача, не стоявшая перед нами. Отметим лишь близкую дрокинской крупной пряжке по композиции декора пряжку из Минусинской котловины (Кызласов, Король, 1990. Рис. 61, *5*). В качестве примеров условных аналогий вертикальных композиций из повторяющихся растительных мотивов, представленных на небольшой концевой бляшке и фрагменте крупной бляхи (рассмотренный выше тип 2), можно указать следующие. Для первой (рис. 5, *7*) – фрагмент концевой бляхи (Кызласов, Король, 1990. Рис. 39, *1*, см. также варианты схем композиций – табл. XXII, *47, 51, 53, 54, 61*). Бутон в виде граната на концевой бляшке из Дрокино – хорошо известный элемент в декоре торевтики малых форм с территории Саяно-Алтая (подробно о нем см. Кызласов, Король, 1990. С. 118–120. Табл. XXXI, *7*). Для второй (рис. 5, *8*) – декор пряжки из могильника Шанчиг на Верхнем Енисее (Кызласов, 1969. Рис. 40, *1*). Заметим, что бордюр этой пряжки оформлен пояском "жемчужника", что перекликается со специальным оформлением бордюра бляхи из Дрокино 1. При этом круглая цветочная розетка в оформлении бордюра этой бляхи имеет сходство с мотивом, применяемым в декоре танского искусства Китая (рис. 5, *13*).

Композиции в виде расщепленной пальметты на трех идентичных образцах (рис. 5, *5, 6*) можно также предложить аналогию (но с простейшим бутоном) из комплекса Шанчиг на бляшках сердцевидной формы (Кызласов, 1969. Рис. 40, *7, 8*). На предметах из Дрокино 1 бутоны не типичные (ср. Кызласов, Король, 1990. Табл. XXI–XXVI).

Геометрическая композиция на овальной бляшке проста, но также не характерна для декора ременных украшений Саяно-Алтая. По замыслу она сравнима с геометризованным изображением "древа" с основанием, вершиной, некой "структурой" ствола и "ветвями" (ср. с иным воплощением замысла на бляхе, не имеющей точных аналогий, из района Змеиногорска, Рудный Алтай: Король, 2008. С. 195, 196. Рис. 59, *9*).

В отличие от единичных предметов ременной гарнитуры из Дрокино 1 все бляшки с мотивом "пламенеющая жемчужина" принадлежали единому по замыслу ременному набору[10]. Именно поэтому они представлены в мини-сериях (6, 12 и 12 бляшек). Набор из Дрокино 1 вписывается в общую картину популярности мотива не только на Среднем и Верхнем Енисее, но и в других частях Саяно-Алтая, а также особого восприятия всадниками региона именно этого мотива и приверженности ему. Можно констатировать, что все три варианта мотива и композиций с ним оригинальны и не были известны ранее. Они едины в передаче жемчужины в виде объятой пламенем с трех сторон, т.е. зафиксировано ее

[8] Этносоциальный термин для обозначения вассального населения, использовался енисейскими кыргызами по отношению к зависимым данникам.

[9] Скорее началом X в., если это погребение непосредственного участника походов кыргызов. Но ценные бляхи ременного набора могли храниться в семье как реликвии и принадлежать потомкам.

[10] Или наборам, ибо 12 миниатюрных бляшек по размеру не могли быть размещены на одном ремне с большими, хотя в случае наборного пояса вполне пригодны для украшения более узкого подвесного ремешка.

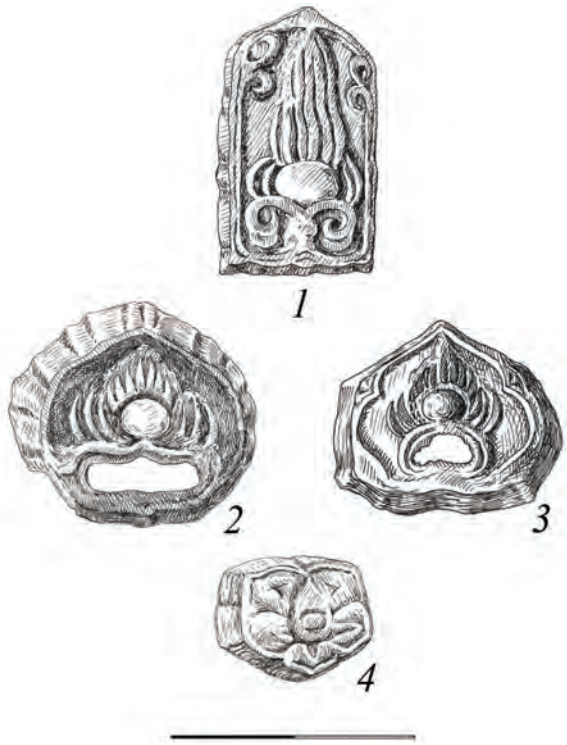


Рис. 6. Предметы (*1–4*) с мотивом “пламенеющая жемчужина” из погребения Дрокино 1. Рисунок О.Б. Наумовой.

Fig. 6. Objects (*1–4*) with the “flaming pearl” motif from the burial of Drokino 1. Drawing by O.B. Naumova

нахождение внутри этого огня, хотя основание, на котором она покоится, тоже присутствует. Напомним, что в рассмотренных выше вариантах иконографии мотива на материалах торевтики малых форм (рис. 2) такое единство жемчужины и пламени тоже присутствует, но все же наиболее распространено раздельное размещение жемчужины и пламени над ней.

На двух композициях декора бляшек из Дрокино 1 (концевые и бляшки с отверстием) это “объятие” с трех сторон пламенем жемчужины показано не фиксировавшимся ранее образом (рис. 6, *1–3*) – не просто дугообразной линией, а 2-3 отдельными дугами, которые исполнены в едином замысле с основным пламенем над жемчужиной. Самое характерное отличие – в иконографии самого пламени. Прежде всего, обращает на себя внимание его высота на концевых накладках. Мастеру удалось оптимально заполнить вертикальное пространство данным мотивом (ср. с рис. 2, *17*; подробнее см. Король, 2019. Рис. 1, *2, 3*). Языки пламени на концевых накладках характерно изогнуты, что тоже фиксируется впервые[11]. И даже вертикальные короткие языки пламени на бляшках с отверстием в совокупности с боковыми дугами воспринимаются, как колеблющееся пламя. Это, повторимся, оригинальный вариант замысла мастера, работы которого ранее никогда не попадали (точнее, не были известны археологам) в регион Саяно-Алтая и на прилегающие территории. Отметим, что изогнутые и даже резко изогнутые и отстоящие один от другого языки пламени над жемчужиной – один из наиболее характерных вариантов иконографии мотива в материалах средневекового Восточного Туркестана (рис. 1). Известен подобный прием в Тибете в этнографическое время (рис. 1, *23*).

Третий вариант композиции (рис. 6, *4*) интересен тем, что при стандартном для декора ременных украшений Саяно-Алтая изображении жемчужины, со всех сторон объятой пламенем каплевидной формы без выделения языков (ср. варианты мотива на схемах и образцах рис. 2), общая композиция фиксируется впервые. А именно – размещение жемчужины не на условном возвышении-основании – стилизованном (иногда до неузнаваемости и предельной геометризации) цветке лотоса или ином растительном элементе, как в случае с рассмотренными выше концевыми накладками, а в центре распустившегося лотоса, переданного пятью лепестками. Качество сохранности декора на бляшках в основном плохое. Одни сильно деформированы под воздействием огня. Другие, вероятно, не только долго эксплуатировались, что могло привести к затертости изображения, о чем сказано выше, но и относятся к “вторичным” изделиям, представлявшим собой реплики с реплик и т.д., приводивших к ухудшению качества декора и постепенному исчезновению его важных деталей, а затем и к стилизации вплоть до неузнаваемости рисунка.

Это композиционное решение кажется наиболее близким к замыслу буддийского мотива в его воплощении в буддийском и манихейском искусстве. Как хорошо известно, зачастую будды и бодхисатвы в буддийском искусстве вплоть до современности изображаются сидящими на лотосовидном основании (рис. 7). Лотос – неотъемлемая часть божественной силы. Добавим к приведенной выше символике лотоса в сочетании с чинтамани еще и аспект сочетания образов лотоса и пламени, которые символизируют “не только идею союза воды и огня, но и

[11] В группе “е” (рис. 2, *17, 18*) есть изогнутые линии пламени, но это совершенно иные замысел и рисунок.

Рис. 7. Современная скульптура “Будда, приносящий счастье”. Сеул, 2019. Фото И.С. Жущиховской.
Fig. 7. The contemporary sculpture “Buddha Providing Good Luck”. Seoul, 2019. Photo by I.S. Zhushchikhovskaya

форму, в которой Ади-будда впервые открылся на горе Сумеру” (Мифы..., 1994. Т. 2. С. 71). Можно предположить, что отдельные изображения чинтамани на цветке лотоса (или его стилизации) могли служить визуализацией незримого присутствия божества. В целом, эти образы по сути – символы божественного начала.

Такая многогранность символики конкретных атрибутов воплощена в достаточно простой декоративной форме на ременных украшениях средневековых всадников. Это давало возможность далеким от глубин смыслов буддийской мифической традиции, но, возможно, что-то слышавшим или видевшим в далеких походах в Восточный Туркестан воинам Кыргызского каганата по-своему проявить особое отношение к чужим символам (здесь мы не касаемся существующей версии принятия верхушкой каганата манихейства). Их популярность и распространение на значительных территориях, далеких от буддизма и его искусства, может объясняться восприятием символа и предмета с его изображением как апотропея, как воплощения их собственного традиционного отношения к огню очага (“мать-огонь”) и пламени (Традиционное..., 1988. С. 137, 138). И эта защита, заключенная в символичных мотивах декора ременных украшений, всегда вместе с всадником, в том числе после жизни.

Таким образом, образцы пламенеющей жемчужины, включая оригинальное композиционное решение, из материалов комплекса Дрокино 1 – новые варианты буддийского мотива в декоре средневековой ременной амуниции всадников, в значительном количестве (более 2 тыс. предметов) представленной в культуре народов Саяно-Алтая и прилегающих территорий конца I – начала II тыс.

Кроме того, оригинальность иконографии некоторых других мотивов и композиций (вспомним и художественную шляпку заклепки на единичном предмете) позволяет предполагать, что набор для погребения собран из ременных украшений, основная часть которых произведена не в тех мастерских, которые снабжали массовой продукцией всадников большого региона. Это наблюдение может служить дополнительным аргументом в пользу того, что исследованный погребальный комплект сопровождал воина-кыштыма, который, возможно, привез из дальних походов такой индивидуальный ременный набор[12]. Он в целом соответствует общему стилю декора, ставшему популярным в большом регионе в период экспансии Кыргызского каганата, но

[12] Вероятно, тоже составленный из бляшек разного качества и металла, т.е. дополнявшийся с течением времени и утратой тех или иных ременных элементов. Возможно прояснить это можно будет после исследования состава металла.

все же значительно отличается особенностями иконографии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00257.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М.: Вост. литература, 1992. 687 с.

Карцов В.Г. Описание коллекций и материалов музея. Красноярск: Краснояр. гос. типо-лит., 1929. 67 с.

Кореняко В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Вост. литература, 2002 (Культура народов Востока: Материалы и исследования). 327 с.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008 (Труды Сиб. Ассоц. исслед. первобытного искусства; вып. V). 332 с.

Король Г.Г. Культурные влияния в Центральной Азии и на сопредельных территориях рубежа I–II тыс. н.э. (по материалам торевтики малых форм) // РА. 2015. № 4. С. 64–77.

Король Г.Г. К вопросу о вариативности использования мотивов декора (по материалам средневековой торевтики Саяно-Алтая и прилегающих территорий) // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 251–265.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 211 с.

Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов IX–X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981 (Археология СССР). С. 54–59.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Вост. литература, 1990. 216 с.

Леонтьев Н.В. О буддийских мотивах в средневековой торевтике Хакасии (По материалам коллекции Минусинского краеведческого музея) // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1988. С. 184–196.

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энцикл., 1994. 2 т. (671 + 719 с.)

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Савинов Д.Г. Красноярско-Канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: тез. докл. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 144–149.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 216 с.

Скобелев С.Г., Митько О.А. Погребения по обряду трупосожжения на реке Кача под Красноярском и их место в культурной традиции средневекового населения Енисея // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3. Археология и этнография. С. 212–220.

Тишин В.В., Серегин Н.Н. К вопросу о существовании служителей культа у древних тюрков Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 76–96.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

Фокин С.М. Средневековое погребение у поселка Дрокино в Красноярской лесостепи // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 2. С. 137–150.

Харинский А.В. Захоронения по обряду кремации конца I тыс. н.э. из Южного Приангарья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 220–226.

Худяков Ю.С. Кремация в погребальной обрядности енисейских кыргызов // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы конф. Т. 2. Красноярск: СФУ, 2016. С. 111–115.

Цыбиков Г.Ц. Буддист паломник у святынь Тибета. Пг., 1919 (обл. 1918). 472 с.

Central Asian Art from the Museum of Indian Art, Berlin, SMPK: Exhibition Catalogue. Tokyo: Asahi Shimbun, 1991. 226 p. (In Japanese)

Chūgoku Tonkō hekigaten (Exhibition of Murals from Dunhuang, China) / Inoue, Yasushi (ed.). Tokyo: Mainichi Shinbunsha, 1982. [128] p. (In Japanese)

Dunhuang zaojing tuan (Dunhuang Murals). Beijing: Renmin Meishu Chubanshe, 1953. [3], 20 p. (In Chinese)

Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Berlin, 1912. 370 S.

Heavenly Horse: The Horse in Chinese Art and Culture. Hong Kong: Hong Kong Museum of History, 2008. 176 p. (In Chinese and English)

Le Coq A. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. T. IV: Atlas zu den Wandmalerien. Graz, 1974. 28 S.

Stein A. Serindia. V. IV. Oxford, 1921a. CLXXV pl.

Stein A. The Thousand Buddhas. L.: Bernard Quaritch, Ltd., 1921b. XII, 65 p.

Williams C.A. Encyclopedia of Chinese Symbolism and art Motives. N.Y.: Julian press, 1960. XXI, 468 p.

NEW VARIATIONS OF BUDDHIST MOTIF IN MEDIEVAL ORNAMENTATION (THE MIDDLE YENISEI)

Galina G. Korol[1,*], Sergey M. Fokin[2,]**

[1]*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*
[2]*The Krasnoyarsk Territory Museum of Local Lore, Russia*

[*]*E-mail: ggkorol08@rambler.ru*
[**]*E-mail: smf.kkkm@mail.ru*

The article discusses materials of the cremated burial near the village of Drokino in Krasnoyarsk vicinity (the left bank of the Yenisei River) dated by the 10th–11th centuries. The finds of the site include non-ferrous metal belt ornaments decorated in the style typical of the Altai-Sayan. The authors propose a typology of the ornamentation. The study identified a type with the "flaming pearl" motif (28 cases) – cintamani (*Sanskr.*), a famous Buddhist symbol popular in the region during the "expansion" of the Kyrgyz Khaganate (the second half of the 9th– the early 10th century). Based on the discussed cases of the motif iconography in medieval materials from East Turkestan and Altai-Sayan, it is shown that the samples from the Drokino 1 complex are new versions of the motif in the ornamentation of the horsemen's belt equipment of Altai-Sayan and neighboring territories. Perhaps a kyshtym (vassal) warrior buried with such an accompanying inventory participated in the campaigns of the Kyrgyz and brought an "individual" specifically selected belt set to his homeland.

Keywords: Middle Yenisei, Altai-Sayan, the Middle Ages, belt ornamentation, non-ferrous metal, decoration, "flaming pearl" (*cintamani*).

REFERENCES

Central Asian Art from the Museum of Indian Art, Berlin, SMPK: Exhibition Catalogue. Tokyo: Asahi Shimbun, 1991. 226 p. (In Japanese)

Chūgoku Tonkō hekigaten (Exhibition of Murals from Dunhuang, China) / Inoue, Yasushi, ed. Tokyo: Mainichi Shinbunsha, 1982. [128] p. (In Japanese)

Dunhuang zaojing tuan (Dunhuang Murals). Beijing: Renmin Meishu Chubanshe, 1953. [3], 20 p. (In Chinese)

Fokin S.M., 2018. Medieval burial near the village of Drokino in the Krasnoyarsk forest-steppe. *Mul'tidistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii [Multidisciplinary research in archaeology]*, 2, pp. 137–150. (In Russ.)

Grünwedel A., 1912. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Berlin. 370 p.

Heavenly Horse: The Horse in Chinese Art and Culture. Hong Kong: Hong Kong Museum of History, 2008. 176 p. (In Chinese and English)

Kartsov V.G., 1929. Opisaniye kollektsiy i materialov muzeya [Description of the collections and materials of the museum]. Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. tipolit. 67 p.

Kharinskiy A.V., 2003. Cremated burials of the late 1st millennium AD from the southern Angara region. *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoyeniya Zapadnoy Sibiri [Historical experience of economic and cultural exploration of Western Siberia]*, I. Barnaul: Izd. Alt. univ., pp. 220–226. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S., 2016. Cremation in the funeral rite of the Yenisei Kyrgyz. *Drevniye kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya: materialy konferentsii [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Conference proceedings]*, 2. Krasnoyarsk: SFU, pp. 111–115. (In Russ.)

Korenyako V.A., 2002. Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil' [The art of Central Asian population and animal style]. Moscow: Vost. literature. 327 p. (Kul'tura narodov Vostoka: Materialy i issledovaniya).

Korol G.G., 2008. Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [The art of medieval nomads of Eurasia. Studies]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 332 p. (Trudy Sib. Assots. issled. pervobytnogo iskusstva, V).

Korol G.G., 2015. Cultural influences in Central Asia and adjacent territories at the turn of the 1st–2nd millennium AD (based on the materials of small toreutics). *RA [Russian archaeology]*, 4, pp. 64–77. (In Russ.)

Korol G.G., 2019. The issue of variation in use of decortive motifs revisited (a case study of medieval toreutics of the Sayan and Altai mountains and the adjacent areas). *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 256, pp. 251–265. (In Russ.)

Kyzlasov L.R., 1969. Istoriya Tuvy v sredniye veka [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow: Izd. Mosk. univ. 211 p.

Kyzlasov L.R., 1981. The Tukhtyat culture of the ancient Khakass of the 9th–10th centuries. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Eurasia*

in the Middle Ages]. Moscow: Nauka, pp. 54–59. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)

Kyzlasov L.R., Korol G.G., 1990. Dekorativnoye iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskiy istochnik [Decorative art of the medieval Khakass as a historical source]. Moscow: Vost. literatura. 216 p.

Le Coq A., 1974. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien, IV. Atlas zu den Wandmalerien. Graz. 28 S.

Leont'yev N.V., 1988. Buddhist motifs in the medieval toreutics of Khakassia (based on materials from the collection of the Minusinsk Museum of Local Lore). *Istoriko-kul'turnyye svyazi narodov Yuzhnoy Sibiri [Historical and cultural ties of the inhabitants of South Siberia]*. Abakan: KhakNIIYaLI, pp. 184–196. (In Russ.)

Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of the world: encyclopedia]. S.A. Tokarev, ed. Moscow: Ros. entsikl., 1994. 2 t. (671 + 719 p.)

Mogil'nikov V.A., 2002. Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh [Nomads of the northwestern foothills of the Altai in the 9th–11th centuries]. Moscow: Nauka. 362 p.

Savinov D.G., 1989. The Krasnoyarsk-Kansk version of the culture of the Yenisei Kyrgyz. *Problemy izucheniya Sibiri v nauchno-issledovatel'skoy rabote muzeyev: tezisy dokladov [Problems of studying Siberia in the research activities of museums: abstracts]*. Krasnoyarsk: Izd. Krasnoyar. univ., pp. 144–149. (In Russ.)

Savinov D.G., 1994. Gosudarstva i kul'turogenez na territorii Yuzhnoy Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ya [States and cultural genesis in southern Siberia in the early Middle Ages]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 216 p.

Skobelev S.G., Mit'ko O.A., 2007. Cremated burials on the Kacha River near Krasnoyarsk and their place in the cultural tradition of the Yenisei medieval population. *Vestnik Novosibirskogo gos. univ. Seriya: Istoriya, filologiya [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, philology]*, vol. 6, iss. 3. Arkheologiya i etnografiya, pp. 212–220. (In Russ.)

Stein A., 1921a. Serindia. Vol. IV. Oxford. CLXXV pl.

Stein A., 1921b. The Thousand Buddhas. London: Bernard Quaritch, Ltd. XII, 65 p.

Tishin V.V., Seregin N.N., 2017. To the existence of priests among the ancient Turks of Central Asia. *Etnograficheskoye obozreniye [Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic review)]*, 3, pp. 76–96. (In Russ.)

Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Material world]. Novosibirsk: Nauka, 1988. 225 p.

Tsybikov G.Ts., 1919 (1918). Buddist palomnik u svyatyn' Tibeta [A Buddhist pilgrim at the shrines of Tibet]. Petrograd. 472 p.

Vostochnyy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'ye: Etnos, yazyki, religii [East Turkestan in Antiquity and the early Middle Ages: Ethnicity, languages, religions]. Moscow: Vost. literatura, 1992. 687 p.

Williams C.A., 1960. Encyclopedia of Chinese Symbolism and art Motives. N.Y.: Julian press. XXI, 468 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 79–95

ИЗОТОПНЫЕ МАРКЕРЫ ЭКОСИСТЕМ И ПИТАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

© 2020 г.
М.В. Добровольская[1,*], А.В. Тиунов[2,], О.А. Крылович[2,***], Е.А. Кузьмичева[2,****], И.К. Решетова[1,*****], А.Б. Савинецкий[2,******], Н.Г. Свиркина[1,*******], А.Л. Смирнов[1,********]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2]Институт проблем экологии и эволюции РАН, Москва, Россия

[*]E-mail: mk_pa@mail.ru
[**]E-mail: a_tiunov@mail.ru
[***]E-mail: okrylovich@gmail.com
[****]E-mail: kuzmicheva.evgeniya@gmail.com
[*****]E-mail: reshetovairina@yandex.ru
[******]E-mail: arkadybs@rambler.ru
[*******]E-mail: svirkina.natalia@mail.ru
[********]E-mail: ari1828@bk.ru

Поступила в редакцию 25.11.2019 г.
После доработки 16.01.2020 г.

Изучение изотопного состава углерода и азота в современных природных сообществах помогает создавать палеоэкологические реконструкции ландшафтного окружения и пищевых ресурсов средневекового сельского населения. Цели исследования состоят в определении изотопного состава (соотношение $^{13}C/^{12}C$ и $^{15}N/^{14}N$) представителей флоры и фауны современного гемибореального леса европейской части России, а также проведение пилотной реконструкции особенностей питания и среды обитания средневековых жителей исследуемого региона. На основании определения изотопного состава азота и углерода 320 образцов флоры и фауны Пеновского и Андреапольского р-нов Тверской обл. сформированы представления о характерных величинах изотопного состава азота и углерода растений, гумусового горизонта почвы, коллагена костной ткани млекопитающих и рыб. Полученные результаты сходны с данными из прилегающих регионов (Прибалтика, Польша, Кировская обл. РФ), что позволяет предположить однородную структуру “изотопного ландшафта” на северо-востоке Европы. Исследован изотопный состав углерода и азота в коллагене костной ткани индивидов из жальников и курганов Тверской области, а также средневекового Новгорода. Обсуждаются вопросы изменчивости изотопных показателей в связи с различиями в среде и использовании пищевых ресурсов.

Ключевые слова: средневековое население, лесная зона европейской части России, изотопные маркеры питания.

DOI: 10.31857/S086960630010944-7

Изучение уклада жизни сельского средневекового населения – особое направление в современной отечественной археологии. Монографические издания, статьи и сборники отражают интерес к этой тематике и совершенствование методов изучения (Макаров и др., 2001; Чернов и др., 2004; Сельская Русь..., 2008; Археология..., 2009). Тесная связь человека с местными природными ресурсами делает экологический подход одним из наиболее актуальных. Связь верований и культурных традиций с хозяйственной деятельностью не позволяет относиться к характеристикам земледелия, животноводства, землепользования как к сугубо экономическим сферам. При изучении сельской жизни средневекового социума исследования культурных традиций и экологических связей тесно соприкасаются. Культурная деятельность человека в свою очередь трансформировала освоенные экосистемы.

Одним из актуальных подходов в реконструкции образа жизни человека можно считать изотопный, получивший широкое

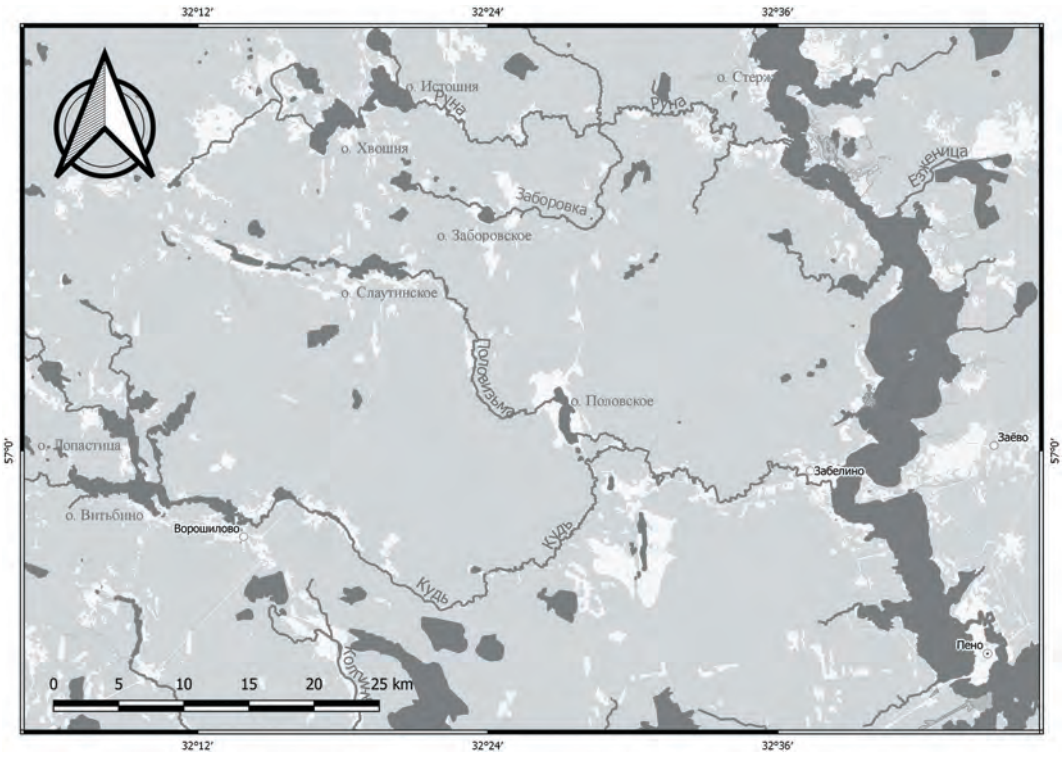


Рис. 1. Изучаемая территория Пеновского района Тверской области.
Fig. 1. The studied area in Peno district of Tver Region

распространение в мировой археологии. Традиционная область применения изотопного анализа — определение трофических связей внутри экосистемы. Для того чтобы данные, полученные при изучении изотопного состава биоархеологических материалов, могли быть предметно интерпретированы, необходимо изотопное исследование современных модельных экосистем, на основании знания которых может осуществляться реконструкция исторических условий. Изучение такой модельной экосистемы проходит в рамках данного проекта.

Выбор модельной территории. В задачи исследования входило изучение территории, которая покрыта хвойно-лиственным лесом, не испытывает существенной антропогенной нагрузки и содержит значительное количество разновременных археологических памятников, подтверждающих активное использование ее человеком в прошлом.

В качестве модельного региона изучения флоры и водной фауны выбран участок Пеновского р-на Тверской обл., ограниченный с севера р. Руна, с юга — р. Кудь, с востока — западным берегом оз. Пено, с запада — западными же побережьями озер Хвошня и Витьбино (рис. 1). В настоящее время район малонаселен. Слабая археологическая изученность этого участка оставляет белое пятно на археологической карте Пеновского р-на, включающей более 300 памятников всех эпох начиная с финального палеолита (Археологическая..., 2012. С. 188). Данные млекопитающих получены не только из этого микрорегиона, но и из Центрального лесного заповедника (ближайший Андреапольский р-н).

Территория к западу от оз. Пено относится к главному водоразделу восточноевропейских стоков рек. Местность можно связать с летописным Оковским лесом. Позднесредневековые исторические сведения позволяют реконструировать принадлежность этих земель. Новгородско-Ржевские рубежи четко определены по разводной грамоте 1483 г. Точная локализация межевых ориентиров проведена В.А. Кучкиным (1984. С. 165—175). Предположительно стабильные границы Деревской пятины существовали со второй четверти XII в. (Кучкин, 1984. С. 174, 175). Изучаемый локус относился к землям Ржевы Володимировой и граничил с Деревской пятиной. Межевое описание содержит упоминания пашенных земель, болот, крупных дубов и сосен и лишь однажды отмечена грива — поросший лесом холм. Такое же впечатление складывается из описания

путешествия Я. Стрейса, ехавшего из Риги в Москву в 1668 г. через Печеры, Псков и Новгород. Автор редко упоминает “дремучий лес”. Более обычны другие описания: “...по обеим сторонам дороги раскинулись поля и луга, насколько хватало глаз” (Стрейс, 1935. С. 150). Комплексные археологические исследования, проведенные в Верхнем Подвинье (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 634), также указывают на значимое воздействие человека на природное окружение.

Приступая к работам, мы отдавали себе отчет в невозможности получения быстрых ответов, но и осознавали необходимость начала систематического изучения изотопных маркеров экологических связей в антропогенных ландшафтах прошлого как перспективного направления археологических исследований. Изотопные реконструкции базируются на хорошо установленных природных закономерностях, однако сталкиваются с многочисленными трудностями. Среди них – пространственная изменчивость изотопного состава основных продуцентов (растений) в пределах и между экосистемами, степень трофического фракционирования изотопов, различия в изотопном составе наземных и водных экосистем. В связи с этим определены первостепенные задачи исследования:

– формирование представлений о своеобразии изотопного состава растений и животных южнотаежного леса на примере модельных биотопов;

– сравнение изотопного состава наземных и водных позвоночных животных;

– сравнение изотопного состава животных и растений модельного района и других регионов Северо-Западной Европы для оценки монотонности изотопного ландшафта;

– соотнесение изотопного состава компонентов малонарушенных лесных экосистем и коллагена костной ткани средневековых жителей гемибореального леса.

Теоретическая основа реконструкции трофических связей в антропогенных экосистемах. Изотопная масс-спектрометрия позволяет получать сведения об изотопном составе элементов (прежде всего, углерода, азота, кислорода) и характеризовать экосистемы. Теоретической основой служат представления о трофических связях внутри экосистем и о закономерностях изотопного фракционирования в трофических цепях этих экосистем. “Изотопная экология” базируется на следующих основных феноменах. Во-первых, изотопный состав организма отражает интегрированный во времени изотопный состав его пищи. Во-вторых, в трофических цепях происходит небольшое, но устойчивое накопление тяжелых изотопов азота и углерода. В-третьих, в силу разнообразных физико-химических и биологических процессов разные компоненты ландшафтов и экосистем, равно как и разные органы и ткани в пределах отдельного организма, несколько различаются по изотопному составу.

Формирование изотопного состава углерода лесных экосистем происходит прежде всего в процессе фотосинтеза. В лесном поясе Евразии абсолютно доминируют С3 растения[1]. Изотопный состав углерода мало изменяется в пищевых цепях; как правило, происходит небольшое (в пределах 1–2 промилле) накопление тяжелого углерода (Тиунов, 2007). Однако величина $\delta^{13}C$ очень существенно варьирует в разных органах и тканях живых организмов. Для археологических исследований важно учитывать особенности изотопного состава коллагена костей и историческую динамику содержания ^{13}C в углекислом газе атмосферы. Из-за высокого содержания глицина коллаген, как правило, обогащен ^{13}C на 2–4‰ по сравнению с мышечными белками или кровью и на 5‰ и более по сравнению с углеродом диеты в целом (Hedges et al., 2004). Изотопный состав атмосферы существенно менялся на протяжении последних столетий. Сжигание ископаемого топлива и изменения в землепользовании в индустриальный период привели к росту поступления в атмосферу обедненного ^{13}C углекислого газа и повышения общей концентрации CO_2, что обеспечило снижение $\delta^{13}C$ атмосферного углекислого газа примерно на 1.5‰ (так называемый эффект Зюсса) (Keeling et al., 1979; Francey et al., 1999). Изотопный состав углерода на всех уровнях трофической цепи отражает изотопный состав исходного ресурса, поэтому на протяжении последних 150 лет наблюдается снижение $\delta^{13}C$ в тканях растений и животных (Bump et al., 2007; Yakir, 2011). Таким образом,

[1] С3 растения используют для фиксации CO_2 цикл Кальвина, который формирует молекулу с тремя атомами углерода (глицеральдегид-3-фосфат). Фиксация атмосферного CO_2 растениями с С3 типом фотосинтеза сопровождается сильным фракционированием против тяжелого изотопа ^{13}C, поэтому для С3 растений характерны низкие величины $\delta^{13}C$, обычно в пределах от -35 до -22‰ (Tykot, 2004. P. 433).

при сравнении изотопного состава в разные периоды необходимо использовать поправку, учитывающую изменения $\delta^{13}C$ атмосферного углекислого газа во времени (Bocherens, Drucker, 2003).

Изотопный состав азота растений и потребляющих растения животных зависит от особенностей почвы и ландшафта, но, как правило, лежит в пределах от −10 до +10‰. В лесных экосистемах пониженные величины $\delta^{15}N$ характерны для деревьев, активно формирующих микоризный симбиоз (ель, сосна, дуб, береза и пр.) (Evans, 2001). Внесение органических удобрений существенно увеличивает величину $\delta^{15}N$ в обрабатываемых почвах. Поэтому величины $\delta^{15}N$ культурных растений могут информировать о наличии или отсутствии традиции внесения навоза в землю под посевы (Bogaard et al., 2013. P. 12589). Аналогично меняется изотопный состав азота фуражных растений в местах систематического выпаса копытных (Szpak, 2014). В огромном большинстве случаев ткани консументов обогащены ^{15}N по сравнению с их пищей, т.е. в пищевых цепях происходит накопление тяжелых изотопов азота. В среднем величина $\delta^{15}N$ увеличивается на 2.5–3.4‰ на один трофический уровень (Post, 2002; Vanderklift, Ponsard, 2003), но во многих случаях величина трофического фракционирования изотопов азота достигает 5‰ и более (Bocherens, Drucker, 2003).

Успех реконструкции трофических связей в современных и исторических сообществах во многом зависит от корректного определения “изотопного фона” экосистемы. Исследования изотопной геохимии выявили прямую связь между температурой и величиной $\delta^{13}C$ и обратную – с влажностью (например: Kovda et al., 2010; Масленникова и др., 2012; Simonova et al., 2017). Состав стабильных изотопов углерода и азота может рассматриваться как климатический маркер. Возможность оценить локальные природно-климатические изменения создает особое поле деятельности (Hollund et al., 2010; Шишлина, 2015). Эти и другие закономерности легли в основу палеодиетологических реконструкций. Фракционирование изотопов углерода при фотосинтезе и в других процессах оказывает влияние и на радиоактивные атомы углерода (C^{14}), поэтому данные о соотношении стабильных изотопов ($\delta^{13}C$) стали необходимой частью радиоуглеродного датирования.

Изотопные маркеры экосистемы гемибореального леса. Для оценки “изотопного ландшафта” модельной территории нами собрано и проанализировано 25 образцов A_0 горизонта почвы (лесной подстилки), 120 проб лесной растительности, 113 образцов коллагена костей наземных позвоночных и 63 образца коллагена костей рыб.

Как правило, сбор многочисленных образцов фауны затруднен – в публикациях для диких животных фигурируют численности по виду от единичных до 5–9 индивидов. Минимальная статистическая обработка возможна начиная с пяти образцов. Так, в обзорной обобщающей статье по территории Балтии (Etu-Sihvola et al., 2019) использованы данные о современных млекопитающих в численности: заяц – 9 шт., бобр – 3 шт., олень, кабан, лось, тюлень – по 5 индивидов на каждый вид. В нашем случае присутствуют численности 9 и 11. Образцы получены благодаря помощи местных охотников и сотрудников Центрального лесного заповедника, прежде всего П.Н. Кораблева, любезно предоставившего краниологические коллекции, за что мы искренне признательны.

Пробы растительности сформированы типичными для местной флоры деревьями (ель, сосна, береза, рябина), карликовыми кустарничками (черника и брусника). Образцы растительности отбирались по трансектам, проходившим через различные элементы рельефа. Расстояние между двумя точками составляло 100 м. В каждой точке брались все категории образцов: почва, листья и хвоя древесных растений, травянистые растения. Каждый образец составлялся из трех равных частей от трех растений, находящихся неподалеку друг от друга. Каждая точка сбора фиксировалась GPS координатами и снабжалась короткой микроландшафтной характеристикой.

На фоне высокой вариабельности индивидуальных величин $\delta^{13}C$ листьев и хвои (рис. 2) средние величины $\delta^{13}C$ всех видов растений очень низки (менее -29‰, табл. 1). Это может быть отчасти связано с так называемым эффектом лесного полога, поскольку пробы в основном отобраны в плотных древостоях. При сильном затенении увеличивается фракционирование против ^{13}C при фотосинтезе (Brooks et al., 1997). Изотопный состав азота отдельных растений также колебался в широких пределах, но в среднем между -2 и -4‰ (табл. 2). Фактором индивидуальной

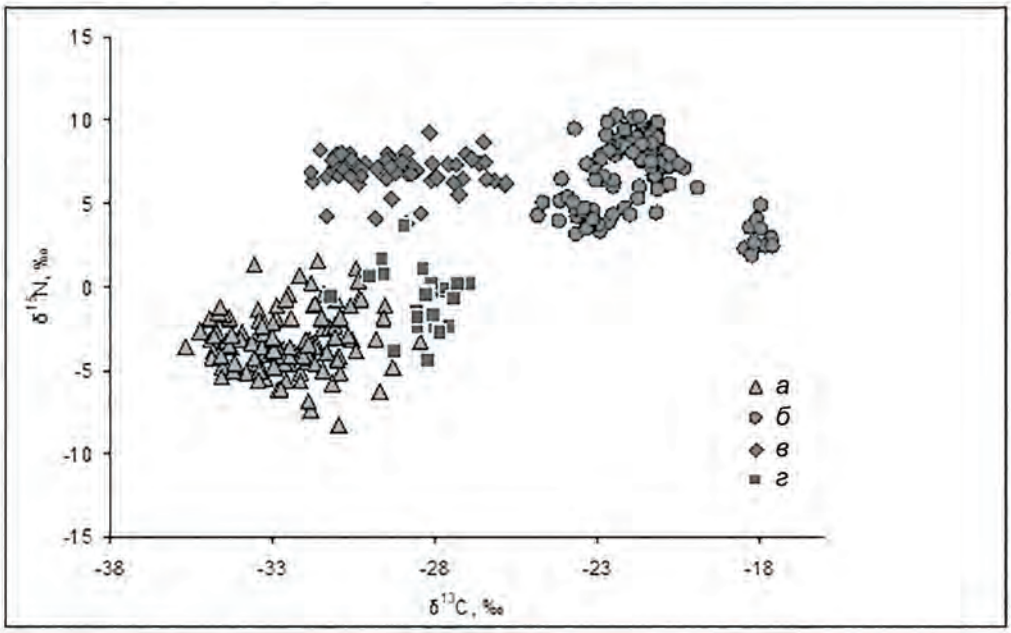


Рис. 2. Изотопный состав углерода и азота (величины $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$) органического вещества почвы (*г*), растительности, *а* (листья и хвоя), млекопитающих, *б* (коллаген костей), рыбы, *в* (коллаген костей) на модельной территории (Тверская обл., Россия). Каждая точка отражает результаты одного анализа.

Fig. 2. The isotopic composition of carbon and nitrogen (values of $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$) of the soil organic matter (*г*), vegetation, *а* (leaves and needles), mammals, *б* (collagen of bones), fish, *в* (collagen of bones) on the studied territory (Tver Region, Russia). Each point reflects the results of one analysis

изменчивости изотопного состава растений может быть высокая расчлененность ландшафта и выраженный микрорельеф.

Образцы растительности и верхнего гумусового слоя почвы отбирались по трансектам, которые пересекали ярко выраженные элементы рельефа, в том числе заболоченные участки и сформированные ледниковыми отложениями гряды. В отдельных случаях удалось проследить повышение величины $\delta^{13}C$ на возвышенных элементах рельефа, однако в целом зависимость $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ растений от высоты была слабо выражена. Тем не менее широкий диапазон изотопного состава растений даже в пределах модельного участка ограниченной площади может иметь большое значение для биоархеологических реконструкций и требует дальнейших работ.

Пробы коллагена костной ткани современных лесных млекопитающих получены от 12 видов травоядных, всеядных и хищных животных (рис. 2). Коллаген выделялся из компактной костной ткани. Наиболее низкое содержание ^{15}N и ^{13}C отмечено у травоядных (лось, бобр). Средняя величина $\delta^{13}C$ коллагена лося и бобра составила -23.5 и -23.6‰ соответственно, т.е. более чем на 6‰ выше, чем величина $\delta^{13}C$ доминирующих лесных растений. Для специализированных хищников – норки, хоря, барсука, выдры, куницы, лисицы и волка – характерны величины $\delta^{15}N$ выше 7.5‰. По $\delta^{15}N$ медведь занимает промежуточное положение между травоядными и хищниками. В целом полученное распределение величин $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ наземных млекопитающих соответствует ожидаемой картине за двумя исключениями. Удивляют относительно низкие величины $\delta^{15}N$ у рыси, типичного хищника, и экстремально высокое содержание ^{13}C у белки (табл. 2). Причины этих феноменов остаются неясными.

Исследовано девять наиболее распространенных видов рыб из р. Руна и из нескольких озер разной площади. Образцы коллагена рыб получены из жаберных крышек. Для коллагена костей рыбы из озер характерны очень низкие величины $\delta^{13}C$, в рыбе из реки – на 1–2‰ выше. Все местные озера в той или иной степени заболочены. В целом все рыбы были существенно обеднены ^{13}C по сравнению с наземными млекопитающими (рис. 2). Вариации $\delta^{15}N$ между разными водоемами невелики и не выходят за пределы индивидуальной изменчивости внутри отдельных водоемов. Максимальная величина $\delta^{15}N$ отмечена у щуки,

Таблица 1. Изотопный состав углерода (величины $\delta^{13}C_{VPDB}$, ‰) в листьях и хвое лесных растений и коллагене костей млекопитающих и рыб в Пеновском р-не Тверской обл.

Table 1. Carbon isotope composition (values of $\delta^{13}C_{VPDB}$, ‰) in the leaves and needles of forest plants and in the collagen of mammalian and fish bones in Peno district of Tver Region

Образцы	*n*	$\delta^{13}C$ средняя (SD)		min $\delta^{13}C$	max $\delta^{13}C$
		Почва и растения			
Почва (верхний горизонт)	25	−28.4	(0.9)	−31.2	−27.0
Ель (*Picea abies*)	28	−31.8	(0.9)	−33.6	−29.7
Сосна (*Pinus sylvestris*)	9	−29.9	(1.1)	−31.6	−28.5
Береза (*Betula pendula*)	18	−31.9	(1.2)	−33.4	−29.8
Рябина (*Sorbus aucuparia*)	21	−33.0	(0.8)	−34.8	−31.4
Брусника (*Vaccinium vitis-idaea*)	11	−32.8	(1.4)	−34.9	−30.9
Черника (*Vaccinium myrtillus*)	19	−34.4	(0.8)	−35.7	−32.5
Кислица (*Oxalis* sp.)	14	−32.9	(0.9)	−34.2	−31.0
		Млекопитающие			
Лиса (*Vulpes vulpes*)	10	−21.7	(0.3)	−22.2	−21.1
Выдра (*Lutra lutra*)	10	−22.0	(0.8)	−23.7	−20.9
Волк (*Canis lupus*)	11	−22.4	(0.4)	−22.9	−21.6
Хорь (*Mustela putorius*)	8	−21.1	(0.4)	−21.8	−20.3
Барсук (*Meles meles*)	9	−21.1	(0.3)	−21.6	−20.7
Куница (*Martes martes*)	11	−21.4	(0.6)	−22.1	−19.9
Норка (*Mustela lutreola*)	7	−20.9	(0.2)	−21.1	−20.5
Рысь (*Lynx lynx*)	10	−22.9	(0.5)	−24.1	−22.5
Медведь (*Ursus arctos*)	9	−21.6	(0.5)	−22.5	−20.9
Бобр (*Castor fiber*)	9	−23.6	(0.5)	−24.6	−23.1
Лось (*Alces alces*)	9	−23.5	(0.7)	−24.8	−22.6
Белка (*Sciurus vulgaris*)	10	−18.0	(0.3)	−18.4	−17.6
		Рыбы			
Щука (*Esox lucius*)	1	−28.2	–	–	–
Окунь (*Perca fluviatilis*)	7	−29.4	(1.9)	−31.0	−26.4
Густера (*Blicca bjoerkna*)	7	−29.7	(0.7)	−31.0	−28.9
Плотва (*Rutilus rutilus*)	20	−29.0	(1.6)	−31.2	−26.4
Ёрш (*Gymnocephalus cernuus*)	7	−31.4	(0.3)	−31.8	−31.1
Красноперка (*Scardinius erythrophthalmus*)	14	−28.0	(1.8)	−31.0	−25.8
Уклейка (*Alburnus alburnus*)	3	−28.3	(1.0)	−29.4	−27.4
Лещ (*Abramis brama*)	1	−29.4	–	–	–
Карась (*Carassius* sp.)	3	−30.0	(1.2)	−31.3	−28.9

Таблица 2. Изотопный состав азота (величины $\delta^{15}N_{AIR}$, ‰) в листьях и хвое лесных растений и коллагене костей млекопитающих и рыб в Пеновском р-не Тверской обл.

Table 2. Nitrogen isotopic composition (values of $\delta^{15}N_{AIR}$, ‰) in the leaves and needles of forest plants and collagen of mammalian and fish bones in Peno district of Tver Region

Образцы	*n*	$\delta^{15}N$ средняя (SD)		min $\delta^{15}N$	max $\delta^{15}N$
		Почва и растения			
Почва (верхний горизонт)	25	−0.8	(1.8)	−4.5	3.6
Ель (*Picea abies*)	28	−3.2	(2.3)	−8.2	1.3
Сосна (*Pinus sylvestris*)	9	−3.0	(3.6)	−11.1	1.5
Береза (*Betula pendula*)	18	−2.6	(1.8)	−6.2	1.1
Рябина (*Sorbus aucuparia*)	21	−3.7	(1.4)	−6.1	−0.8
Брусника (*Vaccinium vitis-idaea*)	11	−4.0	(1.2)	−5.8	−2.5
Черника (*Vaccinium myrtillus*)	19	−3.2	(1.3)	−5.6	−1.2
Кислица (*Oxalis* sp.)	14	−3.8	(1.3)	−5.1	−0.9
		Млекопитающие			
Лиса (*Vulpes vulpes*)	10	8.8	(0.4)	8.3	9.7
Выдра (*Lutra lutra*)	10	8.8	(0.9)	7.7	10.2
Волк (*Canis lupus*)	11	8.7	(0.9)	7.7	10.2
Хорь (*Mustela putorius*)	8	8.4	(1.0)	7.1	9.6
Барсук (*Meles meles*)	9	8.0	(1.1)	6.1	9.9
Куница (*Martes martes*)	11	7.6	(0.8)	5.9	8.5
Норка (*Mustela lutreola*)	7	7.5	(0.2)	7.2	7.9
Рысь (*Lynx lynx*)	10	6.5	(0.4)	6.0	7.3
Медведь (*Ursus arctos*)	9	5.3	(0.9)	4.3	6.6
Бобр (*Castor fiber*)	9	4.6	(0.6)	3.5	5.3
Лось (*Alces alces*)	9	3.8	(0.5)	3.2	4.6
Белка (*Sciurus vulgaris*)	10	3.0	(0.9)	1.9	4.8
		Рыбы			
Щука (*Esox lucius*)	1	9.2	–	–	–
Окунь (*Perca fluviatilis*)	7	6.9	(0.9)	5.5	8.0
Густера (*Blicca bjoerkna*)	7	7.6	(0.4)	7.1	8.0
Плотва (*Rutilus rutilus*)	20	7.2	(0.8)	4.4	8.6
Ёрш (*Gymnocephalus cernuus*)	7	7.0	(0.6)	6.3	8.2
Красноперка (*Scardinius erythrophthalmus*)	14	6.8	(0.6)	6.1	7.9
Уклейка (*Alburnus alburnus*)	3	6.6	(0.5)	6.2	7.1
Лещ (*Abramis brama*)	1	5.3	–	–	–
Карась (*Carassius* sp.)	3	4.0	(0.2)	3.8	4.2

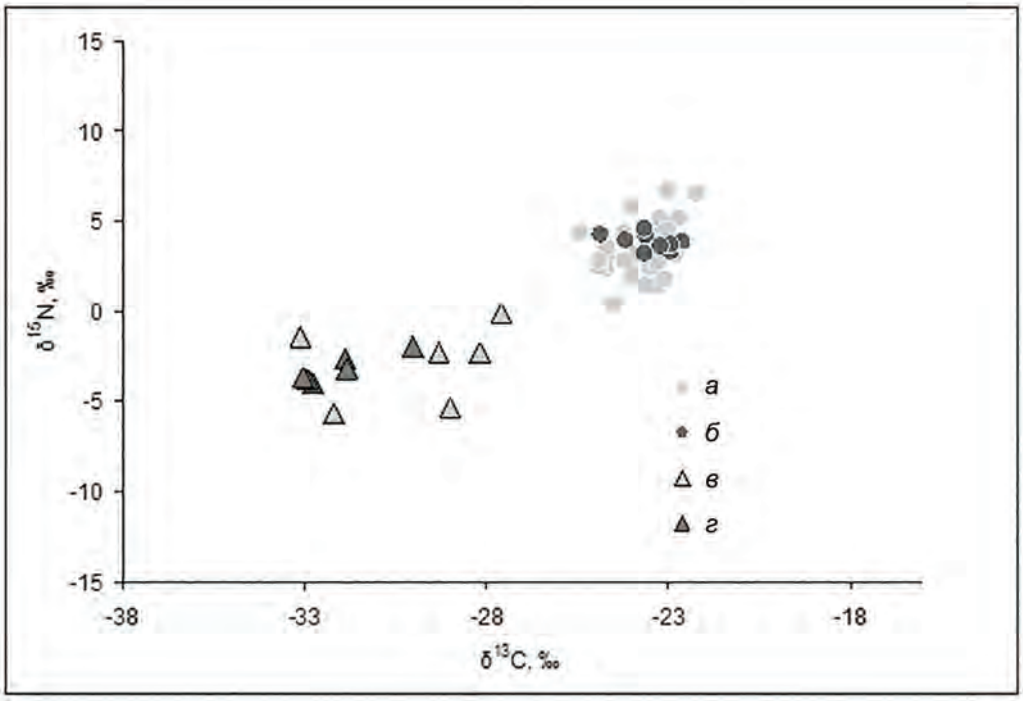


Рис. 3. Изотопный состав коллагена костей лося (*а, б*) и зеленых частей растений (*в, г*) в базе dIANA, *а, в* (Etu-Sihvola et al., 2019) и на модельной территории, *б, г* (Тверская обл.). Современные данные. Для растений каждая точка отражает среднюю величину для шести видов: ели, сосны, березы, рябины, брусники и кислицы. Для лося (*Alces alces*) каждая точка отражает результаты одного анализа.

Fig. 3. The isotopic composition of collagen in moose bones (*а, б*) and green parts of plants (*в, г*) in the dIANA database, *а, в* (Etu-Sihvola et al., 2019) and on the studied territory, *б, г* (Tver Region). Contemporary data. For plants, each point reflects the average value for six species: spruce, pine, birch, mountain ash, lingonberry and wood sorrel. For moose (Alces alces), each point reflects the results of one analysis

минимальная – у леща и карася (табл. 2). Изотопный состав коллагена выдры лишь немного отличается от изотопного состава наземных хищников. Возможно, выдра питалась преимущественно в малых водотоках, трофические сети в которых целиком зависят от поступающего с берега органического вещества. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Итак, в качестве основных отличительных черт “изотопного ландшафта” модельной территории назовем следующие:

– низкие величины $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ лесной растительности, сформированной облигатно микоризированными растениями;

– большая изменчивость величин $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ растений в пределах вида, но относительно небольшая разница изотопного состава растений разных видов;

– значительное обогащение коллагена травоядных млекопитающих ^{13}C и ^{15}N по сравнению с лесной растительностью, что еще более выражено у хищных млекопитающих;

– низкие величины $\delta^{13}C$ у речной и особенно у озерной рыбы.

“Облака” индивидуальных точек различных видов животных и растений на изотопном биплоте образуют шаблон, который может быть использован при обработке биоархеологических материалов (рис. 2).

При реконструкции питания и природного окружения археологи редко имеют возможность получить данные о древнем “изотопном ландшафте”. В связи с этим необходимо решение следующих вопросов. Во-первых, насколько устойчивы полученные на модельной территории закономерности и можно ли их распространить на более обширный регион. Во-вторых, в какой степени найденные закономерности устойчивы во времени и не претерпели ли они существенных изменений по сравнению с доиндустриальной эпохой.

Для решения этих вопросов привлечены материалы открытой базы данных по изотопному составу растений и животных Северной и

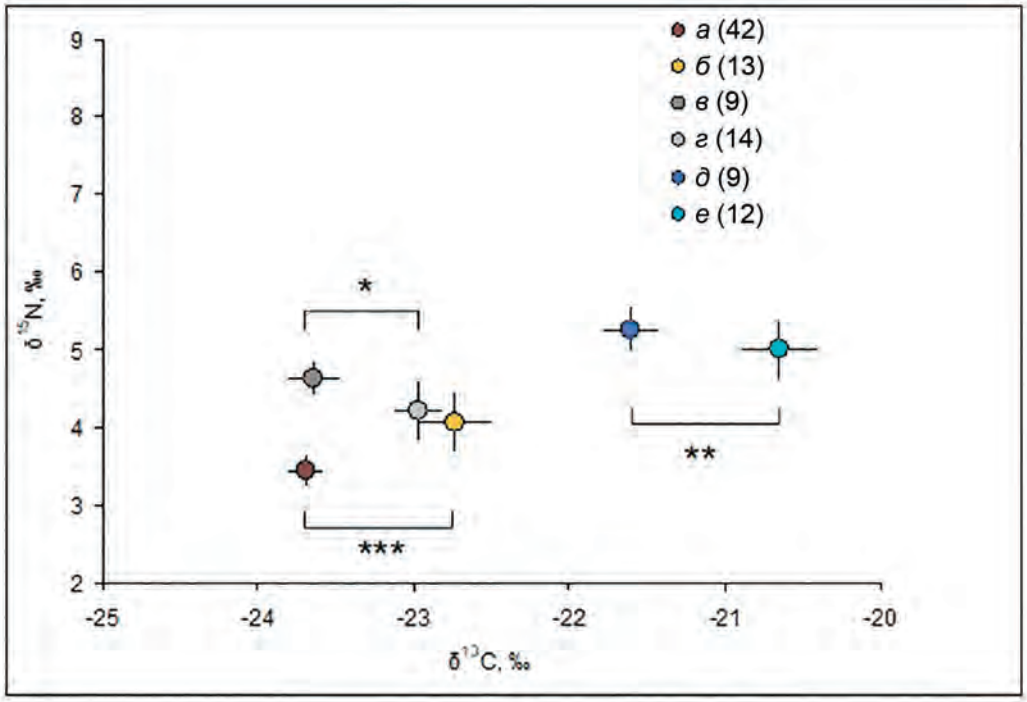


Рис. 4. Изотопный состав коллагена костей лося (*а, б*), бобра (*в, г*) и медведя (*д, е*) до (*б, г, е*) и после (*а, в, д*) 1950 г. Исторические (и отчасти современные данные по лосю) взяты из базы dIANA. Современные данные получены на модельной территории. Показаны средние величины и стандартная ошибка средней, число повторностей приведено в скобках. Статистическая значимость различий: *P < 0.05; **P < 0.01; ***P < 0.001 (LSD test).

Fig. 4. The isotopic composition of collagen in bones of moose (*а, б*), beaver (*в, г*) and bear (*д, е*) before (*б, г, е*) and after (*а, в, д*) 1950. Historical (and partially contemporary data on moose) were taken from the dIANA database. Contemporary data were obtained on the studied territory. Mean values and standard error of the mean are shown, the number of replications is given in brackets. The statistical significance of the differences: *P <0.05; **P <0.01; ***P <0.001 (LSD test)

Северо-Восточной Европы dIANA (Etu-Sihvola et al., 2019). Она содержит результаты изотопных анализов костного коллагена древних и современных животных с территории прибалтийских стран. Сравнение наших материалов с материалами базы dIANA показало высокую сопоставимость результатов (рис. 3). Представленные в базе особи лося получены с обширной территории, включая Польшу, Литву, Белоруссию и Кировскую обл. России. Как отмечалось, изотопный состав CO_2 атмосферы изменяется, что требует коррекции при сравнении исторических и современных данных. С началом индустриальной эпохи сжигание ископаемого топлива привело к снижению величины $\delta^{13}C$ углекислого газа атмосферы. Особенно резкое снижение произошло после 1955 г. (Graven, et al., 2017). Величина необходимой поправки может разниться между регионами.

Используя наши данные и материалы базы dIANA по образцам, собранным до 1950 г., мы оценили степень изменения изотопного состав коллагена трех видов животных – лося, бобра и медведя. Во всех случаях произошло уменьшение величины $\delta^{13}C$ в современных образцах примерно на 1‰. В то же время существенное изменение величины $\delta^{15}N$ не зафиксировано (рис. 4). Проведенный анализ позволяет предположить, что полученные нами данные об изотопном составе модельной экосистемы южнотаежного леса отражают характерный для Северо-Востока Европы “изотопный ландшафт” и могут быть использованы для реконструкции питания, хозяйства и природного окружения древнего и средневекового населения. При интерпретации данных об изотопном составе углерода необходимо учитывать произошедшие в последние столетия изменения изотопного состава углекислого газа в атмосфере.

Изотопные характеристики средневекового сельского населения гемибореальных лесов. Средневековые погребальные памятники, включающие курганы, грунтовые погребения и жальник у д. Поддубье Фировского р-на Тверской обл., изучены В.А. Буровым. Автор раскопок атрибутировал Поддубье 2 как

Таблица 3. Изотопный состав углерода и азота коллагена костной ткани людей из средневековых погребений на Валдае

Table 3. The isotopic composition of carbon and nitrogen of human bone tissue collagen from medieval burials in Valdai Hills region

Памятник, индивид	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$, ‰	%C	%N	C/N atom
Городок VIII, п. 2, мужчина	−21.40	10.32	39.6	14.0	3.3
Городок VIII, п. 3, ребенок	−22.16	10.02	37.5	13.7	3.2
Поддубье 2, PII, п. 3, ребенок, 2–3 года	−20.68	11.37	39.8	14.6	3.2
Поддубье 2, PII, п. 2, ребенок, младенец	−21.15	9.80	36.3	12.9	3.3
Поддубье 2, PII, п. 10, ребенок, 1–2 года	−20.99	10.29	38.2	13.8	3.2
Поддубье 2, PII, п. 11, ребенок, 2–3 года	−21.38	7.72	38.2	13.8	3.2
Поддубье 2, PII, п. 9, ребенок, 3–4 года	−21.34	11.12	38.1	13.7	3.2
Поддубье 2, PII, п. 4, ребенок, 3–4 года	−20.88	12.18	38.4	14.0	3.2
Поддубье 2, PII, п. 7, ребенок, 5–6 лет	−20.98	10.02	39.2	14.3	3.2
Поддубье 2, PII, п. 5, ребенок, 5–6 лет	−20.79	10.44	32.8	11.8	3.2
Поддубье 2, PII, п. 1, мужчина	−20.21	10.66	39.7	14.4	3.2
Поддубье 2, PII, п. 8, женщина	−21.16	11.37	39.5	14.1	3.2
Поддубье 2, PII, п. 6, мужчина	−21.11	9.06	39.4	14.2	3.2
Комкино 2, п. 1, женщина	−21.85	10.1	40.5	14.7	3.2
Комкино 2, п. 1, женщина	−21.36	8.87	38.3	13.9	3.2
Поддубье 3, кург. 18, женщина	−22.49	11.02	38.3	13.7	3.3
Поддубье 3, кург. 1, женщина	−22.05	10.30	40.3	14.7	3.2
Поддубье 3, кург. 15, мужчина	−22.11	10.59	39.4	14.2	3.2

курганно-жальничный могильник XIII–XVI вв. и отметил, что “явственно наблюдается смена курганного обряда на бескурганный” (Буров, 2005. С. 587). Курганная группа Поддубье 3 также расположена у д. Поддубье, в этом же районе – грунтовый могильник Городок и жальник Комкино[2]. Исследовано 18 образцов коллагена костной ткани из погребений Поддубье 2, Поддубье 3, Городок VIII и Комкино 2 (табл. 3). Полученные значения расположены на рубеже изменчивости местных лесных млекопитающих. Выражена б*о*льшая индивидуальная вариативность по $\delta^{15}N$ (около 4.5‰), чем по изотопному соотношению углерода (около 1.5‰). Высокая изменчивость $\delta^{15}N$ на первый взгляд не позволяет судить о единой пищевой модели.

Половозрастная структура группы Поддубье 2 характерна для небольшого родственного коллектива. Из 11 погребенных – 7 детей, 2 мужчин и 1 женщина. Возраст мужчин – старше 50 и 40 лет, женщины – 35–44 года. Дети – возрастов от младенческого до примерно 6 лет. Наибольшие значения $\delta^{15}N$ (более 11‰) отмечены для трех детей, возраст которых (2–3 года) не исключает продолжающееся грудное вскармливание. Наименьшие величины $\delta^{15}N$ обнаружены у двух детей младенческого возраста и одного из мужчин. Другой мужчина, женщина и дети возрастом 5–6 лет имеют сходный изотопный состав и занимают компактное промежуточное положение (табл. 3; рис. 5). Низкая величина $\delta^{15}N$

[2] Все палеоантропологические материалы предоставлены В.А. Буровым. Выражаем глубокую благодарность исследователю за возможность работы с ними. Ранее половозрастные определения и морфологические измерения проведены Т. Томашевич.

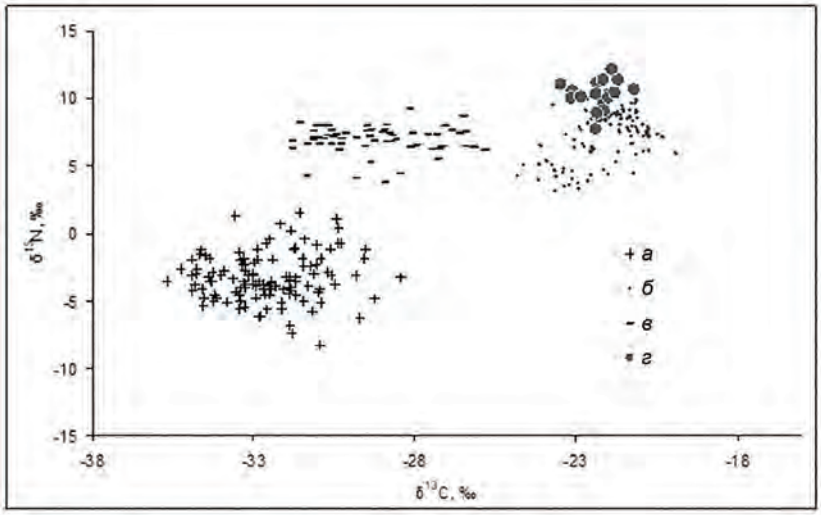


Рис. 5. Изотопный состав углерода и азота (величины $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$) образцов коллагена костной ткани человека (*г*) из средневековых сельских погребальных памятников на Валдае. Для сравнения приведен изотопный состав современных растений (*а*), млекопитающих, *б* (за исключением белки), рыбы (*в*) на модельной территории (Тверская обл., Россия). Для корректного сравнения величины $\delta^{13}C$ коллагена человека уменьшены на 1‰, чтобы скомпенсировать снижение величины $\delta^{13}C$ в CO_2 атмосферы в последние столетия.

Fig. 5. The isotopic composition of carbon and nitrogen (values of $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$) of collagen samples of human bone tissue (*г*) from medieval rural burial sites in Valdai. For comparison, the isotopic composition of modern plants (*а*), mammals, *б* (except for squirrel), fish (*в*) in the studied territory (Tver Region, Russia) is given. For a correct comparison, the $\delta^{13}C$ values of human collagen were reduced by 1‰ in order to compensate for the decrease in $\delta^{13}C$ in CO_2 in the atmosphere in recent centuries

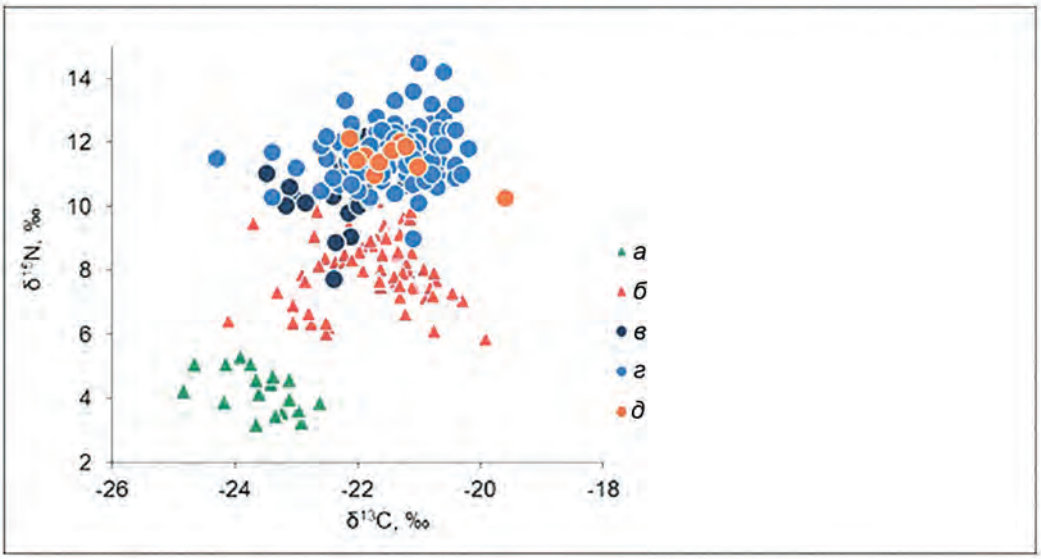


Рис. 6. Изотопный состав углерода и азота образцов коллагена костной ткани человека из сельских (*в*) и городских (*г* – Ярославль; *д* – Новгород) средневековых памятников. Для сравнения приведен изотопный состав современных травоядных, *а* (лось, бобр), и хищных (*б*) млекопитающих. Для корректного сравнения величины $\delta^{13}C$ коллагена человека уменьшены на 1‰.

Fig. 6. The isotopic composition of carbon and nitrogen of collagen samples of human bone tissue from rural (*в*) and urban (*г* – Yaroslavl; *д* – Novgorod) medieval sites. For comparison, the isotopic composition of modern herbivores, *а* (moose, beaver), and predatory (*б*) mammals is given. For a correct comparison, the values of $\delta^{13}C$ of human collagen were reduced by 1‰

Таблица 4. Изотопный состав углерода и азота коллагена костной ткани людей из средневековых погребений Юрьева монастыря в Новгороде

Table 4. The isotopic composition of carbon and nitrogen of human bone tissue collagen from the medieval burials of the St. George Monastery in Novgorod

Номер погребения, индивид	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$, ‰	%C	%N	C/N atom
17/1, мужчина	−20.87	11.59	41.0	14.8	3.2
15, мужчина	−20.63	11.38	40.5	14.9	3.2
17/2, ребенок	−21.13	12.12	40.5	14.8	3.2
21/2, мужчина	−20.72	10.97	40.2	14.6	3.2
22, мужчина	−20.65	11.37	39.7	14.5	3.2
20, мужчина	−20.31	12.02	39.2	14.4	3.2
19, мужчина	−20.02	11.24	40.3	14.7	3.2
23, мужчина	−20.44	11.74	39.6	14.4	3.2
18, мужчина	−21.01	11.44	39.8	14.1	3.3
24, мужчина	−20.22	11.86	38.9	14.1	3.2
27/6, мужчина	−18.60	10.27	38.5	13.9	3.2

для детей – результат явной белковой недостаточности, причины которой могут быть различны.

Полученный результат важен, так как однозначно свидетельствует о необходимости раздельной оценки величин дельта взрослых и детей с подростками. Именно за счет высокой изменчивости дельта азота у детей создается ложное впечатление о больших вариациях доли белковой пищи в усредненном рационе в группе в целом.

Из жальничных погребений могильника Поддубье 2 индивидуальная изменчивость детских показателей $\delta^{15}N$ составляет около 4.5‰, а взрослых индивидов – менее 2.5. Величины дельта азота взрослых из сельских памятников находятся в зоне минимальных индивидуальных значений, определенных ранее для жителей средневекового Ярославля (Энговатова и др., 2013. С. 110).

Трое взрослых происходят из курганов Поддубье 3. При примерно сопоставимых величинах $\delta^{15}N$, $\delta^{13}C$ у всех трех существенно ниже и не превышает 22‰. Низкие величины $\delta^{13}C$ коллагена обнаружены и в образцах из памятников Городок VIII и Комкино 2. Это может указывать на потребление ресурсов водного происхождения или на то, что местная лесная дичь составляла значимую часть каждодневного рациона. В любом случае есть основания предполагать отсутствие единой пищевой модели у сельского средневекового населения. Проверить эту гипотезу возможно только при расширении числа изученных памятников. Величины $\delta^{13}C$ у людей из курганных захоронений Поддубье 3 ставят вопрос о том, насколько едины были системы хозяйства у “людей из курганов” и “людей из жальников”.

Для изотопного состава костного коллагена взрослых и детей из изученных памятников отмечена величина $\delta^{15}N$, которая соответствует или превосходит величину $\delta^{15}N$ специализированных хищников в лесной экосистеме (рис. 6). Подобное положение человека на “изотопном поле” универсально от палеолита до средневековья (например: Bocherens et al., 2005; Müldner, Richards, 2005, Fig. 2; Wood, 2006; Hedges et al., 2008). Объяснением может служить не только доля белков в рационе, но и особенности накопления тяжелого азота в коллагене человека (O’Connell et al., 2012). Величина $\delta^{15}N$ взрослых представителей домонгольского города (Новгород, некрополь Юрьева монастыря, XI–XII вв.) была еще выше. В некрополе погребались представители высоких светских социальных страт, также монашество и священство. Сравнение изотопных соотношений у взрослых представителей светской части общества и одного

индивида, погребенного по монашескому обряду, позволяет видеть своеобразие последнего (рис. 6; табл. 4). Исследованные индивиды демонстрируют пищевую модель, описанную для погребений в статусных городских некрополях (Энговатова и др., 2013. С. 96; 2015. С. 80). Всего один образец из погребения по монашескому обряду располагается обособленно, что только ставит вопросы и открывает перспективу совершенно особой темы. По результатам проведенного анализа представляется, что изотопный состав коллагена из жальника Поддубье 2 свидетельствует о том, что экосистема, в которую он входил, не может квалифицироваться как лесная.

Итак, в заключение можно сказать, что изотопный состав растений и животных современного гемибореального леса европейской части России характеризуется низкими величинами $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$. Изотопный состав костного коллагена млекопитающих и рыб хорошо различается и в целом соответствует ожидаемым величинам. Обнаружены феномены, которые нуждаются в дальнейшем исследовании (относительно низкие величины $\delta^{15}N$ рыси и аномально высокие величины $\delta^{13}C$ белки).

Изученное сельское средневековое население, жившее и хозяйствовавшее в лесной зоне, существенно трансформировало окружающий ландшафт, основой его питания были преимущественно растения, росшие на освобожденной от леса территории. Трофические связи с местными природными экосистемами (лес, водоемы) выражены у различных групп в разной степени. У средневекового населения (жальник Поддубье 2, XIII–XVI вв.) уровень потребления белковых продуктов был, вероятно, ниже, чем у представителей высоких социальных страт города. Единичные сведения о курганных погребениях указывают на бытование иной модели питания, в большей степени связанной с пищевыми ресурсами леса. Результаты, полученные на основании сбора современных данных, позволяют с уверенностью судить о базовых изотопных характеристиках лесных экосистем.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 17-06-00543 и 18-00-00819.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 4 / Ред. А.В. Кашкин; сост. И.В. Исланова, К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефедов. М.: ИА РАН, 2012. 483 с.

Археология северорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура / Ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2009. 233 с.

Буров В.А. Курганно-жальничный могильник конца XIII–XVI в. Поддубье-2 на Валдае // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 581–587.

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 782 с.

Кучкин В.А. Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник. Вып. 2 (12). Л.: Наука, 1984. С. 165–175.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.

Масленникова А.В., Удачин В.Н., Дерягин В.В. Стабильные изотопы углерода и кислорода в донных отложениях озера Сырыткуль (Южный Урал) как индикаторы палеоклиматических условий голоцена // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2012. № 6. С. 124–127.

Сельская Русь в IX–XVI веках / Ред.: Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина. М.: Наука, 2008. 418 с.

Стрейс Я.Я. Три путешествия. М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1935. 415 с.

Тиунов А.В. Стабильные изотопы углерода и азота в почвенно-экологических исследованиях // Известия РАН. Серия биологическая. 2007. № 4. С. 475–489.

Чернов С.З., Низовцев В.А., Александровский А.Л., Кренке Н.А. Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты Москвы. Т. 1: Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. М.: Наука, 2004. 448 с.

Шишлина Н.И. Идентификация сезонных и длительных миграций населения южнорусских степей и Северного Кавказа в бронзовом веке по данным геохимического анализа // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию А.А. Миллера). СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 348–355.

Энговатова А.В., Добровольская М.В., Антипина Е.Е., Зайцева Г.И. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе

результатов изотопного анализа // КСИА. 2013. Вып. 228. С. 96–115.

Энговатова А.В., Добровольская М.В., Зайцева Г.И. "Кремлевская диета" древнерусского города (по изотопным данным) // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 80–89.

Bocherens H., Drucker D. Trophic level isotopic enrichment of carbon and nitrogen in collagen // International Journal of Osteoarchaeology. 2003. 13, iss. 1–2. P. 46–53.

Bocherens H., Drucker D.G., Billiou D., Patou-Mathis M., Vandermeersch B. Isotopic evidence for diet and subsistence pattern of the Saint-Cesaire I Neanderthal: review and use of a multi-source mixing model // Journal of Human Evolution. 2005. V. 49, iss. 1. P. 71–87.

Bogaard A., Fraser R., Heaton T.H., Wallace M., Vaiglova P., Charles M., Jones G., Evershed R.P., Styring A.K., Andersen N.H., Arbogast R.M. Crop manuring and intensive land management by Europe's first farmers // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. V. 110. № 31. P. 12589–12594.

Brooks J.R., Flanagan L.B., Buchmann N., Ehleringer J.R. Carbon isotope composition of boreal plants: functional grouping of life forms // Oecologia. 1997. 110. P. 301–311.

Bump J.K., Fox-Dobbs K., Bada J.L., Koch P.L., Peterson R.O., Vucetich J.A. Stable isotopes, ecological integration and environmental change: Wolves record atmospheric carbon isotope trend better than tree rings // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2007. V. 274, iss. 1624. P. 2471–2480.

Etu-Sihvola H., Bocherens H., Drucker D.G., Junno A., Mannermaa K., Oinonen M., Uusitalo J., Arppe L. The dIANA database – Resource for isotopic paleodietary research in the Baltic Sea area // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. V. 24. P. 1003–1013.

Evans R.D. Physiological mechanisms influencing plant nitrogen isotope composition // Trends in Plant Science. 2001. V. 6, iss. 3. P. 121–126.

Francey R.J., Allison C.E., Etheridge D.M., Trudinger C.M., Enting I.G., Leuenberger M., Langenfelds R.L., Michel E., Steele L.P. A 1000-year high precision record of $\delta^{13}C$ in atmospheric CO_2 // Tellus. B. 1999. V. 51, iss. 2. P. 170–193.

Graven H., Allison C.E., Etheridge D.M., Hammer S., Keeling R.F., Levin I., Meijer H.A., Rubino M., Tans P.P., Trudinger C.M., Vaughn B.H., White J.W. Compiled records of carbon isotopes in atmospheric CO_2 for historical simulations in CMIP6 // Geoscientific Model Dev. 2017. V. 10, iss. 12. P. 4405–4417.

Hedges R., Saville A., O'Connell T. Characterizing the diet of individuals at the Neolithic chambered tomb of Hazleton North, Gloucestershire, England, using stable isotopic analysis // Archaeometry. 2008. V. 50, iss. 1. P. 114–128.

Hedges R., Stevens R.E., Richards M.P. Bone as a stable isotope archive for local climatic information // Quaternary Science Reviews. 2004. V. 23, iss. 7–8. P. 959–965.

Hollund H.I., Higham T., Belinskij A., Korenevskij S. Investigation of palaeodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // Journal of Archaeological Science. 2010. V. 37, iss. 12. P. 2971–2983.

Keeling C.D., Moor W.G., Tans P.P. Recent trends in the 13C/12C ratio of atmospheric carbon dioxide // Nature. 1979. V. 277. P. 121–123.

Kovda I., Morgun E., Golubeva N. Stable isotopic compositions of carbon in vegetation and soil organic matter along the bioclimatic transect, North Caucasus // Geophysical Research Abstracts. 2010. V. 12: EGU General Assembly 2010. P. 2252.

Müldner G., Richards M.P. Fast or feast: reconstructing diet in later medieval England by stable isotope analysis // Journal of Archaeological Science. 2005. V. 32, iss. 1. P. 39–48.

O'Connell T.C., Kneale C.J., Tasevska N., Kuhnle G.G. The diet-body offset in human nitrogen isotopic values: A controlled dietary study // American Journal of Physical Anthropology. 2012. 149, 3. P. 426–434.

Post D.M. Using stable isotopes to estimate trophic position: Models, methods, and assumptions // Oecology. 2002. V. 83. P. 703–718.

Simonova G., Volkov Y., Markelova A., Kalashnikova D. Isotope monitoring of forest ecosystems // SGEM Conference Proceedings. 2017. V. 17, iss. 32. 17th International Multidisciplinary Scientific GeoConference. P. 885–890.

Szpak P. Complexities of nitrogen isotope biogeochemistry in plant-soil systems: implications for the study of ancient agricultural and animal management practices // Frontiers in Plant Science. 2014. 5. 288.

Tykot R.H. Stable isotopes and diet: You are what you eat // Proceeding of the International School of Physics "Enrico Fermi" Course / Eds. M. Martini, M. Milazzo, M. Piacentini. Amsterdam, 2004. P. 433–444.

Vanderklift M.A., Ponsard S. Sources of variation in consumer-diet $\delta^{15}N$ enrichment: a meta-analysis // Oecologia. 2003. V. 136. P. 169–182.

Wood R. Chronometric and paleodietary studies at the Mesolithic and Neolithic burial ground of Minino, NW Russia. Dissertation for the MSc in Archaeological Science. Oxford, 2006. 114 p.

Yakir D. The paper trail of the ^{13}C of atmospheric CO_2 since the industrial revolution period // Environmental Research Letters. 2011. V. 6. № 3. 034007.

ISOTOPE MARKERS OF ECOSYSTEMS AND NUTRITION OF THE MEDIEVAL RURAL POPULATION IN THE FOREST ZONE OF EUROPEAN RUSSIA

Maria V. Dobrovolskaya[1,*], Alexei V. Tiunov[2,], Olga A. Krylovich[2,***], Evgenia A. Kuzmicheva[2,****], Irina K. Reshetova[1,*****], Arkady B. Savinetsky[2,******], Natalia G. Svirkina[1,*******], Alexei L. Smirnov[1,********]**

[1]*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*
[2]*Institute of Ecology and Evolution RAS, Moscow, Russia*

[*]*E-mail: mk_pa@mail.ru*
[**]*E-mail: a_tiunov@mail.ru*
[***]*E-mail: okrylovich@gmail.com*
[****]*E-mail: kuzmicheva.evgeniya@gmail.com*
[*****]*E-mail: reshetovairina@yandex.ru*
[******]*E-mail: arkadybs@rambler.ru*
[*******]*E-mail: svirkina.natalia@mail.ru*
[********]*E-mail: ari1828@bk.ru*

Studying the isotopic composition of carbon and nitrogen in contemporary natural communities contributes to creating palaeoecological reconstructions of the landscape environment and food resources of the medieval rural population. The objectives of the study are to determine the isotopic composition (ratio $^{13}C/^{12}C$ and $^{15}N/^{14}N$) of flora and fauna representatives of the modern boreal forest in European Russia, as well as a preliminary reconstruction of the nutrition and habitat of medieval residents in the studied area. Identification of the isotopic composition of nitrogen and carbon in 320 samples of flora and fauna from Peno and Andreapol districts of Tver Region allowed forming the ideas of the characteristic values of nitrogen and carbon isotopic composition in plants, the humus horizon of soil, and the collagen of bone tissue in mammals and fish. The results obtained are similar to data from adjacent regions (Baltic states, Poland, and Kirov Region of the Russian Federation), which suggests a homogeneous structure of the "isotopic landscape" in northeastern Europe. The study analyzed isotopic composition of carbon and nitrogen in the collagen of the bone tissue of individuals from the burial grounds and mounds of Tver Region and medieval Novgorod. The paper discusses issues of variability in isotopic indices depending on difference in the environment and use of food resources.

Keywords: medieval population, forest zone of European Russia, nutritional isotopic markers.

REFERENCES

Arkheologicheskaya karta Rossii. Tverskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Tver Region], 4. A.V. Kashkin, ed., I.V. Islanova, K.I. Komarov, G.G. Korol, V.S. Nefedov, comp. Moscow: IA RAN, 2012. 483 p.

Arkheologiya severorusskoy derevni X–XIII vekov: srednevekovyye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of the Northern Rus village of the 10th–13th centuries: medieval settlements and burial grounds on Lake Kubenskoye], 3. Paleoekologicheskiye usloviya, obshchestvo i kul'tura [Palaeoecological conditions, society and culture]. N.A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, 2009. 233 p.

Bocherens H., Drucker D., 2003. Trophic level isotopic enrichment of carbon and nitrogen in collagen. *International Journal of Osteoarchaeology*, 13, 1–2, pp. 46–53.

Bocherens H., Drucker D.G., Billiou D., Patou-Mathis M., Vandermeersch B., 2005. Isotopic evidence for diet and subsistence pattern of the Saint-Cesaire I Neanderthal: review and use of a multi-source mixing model. *Journal of Human Evolution*, vol. 49, iss. 1, pp. 71–87.

Bogaard A., Fraser R., Heaton T.H., Wallace M., Vaiglova P., Charles M., Jones G., Evershed R.P., Styring A.K., Andersen N.H., Arbogast R.M., 2013. Crop manuring and intensive land management by Europe's first farmers. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 110, no. 31, pp. 12589–12594.

Brooks J.R., Flanagan L.B., Buchmann N., Ehleringer J.R., 1997. Carbon isotope composition of boreal plants: functional grouping of life forms. *Oecologia*, 110, pp. 301–311.

Bump J.K., Fox-Dobbs K., Bada J.L., Koch P.L., Peterson R.O., Vucetich J.A., 2007. Stable isotopes, ecological integration and environmental change:

Wolves record atmospheric carbon isotope trend better than tree rings. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, vol. 274, iss. 1624, pp. 2471–2480.

Burov V.A., 2005. The mound and cemetery site of the late 13th–16th century Poddubye-2 in Valdai. *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego srednevekov'ya [Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze to the Early Middle Ages]*. V.I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 581–587. (In Russ.)

Chernov S.Z., Nizovtsev V.A., Aleksandrovskiy A.L., Krenke N.A., 2004. Kul'tura srednevekovoy Moskvy: Istoricheskiye landshafty Moskvy [The culture of medieval Moscow: Historical landscapes of Moscow], 1. Rasseleniye, osvoyeniye zemel' i prirodnaya sreda v okruge Moskvy XII–XIII vv. [Settling, land development and the natural environment in Moscow vicinity of the 12th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 448 p.

Engovatova A.V., Dobrovol'skaya M.V., Antipina E.E., Zaytseva G.I., 2013. Mass burials in Yaroslavl. Reconstruction of the nutrition system based on the isotope analysis. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 228, pp. 96–115. (In Russ.)

Engovatova A.V., Dobrovol'skaya M.V., Zaytseva G.I., 2015. The "Kremlin diet" of a Medieval Russian town (based on isotopic data). *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 237, pp. 80–89. (In Russ.)

Eremeyev I.I., Dzyuba O.F., 2010. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti puti iz varyag v greki. Arkheologicheskiye i paleogeograficheskiye issledovaniya mezhdu Zapadnoy Dvinoy i ozerom Il'men' [Studies on the historical geography of the forest part of the route from the Varangians to the Greeks. Archaeological and palaeogeographic research between the Western Dvina and Lake Ilmen]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 782 p.

Etu-Sihvola H., Bocherens H., Drucker D.G., Junno A., Mannermaa K., Oinonen M., Uusitalo J., Arppe L., 2019. The dIANA database – Resource for isotopic paleodietary research in the Baltic Sea area. *Journal of archaeological science: Reports*, 24, pp. 1003–1013.

Evans R.D., 2001. Physiological mechanisms influencing plant nitrogen isotope composition. *Trends in Plant Science*, vol. 6, iss. 3, pp. 121–126.

Francey R.J., Allison C.E., Etheridge D.M., Trudinger C.M., Enting I.G., Leuenberger M., Langenfelds R.L., Michel E., Steele L.P., 1999. A 1000-year high precision record of $\delta^{13}C$ in atmospheric CO_2. *Tellus*. B, vol. 51, iss. 2, pp. 170–193.

Graven H., Allison C.E., Etheridge D.M., Hammer S., Keeling R.F., Levin I., Meijer H.A., Rubino M., Tans P.P., Trudinger C.M., Vaughn B.H., White J.W., 2017. Compiled records of carbon isotopes in atmospheric CO_2 for historical simulations in CMIP6. *Geoscientific Model Development*, vol. 10, iss. 12, pp. 4405–4417.

Hedges R., Saville A., O'Connell T., 2008. Characterizing the diet of individuals at the Neolithic chambered tomb of Hazleton North, Gloucestershire, England, using stable isotopic analysis. *Archaeometry*, vol. 50, iss. 1, pp. 114–128.

Hedges R., Stevens R.E., Richards M.P., 2004. Bone as a stable isotope archive for local climatic information. *Quaternary Science Reviews*, vol. 23, iss. 7–8, pp. 959–965.

Hollund H.I., Higham T., Belinskij A., Korenevskij S., 2010. Investigation of palaeodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones. *Journal of Archaeological Science*, vol. 37, iss. 12, pp. 2971–2983.

Keeling C.D., Moor W.G., Tans P.P., 1979. Recent trends in the 13C/12C ratio of atmospheric carbon dioxide. *Nature*, 277, pp. 121–123.

Kovda I., Morgun E., Golubeva N., 2010. Stable isotopic compositions of carbon in vegetation and soil organic matter along the bioclimatic transect, North Caucasus. *Geophysical Research Abstracts*, 12. EGU General Assembly 2010, p. 2252.

Kuchkin V.A., 1984. The landmarking of 1483 and the issue of the medieval Novgorod-Smolensk border. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik [Novgorod historical collection of articles]*, 2 (12). Leningrad: Nauka, pp. 165–175. (In Russ.)

Makarov N.A., Zakharov S.D., Buzhilova A.P., 2001. Srednevekovoye rasseleniye na Belom ozere [Medieval settling on Lake Beloye]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 496 p.

Maslennikova A.V., Udachin V.N., Deryagin V.V., 2012. Stable isotopes of carbon and oxygen in the bottom sediments of Lake Syrytkul (Southern Urals) as indicators of the palaeoclimatic conditions of the Holocene. *Vestnik Orenburgskogo gos. univ. [The Vestnik of Orenburg State University]*, 6, pp. 124–127. (In Russ.)

Müldner G., Richards M.P., 2005. Fast or feast: reconstructing diet in later medieval England by stable isotope analysis. *Journal of Archaeological Science*, vol. 32, iss. 1, pp. 39–48.

O'Connell T.C., Kneale C.J., Tasevska N., Kuhnle G.G., 2012. The diet-body offset in human nitrogen isotopic values: A controlled dietary study. *American Journal of Physical Anthropology*, 149, 3, pp. 426–434.

Post D.M., 2002. Using stable isotopes to estimate trophic position: Models, methods, and assumptions. *Oecology*, 83, pp. 703–718.

Sel'skaya Rus' v IX–XVI vekakh [Rural Rus in the 9th–16th centuries]. N.A. Makarov, S.Z. Chernov, ed., I.N. Kuzina, comp. Moscow: Nauka, 2008. 418 p.

Shishlina N.I., 2015. Identification of seasonal and long-term migrations of the population of the southern Russian steppes and the North Caucasus in the

Bronze Age based on geochemical analysis. *Kavkaz kak svyazuyushcheye zveno mezhdu Vostochnoy Evropoy i Perednim Vostokom: dialog kul'tur, kul'tura dialoga (k 140-letiyu A.A. Millera) [The Caucasus as a link between Eastern Europe and the Near East: dialogue of cultures, culture of dialogue (to the 140th anniv. of A.A. Miller)].* St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 348–355. (In Russ.)

Simonova G., Volkov Y., Markelova A., Kalashnikova D., 2017. Isotope monitoring of forest ecosystems. *SGEM Conference Proceedings*, vol. 17, iss. 32. 17th Intern. Multidisciplinary Scientific GeoConference, pp. 885–890.

Streys Ya.Ya., 1935. Tri puteshestviya [Three Travels]. Moscow: OGIZ-SOTsEKGIZ. 415 p.

Szpak P., 2014. Complexities of nitrogen isotope biogeochemistry in plant-soil systems: implications for the study of ancient agricultural and animal management practices. *Frontiers in Plant Science*, 5, 288.

Tiunov A.V., 2007. Stable isotopes of carbon and nitrogen in soil and ecological studies. *Izvestiya RAN. Seriya biologicheskaya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Biological Series]*, 4, pp. 475–489. (In Russ.)

Tykot R.H., 2004. Stable isotopes and diet: You are what you eat. *Proceed. of the Intern. School of Physics "Enrico Fermi" Course*. M. Martini, M. Milazzo, M. Piacentini, eds. Amsterdam, pp. 433–444.

Vanderklift M.A., Ponsard S., 2003. Sources of variation in consumer-diet $\delta^{15}N$ enrichment: a meta-analysis. *Oecologia*, 136, pp. 169–182.

Wood R., 2006. Chronometric and paleodietary studies at the Mesolithic and Neolithic burial ground of Minino, NW Russia. Dissertation for the MSc in archaeological Science. Oxford. 114 p.

Yakir D., 2011. The paper trail of the ^{13}C of atmospheric CO_2 since the industrial revolution period. *Environmental Research Letters*, vol. 6, no. 3. 034007.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 96–113

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ: РАСКОПКИ ЗДАНИЯ ПРИКАЗОВ

© 2020 г. Н.А. Макаров*, В.Ю. Коваль**, Р.Н. Модин***, К.И. Панченко****, А.В. Яганов*****

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: nmakarov10@yandex.ru
**E-mail: kovaloka@mail.ru
***E-mail: modin.roman@mail.ru
****E-mail: pakoi@mail.ru
*****E-mail: yagav@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.03.2020 г.

В 2019 г. Институтом археологии РАН начаты раскопки на участке к востоку от Архангельского собора, в самом центре Кремля, где в XVI–XVII вв. размещались приказы – органы центрального управления Русского государства. Впервые получены данные о характере и стратиграфии культурных отложений XVI–XIX вв. в этой части Кремля, о связи их с историческими событиями того времени. Открыты нижние части стен и фундаменты монументальной каменной постройки, которую можно уверенно соотносить со зданием Новых Приказов, возведенным в 1675–1683 гг. Выделяются горизонты 1770-х годов, сформировавшиеся в процессе разборки В.И. Баженовым здания Новых Приказов, и напластования середины – третьей четверти XVII в., связанные с функционированием Старых Приказов. Раскопки дали яркий материал для характеристики обстановки приказного делопроизводства и повседневного быта центральных органов управления XVII – первой половины XVIII в. Неожиданная находка комплекса предметов вооружения и воинского снаряжения начала XIX в. на кремлевском пустыре – уникальное археологическое свидетельство присутствия наполеоновской армии в Кремле в 1812 г.

Ключевые слова: археология Нового времени, Московское царство, средневековые города, фрагменты архитектурных конструкций, стратиграфия.

DOI: 10.31857/S086960630010947-0

Актуальность новых археологических исследований в Московском Кремле отчетливо обозначилась в последние годы с расширением раскопок в исторических городах и обновлением общей научной картины средневековой урбанизации и городской жизни раннего Нового времени. Пробелы в археологическом изучении Кремля, эскизность реконструкции становления и развития средневекового поселения на Боровицком холме все более заметны на фоне других городов, история которых проясняется по археологическим материалам. Малоизвестны и архитектурные сооружения Нового времени, утраченные при различных обстоятельствах, начиная от екатерининской перестройки Кремля 1769–1775 гг. и до сноса монастырей и дворцовых построек в советское время.

Раскопки Института археологии РАН на месте демонтированного 14 корпуса Московского Кремля, проведенные в 2016–2017 гг., позволили собрать важные материалы по археологии восточной части территории Кремля, исследовать культурные напластования, связанные с начальным периодом ее освоения в последней трети XII в., выявить и документировать фрагменты построек Чудова монастыря и исследовать монастырский некрополь. Эти работы ярко продемонстрировали ценность Кремля как археологического памятника и поставили на повестку дня вопрос о продолжении его изучения в режиме научных раскопок. В Поручении Президента РФ по итогам осмотра парка на месте демонтированного 14 корпуса (Пр-1465 от 17 мая 2016 г.) была сформулирована задача рассмотреть вопрос о проведении раскопок в восточной части Кремля с выбором перспективных участков для этих работ.

Один из таких участков, важный с точки зрения изучения древнейшего периода существования Москвы, исторической топографии

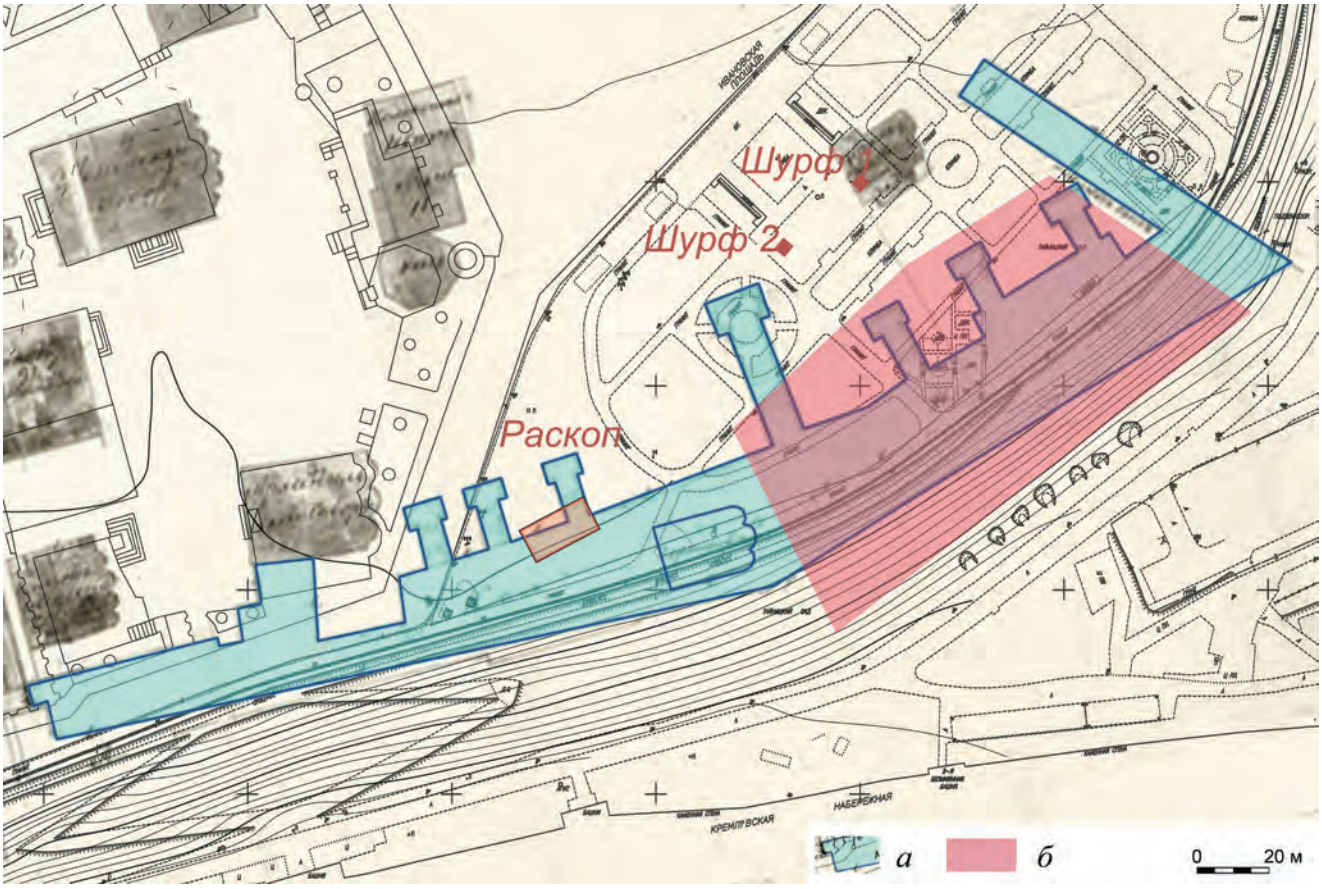


Рис. 1. Схема Большого Кремлевского сквера, совмещенная с планом XVIII в. Условные обозначения: *а* – контуры здания Приказов 1675–1683 гг. по плану XVIII в.; *б* – зона, поврежденная при строительстве памятника Александру II в 1890–1898 гг.

Fig. 1. The layout of the Great Kremlin public garden combined with the 18th century plan

ее центра и функционирования органов центрального управления Московского царства в XVI–XVII вв. и доступный для размещения раскопов, – территория Большого Кремлевского сквера. Западная ее часть вплотную примыкает к историческому ядру Кремля – Соборной площади. Исторические данные об использовании этого участка в XIX–XX вв., материалы геологических изысканий и шурфовки, проведенной Институтом археологии в 2018 г., позволили прогнозировать присутствие здесь средневековых культурных напластований и остатков построек XVI–XVII вв., избежавших значительных нарушений. Выбор Большого Кремлевского сквера как места археологических раскопок в открытом режиме был утвержден Поручением Президента РФ от 7 июня 2018 г. № Пр-974. С конца апреля до конца сентября 2019 г. в раскопе площадью 198 м^2 были исследованы культурные напластования XVI–XIX вв. и остатки одной из центральных построек кремлевского ансамбля второй половины XVII в. – здания Новых Приказов. Эти работы стали первыми археологическими раскопками на территории Кремля, которые проводятся как научный проект с чисто исследовательскими задачами, вне связи со строительными работами, реставрацией или благоустройством. Раскопки не завершены, они законсервированы на отметке 3–3.5 м. В настоящей статье представлены предварительные результаты исследования горизонтов XVII–XIX вв.

История участка. Рядом с Архангельским собором, к востоку от него, историографическая традиция помещает двор князя Владимира Андреевича Храброго, упомянутый в его духовной грамоте 1401–1402 гг. (Дополнения..., 1950. С. 50). Местоположение двора фиксирует духовная грамота Василия II 1461 г.: “двор княж Васильевскои Ярославича, княж Володимеровскои, за архангилом Михаилом” (Дополнения..., 1950. № 61. С. 199). В 1456 г. он перешел в великокняжеское владение, а в 1492 г. Иван III устраивает “за Архаггелом

на Ярославичском месте” временный деревянный двор на время строительства новой резиденции (Полное собрание русских летописей – далее ПСРЛ, 1859. С. 225). Со второй половины XVI в. на этом участке начинает формироваться крупный административный центр, начало которому положено строительством в 1565 г. Посольской палаты, “что против Ивана Святого под колоколы” (ПСРЛ, 1906. С. 397, 398). В 1591 г. “повелением царя и великого князя Федора Ивановича зачали делати избы диячьи каменые у Архангела на площади” (ПСРЛ, 1978. С. 196). В них разместились приказы – учреждения, в ведении которых находились различные области государственного управления. К концу царствования Алексея Михайловича постройки 1591 г. уже не отвечали нуждам значительно увеличившихся приказов, к тому же они крайне обветшали. По царскому указу в 1670 г. они были расселены (Полное собрание законов Российской империи, 1830. Т. 1. № 466. С. 833) и вскоре разобраны. Строительство нового, большего по размерам, здания было закончено к 1680 г., хотя некоторые приказы переведены в него еще в 1678 г. (Духовные..., 1875. № 27. С. 81). Частично оно заняло площадку “дьячих изб” 1591 г., а восточная часть корпуса распространилась на территории дворов Мстиславского и Морозова, участок церкви Рождества Богородицы (рис. 1).

Новое здание было поставлено по кромке кремлевского холма, повторяя в плане ее очертания. В нижнем этаже протяженного южного корпуса находились ворота (Тайницкие верхние), выводившие с Ивановской площади на кремлевский склон. Над воротами помещались соборные церкви Черниговских чудотворцев и Александра Невского, которые были заложены в 1681 г. и освящены в 1683 г. (Забелин, 1905. С. 244–246; Скворцов, 1893. С. 17–20, 27, 28).

В начале XVIII в. здесь размещались некоторые из коллегий и канцелярий, которые сменили приказы в ходе реформ Петра I. Здание Новых Приказов было разобрано в 1769–1772 гг. в ходе мероприятий по расчистке площади для строительства нового Кремлевского дворца, проект которого составил В.И. Баженов. Но задуманный дворец так и не был построен, с тех пор эта часть Кремля превратилась в большой пустырь с остатками разрушенных строений, вид которого известен по изображениям конца XVIII–XIX в. (рис. 2).

В XIX в. территория была выровнена и занята обширной Плац-парадной площадью, частично замощенной кирпичом и охватывавшей всю восточную часть Кремлевского холма. В юго-восточной части площади, на краю холма, в 1898 г. был установлен памятник императору Александру II, разрушенный в 1918–1928 гг. Мемориальный комплекс был возведен на мощном фундаменте, котлован которого распространился на 120 м вдоль склона берега на площади 6000 м^2 (Султанов, 1898. Стб. 627, 632). Существующий ныне Большой Кремлевский сквер стал формироваться с конца 1930-х годов, но современный парковый облик он приобрел только после 1945 г.

Археологические исследования, проведенные Н.В. Султановым при подготовке площадки для строительства памятника Александру II, выявили остатки восточной части здания Приказов; некоторые находки из этих раскопок были опубликованы (Султанов, 1898. Стб. 605–609). Находки вблизи Архангельского собора сетчатой керамики стали основой для предположения о существовании на месте собора городища дьяковской культуры (Панова, 2013. С. 40–42). В двух шурфах, заложенных летом 2018 г. в центральной части сквера, на территории “Плац-парада” (рис. 1), были выявлены мощные подсыпки из строительного мусора (обломки кирпичей, белого камня, крошка известкового раствора), при помощи которых выравнивалась поверхность площади. Не исключено, что здесь был использован материал, образовавшийся в результате разрушения здания Приказов в 1769–1772 гг. Обнаружены и остатки кирпичного мощения плаца, в котором кирпич превратился в мелкую крошку. Хотя шурфы удалось пройти лишь на глубину 2.5 м, при помощи зондажей и ручного бурения оказалось возможным установить, что общая мощность отложений строительного мусора тут превышает 4 м. В третьем шурфе, заложенном в южной части сквера, был открыт участок фундамента монументальной постройки, сложенного из белокаменного бута на известковом растворе. Сопоставление планов Кремля XVIII в. с современной подосновой (рис. 1) позволило высказать предположение, что обнаруженные конструкции принадлежат зданию Приказов постройки 1675–1683 гг. Изучение этого здания стало важной составной частью раскопок 2019 г.

Рис. 2. Восточная часть Кремля в конце XVIII в.: *А* – Дж. Кваренги. Вид Соборной площади в Московском Кремле. 1797 г. (© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020); *Б* – вид Спасских ворот и окружностей их в Москве (Офорт по оригиналу Б.Ж. Делабарта. 1797 г. (© Государственный Русский Музей, Санкт-Петербург, 2020).

Fig. 2. The eastern part of the Kremlin in the late 18th century

Стратиграфия и характер культурных отложений. В ходе первого года раскопок удалось исследовать культурные отложения на глубину до 3 м, нижняя их часть осталась законсервированной до следующего сезона. Исследованная толща состояла из нескольких слоев, разграничение которых облегчалось их соотнесением с выявленным фундаментом здания Новых Приказов (рис. 3). Верхняя часть отложений (мощностью от 40 до 100 см) включала современный дерн, прослойки супеси различных оттенков серого цвета, насыщенные кирпичным щебнем и растворной крошкой, прослойки битого кирпича и ямы для посадки деревьев сквера. С нижней частью этих отложений были связаны два важных комплекса. Один из них составляла обширная западина (яма 1 по полевой нумерации) над расположенным ниже заглубленным помещением здания Приказов (рис. 4, *А*), датированная материалами, связанными с событиями 1812 г. Второй, несколько более ранний, комплекс включал несколько столбчатых фундаментов в западной части раскопа.

Столбчатые фундаменты прорезали слой, толщина которого колебалась от 20 до 40 см, состоявший из битого кирпича с крошкой известкового раствора (рис. 3, *Б, 1*). Этот слой

Рис. 3. Раскоп 2019 г.: *А* – общий вид с В; *Б* – стратиграфия юго-западного борта (1 – слой разрушения Новых Приказов; 2 – слой функционирования Новых Приказов; 3 – известково-щебеночная прослойка (горизонт строительства фундаментов); 4 – слой середины XVI – середины XVII в.; 5 – слой первой половины XVI в.).

Fig. 3. 2019 excavation site

непосредственно перекрывал фундаменты (и нижние ряды кладки стен) Новых Приказов, поэтому его можно рассматривать как следы разрушения в 1769–1772 гг. наземной части здания, которое было сложено из кирпича с белокаменными деталями. Незначительная мощность этого слоя свидетельствует о том, что сохранилась лишь ничтожная часть того материала, который образовался в результате разборки здания, а основная его доля была перемещена.

В ходе и после разборки здания, вероятно, проводились работы по выравниванию поверхности, уничтожившие значительную часть отложений, сформировавшихся в период функционирования Приказов с 1670-х до 1769 г., в особенности верхние их горизонты. Сохранившиеся остатки этого слоя

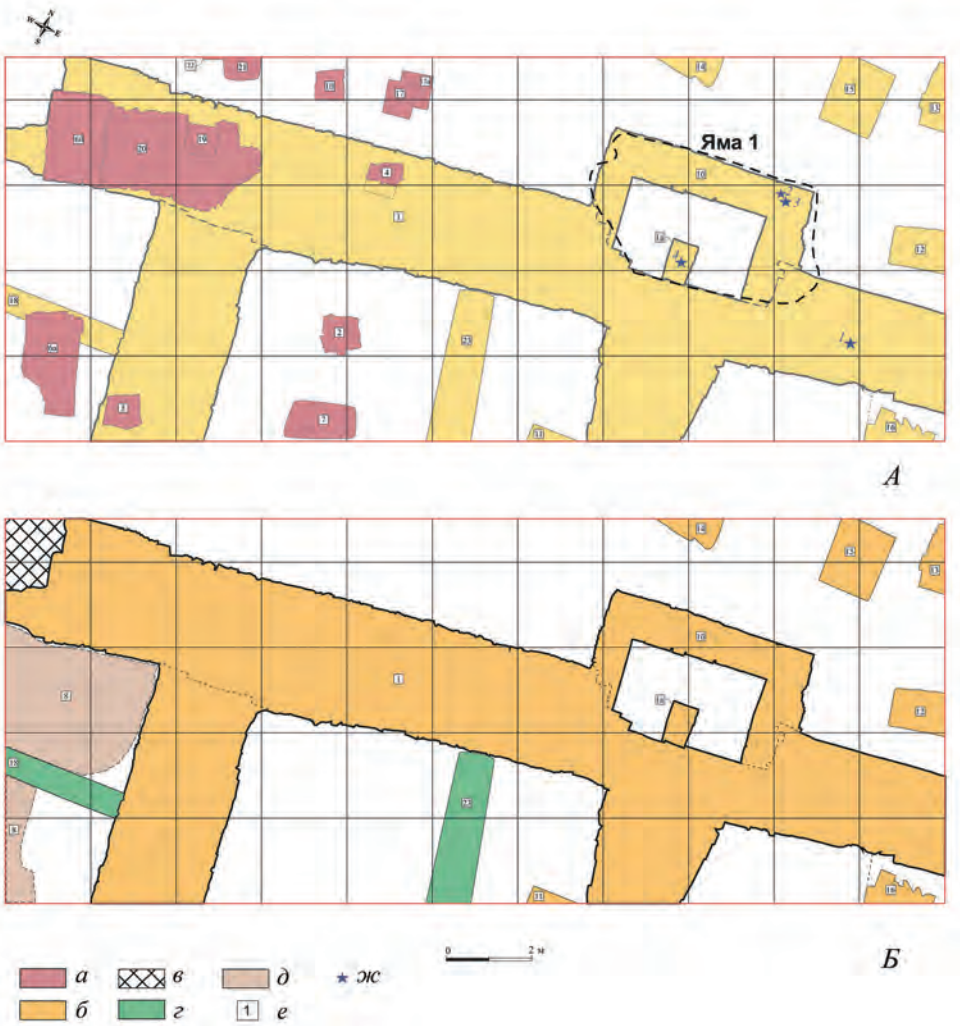


Рис. 4. Раскоп 2019 г. (схема): *А* – фундаменты сооружений, возведенных после разборки Новых Приказов, и яма 1 с материалами 1812 г.; *Б* – фундаменты Новых Приказов. Условные обозначения: *а* – сооружения конца XVIII – начала XIX в.; *б* – фундаменты Новых Приказов; *в* – перекоп; *г* – фундаменты перегородок XVIII в. в здании Приказов; *д* – дощатый пол; *е* – полевые номера сооружений; *ж* – места находок (*1, 2* – сабли, *3* – штык, *4* – пистолет).

Fig. 4. 2019 excavation site (layout)

состояли из серо-коричневой и темно-серой супесей с включением крупных обломков кирпичей, древесного тлена, белокаменной крошки, линз рыжей глины и костей животных. Мощность этого слоя составляла от 20 до 60 см.

От залегавших ниже прослоек горизонт отложений периода существования Новых Приказов отделялся тонкой (2–8 см) прослойкой известкового раствора, подходившей непосредственно к кладке фундамента. Нет сомнений в том, что эта прослойка сформировалась в момент строительства здания Приказов в 1675–1680 гг. и она маркирует уровень, с которого были заложены траншеи под фундаменты. Фундаменты Новых Приказов прорезали несколько прослоек серой, коричневой и темно-серой супесей, насыщенных обломками кирпичей и костей животных, включавших фрагменты деревянных настилов плохой сохранности. Эта пачка прослоек мощностью до 0.5 м (рис. 3, *Б*) соответствует времени существования Старых Приказов и предшествовавших им “дьячих изб” (середины XVI – середины XVII в.). В северо-восточной части раскопа внутри рассматриваемого слоя фиксировалась строительная прослойка, состоявшая из белокаменных отесков и извести, которую можно предположительно связывать со строительством Старых Приказов в 1591 г. (к сожалению, сами эти строения не попали в границы раскопа). Нижняя часть слоя в этом случае

может связываться с отложениями той “площади”, на которой была начата стройка.

Более ранние слои (первой половины XVI в.) лишь начаты археологическим изучением и поэтому давать им характеристику преждевременно. Следует лишь указать, что они включали горизонты пожаров, насыщенные древесным углем и обломками глинобитных печей.

Архитектурные сооружения. С горизонтом последней четверти XVIII в. связаны столбчатые фундаменты, сложенные из вторично использованных разноразмерных белокаменных блоков, бутового камня, обломков ступеней, кровельной лещади и кирпича, оставшихся от разборки здания[1]. Кирпич встречен как большемерный, так и среднеформатный (23.5 × 11.5 × 7 см, 25 × 11 × 7 см). Большемерный кирпич, в основном, представлен нецелыми формами со следами употребления в первоначальной кладке. Мелкий же кирпич ранее не использовался в конструкциях: это брак, образовавшийся при перевозке и хранении строительных материалов. Кладка выполнена на тощем известково-песчаном растворе серо-розоватого оттенка с мелким песком, который полностью утратил связующие свойства и представлял собой рыхлую рассыпающуюся массу.

Некоторые из столбчатых фундаментов были основаны непосредственно на верхнем обрезе северной стены здания Приказов (рис. 4, *А*; сооружения 2, 4, 5, 7, 19, 17, 17а, 19, 21), т.е. все они возникли уже после его разборки. Наиболее ранними из них являлись небольшие столбики со сторонами от 0.7 до 1.0 м в юго-западной части раскопа, которые выстраивались в линии по направлениям, близким к С–Ю и В–З, но расстояния между ними были нерегулярными.

Несколько позже появились основания для более крупной постройки (рис. 4, *А*; сооружения 6 и 20), в состав которых был полностью включен один из малых столбчатых фундаментов (сооружение 19). Они также были сложены из вторично использованного белого камня и кирпича на близком по составу растворе. На планах конца XVIII – начала XIX в. никаких капитальных построек на этом участке не показано, так что рассмотренные фундаменты могли принадлежать или какому-то временному объекту, связанному с церемонией закладки Кремлевского дворца в 1773 г., или с обустройством в 1786 г. Плац-парада с караульнями и артиллерийской батареей для салютационной стрельбы[2].

Остатки здания Приказов занимали около половины площади раскопа (120 м^2). Раскрыт участок основания северной продольной стены здания (ее протяженность в раскопе составила 24 м), ориентированной практически по оси З–В, и перевязанные с ней три поперечные, что свидетельствует о единовременности возведения конструкций. С севера в продольной стене имеется частично выступающая из ее плоскости прямоугольная в плане заглубленная камера (рис. 3, *А*; 4). В восточной зоне раскопа поверх фундамента сохранилось до трех нижних рядов кладки стен здания из большемерного кирпича (формат 30.5–32 × 14.5–15.5 × 7.5–8 см) на довольно прочном известково-песчаном растворе в верстовой системе перевязки (рис. 5, *Б, В*). В забутовке встречается вторично использованный маломерный кирпич (2–24 × 11.5–12 × 5.5 см), применявшийся в середине – второй половине XVI в. Ширина стены в уровне кирпичной кладки составляет 2.25–2.4 м; ее лицевая поверхность, обращенная на Ивановскую площадь, выполнена из белого камня. Два ряда гладко тесаных постелистых белокаменных блоков (размерами 52–62 × 25–29 × 14–20 см) образуют переход от фундамента к цоколю.

Кладка фундамента выполнена из разноразмерного белокаменного бута, с проливкой каждого ряда известково-песчаным раствором (рис. 5, *А*). В ней преобладает грубо околотый камень, но встречаются и блоки, близкие к прямоугольной форме, а также отдельные детали во вторичном использовании. Например, белокаменный профилированный импост – деталь интерьера здания, возможно, происходит из разобранных перед строительством “дьячих изб” 1591 г. (рис. 5, *Д*). Мощность фундамента около 2 м, под его подошву были набиты деревянные сваи, от которых сохранились пустоты-“стаканы” и отпечатки крайних свай в растворе, заглубленные в вертикальные боковые поверхности бутовой кладки (рис. 5, *Г*).

[1] В вопросах описания выявленных каменных сооружений и строительных материалов авторы пользовались консультациями Е.И. Рузаевой.

[2] Согласно именному указу от 11 февраля 1786 г. главнокомандующему в Москве графу Брюсу (Полное собрание законов Российской империи, 1830. Т. 22. С. 532–533. № 16323).

Рис. 5. Фундаменты Новых Приказов: *А* — кладка фундамента северной стены (вид с Ю); *Б* — кирпичная кладка стены поверх белокаменной кладки фундамента (вид с З); *В* — кирпичная кладка стены (вид сверху с Ю); *Г* — полость от истлевшей сваи в основании фундамента; *Д* — белокаменный импост в кладке фундамента.

Fig. 5. The substructures of the New Prikazy building

Фундаментные рвы, прорезающие остатки более ранних построек, не были доведены до материка; их подошвой служит отложившийся на участке мощный культурный слой. Вероятно, вследствие этого произошли заметные деформации конструкций здания и просадки в направлении бровки холма.

Поперечные стены в пределах раскопа не имеют белокаменной облицовки, а кирпичная кладка у них начинается немного ниже, чем у продольной стены (до 5 рядов; кирпичная кладка западной из них выбрана полностью, но сохранились отпечатки в растворе на плоскости верхнего обреза фундамента). Расстояние между фундаментами поперечных стен составляет 8.6 и 3.9 м, что дает представление о габаритах отдельных палат. Видимая в раскопе часть второй с востока поперечной

стены трапециевидна в плане. На оси именно этой стены находится внутристенная камера (рис. 3, *А*), ее П-образные наружные стенки значительно тоньше основных стен здания (0.8–0.95 м), а внутренняя плоскость с южной стороны имеет ярко выраженный уклон, так что помещение заметно сужается книзу. Габаритные размеры камеры – 3.2 × 2.15 м, наружного выступа – 5.15 × 1.8 м, глубина – 2.5 м (от верхних камней стенок). Изнутри по периметру она облицована постелистыми белокаменными блоками (размерами до 53 × 25–30 × × 10–12 см) в верстовой системе перевязки, с чередованием длинных и коротких сторон блоков в каждом ряду, но без строгого соблюдения версты по вертикали. В зоне примыкания поперечных стенок камеры к фундаменту основного здания образовались вертикальные трещины, вызванные неравномерными осадками. Наружной облицовки нет. Дно камеры грубо вымощено белокаменными плитами нерегулярной формы, в вымостке прослежены пустоты от сгнивших свай. Посередине верхней части стен сохранились пяты белокаменной арочной перемычки, служившей основанием располагавшейся выше перегородки, разделявшей камеру надвое.

Внутристенная камера была засыпана мусором, состоявшим из обломков кирпича, белого камня, известковой крошки с небольшой примесью грунта, костей животных (включая полные скелеты трех собак) и разнообразных изделий, среди которых присутствовали обломки рельефных поливных безрамочных изразцов (зеленых и полихромных) с отступающей румпой и 6 монет ручного чекана, среди которых определимы были серебряные копейки Михаила Федоровича (2 шт.) и Алексея Михайловича (1 шт.), а также одна медная монета плохой сохранности, предположительно чекана Петра I[3]. Таким образом, камера была засыпана мусором не позднее начала XVIII в. Другие находки из заполнения камеры (обломки импортных стеклянных бокалов и массовый керамический материал) не противоречат такой дате. В пользу этого предположения может говорить и то, что подобного элемента нет на подробном плане здания XVIII в. из собрания ГИМ, хотя на южной стене аналогичный элемент присутствует (Бакланова, 1926. Рис. 3). Назначение камеры не вполне ясно. Аналогичную конструкцию имеют нижние части ретирад (нужников), например, в южной стене келий Архиерейского двора в Вологде (1671–1675 гг.). Однако рассматриваемая камера не имеет явных следов использования в качестве ретирады и могла служить как в качестве арестантского помещения, так и в качестве кладовой (подвала) для хозяйственных нужд.

Дополнительную сложность интерпретации камеры составляет ее размещение рядом со столбчатыми опорами, сложенными из белокаменных грубо тесаных разноразмерных блоков, которые были выстроены вместе со зданием Новых Приказов и разрушены также одновременно с его разборкой (рис. 4, *Б*; сооружения 12, 13, 14, 15). Эти фундаменты могли служить основанием для крыльца и лестницы, ведшей на второй этаж здания. В этом случае камера размещалась непосредственно под лестничным всходом.

На протяжении менее чем ста лет существования здания Новых Приказов его помещения неоднократно ремонтировались, как после пожаров 1701–1702 и 1737 гг., так и при реорганизации занимавших его служб. Строились новые стены и перегородки, для которых устраивались ленточные фундаменты шириной 80–90 см из небрежно уложенных белокаменных блоков вторичного использования и битого кирпича на известковом растворе (рис. 4, *Б*; сооружения 18 и 23). Один из этих фундаментов (сооружение 18) прорезает деревянный пол первой четверти XVIII в., т.е. относится к более позднему времени бытования здания.

Полы на первом этаже здания настилались по деревянным лагам, уложенным непосредственно на грунт. Зафиксировано 2 уровня таких полов, разделенных подсыпкой грунта толщиной 10–15 см. Нижний, более ранний, сохранился очень плохо, в виде отдельных полос древесного тлена, зато в несколько лучшем виде дошел фрагмент более позднего пола, на поверхности которого найдены монеты Петра I (рис. 4, *Б*; 6, *А*; сооружение 8). В южной части раскопа удалось проследить фрагмент мощения пола из прямоугольных белокаменных плит шириной 30–40 см и толщиной 6.5–7 см, уложенных по растворной стяжке и подготовке из кирпичного щебня (рис. 4, *Б*; 6, *Б*; сооружение 11). Судя по находкам под этим мощением монет Анны Иоанновны, оно возникло позже 1730-х годов. Более поздние

[3] Все определения монет выполнены членом-корр. РАН П.Г. Гайдуковым, которому выражаем благодарность за помощь в работе.

Рис. 6. Мощение внутренних помещений Новых Приказов: *А* – дощатый пол (вид с Ю); *Б* – остатки плит белокаменного мощения в юго-восточном профиле раскопа (вид с СЗ).

Fig. 6. The floor and the pavement in the rooms of the New Prikazy building

полы, существовавшие в середине – третьей четверти XVIII в., на исследованном участке не сохранились (вероятно, они были уничтожены при разрушении здания).

Исходя из известного по планам XVIII в. местоположения исследуемого участка здания 1675–1683 гг. по отношению к Архангельскому собору (в 50 м от его апсид), он относится к той части строения, где размещался Разрядный приказ. Еще ближе к собору находился Посольский приказ.

Датирующий материал. Горизонт конца XVIII–XIX в. содержал большое число разнообразных находок (более 300), однако часть из них была переотложена. Наибольший интерес представлял комплекс ямы 1 (западины, сформировавшейся над просевшим заполнением упоминавшейся внутристенной камеры), содержавший более 240 разнообразных изделий, среди которых преобладали предметы вооружения и воинского снаряжения конца XVIII – начала XIX в.: сабля в ножнах, штык от мушкета (рис. 7, *1, 2*), целый пистолет, шомпол, детали ружейных замков, свинцовые пули, ружейные кремни, форменные пуговицы, детали портупеи и т.п. Для датировки и атрибуции этого

Рис. 7. Материалы 1812 г. из ямы 1: сабля (*1*), штык от мушкета (*2*), счетный жетон (*3*), пуговицы (*4, 5*), бляха (*6*), гребень (*7*), украшение со вставками из граната (*8*) (*1, 2* – сталь, *3–6, 8* – цветной металл, *7* – рог).

Fig. 7. Materials of 1812 from pit 1

Таблица 1. Распределение изразцов по слоям раскопа 2019 г.

Table 1. The distribution of tiles across the layers of 2019 excavation site

Типы изразцов	Слой 1 (разрушения Приказов, 1770-е годы)	Слой 2 (функционирования Приказов, 1670–1770 гг.)	Слой 3 (до строительства Приказов, середина XVII в.)
Красные рельефные рамочные	10	59	288
Зеленые рельефные безрамочные	28	38	–
Полихромные рельефные	90	63	–
Гладкие расписные	2	1	–

комплекса были важны находки двух бронзовых нюрнбергских счетных жетонов (рис. 7, *3*), пуговиц офицеров штаба и гвардии Великой армии Наполеона Бонапарта (Fallow, 1997) (рис. 7, *4, 5*), пряжек и блях с символикой Французской империи (рис. 7, *6*). Здесь же были найдены многочисленные импортные текстильные изделия – обрывки парадной одежды из парчи европейского производства, фрагменты галунной и шелковой лент, часть веера[4]. Интересна серия предметов из цветных металлов, которые могли являться частями различных женских украшений, в том числе из благородных металлов (рис. 7, *8*), а также крупный роговой гребень, украшенный тонкой резьбой (рис. 7, *7*). Наряду с такими неординарными находками в том же комплексе встречены и вполне обычные бытовые предметы: обломок чугунного горшка, железный серп, гвозди, оселок, стеклянные бутылки, помадные банки (включая импортные). По-видимому, обнаруженный комплекс образовался после оставления армией Наполеона Москвы в конце октября 1812 г.

В слое разрушения Приказов встречены более 200 разнообразных бытовых предметов, однако самой массовой категорией находок оказались медные монеты (66 экз.), относящиеся к периоду от первой половины XVII в. до 1779 г. (с абсолютным преобладанием монет 1710–1730-х годов).

В слое, отложившемся в период существования Новых Приказов, сохранилось крайне мало предметов, связанных с бытом этого административного здания. Всего собрано более 240 различных находок. Монет среди них было 61 экз., но при этом более половины из них (39 экз.) датировались периодом от 1700 до 1744 г., а остальные относились к ручному чекану XVII в. Полное отсутствие монет 1750–1760-х годов создает впечатление, что в ходе разборки здания была также срезана и верхняя часть культурного слоя, вместе с наиболее поздними полами внутри помещений.

При раскопках А.Н. Султанова в восточной части комплекса Приказов разнообразные изразцы последней четверти XVII–XVIII в. составляли одну из главных категорий находок[5]. В раскопе 2019 г. их было значительно меньше: в слое разрушения 130 обломков и 160 – в слое функционирования Приказов (табл. 1). Интересно, что изразцы XVIII в. тут практически не встречены, хотя они были зафиксированы Н.В. Султановым в восточной части здания (1898. Стб. 606). В слое разрушения Приказов абсолютно преобладали обломки рельефных полихромных и зеленых изразцов (с соотношением 3:1), т.е. тех их разновидностей, которые только и могли быть использованы для строительства печей в ходе возведения приказных зданий на рубеже 1670–1680-х годов.

[4] Изделия реставрированы и атрибутированы сотрудником ИА РАН И.И. Ёлкиной, которой выражаем благодарность за помощь в работе.

[5] К сожалению, эти находки не были опубликованы, и их коллекция может быть восстановлена лишь с большим трудом (Баранова, 2015).

Рис. 8. Находки из слоев функционирования Новых Приказов (*1–5*), Старых Приказов (*6–8*) и слоя первой половины XVI в. (*9–11*): *1* – обломок оклада иконы (серебро, эмаль, камни), *2* – переносная чернильница (керамика, глазурь), *3* – горло чернолощеного кувшина с граффито (керамика), *4–8* – сапожные подковки (железо), *9–11* – обломки браслетов (стекло).

Fig. 8. Finds from the occupational layers of New Prikazy (*1–5*), Old Prikazy (*6–8*) and the layer of the first half of the 16th century (*9–11*)

Таблица 2. Статистика керамических форм

Table 2. Statistics of ceramic forms

Объект	Горшки	Кувшины
Раскоп в Большом Кремлевском сквере. Слой функционирования Приказов (1680–1760-е годы)	127	259
Подвал Старого Государева двора в Ново-Иерусалимском монастыре (1730–1740-е годы)	71	33

Примечание: Количество сосудов определено исходя из числа морфологически определимых обломков по принципу наименьшего варианта (за единицу учета принимались обломки, которые могли принадлежать к одному и тому же сосуду).

В культурном слое, отложившемся во время функционирования Приказов, соотношение полихромных и монохромных зеленых изразцов уже несколько иное – 3:2. Видимо, все они выпадали в слой по мере ремонта и замены печей, стоявших в здании. Следовательно, соотношение этих фрагментов в какой-то степени отражает распределение разных печных наборов в новопостроенном здании. Обращает на себя внимание и тот факт, что количество обломков красных рамочных изразцов первой половины – середины XVII в. здесь заметно (в 6 раз) выше, чем в слое разрушения Приказов, а само их присутствие в слое конца XVII–XVIII в. сложно объяснять одним только их перемещением из нижележащих отложений в ходе различных земляных работ. Поэтому появление красных изразцов в слое существования Новых Приказов надо связывать с разрушением каких-то иных зданий (или замене в них старых печей), располагавшихся где-то неподалеку.

Интерес представляет также находка обломка серебряного оклада иконы, украшенного сканью и вставками из полудрагоценных камней (рис. 8, *1*). Находка сделана в нижней части фундамента (сооружение 18), заложенного в середине XVIII в. для возведения внутренней перегородки в одном из помещений. Вероятно, столь ценный предмет попал в фундаментный ров по каким-то совершенно случайным причинам, преднамеренное помещение его сюда кажется маловероятным.

Самой массовой разновидностью находок, собранных в рассматриваемом слое, были железные сапожные подковки. Одних только целых таких предметов имелось 58 экз., что составляло 22% всех вещевых находок данного комплекса, а с учетом обломков их количество достигало 90 шт. (рис. 8, *4, 5*). Столь высокая концентрация сапожных подковок может объясняться публичностью Приказов, посещавшихся большим числом людей.

Очень интересные данные обещают дать исследования керамики, собранной в слое, отложившемся в ходе существования Новых Приказов. Яркой особенностью этого комплекса было необычно малое число обломков горшков при изобилии кувшинов и мисок (табл. 2). К сожалению, при изучении московской керамики в прошлом не проводилась фиксация количества хотя бы основных функциональных форм сосудов, что создает серьезные трудности для оценки ситуации. Единственным исключением из этого правила являются данные, полученные для нескольких опорных комплексов на Подоле Московского Кремля в 2007 г. (Коваль, 2016. Табл. 2). Правда, там изучались более ранние объекты (XIV–XVI вв.), однако по ним удалось проследить тенденцию к постоянному росту доли кувшинов по отношению к горшкам: от 1:42 до 1:3 за указанный временной интервал. И все же, даже допуская дальнейшее усиление такой тенденции, подавляющее преобладание кувшинов над горшками в слое существования Новых Приказов совершенно нетипично для городских культурных слоев Москвы.

К счастью, имеется возможность сравнить близкие по времени (хотя и не столь представительные по количеству) материалы из раскопок в Ново-Иерусалимском монастыре, где проведены подсчеты функциональных форм сосудов из засыпанного не позднее 1740-х годов подвала монастырских келий (объект 68 раскопа 1, 2009 г.) (Беляев, Коваль, 2009): соотношение числа кувшинов и горшков в Приказах (2:1) было прямо противоположно ситуации в синхронном монастырском комплексе (1:2).

Объяснение такой разительной разницы видится в том, что в здании Приказов не готовили пищу (ни в горшках, ни в какой бы то ни было иной посуде). Как и где питались приказные дьяки и подьячие, прочие служители этого присутственного места, не известно. Возможно, они приносили еду с собой, и вряд ли контейнерами для ее переноски служили кухонные горшки, скорее это могли быть берестяные туеса или металлические емкости. А вот вода и прочие напитки могли доставляться к их столу в керамических кувшинах. Такие сосуды неизбежно периодически разбивались и утилизировались либо в самом здании Приказов, либо рядом с ним.

Ярким примером такого рода стал развал верхней части чернолощеного кувшина с граффито, собранный в заполнении описанной выше внутристенной камеры. По профилировке и декору он соответствует хорошо известным московским сосудам XVII в. (Розенфельдт, 1967. Табл. 9, *5–9*). Граффито сохранилось не полностью и читается с определенной долей условности, поскольку написано оно было человеком, владевшим техникой скорописи, использовавшим выносные буквы (рис. 8, *3*): “Сии кув[шин] ...илы Огоро(д)наг(о)”[6]. Надпись указывает на владельческую принадлежность сосуда и имя владельца, вероятно, [Дан]илы (либо Гаврилы, Вавилы и т.п.) Огороднаго”. Хотя в списках дьяков и подьячих московских учреждений конца XVII – начала XVIII в. прозвища “Огородный” нет, можно предположить, что его мог носить один из канцелярских служителей низкого ранга. Чернолощеные кувшины с процарапанными по их поверхности надписями давно известны археологам Москвы (Золотов, 1959), в Кремле также были найдены обломки таких сосудов с владельческими знаками, включающими наборы букв (Коваль, 2018. Рис. 5, *5*), однако целые надписи на посуде здесь ранее не встречались.

Другим предметом, непосредственно связанным с приказным бытом, является белоглиняная переносная чернильница, покрытая зеленой прозрачной глазурью (рис. 8, *2*). Кроме того, найдены обломки нескольких настольных глазурованных чернильниц-пеналов. Такие сосудики уже находили в прошлом при раскопках в Москве – их использовали не только в Кремле, но и во многих других частях города.

Слой, отложившийся в период существования Старых Приказов (с середины XVI по середину XVII в.), датирован монетами ручной чеканки (22 шт.), среди которых надежно определяются семь монет Ивана IV, одна – Бориса Годунова, две – Владислава Жигимонтовича, две – Михаила Федоровича и одна – Алексея Михайловича. Слой оказался насыщен разнообразными изделиями, среди которых массово встречены обломки красных рамочных изразцов (табл. 1) с рельефными изображениями (батальные сцены, фантастические животные, геральдический двуглавый орел, растительные мотивы) и несколько обломков белоглиняных изразцов, покрытых желтой прозрачной глазурью, декорированных в европейском “барочном” стиле[7]. Второй категорией массовых находок из этого слоя были железные сапожные подковки – более 250 целых и фрагментированных изделий (рис. 8, *6–8*). Среди индивидуальных вещевых находок целиком сохранившиеся подковки составили 33% (т.е. еще больше, чем в слое жизни Новых Приказов). Таким образом, на всем протяжении функционирования приказных зданий посетители теряли здесь обувную фурнитуру.

В более раннем слое, отложившемся до начала размещения на исследуемом участке Приказов в середине XVI в., обнаружено относительно немного находок, однако среди них выделяются переотложенные вещи, характерные для домонгольской эпохи, в частности – обломки стеклянных браслетов (рис. 8, *9–11*). Эти предметы свидетельствуют о присутствии здесь в нижней части культурного слоя средневековых отложений.

Основные результаты. Главный научный результат раскопок 2019 г. – получение данных о характере и стратиграфии культурных отложений XVI–XIX вв. в центральной части Кремля и связи их с историческими событиями этого времени. Для понимания специфики культурных напластований на этом участке существенно, что формирование этой толщи происходило хронологически неравномерно, а периодические подрезки грунта, нивелировки и расчистки территории привели к тому, что далеко не все хронологические периоды представлены в стратиграфической колонке. Среди удаленных горизонтов – значительная часть культурных отложений, связанных

[6] Чтение и интерпретация надписи выполнены научным сотрудником ИА РАН к.и.н. В.С. Курмановским.

[7] Этой категории находок посвящена статья Л.А. Беляева, О.Н. Глазуновой и А.Н. Смирнова, публикуемая ниже в этом же номере журнала.

с завершением использования здания Новых Приказов в середине и третьей четверти XVIII в. Отчетливо выделяются в раскопе последствия расчистки Кремля после пожара 1812 г. и ухода из Москвы наполеоновских войск, слои 1770-х годов, сформировавшиеся в процессе разборки здания Новых Приказов и нового обустройства участка, горизонты и комплексы находок 1710–1730-х годов, напластования середины – третьей четверти XVII в., связанные с функционированием Старых Приказов.

Несмотря на лакуны в культурном слое, раскопки дали яркий материал для характеристики обстановки приказного делопроизводства и повседневного быта центральных органов управления Московского царства – Российской империи XVII–первой половины XVIII в. Открытие остатков здания Новых Приказов, построенного в одном из наиболее выгодных панорамных мест Москвы на кромке Кремлевского холма и являвшегося важным элементом кремлевского ансамбля, позволит прояснить место этой неординарной постройки в истории русской архитектуры XVII в. Изучение фундаментов Приказов и многочисленных строительных артефактов, собранных в раскопе, может стать материалом для обоснованной графической реконструкции исчезнувшего здания.

Остатки Приказных палат 1591 г. в раскопе не выявлены. Вероятно, с ними связана одна из строительных прослоек известковой крошки, документированная в культурных отложениях конца XVI в., а также дощатые дворовые вымостки. С печами, стоявшими в “Старых Приказах”, можно связывать обширный комплекс красных рамочных изразцов.

Продолжение раскопок открывает перспективу изучения более ранних культурных отложений в центральной части Кремля. Присутствие на исследуемом участке отложений домонгольского времени (вторая половина XII – первая половина XIII в.) и раннего железного века (дьяковская культура, вторая половина I тыс. до н.э.) подтверждается находками керамики этих периодов в перекопах и фундаментных рвах позднейших построек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII веке // Труды ГИМ. Вып. 3. М.: ГИМ, 1926. С. 53–100.

Баранова С.И. К истории первых находок русских изразцов в Московском Кремле // Образ христианского храма: сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А.Л. Баталова / Ред. Л.А. Беляев. М.: Арткитчен, 2015. С. 524–548.

Беляев Л.А., Коваль В.Ю. Отчет об археологических работах в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 37096, 37097, 37103, 37107, 37109.

Дополнения к актам историческим. Т. 9. СПб.: Тип. II отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1875. 375 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: АН СССР, 1950. 585 с.

Забелин И.Е. История города Москвы. Ч. 1. М.: Тип. И.Н. Кушнерева и К, 1905. 652 с.

Золотов Ю.М. Чернолощеный кувшин с надписью // СА. 1959. № 1. С. 284–286.

Коваль В.Ю. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // Археология Подмосковья. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 437–475.

Коваль В.Ю. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // Археология Подмосковья. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. С. 414–441.

Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.: ТАУС, 2013. 406 с.

Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб.: Тип. II отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1830. 1072 с.

Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. СПб.: Тип. II отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1830. 1186 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 301 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 13, 2: Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. С. 303–532.

Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1967 (САИ; вып. Е1-39). 99 с.

Скворцов Н.А. Московский Кремль. Упраздненные соборы, церкви и подворья в Кремле // Русский архив. 1893. Кн. 9. С. 5–35.

Султанов Н.В. Памятник императору Александру II в Московском Кремле // Строитель. № 15-18. 1898. Стб. 561–748.

Fallow L. Le bouton uniforme francais (De l’Ancien régime à fin juillet 1914). Paris, 1915. 327 p.

NEW RESEARCH IN THE MOSCOW KREMLIN: EXCAVATIONS OF THE PRIKAZY BUILDING

Nikolay A. Makarov*, Vladimir Yu. Koval, Roman N. Modin***, Konstantin I. Panchenko****, Andrey V. Yaganov*****

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

**E-mail: nmakarov10@yandex.ru*
***E-mail: kovaloka@mail.ru*
****E-mail: modin.roman@mail.ru*
*****E-mail: pakoi@mail.ru*
******E-mail: yagav@yandex.ru*

In 2019, the Institute of Archaeology RAS launched excavations in the area east of the Archangel Cathedral in the very centre of the Kremlin, where in the 16th–17th centuries Prikazy (central government departments of the Russian state) were located. For the first time data were obtained on the nature and stratigraphy of cultural deposits of the 16th–19th centuries in the central part of the Kremlin and their relation to the historical events of that period. The works uncovered and cleared remains of a monumental stone structure which can be reliably correlated with the building of New Prikazy erected in 1675–1683. It was possible to distinguish horizons of the 1770s formed during the dismantling of the building of New Prikazy by V.I. Bazhenov and the strata of the middle – the third quarter of the 17th century associated with the activities of Old Prikazy. Excavations yielded vivid material to characterize the situation of administrative workflow and everyday life of the central government of the 17th – the first half of the 18th century. An unexpected find of an assemblage of weapon and military equipment of the early 19th century on the Kremlin wasteland is a unique archaeological evidence of the Napoleonic army presence in the Kremlin. It is valuable for characterizing the general condition of Moscow after the fire and destruction of 1812.

Keywords: archaeology, architectural remains, the layout of the Kremlin, Moscow state, stratigraphy.

REFERENCES

Baklanova N.A., 1926. The furnishings of Moscow Prikazy in the 17th century. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Transactions of the State Historical Museum]*, 3. Moscow, pp. 53–100. (In Russ.)

Baranova S.I., 2015. On the history of the first finds of Russian tiles in the Moscow Kremlin. *Obraz khristianskogo khrama: sbornik statey po drevnerusskomu iskusstvu k 60-letiyu A.L. Batalova [The image of the Christian temple: Collected articles on the art of Rus to the 60th anniversary of A.L. Batalov]*. L.A. Belyayev, ed. Moscow: Artkitchen, pp. 524–548. (In Russ.)

Belyayev L.A., Koval' V.Yu. Otchet ob okhrannykh nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh rabotakh, napravlennykh na obespecheniye sokhrannosti ob"yektov arkheologicheskogo naslediya i soprovozhdayushchikh geologicheskiye i arkhitekturnyye issledovaniya v ramkakh vypolneniya proyektnykh rabot po sokhraneniyu Voskresenskogo Novo-Iyerusalimskogo monastyrya v 2009 g. [Report on salvage and research archaeological activities aimed at the preservation of archaeological heritage sites and accompanying geological and architectural investigation as part of the design work to preserve the Resurrection New Jerusalem Monastery in 2009]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 37096, 37097, 37103, 37107, 37109.

Dopolneniya k aktam istoricheskim [Supplements to historical records], 9. St.Petersburg: Tip. II otdeleniya Sobstvennoy EIV Kantselyarii, 1875. 375 p.

Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and contractual letters of the Grand and apanage princes of the 14th–16th centuries]. Moscow: AN SSSR, 1950. 585 p.

Fallow L., 1915. Le bouton uniforme francais (De l'Ancien régime à fin juillet 1914). Paris. 327 p.

Koval' V.Yu., 2016. Ceramics from excavations in the Podol (boundary) of the Moscow Kremlin. *Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow vicinity]*, 12. Moscow: IA RAN, pp. 437–475. (In Russ.)

Koval' V.Yu., 2018. Ceramics from excavations in the Podol (boundary) of the Moscow Kremlin. Series of small items. *Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow vicinity]*, 14. Moscow: IA RAN, pp. 414–441. (In Russ.)

Panova T.D., 2013. Istoricheskaya i sotsial'naya topografiya Moskovskogo Kremlya v seredine XII – pervoy treti XVI veka [Historical and social topography of the Moscow Kremlin in the middle of the 12th – the first third of the 16th century]. Moscow: TAUS. 406 p.

Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The complete collection of Russian chronicles], 8. St. Petersburg: Tip. E. Pratsa, 1859. 301 p.

Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The complete collection of Russian chronicles], 13/2. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova, 1906, pp. 303–532.

Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The complete collection of Russian chronicles], 34. Moscow: Nauka, 1978. 304 p.

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire], 1. St. Petersburg: Tip. II otdeleniya Sobstvennoy EIV Kantselyarii, 1830. 1072 p.

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire], 22. St. Petersburg: Tip. II otdeleniya Sobstvennoy EIV Kantselyarii, 1830. 1186 p.

Rozenfel'dt R.L., 1967. Moskovskoye keramicheskoye proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow ceramic production of the 12th–18th centuries]. Moscow: Nauka. 99 p. (SAI, E1-39).

Skvortsov N.A., 1893. The Moscow Kremlin. Dismantled cathedrals, churches and yards in the Kremlin. *Russkiy arkhiv [Russian archive]*, 9, pp. 5–35. (In Russ.)

Sultanov N.V., 1898. Monument to Emperor Alexander II in the Moscow Kremlin. *Stroitel' [Civil engineer]*, 15–18, col. 561–748. (In Russ.)

Zabelin I.E., 1905. Istoriya goroda Moskvy [History of the city of Moscow], 1. Moscow: Tip. I.N. Kushnereva i K. 652 p.

Zolotov Yu.M., 1959. A black-burnished jar with an inscription. *Sovet. Arkheol. [Soviet archaeology]*, 1, pp. 284–286. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 114–124

ИЗРАЗЦЫ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2019 г. В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

© 2020 г. Л.А. Беляев[1,*], О.Н. Глазунова[1,], А.Н. Смирнов[1,2,***]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2]Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, с. Большие Вяземы Московской области, Россия

[*]E-mail: labeliaev@bk.ru
[**]E-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru
[***]E-mail: fotoellada@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.02.2020 г.

При раскопках 2019 г. в стратифицированном слое Московского Кремля была собрана представительная коллекция печных изразцов, которые встречались в этой зоне с XIX в. Они дали ценные сведения для решения проблемы генезиса и хронологии московских печей, для идентификации исполнителей и заказчиков изразцов, а также для реконструкции художественной среды царского двора от эпохи Ивана Грозного до первых царей из династии Романовых. Подробно описаны белоглиняные рельефные поливные изразцы, дан общий обзор источников по вопросу о появлении их в Москве. Впервые выделен этап существования печей с ранними (1565–1580-е годы) рельефными изразцами из белой глины с глазурью, произведенных мастерами-иноземцами.

Ключевые слова: Московское царство, художественная культура, печи, изразцы, Кремль, Борис Годунов, Смутное время.

DOI: 10.31857/S086960630010954-8

В 2019 г. экспедиция ИА РАН начала раскопки в Большом сквере Московского Кремля, на месте существовавших здесь когда-то зданий Старых и Новых Приказов[1]. Судя по картографическим данным XVII в., раскоп попал на место внутреннего двора Старых Приказных палат, П-образных. В ходе работ было собрано 1038 фрагментов изразцов: 12 неопределимых, 114 гладких расписных, 318 рельефных полихромных, 150 муравленых, 5 рельефных без поливы, 431 красных широкорамочных с коробчатой румпой, 3 белоглиняных с желто-коричневой поливой; ранее были найдены вместе еще 6 лицевых красных изразцов (2018 г., шурф на месте раскопа 2019 г., слой 2а). Таким образом, красные составляют 41.5% коллекции, образуя ее основу. Поскольку слой достаточно хорошо стратифицирован, красные и белоглиняные изразцы мы рассматриваем как единый комплекс в отложениях XVII в. Около 70% всех фрагментов происходят из слоя 3, который отложился в процессе жизни Старых Приказов, с конца XVI по конец третьей четверти XVII в., что в целом отвечает представлениям о времени бытования красных изразцов.

Развалов печей среди них нет. Но в верхней части слоя, в пятне рыжей глины, перекрытом фундаментом внутренней стены приказных палат 1670-х годов, встречено непереотложенное скопление обломков изразцов, включающее все части печного набора: фрагменты одинаковых городков (5 экз.), лицевые изразцы (1 – с изображением двуглавого орла, 6 – с орнаментальными композициями), обломок фриза, перемычки (7 экз.: 1 – горизонтальная с изображением гирлянды из пальметт; 6 – с рисунком из кринов и остроугольных элементов, выполненных в трехжгутовой технике; их можно использовать вертикально и горизонтально).

Фрагменты изразцов встречались по всей толще слоя и на всей вскрываемой поверхности. Многие из них имеют следы характерной истертости, говорящие о продолжительном пребывании под ногами пешеходов. Видимо, большая часть найденных изразцов попала в слой при ремонтах, замене печной облицовки, разборке печей, находившихся, скорее всего, именно в зданиях Приказов.

[1] Статью Н.А. Макарова, В.Ю. Коваля, Р.Н. Модина и К.И. Панченко, посвященную результатам раскопок 2019 г. в Кремле, см. выше в этом же номере журнала.

Незначительная часть изразцов носит следы огня. Возможно, они попали в слой после пожара 1626 г., когда “в приказех всякия дела погореша...” (Полное собрание русских летописей, 1968. С. 160).

В углистой прослойке 2а, отмечавшей финал существования Старых Приказов, найдены обломки двух лицевых изразцов (с изображением единорогов у Древа, со следами обгорания в открытом огне и с изображением коня или единорога) и перемычки с изображением крестоцветной розетки. К той же прослойке относится локальное скопление изразцов (из шурфа 2018 г.), перекрытое полами новых палат. Поверхность ряда изразцов сохранила почти сплошную побелку, что говорит о быстрой и однократной археологизации.

В слое, соотносимом с жизнью находившихся здесь с 1670-х годов зданий Новых Приказов, изразцы “готических” печей еще встречаются, хотя и в значительно меньшем количестве (к тому времени они полностью вышли из употребления). Практически все они происходят из внутренней части приказных помещений и, возможно, попали сюда при настилке полов, с подсыпкой. Между фрагментами из слоев, соотносимых со Старыми и Новыми Приказами, не прослежено значимых различий ни в технологии, ни в особенностях стиля резьбы матриц, но сюжеты отличаются: некоторые есть в обоих слоях, другие встречены только в слоях бытования и разрушения Старых Приказов. Так, фризовые изразцы с “пальметтами” наиболее многочисленны в более позднем слое, остальные варианты попали только в ранний слой (это важно, так как фрагментов фризов много, а их варианты немногочисленны).

У лицевых изразцов сюжет “двуглавый орел” представлен в трех вариантах. Два взяты из слоя Старых Приказов и относительно редки (включая аналогичный изразцу из Тушинского лагеря, датирующийся около 1608 г. или несколько ранее, учитывая возможную связь с печами годуновского времени из Борисова Городка (Янишевский, 2012) и дворца в Вяземах (Смирнов, 2015). Зато фрагмент изразца “малой руки” из слоя Новых Приказов – один из наиболее распространенных вариантов сюжета (обнаружен среди полуистлевших деревянных полов приказного помещения, сооружения начала XVIII в.).

Все сюжеты с батальными сценами происходят из раннего слоя, так же как изображения животных (кроме сюжета “птицы у Древа”, фрагмент которого многократно переотложен и сильно потерт). Из двух вариантов изображения Древа один происходит из раннего слоя, другой – из позднего (он выполнен контурными линиями). Большинство орнаментальных композиций происходит из слоя Старых Приказов, лишь три варианта рисунков из семнадцати встречены и в раннем, и в позднем слоях. Это касается и перемычек: только четыре варианта из четырнадцати найдены в обоих слоях.

В свое время изучение красных изразцов Романова двора выявило распределение их рисунков по времени: орнаментальные композиции принадлежали к самым ранним, единичные примеры батальных сцен – к первой трети XVII в., а изображения различных существ – к его второй трети (Мирясова, 2009. С. 129). В коллекции 2019 г. такого соотношения не отмечаем, но подчеркнем, что в слое 2 изразцы представлены только самыми распространенными сюжетами (видимо, это массовая продукция).

Сопоставив комплекс 2019 г. из Кремля с другими изразцами из стратифицированных слоев (прежде всего, полученными в 2017–2018 гг. в Новодевичьем монастыре), мы получили возможность заново рассмотреть проблемы ранней хронологии и генезиса московского изразца. Базовыми при этом стали не одна, а две наиболее ранние группы изразцов: 1) белоглиняные с поливой; 2) красные. Они типологически родственны: рельефные, широкорамочные, с коробчатой румпой. По количеству группы несопоставимы: находки белоглиняных единичны, фрагменты красных считаются сотнями. Однако анализ показал особую важность именно белоглиняных, отличающихся художественным и технологическим уровнем и ранней хронологией. На них мы и сосредоточим внимание в данной статье, отложив разбор группы красных изразцов для отдельного исследования.

Белоглиняные изразцы представлены тремя видами: лицевой изразец, городок и перемычка; мелких фрагментов в слое нет. От красных их резко отличает, однако, исходный материал (беложгущаяся глина), покрытие прозрачной желто-коричневой глазурью, а также стиль и уровень исполнения орнамента.

Лицевой изразец (№ 1000, слой Старых Приказов) (рис. 1, *1*) квадратной формы (18.5 × 18.5 см); на тыльной стороне следы сажи; румпа коробчатая (на трех сохранившихся сторонах по центру,

Рис. 1. Лицевые изразцы из раскопок: *1* – в Кремле 2019 г.; *2* – в Гончарной слободе 1940-х годов (по: Баранова, 2011. С. 83; © Московский государственный объединенный музей-заповедник, 2020); *3* – в Новодевичьем монастыре 2017 г.; *4* – великокняжеского дворца в Кремле (по: Евдокимов и др., 2016. Рис. 3) (*1, 4* – из беложгущейся глины; *2, 3* – из красножгущейся глины).

Fig. 1. Panel tiles

вплотную к лицевой пластине, выполнены аккуратные квадратные отверстия размерами 1.8 × 1.8 см). Лицевая пластина сформована на гончарном круге методом ленточного налепа. Композиция центрально-симметричная растительная: в рамку из “бус” заключена восьмилепестковая крестообразная розетка, образованная пышными лепестками цветка с волютообразными краями и трехчастными “кринами”. Этот внутренний квадрат обрамлен высокими, скошенными (как у ячейки кессонного потолка) краями, которые в свою очередь украшены ониками с овами (по два на каждой стороне изразца) и ростками с листьями в углах. Мотивы декора абсолютно классические, довольно грамотно исполнены и типичны для орнаментики европейского Ренессанса и раннего барокко.

К настоящему времени накопился ряд аналогов изразцу, исполненных в той же технике. В Кремле это фрагмент рамы, найденный при раскопках на Подоле Кремля (2007 г. № 898), и почти целый изразец из серии великокняжеского дворца (1997 г.; Евдокимов и др., 2016. С. 90. Рис. 3, верхний ряд, тип 2Б) (рис. 1, *4*). Серия дала изделия двух размеров: “малой руки” (15.0 × 15.0) и “большой руки” (20.0 × 20.0 см); наш изразец ближе к последним, но говорить о совпадении нельзя (разница составляет

1.5 см). Есть и важное отличие в изготовлении: для лицевой платины пласт глины раскатывали (как обычно делали и в Европе), а не вытягивали методом ленточного налепа (благодарим Г.С. Евдокимова, Е.И. Рузаеву и А.В. Яганова за консультации по материалам дворца). Крупные фрагменты аналогичных, по-видимому, изразцов есть в Александровой слободе (Фролов, 2009а. С. 61. Рис. 53, № 14/08; Фролов 2009б. С. 83. Рис. 95, 96, № 63/09, 68/09), где их сложно связать с каким-либо временем, кроме эпохи Ивана Грозного.

Тип изразца с приподнятой рамкой, переходный от горшкового к уплощенному лицевому, обычно украшенный розеткой, широко распространен в Западной Европе конца XVI – первой половины XVII в. и встречается от Швейцарии до верхнего Рейна, от Боденского озера до Моравии, Венгрии (Leib, 2013. P. 124) и Литвы, как, например, экземпляр из Вильнюса (Vilniaus, 2015. Kat. 9.-409) близкого нашему размера: 18.5 × 18.3 см (подробнее об этой общности мы здесь говорить не будем).

Для понимания ситуации чрезвычайно важны прямые дериваты кремлевского изразца (упрощенные, но абсолютно узнаваемые) среди красных широкорамочных изразцов Москвы. Они известны давно: подобный был найден в Гончарной слободе еще в 1940-х годах (Баранова, 2011. С. 83, нижний рисунок) (рис. 1, *2*), а в 2017 г. в Новодевичьем монастыре такой изразец (близкого размера: 18.0 × 18.0 см) появился в стратифицированном контексте (о контексте: Беляев и др., 2019) (рис. 1, *3*). Отметим, что румпы всех изделий коробчатые; в румпе изразца из Гончарной слободы на двух сторонах по оси проделаны аккуратные круглые отверстия; румпа изразца из Новодевичьего монастыря сплошная.

К серии дериватов можно отнести и глиняный изразцовый штамп, найденный в 1940-х годах при раскопках Гончарной слободы. Рисунок его весьма похож на кремлевский. Та же восьмилепестковая крестообразная розетка, образованная пышными лепестками цветка с волютообразными краями. М.Г. Рабинович пишет, что “по характеру рельефа не глубокого и не резкого, а также по орнаменту с волютами можно думать, что этот штамп... служил для изразцов, предназначенных под поливу” (Рабинович, 1947. С. 65).

Городок (№ 1044 из слоя Старых Приказов, сильно обломан, ширина основания 8.0 см) украшен кругом в концентрических рамках из капелек и жгута (рис. 2, *1*). У аналогов в центре – круг с лепестками; рамка без жгутового заполнения; завершение четырехступенчатое, размер основания близок 8.0–9.0 см (Евдокимов и др., 2016. С. 91. Рис. 4; Фролов, 2009б. С. 81. Рис. 93, № 60/09) (рис. 2, *2, 3*). Близкие по размерам красноглиняные городки (ширина основания 9.0 см) найдены на Подоле Кремля в 2007 г. (№ 33, 180, 853, 985) (рис. 2, *4, 5*) и возле Грановитой палаты (рис. 2, *6, 7, 10*); другие московские аналоги украшены близким рисунком (Баранова, 2011. С. 84; Розенфельдт, 1968. Табл. 22, № 15), но гораздо крупнее (ширина основания 12.0 см) (рис. 2, *8, 9*).

Перемычка (№ 39, отвал) жгутовая, полностью аналогичные ей известны в Кремле (Тайницкий сад, 2007 г., № 100, 253, 294).

Итак, собранные в 2019 г. белоглиняные изразцы с желто-коричневой поливой близки к комплексу великокняжеского дворца, но имеют ряд отличий в рисунке и, главное, в размерах. Видимо, они принадлежали разным печам (к одной из них должны относиться единичные обломки, попавшие в слой на Подоле Кремля).

В великокняжеском дворце были найдены также *красноглиняные изразцы*, аналогичные белоглиняным по форме и размерам румп, схожие (но не тождественные) по рисунку. Особый интерес представляет значительное количество вариаций изразцовых рамок в этом комплексе, как сильно выступающих под углом (близко к нашему изразцу), так и прямых, как у типовых красных широкорамочных изразцов. Эта вариативность может говорить о неустойчивом, “экспериментальном” характере производства. Наличие красноглиняных аналогов как в самом комплексе великокняжеского дворца, так и среди красных широкорамочных изразцов из других комплексов Москвы, возможно, говорит о начавшемся переходе от более сложных и дорогих белоглиняных поливных к красным, о привлечении к работам иноземных мастеров их русских учеников, о выходе на более широкий рынок.

Говорящей технологической деталью служит и румпа, вернее – отверстия в ней. У изразца 2019 г. они квадратные, причем проделаны, видимо, во всех четырех стенках. Квадратные отверстия характерны и для серии из Александровой слободы, где они встречены и у городков,

Рис. 2. Городки из раскопок: *1* – в Кремле 2019 г.; *2* – великокняжеского дворца в Кремле (по: Евдокимов и др., 2016. Рис. 4); *3* – Александровой слободы (по: Фролов, 2009. № 60/09); *4, 5* – в Тайницком саду Кремля 2007 г.; *6, 7, 10* – у Грановитой палаты 2010 г.; *8* – в Москве (по: Баранова, 2011. С. 84; © Московский государственный объединенный музей-заповедник, 2020); *9* – в Трехсвятительском переулке (по: Векслер, 2004, № 276) (*1–3, 5* – из беложгущейся глины; *4, 6–10* – из красножгущейся глины).

Fig. 2. Crown of the stove tiles

и даже у некоторых перемычек. У румпы из Гончарной слободы отверстий осталось только два, и они приобрели круглую форму. На красных изразцах печей Новодевичьего монастыря отверстий вообще нет – их перестали воспроизводить, так как для крепления изразцов в печи они не были нужны.

Сравнение элементов композиции показывает, что экземпляр из Гончарной слободы делали непосредственно с такого изразца, как кремлевский 2019 г., или оба восходят к одному прототипу, рисунку и т.п. На изразцах же Новодевичьего монастыря детали уже сильно упрощены, они теряют сочность и рельефность: мастер Гончарной слободы точно воспроизвел завернутые края пышных лепестков, но на изделии из Новодевичьего монастыря мы видим не очень понятные петельки.

Все это дает нам основания для построения типологии и относительной хронологии. Но для появления абсолютных дат нужен историографический контекст. Вопрос о времени появлении в Москве первых изразцовых печей обсуждается в литературе более столетия. С его решением напрямую связана и проблема их происхождения. В дореволюционной историографии датой их появления предполагали XVI в. А.В. Филиппов (1937), М.Г. Рабинович (1947) и некоторые архитекторы-реставраторы (И.И. Казакевич, 1977) писали о второй половине этого столетия. Есть и другая точка зрения: Н.А. Бакланова (опираясь исключительно на письменные источники) и Р.Л. Розенфельдт полагали, что первые печи появились в начале XVII в. Исследователи великокняжеского дворца соотнесли его ранние изразцы с сообщениями письменных источников, называющих годы строительства печей в хоромах: 1615/16 и 1624 гг.

В специальной статье, посвященной разбору хронологии, С.И. Баранова высказала верную идею дискретных, не связанных друг с другом и не образующих единой линии развития случаев знакомства Москвы с архитектурной терракотой, восходящих еще к концу XV в. Появление таких “одноразовых”, не имевших продолжения импульсов, порождавших первые изразцовые печи, соотносимо со временем от строительства в Александровой слободе при Грозном до времени преодоления последствий Смуты (Баранова, 2008).

Нам представляется, что все авторы по-своему правы: первые серии изразцов восходят ко второй половине 1560 – началу 1580-х годов, к оформлению Александровой слободы как “временной столицы” Московского царства. Кроме приведенных С.И. Барановой примеров очень архаичных по орнаменту (производному от готического) и по форме румп изразцов с зеленой поливой (Баранова, 2008. С. 390–391. Рис. 23, 24) укажем, что серии постоянно находимых в Слободе изразцов типологически и технологически очень близки кремлевским находкам. Особенно важна серия городков, лицевых изразцов и перемычек из раскопок М.В. Фролова (2000–2009 гг.), среди которых есть и вполне уникальные для наших коллекций, ожидающие отдельного исследования. Напомним, что примерно в это же время появятся фасадные глазурованные иконные композиции в Старице и декор шатров Покровского собора на Красной площади. В Кремле мы, видимо, наблюдаем тот же ранний этап.

Мастера первых изразцовых печей пользовались в основном (если не исключительно) белой глиной, использовали своеобразную прозрачную глазурь и классическую европейскую орнаментику, которой уверенно владели. Такие печи были редки и украшали самые статусные государственные постройки. Допустимо думать, что мастера, их сделавшие, входили в число привлеченных на службу иноземцев и/или пленных ливонцев, о жизни и трудах которых в Московии мы знаем очень мало.

Неполивные красные изразцы, видимо, появились позже поливных белоглиняных. Они получили более широкое распространение, так как были несравненно дешевле и проще в производстве. Сохраняя типологическое сходство и в некоторых случаях прямо копируя орнаментику, они теряют изначальную сложность, а их авторы не владеют классическим репертуаром, что очень хорошо видно при сравнении изразцов из Новодевичьего монастыря и из раскопок 2019 г. в Кремле. В то же время именно на красных изразцах появляется множество сюжетов, не представленных в белоглиняных; их генезис остается пока неясным.

Обратимся к письменным источникам, чтобы проверить, насколько их данные соотносятся с предлагаемой хронологией. Прицельно собиравшая сведения письменных источников об обстановке московских приказов Н.А. Бакланова полагала, что изразцовые печи в зданиях приказов появились “с конца царствования Михаила Федоровича (октябрь 1644 г.)”.

Исключение, писала она, составляет Посольский приказ, где в 1627 г. были сделаны «“печь мурамленая” и “печь обрасчатая”» (Бакланова, 1926. С. 68). Позднее М.В. Фролов указал, что в 1629 г. изразцовую печь, охарактеризованную как “старая”, чинил в Посольском приказе печник Петров Ондрейка (РГАДА, Ф. 137, Боярские и городовые книги, оп. 1, Посольский приказ, № 1-а, л. 13 об.; цит. по: Фролов, 1991. С. 39. № 176).

Есть и другие упоминания изразцовых печей ранее 1644 г. В 1641 г. печь белая изразцовая была поставлена в Приказе сбора ратных людей, где гончар Матынов Баженко сделал две печи: в передней избе печь гладкую с кирпичной трубой, а в комнате – “печь образщатую с шатром, труба кирпичная” (дано за кирпич, за глину, за изразцы, за известь 13 руб. (см.: РГАДА, Ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 2, 1639 г., № 87, л. 128; цит. по: Фролов, 1991. С. 34. № 137). Ранее в этом приказе фиксируются и гладкие кирпичные печи (в приказной избе их ставит в 1639 г. печник Иванов Баженко: Фролов, 1991. С. 22. № 63), и “сырчатые” (в 1640 г. каменщик Каменной слободы Иванов Мишка чинит две печи “сырчатых”, в передней избе и в комнате; см.: Фролов, 1991. С. 24, 76). Записи, сделанные вскоре после 1644 г., говорят о починке по крайней мере одной изразцовой печи: в 1646 г. Зубок Самойлов Васька чинил в Приказе сбора ратных людей печь изразцовую белую (“от починки за дело и за глину и за образцы 13 алт. 2 ден.”; РГАДА, Ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 2, 1639 г., № 87, л. 109, 115; цит по: Фролов, 1991. С. 21. № 60); вторую печь он чинил, возможно, кирпичную, так как получил всего “за дело и за глину 23 алт. 2 ден.”. В записи за 1647 г. мы снова встречаем изразцы: печник Лом Иванов Осип (Оська) получил “от починки за глину и за кирпич и за образцовые веревки и от трубы до починки и от беленья 13 алт. 2 ден.” (РГАДА, Ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 2, 1639 г., № 87, л. 1; цит. по: Фролов, 1991. С. 31, 32. № 126). Скорее всего, речь идет об одних и тех же печах, так как помещения приказов не были большими. Таким образом, с конца 1620 – начала 1640-х годов мы видим серию записей сначала о строительстве, а затем о ремонтах изразцовых печей – возможно, тех же самых.

Мы полагаем, что печи изразцовые, “белые” и “сырчатые”, – это печи с красными изразцами, побеленные или с нанесенным до обжига ангобом (глазурованные изразцы белить бессмысленно); большинство найденных при раскопках красных широкорамочных изразцов сохранили отчетливые следы побелки (на части видны даже остатки слюды, добавляемой для блеска).

Но в документах просматривается еще один этап строительства изразцовых печей в Москве – это первые годы после Смуты. В расходной книге денежной казны 1613 г. Казенного приказа (его строения находились неподалеку от Иноземного) сказано: “июля в 31 день.... Пешником Демке Дееву да Баженку Олферьеву отъ печи отъ обрасцовой, от дела и за приклад, полтора рубля, да отъ другой отъ печи отъ белой же, за обрасцы и за кирпичъ и за глину и за дело, рубль 28 алтын, и того 3 р. и 11 ал. 2 д. Делали одну в казенной палате, а другую въ скорняшной избъ” (Русская..., 1884. Стб. 4; см. также: Фролов, 1991. С. 18. № 45). В расходной книге денежной казны Нижегородской чети за 1615 г. печнику Баженко (видимо, тот же Олферьев, который делал печь в Казенном приказе) было дано “от печи от вымаски и за веревки, что вставливал вновь, и за кирпич и за глину 13 алт., 2 ден.” (Русская..., 1912. Стб. 260; см.: Фролов, 1991. С. 37. № 161).

“Веревки образцовые”, упомянутые в текстах, мы не склонны считать проволокой, которой скрепляли изразцы в облицовке, как думал М.В. Фролов (1991. С. 67). В начале XVII в. такой метод крепления не применялся, и для изразцов с коробчатой румпой, не имеющих отверстий, это невозможно. Стоит предположить, что так называли изразцовые перемычки, в то время в основном витые и действительно напоминавшие веревки, проложенные между рядами изразцов (так, как прокладывают жгутами пеньки деревянный сруб).

Согласно приведенным М.В. Фроловым сведениям о делании печей на Патриаршем дворе и в Поместном приказе, в первом случае печнику платят отдельно за покупку изразцов к печи и отдельно “за белую глину, чем белить печи, три алт., две ден., да на слюду восемь денег” (Фролов, 1991. С. 22. № 65). В двух других указано, кто делал саму печь и отдельно – кто делал изразцы к той же печи (Фролов, 1991. С. 20. № 54; С. 39. № 174). То есть печник сам изразцов не делал, но поставлял их, клал кирпичное тело, облицовывал печь и затем белил.

Во всех этих случаях речь постоянно идет о побелке, следовательно, все или почти все упомянутые после 1613 г. изразцовые печи красные. Это печи второго этапа. Вероятно, их появление синхронно разрушению и выпадению в слои изразцов раннего этапа, белоглиняных поливных.

Видимо, к этим постройкам Приказов, смененным в конце XVII в. новыми, принадлежали красные изразцы, которые собирали в зоне Приказов уже в 1895 г., при строительстве памятника Александру II. Оттуда их передали в Исторический музей ("196 изразцов цветных без поливы и 12 красных изразцов"; эти красные изразцы, по общепринятому мнению, относились к зданиям Старых Приказов и были тогда же опубликованы Н.В. Султановым (1895; 1898, Стб. 561–748; Отчет Императорского..., 1916. С. 8; исследование коллекции 1895 г. ведется, см.: Баранова, 2015. С. 524–548). В коллекциях 1895 г. и 2019 г. три изразца совпадают по типу и сюжету: войско в походе (Султанов, 1895. № 25), лицевой с пальметтами (Султанов, 1895. № 38) и фриз с пальметтами (Султанов, 1895. № 41), но других аналогов не обнаружено. На вид это оттиски с тех же форм, что и у изразцов, собранных в 2019 г.

Но вряд ли печи 1610-х годов были первыми в Москве, сложенными из красных изразцов. Таковыми считали до сих пор печи Тушинского лагеря, "альтернативного двора" Лжедмитрия II, которые вошли в оборот в начале XX в. и коллекция изразцов которых опубликована недавно (Двуреченский, 2018). Высказывалось предположение, что эти печи сложены изразцами, привезенными из разоренного Борисова городка, где находят перемычки, но не лицевые изразцы, и/или из усадьбы Годунова в Вяземах (Янишевский, 2012; Смирнов, 2015). Впрочем, допустимо думать, что Политковский просто взял в коллекцию в основном лицевые изразцы Тушинского лагеря. К ранним сериям красных изразцов отнесла свои находки в Старом Английском дворе И.И. Казакевич (1977). Хронологической глубины сюжету добавляет то, что красные изразцы Новодевичьего монастыря отложились в слой разрушения богатой кельи-усадьбы. Ясно, что ее соорудили раньше, не позднее первого десятилетия XVII в. В этом отношении интересна тесная связь жизни монастыря в конце XVI – начале XVII в. с царской семьей: вдовой царя Федора Алексеевича, Ириной, и ее братом, царем Борисом Годуновым.

Эти сюжеты важны для нас, так как обозначают зарождение нового вида декора – терракотового. Он появился, как неоднократно предполагали наши предшественники, в 1590-х годах. Но, вероятно, не был первым, а пришел на смену белоглиняным поливным изразцам. Терракотовые печи станут несравненно более доступным украшением парадных помещений, а потому и более массовым, отвечающим местному вкусу. Именно такие печи будут удовлетворять и потребность в визуальной информации, служа своего рода "керамическим лубком". Коллекция красных изразцов Кремля, конечно, заслуживает отдельного и подробного рассмотрения.

Что же касается белоглиняных поливных печей с растительной орнаментикой ренессансного типа, то их немногочисленные образчики, простояв несколько десятилетий, исчезли в перипетиях Смуты и особенно во время перестроек 1610–1620-х годов. Напоминанием о них станут некоторые архитектурные сюжеты, перешедшие на красные печи в упрощенном виде: их будут повторять, ориентируясь на оставленные мастерами-иноземцами эталоны, местные ремесленники. Затем изгладятся и эти следы первого изразцового эпизода, стертые новыми мощными импульсами середины XVII в., имевшими, однако, тот же резервуар – производство Центральной и Западной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в. // Труды ГИМ. Вып. III. Разряд общий исторический. М.: ГИМ, 1926. С. 53–100.

Баранова С.И. Новые данные о ранних видах московского керамического декора // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л.А. Беляева / Ред. А.Л. Баталов. М.: ИА РАН, 2008. С. 374–393.

Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 432 с.

Баранова С.И. К истории первых находок русских изразцов в Московском Кремле // Образ христианского храма: сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А.Л. Баталова / Ред. Л.А. Беляев. М.: Арткитчен, 2015. С. 524–548.

Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // РА. 2019. № 4. С. 192–207.

Векслер А.Г. О предпроектных охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией и капитальным ремонтом здания с устройством подземной стоянки по адресу: г. Москва, Большой Трехсвятительский пер, 1-3, стр. 1 в 2003 г., М., 2004 // Архив ИА РАН. Р-1. № 23583.

Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН, 2018. 196 с.

Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яганов А.В. Комплекс печных изразцов, обнаруженных при исследованиях великокняжеского дворца в Московском Кремле в 1997 г. // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья / Ред. Л.А. Беляев. М.: Коллектор, 2016. С. 88–91.

Казакевич И.И. Московское Зарядье. М.: Искусство, 1977. 207 с.

Мирясова А.А. Красноглиняные изразцы Романова двора // Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. / Ред. Л.А. Беляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 120–130.

Отчет Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III в Москве в 1883–1908 годы. М., 1916. 208 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 264 с.

Рабинович М.Г. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. (МИА; № 7). С. 55–77.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968 (САИ; вып. Е1-39). 124 с.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 9. СПб., 1884. 668 с.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 28. М., 1912. 520 с.

Смирнов А.Н. Печные изразцы из раскопок дворцового комплекса Б.Ф. Годунова в селе Вяземы // Археология Подмосковья. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015. С. 526–536.

Султанов Н.В. Древне-русские красные изразцы. М.: Т-во тип. А.И. Мамонова, 1895. 22 с. (Оттиск из “Археологических известий и заметок”. 1894 г., № 12).

Султанов Н.В. Памятник императору Александру II в Московском Кремле // Строитель. № 15-18. 1898. Стб. 561–748.

Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. Вып. 1. XV–XVII вв. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1937. 55 с.

Фролов М.В. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII в. М.: Спецпроектреставрация, 1991. 71 с.

Фролов М.В. Отчет об археологических исследованиях 2008 г. на территории музея-заповедника Александрова слобода в г. Александрове Владимирской обл. М., 2009а // Архив ИА РАН. Р-1. № 43792.

Фролов М.В. Отчет об археологических исследованиях 2009 г. на территории музея-заповедника Александрова слобода в г. Александрове Владимирской обл. М., 2009б // Архив ИА РАН. Р-1. № 37505.

Янишевский Б.Е. Раскопки на Борисовом городке в 2009 г. // Археология Подмосковья. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2012. С. 229–246.

Leib Sarah. Ofenkeramiken aus dem Vorarlberg Museum // Museums verein Jahrbuch. Vorarlberg: Vorarlberger Landesmuseumsverein, 2013. P. 120–138.

Vilniaus kokliai XV–XVII amziuje. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus, 2015. 406 p.

STOVE TILES OF THE LATE 16th – THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY BASED ON THE 2019 EXCAVATIONS IN THE MOSCOW KREMLIN

Leonid A. Belyaev[1,*], Olga N. Glazunova[1,], Alexey N. Smirnov[1,2,***]**

[1]*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*
[2]*A.S. Pushkin State Historical and Literary Museum-Reserve Bolshie Vyazyomy, Moscow Region, Russia*

[*]*E-mail: labeliaev@bk.ru*
[**]*E-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru*
[***]*E-mail: fotoellada@rambler.ru*

During the 2019 excavations in the stratified layer of the Moscow Kremlin, a representative collection of stove tiles was gathered. Such tiles have been found in this area since the 19th century. They

provided valuable information for solving the problem of the origin and chronology of Moscow stoves, for identifying the manufacturers and consumers of stove tiles, and for reconstructing the artistic environment of the royal court from the time of Ivan the Terrible to the first Romanov tsars. Glazed relief white clay tiles are described in detail, the paper gives a general overview of sources on their appearance in Moscow. The authors are the first to identify the stage of functioning stoves with early (1565–1580s) glazed relief white clay tiles produced by foreign masters.

Keywords: Moscow state, art culture, stoves, stove tiles, the Kremlin, Boris Godunov, the Time of Troubles.

REFERENCES

Baklanova N.A., 1926. Furnishings of Moscow Prikazy in the 17th century. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Transactions of the State Historical Museum], III. Razryad obshchiy istoricheskiy [The section of general history].* Moscow: GIM, pp. 53–100. (In Russ.)

Baranova S.I., 2008. New data on early types of Moscow ceramic decoration. *Moskovskaya Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury. K 60-letiyu L.A. Belyayeva [Moscow Rus. Issues of archaeology and the history of architecture. To the 60th anniversary of L.A. Belyaev].* A.L. Batalov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 374–393. (In Russ.)

Baranova S.I., 2011. Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitelya [Russian tiles. Notes of a museum keeper]. Moscow: MGOMZ. 432 p.

Baranova S.I., 2015. On the history of the first finds of Russian tiles in the Moscow Kremlin. *Obraz khristianskogo khrama: sbornik statey po drevnerusskomu iskusstvu k 60-letiyu A.L. Batalova [The image of the Christian temple: Collected articles on the art of Rus to the 60th anniversary of A.L. Batalov].* L.A. Belyayev, ed. Moscow: Artkitchen, pp. 524–548. (In Russ.)

Belyayev L.A., Glazunova O.N., Grigoryan S.B., Elkina I.I., Shulyayev S.G., 2019. Archaeology of the Novodevichy Convent in Moscow: preliminary results. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 192–207. (In Russ.)

Dvurechenskiy O.V., 2018. Tushinskiy lager' (Publikatsiya kollektsii V.A. Politkovskogo iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [The Tushino camp (Publication of the V.A. Politkovsky's collection from the funds of the State Historical Museum)]. Moscow: IA RAN. 196 p.

Evdokimov G.S., Ruzayeva E.I., Yaganov A.V., 2016. A complex of stove tiles found during 1997 research activities in the Grand Ducal Palace in the Moscow Kremlin. *Keramicheskiye stroitel'nyye materialy v Rossii: tekhnologiya i iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya [Ceramic construction materials in Russia: the technology and art of the late Middle Ages].* L.A. Belyayev, ed. Moscow: Kollektor, pp. 88–91. (In Russ.)

Filippov A.V., 1937. Drevnerusskiye izraztsy [Tiles of Rus], 1. XV–XVII vv. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoy akademii arkhitektury. 55 p.

Frolov M.V. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 2008 g. na territorii muzeya-zapovednika Aleksandrova sloboda v g. Aleksandrove Vladimirskoy obl. Moskva, 2009a [Report on 2008 archaeological research in the Aleksandrova Sloboda Museum-Reserve in the city of Aleksandrov, Vladimir Region. Moscow, 2009a]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 43792.

Frolov M.V. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 2009 g. na territorii muzeya-zapovednika Aleksandrova sloboda v g. Aleksandrove Vladimirskoy obl. Moskva, 2009b [Report on 2009 archaeological research in the Aleksandrova Sloboda Museum-Reserve in the city of Aleksandrov, Vladimir Region. Moscow, 2009b]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 37505.

Frolov M.V., 1991. Mastera-izrazechniki Moskvy XVII – nachala XVIII v. [Moscow tile-makers of the 17th – early 18th century]. Moscow: Spetsproyektrestavratsiya. 71 p.

Kazakevich I.I., 1977. Moskovskoye Zaryad'ye [Moscow Zaryadye]. Moscow: Iskusstvo. 207 p.

Leib Sarah, 2013. Ofenkeramiken aus dem Vorarlberg Museum. *Museums verein Jahrbuch*. Vorarlberg: Vorarlberger Landesmuseumsverein, pp. 120–138.

Miryasova A.A., 2009. Red-clay tiles from the Romanov Dvor. *Arkheologiya Romanova dvora. Predystoriya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vv. [Archaeology of the Romanov Dvor. Early beginnings and history of the centre of Moscow in the 12th–19th centuries].* L.A. Belyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 120–130. (In Russ.)

Otchet Imperatorskogo Rossiyskogo Istoricheskogo muzeya imeni imperatora Aleksandra III v Moskve v 1883–1908 gody [Report of the Emperor Alexander III Imperial Russian Historical Museum in Moscow for 1883–1908]. Moscow, 1916. 208 p.

Rabinovich M.G., 1947. Potters' quarter in Moscow of the 16th–18th centuries. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and research on the*

archaeology of Moscow], 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 55–77. (MIA, 7). (In Russ.)

Rozenfel'dt R.L., 1968. Moskovskoye keramicheskoye proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow ceramic production of the 12th–18th centuries]. Moscow: Nauka. 124 p. (SAI, E1-39).

Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoyu komissiyeyu [Russian historical library published by the Archaeographic Commission], 9. St.Petersburg, 1884. 668 p.

Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoyu komissiyeyu [Russian historical library published by the Archaeographic Commission], 28. Moscow, 1912. 520 p.

Smirnov A.N., 2015. Stove tiles from the excavations at Boris Godunov's palace complex in the settlement of Vyazyomy. *Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow vicinity]*, 11. Moscow: IA RAN, pp. 526–536. (In Russ.)

Sultanov N.V., 1895. Drevne-russkiye krasnyye izraztsy [Red tiles of Rus]. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamonova. 22 p.

Sultanov N.V., 1898. The monument to Emperor Alexander II in the Moscow Kremlin. *Stroitel' [Civil engineer]*, 15-18, col. 561–748. (In Russ.)

Veksler A.G. O predproyektnykh okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh, svyazannykh s rekonstruktsiyey i kapital'nym remontom zdaniya s ustroystvom podzemnoy stoyanki po adresu: g. Moskva, Bol'shoy Trekhsvyatitel'skiy per., 1-3, str. 1 v 2003 g., M., 2004 [Salvage archaeological research related to the development project for the reconstruction and overhaul of the structure with underground parking at the address: Moscow, Bolshoy Trekhsvyatitelsky pereulok, 1-3, building 1, in 2003. Moscow, 2004]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 23583. (Unpublished).

Vilniaus kokliai XV–XVII amziuje. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus, 2015. 406 p.

Yanishevskiy B.E., 2012. Excavations at Borisov Gorodok in 2009. *Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow vicinity]*, 8. Moscow: IA RAN, pp. 229–246. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 125–137

ДИСКУССИИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ, АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ АРХЕОЛОГИИ

© 2020 г. В.А. Шнирельман

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

E-mail: shnirv@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2020 г.

С ростом популярности “исторической политики” археологические материалы и историческое наследие все чаще превращаются в важный политический ресурс. Сегодня интерес к этому питает не только государство, но и разнообразные общественные и религиозные группы, политические движения, коренные народы и этнические меньшинства, коммерческие предприятия. В таких условиях неожиданно для себя археология вторгается в сферу политики, и ей приходится иметь дело с острыми вопросами, требующими обсуждения важных этических проблем. В данной статье такие проблемы рассматриваются в связи с взаимоотношениями археологов с коренными народами, с подходами к региональному прошлому, с деятельностью коммерческих структур, прежде всего в сфере туризма, с лавиной паранаучных построений, с реакцией на массовую миграцию, а также с острыми этническими конфликтами. Обсуждаются подходы к решению таких острых проблем.

Ключевые слова: археология, историческое наследие, этика, коренные народы, паранаука.

DOI: 10.31857/S086960630010955-9

Археология и этика. Анализ категории “историческое наследие” неизбежно ставит на повестку дня новую проблему: если право на памятники прошлого имеют не только археологи, но и общественность, то о какой именно общественности может идти речь? Современные общества полиэтничны, и часто возникает вопрос о том, кому принадлежит ценное историческое наследие того или иного региона – коренному населению, какой-либо особой его группе или мировому сообществу в целом? Кто и как именно определяет, что является историческим наследием, а что – нет? Кто и как распоряжается историческим наследием – идет ли речь о его сохранении, популяризации или грабеже и уничтожении? Все это ставит вопрос об этике.

Перед американскими археологами вопрос об этике вплотную встал в 1990-е годы, во-первых, в условиях усилившихся контактов с коренными американцами (индейцами и эскимосами), заинтересованными в результатах археологических исследований; во-вторых, в результате коммерциализации археологии, когда археологи стали работать на частные компании, не брезговавшие грабительскими раскопками ради торговли древностями.

В Европе проблема взаимоотношений археологов с широкой общественностью тоже была поднята в 1990-е годы как следствие Европейской конвенции по защите археологического наследия, принятой Советом Европы в Валетте (Мальта) в 1992 г. Это привело к постановке вопроса об этике, что нашло место в “Практическом кодексе”, принятом Европейской археологической ассоциацией в 1997 г., а затем в “Принципах поведения археологов, работающих по контракту” (1998 г.). В этих документах речь шла, главным образом, о защите культурного наследия и об угрозах археологии от коммерциализации (незаконные раскопки, нелегальная торговля древностями, использование металлоискателей и пр.) (Fernández, 2015; Marciniak, 2015).

В нашей науке этические вопросы едва ли не впервые были поставлены в работах А.А. Формозова (1977, 2005), а затем внимание к ним систематически привлекал В.А. Кореняко (2004, 2013, 2016а, б). В конечном итоге это вылилось в издание первого сборника об этике в археологии (Этика..., 2016) и проекта “Этического кодекса российского археолога”, подготовленного Кореняко (2017). Вопросы, так или иначе связанные с таким кодексом, не раз поднимались на страницах журнала “Российская археология”, однако это обсуждение шло туго (Беляев, 2017).

Главное внимание европейские археологи уделяли этике внутри профессии: отношение к археологическим памятникам, обращение с полученными археологическими материалами, отношение к научной документации и публикациям, авторское право и интеллектуальная собственность, доступность археологических находок и документации для коллег и широкой общественности, взаимоотношения с коллегами и пр.

При всех достоинствах этих обсуждений и документов многие из них оставляли за скобками особенности взаимодействия археологов с общественностью, и это прежде всего задевало коренное население, остро заинтересованное в результатах археологических исследований или, напротив, протестующее против таких исследований. Многие специалисты ограничивают свои рассуждения рамками археологии и редко задумываются о ее социальной роли (Smith, 2004. P. 43–55). Между тем даже в этнически гомогенных регионах Европы иной раз остро встает вопрос о праве на археологические находки.

В данном контексте возникают новые вопросы, так как общественность не является гомогенной массой и специального внимания требуют взаимоотношения с коренным малочисленным населением, более других заинтересованным в том или ином обращении со своим историческим наследием, напрямую связанным с местной политикой, в частности, земельными тяжбами (Шнирельман, 2020). Но это оставляет основную массу археологов равнодушными, что с горечью подчеркивают археологи из коренного населения, выступающие против “универсальной этики” (Watkins, 2005; 2015. P. 23–25; Curtoni, 2015; Yellowhorn, 2015).

Археологи и коренные народы. У коренного населения нередко встречаются гораздо более широкие и разнообразные представления о своем наследии, включающем устные предания, исторические ландшафты, всевозможные ритуальные и памятные места, которые не всегда фиксируются археологически, часто не замечаются. Кроме того, в изложении местного прошлого археологи руководствуются своими представлениями и не учитывают мнение аборигенов (Phillips, Ross, 2015. P. 34–36). В этом контексте “археологическая этика” встречает критику со стороны археологов из коренного населения, обнаруживающих в ней “гегемонистский дискурс”, связанный с родимыми пятнами колониального прошлого (Shepherd, 2015. P. 12).

В итоге универсальность принципов археологической этики и понимания самой сути исторического наследия сталкивается с сопротивлением местных культурных традиций со своими собственными ценностями и этическими принципами. С этих позиций американский этический кодекс подвергся разнообразной критике (The ethic..., 2006; Ethics and..., 2015)[1].

Попытки ознакомить широкую общественность со своими открытиями иной раз приносят неожиданные результаты. Выясняется, что археологи неспособны сохранять контроль за высказанными ими идеями и интерпретацией полученных ими данных (McDavid, Brock, 2015. P. 175). В России наиболее известные примеры этого представлены Аркаимом в Челябинской обл. (Шнирельман, 2001, 2015а) и “принцессой” с плато Укок на Алтае (Плетц и др., 2014).

Детальный анализ нередко показывает абсурдность чьих-либо претензий (государственных, национальных, общинных) на древности, обнаруженные археологами (Young, 2006), но современная политика заставляет людей выступать с такими требованиями, за которыми стоит вовсе не бескорыстная любовь к прошлому, а насущные современные интересы. В результате неожиданно для нее самой археология обретает власть над идентичностью коренного населения и сталкивается с его политическими и культурными интересами (Smith, 2004. P. 6, 7, 16–32, 72, 83; Colwell-Chanthaphonh, Ferguson, 2006. P. 127, 128). Археологические знания имеют политические последствия, так как то или иное понимание прошлого коренных жителей сказывается на особенностях административного управления регионами в целом и историческим наследием в частности (Smith, 2004. P. 62).

В этом контексте археология иной раз вызывает жесткую критику со стороны коренных обитателей. Они обвиняют археологов в узурпации прав на свое культурное наследие и в обслуживании империалистических

[1] Поэтому в этический кодекс, принятый археологами Австралии в 1991 г., были внесены исправления. Там подчеркивалось, что опекунами материальной культуры являются австралийские аборигены, тогда как археологи могут играть роль консультантов, уважающих взгляды аборигенов на свое прошлое (Smith, 2004. P. 102).

интересов. Многие выступают против раскопок могил своих предков, тем более перемещения их костных останков в музеи, требуя переговоров с местными общинами. Но археологи, как правило, не готовы к такому общению и не понимают, какое огромное политическое значение культурное наследие имеет для коренных жителей (Smith, 2004. P. 26–31, 43).

В этой обстановке утверждение ученых, что они обладают более глубокими знаниями о коренных народах, чем сами эти народы, и убеждение в том, что такие знания создаются за пределами данной народной среды и принадлежат всему миру, трактуются некоторыми местными активистами как "научный колониализм". Последний иной раз встречает неприятие со стороны коренных народов, которые полагают, что сами знают свое прошлое и никакой помощи от археологов им не требуется. Они верят в то, что прошлое живо и живет в них самих, а вовсе не исчезло во времени, как это утверждают археологи. Причем в некоторых контекстах они видят в археологии угрозу для себя и относятся к археологам с недоверием и неприятием, упрекая их в беззаконных посягательствах на свое историческое наследие (Zimmerman, 2001; Bendremer, Richman, 2006; Nicholas, Hollowel, 2007. P. 60, 61). Тесная связь с предками и их могилами означает для аборигенов подтверждение своего права на территорию и образ жизни, а нарушение их покоя трактуется как подрыв этого права. Кроме того, последнее идет вразрез с религиозными чувствами местного населения. Это и ведет к движениям протеста против археологии (Shepherd, 2015. P. 15–17, 21, 22).

Иными словами, если археологи убеждены в том, что наделяют прошлым народы, ранее считавшиеся "не имеющими истории", и открывают им их связь с далекими предками, то в ряде случаев они не только не получают ожидаемой благодарности, но, напротив, встречают отпор как "агенты неоколониализма" и проводники "гегемонистского дискурса". Все это, как правило, наблюдается там, где речь идет об отношениях между потомками колонизаторов и малочисленными коренными народами, которые в прошлом подвергались угнетению и отчасти до сих пор испытывают дискриминацию. Вдобавок именно в таких странах археология в прошлом обслуживала интересы колонизаторов и сегодня пытается загладить свою вину перед коренными народами. Это и вызвало к жизни появление постпроцессуального и постколониального дискурса в Северной и Южной Америке, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, хотя в других регионах мира он непопулярен (Matsuda, Okamura, 2011. P. 2, 8).

Археологи и региональное прошлое. Выше речь шла лишь об одной модели взаимоотношений между археологами и коренным населением, с которой археологи встречаются в Америке, в Австралии, на Ближнем Востоке и в ряде других регионов. Иначе дело обстоит в Европе, в странах бывшего Советского Союза, в Африке и в Южной и Восточной Азии, где национальное государство ищет легитимации в глубокой истории, связанной с титульным народом. Здесь с уважением относятся к археологии, но нередко требуют, чтобы археологи создавали такую версию прошлого, которая бы обслуживала политические интересы местных народов, причем прежде всего титульного народа. Например, по словам Я. Хамилакиса, в Греции археологию воспринимают как "священную национальную миссию" (Hamilakis, 2017).

Нередко борьба за историческое наследие затрагивает межэтнические, межконфессиональные, межнациональные и межгосударственные отношения, чреватые серьезными конфликтами вплоть до вооруженных (см. Shnirelman, 1996; Шнирельман, 2003, 2006, 2012а, 2015б. Т. 2. С. 224–250; Scham, Yahya, 2003). И в последние 10-15 лет некоторые западные археологи начали, наконец, поднимать и эту тему (Abu El-Haj, 1998; Scham, 2009; Hodder, 2011; Giblin, 2015; Greenberg, 2015. P. 26).

Речь идет, в частности, о том, что по политическим причинам соседние этнические группы по-разному трактуют одно и то же прошлое и относящиеся к нему археологические данные, и, как показывает опыт России, это даже попадает на страницы школьных учебников (Шнирельман, 2004).

Наконец, давление на археологию оказывает регионализм. Так, в Китае наблюдалась борьба за предков, сходная с той, что тогда же происходила в СССР. Провинциальные археологи стремились отождествлять местные древности с этническими группами, известными по письменным источникам, и искать их корни в глубинах тысячелетий, что иной раз приводило к конфликтам между соседними археологическими школами. По сути, как и в советском случае, в этом находила

выражение борьба с центральной властью за повышение политического статуса и расширение полномочий. Правда, это не приводило к сепаратизму, и археологи не сомневались в единстве современной китайской (хань) нации. Их мотивация диктовалась не политикой, а экономикой – речь шла о борьбе за скудные финансовые ресурсы (Falkenhausen, 1995).

Похожая ситуация наблюдалась в России в 1990-е – начале 2000-х годов, когда местные власти пытались по-своему переписывать историю, чтобы повысить престиж своих регионов или для привлечения туристов (Шнирельман, 2009; Петров и др., 2011).

Археология, паранаука, туризм и коммерция. Вопрос о региональном прошлом и региональном историческом наследии сопрягается с проблемой агрессивной паранауки, господствующей на книжном рынке и на некоторых телевизионных каналах и продвигаемой рядом новых религиозных движений (Cole, 1980; Snow, 1981; Feder, 1984; McKusick, 1984; Cult archaeology..., 1987; Michlovic, 1990; Williams, 1991; Godwin, 1993; Jordan, 2001; Archaeological fantasies..., 2006; Шнирельман, 2013). На это накладывается вера последних (например, эзотериков, неоязычников) в наличие высочайших знаний о природе и умений у наших далеких предков, которые следует обнаружить и вернуть миру.

Археологические находки привлекают внимание и конспирологов с их замысловатыми построениями (Holtorf, 2005; Wynn, 2008; Pruitt, 2012; Fernández, 2015. P. 64; Шнирельман, 2017). В этом контексте археология может выступать "рынком фантазий", способных увлечь как широкую общественность, так и политиков (Almansa Sánchez, 2015. P. 146). Кроме всего прочего, это поднимает вопросы о характере общения между археологами и журналистами, далеко не всегда следующими нормам профессиональной этики (Куприянова, 2014; Thomas, 2015).

Наконец, как когда-то отметил П. Фаулер, существует противоречие между ростом использования исторического наследия как коммерческого ресурса и его пониманием как общемирового богатства (Fowler, 1992. P. 155). Отсюда широкое использование памятников истории в туристической индустрии, которая, с одной стороны, позволяет людям расширить свои знания о прошлом и удовлетворить эстетические запросы (позитив), но с другой – иной раз в погоне за прибылью искажает исторический ландшафт и придает историческим памятникам вовсе не тот смысл, который представляется правильным историкам и археологам (негатив)[2].

Археологи и проблема массовой миграции. Нынешняя массовая миграция добавляет к этому новые вопросы. Например, в Испании в этом контексте возникла проблема мусульманского исторического наследия (Fernández, 2015. P. 65, 66). В России аналогичная коллизия сложилась в Пермском крае, где в постсоветское время появилась относительно большая таджикская диаспора. Оказавшийся там таджикский филолог Ш. Хайдаров издал в 2006 г. книгу о пребывании "древних ариев" в Прикамье и их контактах с местными племенами. Книга была приурочена к объявленному в Таджикистане "Году арийской цивилизации", и в ней превозносились "древние арии", прямыми наследниками которых объявлялись современные таджики. Стремясь сделать эту тематику близкой Перми, автор делал Урал местом, где могла складываться индоевропейская ("арийская") общность; он упорно искал свидетельства того, что Прикамье издавна испытывало влияние иранской цивилизации, и детально останавливался на оживленных торговых контактах местных племен со Средней Азией в эпоху раннего железного века и раннем средневековье. Все это якобы говорило о древней близости народов Прикамья и "иранского мира" и их давних контактах. Книгу об "арийской цивилизации" автор заканчивал описанием современной таджикской общины в пермском городе Кунгуре, где, по его словам, она хорошо приспособилась к местной обстановке и вносит существенный вклад как в экономику, так и в общественную и культурную жизнь. Так автор пытался показать, что нынешнее пребывание таджиков в Пермском крае вовсе не случайно, а продолжает традицию, основы которой были заложены еще в первобытности (Хайдаров, Одегов, 2006; об этом см. Шнирельман. 2015б. Т. 2. С. 221, 222).

В этом контексте археолог иной раз встречается с противоречащими друг другу ценностями разных групп, находящихся в тесном взаимодействии. Так, Я. Хамилакис приводит в пример, с одной стороны, справедливые требования малочисленных коренных народов,

[2] О том, как туризм превращает археологическое знание в товар и ведет к обнищанию местного населения, см. Di Giovine, 2015; Haber, 2015. P. 101–104.

выступающих против дискриминации, а с другой – практику европейских праворадикальных активистов, возбуждающих расовые чувства в отношении мигрантов (Hamilakis, 2007a. P. 35). В свою очередь К. Холторф отмечает, что в отличие от Нового Света, где справедливость требует защиты малочисленных групп коренного населения от (белых) мигрантов, в Европе дело обстоит прямо противоположным образом – здесь надлежит защищать мигрантов и их право на наследие от доминирующего коренного населения. По его мнению, в этих условиях у коренного населения не должно быть никаких привилегий, так как "национальное историческое наследие" теперь не объединяет, а разъединяет людей (Holtorf, 2009). Между тем европейские правые радикалы нередко используют историческое и культурное наследие в своих интересах, в том числе в целях ксенофобской пропаганды (Hamilakis, 2016; Шнирельман, 2018; Niklasson, Hølleland, 2018).

Сложные вопросы и поиски их решения. К. Гнекко призывает различать две группы этических ценностей: с одной стороны, научные, защищающие интересы профессии, а с другой – контекстуальные, способные идти вразрез с этими интересами (перезахоронения костных останков, нелегальная торговля древностями, уничтожение материальных ценностей и пр.). В условиях мультикультурализма археолог, по мнению Гнекко, должен не только придерживаться этоса своей науки, но и считаться со взглядами местных жителей, которым небезразличны результаты его деятельности. В итоге он приходит к выводу о том, что мультикультурная этика в археологии попросту невозможна, так как борьба с неравенством важнее учета культурного разнообразия (Gnecco, 2015. P. 3, 15, 16).

Кроме того, многие специалисты редко уделяют внимание тому, что означают выводы и заключения археологов в обстановке острого этнического конфликта (см. Holtorf, 2009. P. 678, 679). Сознавая опасность таких споров и конфликтов, некоторые авторы ставят вопрос об инструментализации археологии, что рождает проблему моральной ответственности археологов, подтверждающих своими исследованиями ту или иную точку зрения и тем самым, не желая того, раздувающих межгрупповые распри или сепаратизм (Spriggs, 1999. P. 116–118; Шнирельман, 2003, 2006). В такой ситуации стремление археологов поддержать одну из сторон ведет к идейной борьбе между самими археологами.

По мнению английского ученого Дж. Джиблина, опирающегося на печальный опыт геноцида в Руанде, археолог должен сознавать ответственность за то, какие социальные последствия будут иметь его построения в будущем (Giblin, 2015. P. 37).

Действительно, что следует делать в том случае, если специалист работает на стыке двух этнических общностей (или меньшинств), причем каждая из них в политических целях заинтересована в своей собственной трактовке археологических данных[3]? Или о такой ситуации, когда для выполнения своих справедливых требований меньшинство опирается на такую версию прошлого, которая нарушает все требования научной методики и научного анализа (это можно встретить у кряшен, кумыков, лезгин) (Шнирельман, 2002; Shnirelman, 2018)? Или если между двумя группами ученых одной этнической принадлежности разгорается спор о далеких предках, причем каждая из групп представляет их по-своему (например, "татаристы" и "булгаристы" в Татарстане или пантюркисты и сторонники Кавказской Албании в Азербайджане)? С кем именно должен в этом случае солидаризироваться ученый? И как быть, если археологические данные входят в противоречие со стремлением государства преодолеть страшные последствия геноцида путем конструирования исторической утопии, как это происходит в Руанде (Giblin, 2015)?

И не является ли парадоксальной реальностью тот факт, что вывезенные в Европу колонизаторами древние культурные ценности хорошо сохраняются в музеях, тогда как на Ближнем и Среднем Востоке от Сирии до Афганистана они сознательно уничтожаются местными политическими и религиозными активистами? В этом случае "приоритетное право изучаемого населения" ставит под угрозу культурное наследие, и, очевидно, следует опираться на принцип, по которому археологические находки должны принадлежать тому,

[3] С такой ситуацией археологи встречаются, например, на Шри-Ланке, где речь идет о святилище, на которое претендуют как сингалы, так и тамилы, причем научные данные говорят в пользу тамилов (Cooper, 2006. P. 139).

кто сумеет лучше их сохранить (Young, 2006. P. 28, 29; Leaman, 2006. P. 37, 38)[4].

Встречаются и другие коллизии. Например, кому должны принадлежать мраморные сокровища Парфенона, вывезенные в Англию тогда, когда п-ов Пелопоннес принадлежал Османской империи и никакого греческого государства еще не существовало (Hamilakis, 2007b. P. 243–286)? Или кому должно принадлежать золото скифов с Крымского п-ова, отправленного на выставку в Европу, когда Крым входил в состав Украины, и не вернувшегося в музеи Крыма после того, как Крым стал российским? Как в этих условиях должны пониматься принципы мультикультурализма и политкорректности в археологии, о которых пишет К. Гнекко?

И оказывается, что даже у разных профессий имеется свой особый этический кодекс. В таком случае при решении научных задач ученому все же следует держаться правил своей науки (Cooper, 2006. P. 141–145).

Надо иметь в виду, что этические кодексы, выработанные в рамках западной культуры, могут идти вразрез с ценностями некоторых других культур. Не менее важно и наличие множественности версий одного и того же прошлого, трактуемого с разных социальных, культурных или религиозных позиций, что в свою очередь может отражаться на политике, включая национализм (Matsuda, Okamura, 2011. P. 10, 11). Это ставит в тупик археологов, озабоченных сохранением и консервацией памятников истории и культуры, и в таких случаях западные кодексы плохо работают (Holtorf, 2006; Hamilakis, 2007a. P. 27, 28).

Как бы то ни было, для проведения продуктивных исследований археологам следует не только тесно взаимодействовать с местным населением, но учитывать специфику его отношения к прошлому. При этом надо знать, как и в какой степени археологические реконструкции этногенеза влияют на социальный и политический статус коренного населения. В поликультурной обстановке за обсуждением давнего прошлого нередко скрывается актуальный политический дискурс. Во всяком случае именно это происходило в СССР и до сих пор происходит в России (Shnirelman, 1996, 2018; Шнирельман, 2003, 2006, 2012б, 2015б).

Интересный пример выхода из рассмотренной коллизии дает продуктивный диалог между израильскими и палестинскими археологами (Scham, Yahya, 2003; Scham et al., 2013) и подписание ими совместного соглашения об археологическом наследии, где говорится о “едином археологическом ландшафте, разделенном политическими границами” (Yahya, 2010). При этом израильские и палестинские археологи отказались от принятого на Западе подхода, требующего от “гегемонистской стороны” оставить в стороне свое понимание далекого прошлого. Вместо этого они сочли возможным, что каждая из сторон будет развивать свою версию прошлого и придерживаться ее, но стремясь при этом рассматривать свои доводы в историческом контексте другой стороны, сознавая, что истории обеих тесно переплетены.

Другой позитивный пример – широкое и всестороннее обсуждение вопроса о репатриации человеческих останков в США (The Future..., 2001; Lackey, 2006; The ethics..., 2006. P. 181–216) и передача музеями коренным жителям изъятых у них ранее культурных ценностей с последующим перезахоронением костных останков, которые хранились в музеях (The dead and..., 2002; Colwell, 2017). Кроме того, обращают на себя внимание новые тенденции во взаимоотношениях государства и археологов в США начиная с 1990-х годов, когда было принято много важных законов, утверждавших право коренных обитателей на свое культурное и историческое наследие. С тех пор американские археологи проводят свои исследования в тесных контактах с коренными жителями, в частности, обучают их археологии и вместе с ними создают местные музеи (Ferguson, 1996). На этой основе в последние десятилетия возникла “индигенная археология”, с одной стороны, напрямую связанная с идентичностью местного населения и его правами на свою территорию, а с другой – изучающая историю колониализма и его последствия (Murray, 2011. P. 368–370).

Наконец, установлен продуктивный диалог между американскими археологами и местным населением при изучении рабовладельческих плантаций на американском Юге. Речь идет о беседах с потомками как черных рабов, так и плантаторов, причем с всемерным использованием возможностей социальных сетей

[4] Это не относится к тем случаям, когда разрушение какого-либо изделия требуется самой культурной традицией, как это происходит в случае с фигурками богов войны у индейцев-зуньи или в контексте потлачевидных ритуалов у ряда традиционных народов.

в Интернете. Это позволило привлечь на помощь социальную память и значительно расширить объем источников для интерпретации археологических материалов (McDavid, 2002). В более широком плане то же направление представлено “археологической этнографией”, объединяющей археологические исследования с глубинными интервью и включенным наблюдением (Meskell, 2005).

Иными словами, сегодня следует признать высокую социальную роль археологии. А это означает, что археологи сами должны вступать в широкий и разнообразный диалог с общественностью, не отдавая его на откуп каким-либо посредникам и имея в виду далеко идущие социальные и политические последствия своих построений, в особенности в области этногенеза.

Статья публикуется в соответствии с планом НИР Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев Л.А. В.А. Кореняко и проблемы этики в археологии: к публикации “Проекта кодекса российского археолога” // “И музою ему была наука”: сб. памяти В.А. Кореняко (1952–2016) / Ред. и сост. С.В. Кузьминых, А.А. Горбенко. Азов: АИАиПМЗ, 2017. С. 87–89.

Кореняко В.А. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова) / Ред. и сост.: В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004. С. 36–47.

Кореняко В.А. Об этическом кодексе профессиональных археологов (зарубежный опыт) // РА. 2013. № 4. С. 125–142.

Кореняко В.А. Профессиональные археологи об этических проблемах своей науки // Этика в археологии. Уфа: БГПУ, 2016а. С. 59–79.

Кореняко В.А. Этические проблемы и проявления кризиса в современной археологии (шесть лет спустя) // Этика в археологии. Уфа: БГПУ, 2016б. С. 179–200.

Кореняко В.А. Этический кодекс российского археолога. Проект // “И музою ему была наука”: сб. памяти В.А. Кореняко (1952–2016). Азов: АИАиПМЗ, 2017. С. 89–91.

Куприянова Е.В. Поселение Аркаим и популяризация археологии на Южном Урале (к вопросу о проблемах взаимодействия науки и массового сознания) // ЭО. 2014. № 5. С. 146–161.

Петров А.Е., Беляев Л.А., Бужилова А.П. Между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации останков Ивана Сусанина с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М.: ИА РАН, 2011. С. 247–267.

Плетц Г., Соенов В.И., Константинов Н.А., Робинсон Э. Международное значение репатриации “Укокской принцессы” (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами?) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2014. № 7. С. 17–45.

Формозов А.А. О критике источников в археологии // СА. 1977. № 1. С. 5–14.

Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. М.: Знак, 2005. 224 с.

Хайдаров Ш., Одегов В. Следы арийской цивилизации в Прикамье (историко-сравнительное изучение проблемы). Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 96 с.

Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт / Ред. М.Б. Олкотт, И. Семенов. М.: Гендальф, 2001. С. 58–85.

Шнирельман В.А. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 128–147.

Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ Академкнига, 2003. 592 с.

Шнирельман В.А. Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 37. С. 79–87.

Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006. 690 с.

Шнирельман В.А. Идентичность и политика постсоветской памяти // Политическая концептология. 2009. № 2. С. 209–230.

Шнирельман В.А. Религия, национализм и межконфессиональный конфликт в Индии // Этничность и религия в современных конфликтах / Ред.: В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2012а. С. 57–109.

Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры: Гешарим, 2012б. 312 с.

Шнирельман В.А. Наука и псевдонаука // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 119–128.

Шнирельман В.А. Конструирование исторического наследия – случай Аркаима // Сибирские исторические исследования. 2015а. № 2. С. 53–65.

Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 1–2. М.: НЛО, 2015б. 2 т. (536 + 440 с.)

Шнирельман В.А. “Арийцы”, народная археология и общество – вызовы постмодерна // “И музою ему была наука”: сб. памяти В.А. Кореняко (1952–2016). Азов: АИАиПМЗ, 2017. С. 92–103.

Шнирельман В.А. Мигранты, ксенофобия и социальная память – пример Австрии // Новое прошлое. 2018. № 2. С. 64–84.

Шнирельман В.А. Археология, историческое наследие и проблемы этики // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1 (март). С. 97–122.

Этика в археологии / Ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: БГПУ, 2016. 203 с.

Abu El-Haj N. Translating truths: Nationalism, the practice of archaeology, and the remaking of past and present in contemporary Jerusalem // American Ethnologist. 1998. V. 25. № 2. P. 166–188.

Almansa Sánchez J. Trading Archaeology Is Not Just a Matter of Antiquities: Archaeological Practice as a Commodity // Ethics and archaeological praxis / Ed. C. Gnecco, D. Lipper. N.Y.: Springer, 2015. P. 148–153.

Archaeological fantasies. How pseudoarchaeology misrepresents the past and misleads the public / Ed. G.C. Fagan. L.: Routledge, 2006. 440 p.

Bendremer J.C., Richman K.A. Human subjects review and archaeology: a view from Indian country // The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 97–114.

Cole J.R. Cult archaeology and unscientific method and theory // Advances in archaeological method and theory. V. 3 / Ed. M. Schiffer. N.Y.: Academic Press, 1980. P. 1–33.

Colwell Ch. Plundered skulls and stolen spirits: inside the fight to reclaim native America’s culture. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2017. 360 p.

Colwell-Chanthaphonh Ch., Ferguson T.J. Trust and archaeological practice: towards a framework of Virtue Ethics // The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 115–130.

Cooper D.E. Truthfulness and ‘inclusion’ in archaeology // The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 131–145.

Cult archaeology and creationism: understanding pseudoscientific beliefs about the past / Eds F.B. Harrold, R.A. Eve. Iowa City: Univ. of Iowa Press, 1987. 163 p.

Curtoni R.P. Against Global Archaeological Ethics: Critical Views from South America // Ethics and archaeological praxis. N.Y.: Springer, 2015. P. 41–47.

The dead and their possessions. Repatriation in principle, policy and practice / Eds C. Fforde, J. Hubert, P. Turnbull. L.: Routledge, 2002. 360 p.

Di Giovine M.A. Patrimonial Ethics and the Field of Heritage Production // Ethics and archaeological praxis. N.Y.: Springer, 2015. P. 201–227.

Ethics and archaeological praxis / Eds.: C. Gnecco, D. Lippert. N.Y.: Springer, 2015. 258 p.

The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice / Eds Ch. Scarre, G. Scarre. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. 318 p.

Falkenhausen L. von. The regionalist paradigm in Chinese archaeology // Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology / Eds P. Kohl, C. Fawcett. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 198–217.

Feder K.L. Irrationality and popular archaeology // American Antiquity. 1984. Vol. 49, no. 3. P. 525–541.

Ferguson T.J. Native Americans and the practice of archaeology // Annual Review of Anthropology. 1996. Vol. 25. P. 63–79.

Fernández V.M. Europe: Beyond the Canon // Ethics and archaeological praxis. N.Y.: Springer, 2015. P. 61–68.

Fowler P. The Past in Contemporary Society: Then, Now. L.: Routledge, 1992. 210 p.

The Future of the Past: Archaeologists, Native Americans, and Repatriation / Ed. T.L. Bray. N.Y.: Garland Publishing, 2001. 267 p.

Giblin J. Archaeological Ethics and Violence in Post-genocide Rwanda // Ethics and the Archaeology of Violence / Eds A. González-Ruibal, G. Moshenska. N.Y.: Springer, 2015. P. 33–50.

Gnecco C. An entanglements of sorts: archaeology, ethics, praxis, multiculturalism // Ethics and archaeological praxis. N.Y.: Springer, 2015. P. 1–17.

Godwin J. Arktos. The Polar myth in scientific symbolism, and Nazi survival. L.: Thames and Hudson, 1993. 272 p.

Greenberg R. Ethics in Action: A Viewpoint from Israel/Palestine // Ethics and the Archaeology of Violence. N.Y.: Springer, 2015. P. 19–32.

Haber A. Archaeology and Capitalist Development: Lines of Complicity // Ethics and archaeological praxis. N.Y.: Springer, 2015. P. 95–113.

Hamilakis Y. From ethics to politics // Archaeology and Capitalism: From Ethics to Politics / Eds Y. Hamilakis, P. Duke. Walnut Creek: Left Coast Press, 2007a. P. 15–40.

Hamilakis Y. The Nation and its Ruins: Antiquity, Archaeology, and National Imagination in Greece. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007b. 352 p.

Hamilakis Y. Some Debts Can Never Be Repaid: The Archaeo-politics of the Crisis // Journal of Modern Greek Studies. 2016. V. 34. № 2. P. 228–233.

Hamilakis Y. An oneiric archaeology of the crisis: the Amphipolis saga // Archaeology of the Future/Archäologie der Zukunft (Culturescapes Griechenland) / Eds K. Botanova, C.Ch. Cryssopoulos. Basel: Christoph Merian, 2017. P. 16–36.

Hodder I. Is a Shared Past Possible? The Ethics and Practice of Archaeology in the Twenty-First Century // New Perspectives in Global Public Archaeology / Eds K. Okamura, A. Matsuda. N.Y.: Springer Science+Business Media, LLC, 2011. P. 19–28.

Holtorf C. From Stonehenge to Las Vegas. Archaeology as popular culture. Walnut Creek: AltaMira Press, 2005. 198 p.

Holtorf C. Can less be more? Heritage in the age of terrorism // Public archaeology. 2006. V. 5. P. 101–109.

Holtorf C. A European perspective on indigenous and immigrant archaeologies // World Archaeology. 2009. V. 41. № 4. P. 672–681.

Jordan P. The Atlantis Syndrom. Gloucestershire: Sutton Publishing Limited, 2001. 309 p.

Lackey D.P. Ethics and Native American reburials: a philosopher's view of two decades of NAGPRA // The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 146–162.

Leaman O. Who guards the guardians? // The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 32–45.

Marciniak A. Archaeology and Ethics: The Case of Central-Eastern Europe // Ethics and archaeological praxis. N.Y.: Springer, 2015. P. 49–60.

Matsuda A., Okamura K. Introduction: New Perspectives in Global Public Archaeology // New Perspectives in Global Public Archaeology. N.Y.: Springer Science+Business Media, LLC, 2011. P. 1–18.

McDavid C. Archaeologies that hurt; descendants that matter: A pragmatic approach to collaboration in the public interpretation of African-American archaeology // World Archaeology. 2002. V. 34. № 2. P. 303–314.

McDavid C., Brock T.P. The Differing Forms of Public Archaeology: Where We Have Been, Where We Are Now, and Thoughts for the Future // Ethics and archaeological praxis. N.Y.: Springer, 2015. P. 159–184.

McKusick M. Psychic archaeology from Atlantis to Oz // Archaeology. 1984. V. 37. № 5. P. 48–52.

Meskell L. Archaeological ethnography: Conversations around Kruger National Park // Archaeologies. 2005. V. 1. № 1. P. 81–100.

Michlovic M.G. Folk archaeology in anthropological perspective // Current anthropology. 1990. V. 31. № 1. P. 103–107.

Murray T. Archaeologists and Indigenous people: A maturing relationship? // Annual Review of Anthropology. 2011. V. 40. P. 363–378.

Nicholas G., Hollowel J. Ethical Challenges to a Postcolonial Archaeology: the Legacy of Scientific Colonialism // Archaeology and Capitalism: From Ethics to Politics. Walnut Creek: Left Coast Press, 2007. P. 59–82.

Niklasson E., Hølleland H. The Scandinavian far-right and the new politicisation of heritage // Journal of Social Archaeology. 2018. V. 18, iss. 2. P. 121–148.

Phillips C., Ross A. Both Sides of the Ditch: The Ethics of Narrating the Past in the Present // Ethics and archaeological praxis. N.Y.: Springer, 2015. P. 27–40.

Pruitt T. Pyramids, performance and pseudoscience in Visoko, Bosnia // AP: Online Journal in Public Archaeology. 2012. V. 2. P. 26–34.

Scham S. Diplomacy and desired pasts // Journal of Social Archaeology. 2009. V. 9, iss. 2. P. 163–199.

Scham S.A., Yahya A. Heritage and reconciliation // Journal of Social Archaeology. 2003. V. 3. № 3. P. 399–416.

Scham P., Pogrund B., Ghanem A. Introduction to Shared Narratives — A Palestinian-Israeli Dialogue // Israel Studies. 2013. V. 18. № 2. P. 1–10.

Shepherd N. Undisciplining Archaeological Ethics // After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology / Eds A. Haber, N. Shepherd. N.Y.: Springer, 2015. P. 10–25.

Shnirelman V.A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington; Baltimore; L.: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins Univ. Press, 1996. 98 p.

Shnirelman V.A. The politics of the past in Dagestan: national unity and symbolic revolt // Europe-Asia Studies. 2018. V. 70. № 6. P. 966–990.

Smith L. Archaeological theory and the politics of culture heritage. N.Y.: Routledge, 2004. 276 p.

Snow D. Martians and Vikings, Madoc and runes // American Heritage. 1981. V. 32. № 6. P. 102–108.

Spriggs M. Pacific archaeologies: contested ground in the construction of Pacific history // The Journal of Pacific History. 1999. V. 34. № 1. P. 109–121.

Thomas S. Collaborate, Condemn, or Ignore? Responding to Non-Archaeological Approaches to Archaeological Heritage // European Journal of Archaeology. 2015. V. 18. № 2. P. 312–335.

Watkins J. Through wary eyes: Indigenous perspectives on archaeology // Annual Review of Anthropology. 2005. V. 34. P. 429–449.

Watkins J. An Indigenous Anthropologist's Perspective on Archaeological Ethics // Ethics and archaeological praxis. N.Y.: Springer, 2015. P. 23–25.

Williams S. Fantastic archaeology. The wild side of North American prehistory. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1991. 424 p.

Wynn L.L. Shape Shifting Lizard People, Israelite Slaves, and Other Theories of Pyramid Building: Notes on Labor, Nationalism, and Archaeology in Egypt //

Journal of Social Archaeology. 2008. V. 8. № 2. P. 272–295.

Yahya A. The Palestinian-Israeli draft agreement on archaeological heritage // Present Pasts. 2010. V. 2. № 1. P. 72–74.

Yellowhorn E. Just Methods, No Madness: Historical Archaeology on the Piikani First Nation // Ethics and archaeological praxis. N.Y.: Springer, 2015. P. 245–256.

Young J.O. Cultures and the ownership of archaeological finds // The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 15–31.

Zimmerman L.J. Usurping Native American voice // The Future of the Past: Archaeologists, Native Americans, and Repatriation / Ed. T. Bray. N.Y.: Garland Publishing, 2001. P. 169–184.

HISTORICAL HERITAGE, ARCHAEOLOGICAL ETHICS AND THE SOCIAL ROLE OF ARCHAEOLOGY

Victor A. Shnirelman

Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia

E-mail: shnirv@mail.ru

With the growing popularity of "policy for history" archaeological materials and historical herit age are increasingly becoming an essential political resource. At present, it is not only the state that is interested in it but also a variety of community and religious groups, political movements, indigenous peoples and ethnic minorities, and commercial enterprises. Under such conditions, archaeology has intruded into the sphere of politics unexpectedly for itself so it has to deal with topical problems that require discussion of important ethical issues. This article considers such issues in the context of the relationships of archaeologists with indigenous peoples, approaches to regions' history, the activities of business structures, primarily in the field of tourism, a mass of pseudoscientific concepts, response to mass migration, as well as heated ethnic conflicts. The author discusses some approaches to solving such pressing problems.

Keywords: archaeology, historical heritage, ethics, indigenous peoples, pseudoscience.

REFERENCES

Abu El-Haj N., 1998. Translating truths: Nationalism, the practice of archaeology, and the remaking of past and present in contemporary Jerusalem. *American Ethnologist*, vol. 25, no. 2, pp. 166–188.

Almansa Sánchez J., 2015. Trading Archaeology Is Not Just a Matter of Antiquities: Archaeological Practice as a Commodity. *Ethics and archaeological praxis*. C. Gnecco, D. Lipper, eds. N. Y.: Springer, pp. 148–153.

Archaeological fantasies. How pseudoarchaeology misrepresents the past and misleads the public. G.C. Fagan, ed. London: Routledge, 2006. 440 p.

Belyayev L.A., 2017. V.A. Korenyako and ethical issues in archaeology: to the publication of the "Draft Code of the Russian Archaeologist". *"I muzoyu emu byla nauka": sbornik pamyati V.A. Korenyako (1952–2016) ["And science was his muse": Collected papers in memory of V.A. Korenyako (1952–2016)]*. S.V. Kuz'minykh, A.A. Gorbenko, eds., comp. Azov: AIAiPMZ, pp. 87–89. (In Russ.)

Bendremer J.C., Richman K.A., 2006. Human subjects review and archaeology: a view from Indian country. *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 97–114.

Cole J.R., 1980. Cult archaeology and unscientific method and theory. *Advances in archaeological method and theory*, 3. M. Schiffer, ed. New York: Academic Press, pp. 1–33.

Colwell Ch., 2017. Plundered skulls and stolen spirits: inside the fight to reclaim native America's culture. Chicago: Univ. of Chicago Press. 360 p.

Colwell-Chanthaphonh Ch., Ferguson T.J., 2006. Trust and archaeological practice: towards a framework of Virtue Ethics. *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 115–130.

Cooper D.E., 2006. Truthfulness and 'inclusion' in archaeology. *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 131–145.

Cult archaeology and creationism: understanding pseudo-scientific beliefs about the past. F.B. Harrold, R.A. Eve, eds. Iowa City: Univ. of Iowa Press, 1987. 163 p.

Curtoni R.P., 2015. Against Global Archaeological Ethics: Critical Views from South America. *Ethics*

and archaeological praxis. New York: Springer, pp. 41–47.

Di Giovine M.A., 2015. Patrimonial Ethics and the Field of Heritage Production. *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, pp. 201–227.

Ethics and archaeological praxis. C. Gnecco, D. Lippert, eds. New York: Springer, 2015. 258 p.

Etika v arkheologii [Ethics in archaeology]. G.T. Obydennova, ed. Ufa: BGPU, 2016. 203 p.

Falkenhausen L. von, 1995. The regionalist paradigm in Chinese archaeology. *Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology*. P. Kohl, C. Fawcett, eds. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 198–217.

Feder K.L., 1984. Irrationality and popular archaeology. *American Antiquity*, vol. 49, no. 3, pp. 525–541.

Ferguson T.J., 1996. Native Americans and the practice of archaeology. *Annual Review of Anthropology*, 25, pp. 63–79.

Fernández V.M., 2015. Europe: Beyond the Canon. *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, pp. 61–68.

Formozov A.A., 1977. On criticizing sources in archaeology. *SA [Soviet archaeology]*, 1, pp. 5–14. (In Russ.)

Formozov A.A., 2005. Chelovek i nauka. Iz zapisey arkheologa [Man and science. From the notes of an archaeologist]. Moscow: Znak. 224 p.

Fowler P., 1992. The Past in Contemporary Society: Then, Now. London: Routledge. 210 p.

Giblin J., 2015. Archaeological Ethics and Violence in Post-genocide Rwanda. *Ethics and the Archaeology of Violence*. A. González-Ruibal, G. Moshenska, eds. New York: Springer, pp. 33–50.

Gnecco C., 2015. An entanglement of sorts: archaeology, ethics, praxis, multiculturalism. *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, pp. 1–17.

Godwin J., 1993. Arktos. The Polar myth in scientific symbolism, and Nazi survival. London: Thames and Hudson. 272 p.

Greenberg R., 2015. Ethics in Action: A Viewpoint from Israel/Palestine. *Ethics and the Archaeology of Violence*. New York: Springer, pp. 19–32.

Haber A., 2015. Archaeology and Capitalist Development: Lines of Complicity. *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, pp. 95–113.

Hamilakis Y., 2007a. From ethics to politics. *Archaeology and Capitalism: From Ethics to Politics*. Y. Hamilakis, P. Duke, eds. Walnut Creek: Left Coast Press, pp. 15–40.

Hamilakis Y., 2007b. The Nation and its Ruins: Antiquity, Archaeology, and National Imagination in Greece. Oxford: Oxford Univ. Press. 352 p.

Hamilakis Y., 2016. Some Debts Can Never Be Repaid: The Archaeo-politics of the Crisis. *Journal of Modern Greek Studies*, vol. 34, no. 2, pp. 228–233.

Hamilakis Y., 2017. An oneiric archaeology of the crisis: the Amphipolis saga. *Archaeology of the Future/ Archäologie der Zukunft (Culturescapes Griechenland)*. K. Botanova, C.Ch. Cryssopoulos, eds. Basel: Christoph Merian, pp. 16–36.

Hodder I., 2011. Is a Shared Past Possible? The Ethics and Practice of Archaeology in the Twenty-First Century. *New Perspectives in Global Public Archaeology*. K. Okamura, A. Matsuda, eds. New York: Springer Science+Business Media, LLC, pp. 19–28.

Holtorf C., 2005. From Stonehenge to Las Vegas. Archaeology as popular culture. Walnut Creek: AltaMira Press. 198 p.

Holtorf C., 2006. Can less be more? Heritage in the age of terrorism. *Public archaeology*, 5, pp. 101–109.

Holtorf C., 2009. A European perspective on indigenous and immigrant archaeologies. *World Archaeology*, vol. 41, no. 4, pp. 672–681.

Jordan P., 2001. The Atlantis Syndrom. Gloucestershire: Sutton Publishing Limited. 309 p.

Khaydarov Sh., Odegov V., 2006. Sledy ariyskoy tsivilizatsii v Prikam'ye (istoriko-sravnitel'noye izucheniye problemy) [Traces of Aryan civilization in the Kama region (historical and comparative study of the issue)]. Perm': PONITsAA. 96 p.

Korenyako V.A., 2004. Ethical issues and crisis phenomena in archaeology. *Problemy pervobytnoy arkheologii Evrazii (k 75-letiyu A.A. Formozova) [Problems of the prehistoric archaeology of Eurasia (to the 75th anniversary of A.A. Formozov)]*. V.I. Gulyayev, S.V. Kuz'minykh, eds., comp. Moscow: IA RAN, pp. 36–47. (In Russ.)

Korenyako V.A., 2013. The legislation in the protection of archaeological heritage (foreign experience). *RA [Russian archaeology]*, 4, pp. 125–142. (In Russ.)

Korenyako V.A., 2016a. Professional archaeologists about the ethical issues in their field of studies. *Etika v arkheologii [Ethics in archaeology]*. Ufa: BGPU, pp. 59–79. (In Russ.)

Korenyako V.A., 2016b. Ethical issues and crisis manifestations in modern archaeology (six years later. *Etika v arkheologii [Ethics in archaeology]*. Ufa: BGPU, pp. 179–200. (In Russ.)

Korenyako V.A., 2017. Code of ethics of the Russian archaeologist. Draft. "*I muzoyu emu byla nauka": sbornik pamyati V.A. Korenyako (1952–2016) ["And science was his muse": Collected papers in memory of V.A. Korenyako (1952–2016)]*. Azov: AIAiPMZ, pp. 89–91. (In Russ.)

Kupriyanova E.V., 2014. The settlement of Arkaim and the popularization of archaeology in the Southern Urals (to the interaction of science and

mass consciousness). *Etnograficheskoye obozreniye [Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic review)]*, 5, pp. 146–161. (In Russ.)

Lackey D.P., 2006. Ethics and Native American reburials: a philosopher's view of two decades of NAGPRA. *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 146–162.

Leaman O., 2006. Who guards the guardians? *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 32–45.

Marciniak A., 2015. Archaeology and Ethics: The Case of Central-Eastern Europe. *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, pp. 49–60.

Matsuda A., Okamura K., 2011. Introduction: New Perspectives in Global Public Archaeology. *New Perspectives in Global Public Archaeology*. N.Y.: Springer Science+Business Media, LLC, pp. 1–18.

McDavid C., 2002. Archaeologies that hurt; descendants that matter: A pragmatic approach to collaboration in the public interpretation of African-American archaeology. *World Archaeology*, vol. 34, no. 2, pp. 303–314.

McDavid C., Brock T.P., 2015. The Differing Forms of Public Archaeology: Where We Have Been, Where We Are Now, and Thoughts for the Future. *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, pp. 159–184.

McKusick M., 1984. Psychic archaeology from Atlantis to Oz. *Archaeology*, vol. 37, no. 5, pp. 48–52.

Meskell L., 2005. Archaeological ethnography: Conversations around Kruger National Park. *Archaeologies*, vol.1, no. 1, pp. 81–100.

Michlovic M.G., 1990. Folk archaeology in anthropological perspective. *Current anthropology*, vol. 31, no. 1, pp. 103–107.

Murray T., 2011. Archaeologists and Indigenous people: A maturing relationship? *Annual Review of Anthropology*, 40, pp. 363–378.

Nicholas G., Hollowel J., 2007. Ethical Challenges to a Postcolonial Archaeology: the Legacy of Scientific Colonialism. *Archaeology and Capitalism: From Ethics to Politics*. Walnut Creek: Left Coast Press. P. 59–82.

Niklasson E., Hølleland H., 2018. The Scandinavian far-right and the new politicisation of heritage. *Journal of Social Archaeology*, vol. 18, iss. 2, pp. 121–148.

Petrov A.E., Belyayev L.A., Buzhilova A.P., 2011. Between science and the regional authorities: an experience of falsifying the remains of Ivan Susanin through a targeted interpretation of archaeological studies and forensic investigation. *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticheskikh mifov [Falsification of historical sources and building ethnocratic myths]*. A.E. Petrov, V.A. Shnirel'man, eds. Moscow: IA RAN, pp. 247–267. (In Russ.)

Phillips C., Ross A., 2015. Both Sides of the Ditch: The Ethics of Narrating the Past in the Present. *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, pp. 27–40.

Pletts G., Soyenov V.I., Konstantinov N.A., Robinson E., 2014. International significance of the repatriation of "Ukok Princess" (Is Russian archaeology ready for dialogue with indigenous peoples?). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia]*. Gorno-Altaysk, 7, pp. 17–45. (In Russ.)

Pruitt T., 2012. Pyramids, performance and pseudoscience in Visoko, Bosnia. *AP: Online Journal in Public Archaeology*, 2, pp. 26–34.

Scham P., Pogrund B., Ghanem A., 2013. Introduction to Shared Narratives – A Palestinian-Israeli Dialogue. *Israel Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 1–10.

Scham S., 2009. Diplomacy and desired pasts. *Journal of Social Archaeology*, vol. 9, iss. 2, pp. 163–199.

Scham S.A., Yahya A., 2003. Heritage and reconciliation. *Journal of Social Archaeology*, vol. 3, no. 3, pp. 399–416.

Shepherd N., 2015. Undisciplining Archaeological Ethics. *After Ethics: Ancestral Voices and Post-Disciplinary Worlds in Archaeology*. A. Haber, N. Shepherd, eds. New York: Springer New York, pp. 10–25.

Shnirel'man V.A., 2001. The passion of Arkaim: Aryan idea and nationalism. *Yazyk i etnicheskiy konflikt [Language and ethnic conflict]*. M.B. Olkott, I. Semenov, eds. Moscow: Gendal'f, pp. 58–85. (In Russ.)

Shnirel'man V.A., 2002. Identity and images of ancestors: Tatars facing a choice. *Vestnik Evrazii [Acta Eurasica]*, 4, pp. 128–147. (In Russ.)

Shnirel'man V.A., 2003. Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'ye [Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia]. Moscow: IKTs Akademkniga. 592 p.

Shnirel'man V.A., 2004. The charm of hoary antiquity: myths of origin in modern textbooks. *Neprikosnovennyy zapas [Neprikosnovenny zapas (Compulsory stock)]*, 37, pp. 79–87. (In Russ.)

Shnirel'man V.A., 2006. Byt' alanami. Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke [Being Alans. Intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century]. Moscow: NLO. 690 p.

Shnirel'man V.A., 2009. Identity and the policy of post-Soviet memory. *Politicheskaya kontseptologiya [Political conceptology]*, 2, pp. 209–230. (In Russ.)

Shnirel'man V.A., 2012a. Religion, nationalism and inter-religious conflict in India. *Etnichnost' i religiya v sovremennykh konfliktakh [Ethnicity and religion in modern conflicts]*. V.A. Tishkov, V. A. Shnirel'man, eds. Moscow: Nauka, pp. 57–109. (In Russ.)

Shnirel'man V.A., 2012b. Khazarskiy mif: ideologiya politicheskogo radikalizma v Rossii i eye istoki [The Khazarian myth: Ideology of political radicalism in Russia and its origins]. Moscow: Mosty kul'tury: Gesharim. 312 p.

Shnirel'man V.A., 2013. Science and pseudoscience. *Antropologicheskiy forum [Forum for anthropology and culture]*, 18, pp. 119–128. (In Russ.)

Shnirel'man V.A., 2015a. Constructing historical heritage – the case of Arkaim. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya [Siberian historical research]*, 2, pp. 53–65. (In Russ.)

Shnirel'man V.A., 2015b. Ariyskiy mif v sovremennom mire [Aryan myth in the modern world], 1–2. Moscow: NLO. 2 vols. (536, 440 p.)

Shnirel'man V.A., 2017. "Aryans", treasure hunting and society – challenges of postmodernism. *"I muzoyu emu byla nauka": sbornik pamyati V.A. Korenyako (1952–2016) ["And science was his muse": Collected papers in memory of V.A. Korenyako (1952–2016)]*. Azov: AIAiPMZ, pp. 92–103. (In Russ.)

Shnirel'man V.A., 2018. Migrants, xenophobia and social memory – the cases of Austria. *Novoye proshloye [The new past]*, 2, pp. 64–84. (In Russ.)

Shnirel'man V.A., 2020. Archaeology, historical heritage, and ethical issues. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya [Siberian historical research*], 1, pp. 97–122. (In Russ.)

Shnirelman V.A., 1996. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington; Baltimore; London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins Univ. Press. 98 p.

Shnirelman V.A., 2018. The politics of the past in Dagestan: national unity and symbolic revolt. *Europe-Asia Studies*, vol. 70, no. 6, pp. 966–990.

Smith L., 2004. Archaeological theory and the politics of culture heritage. New York: Routledge. 276 p.

Snow D., 1981. Martians and Vikings, Madoc and runes. *American Heritage*, vol. 32, no. 6, pp. 102–108.

Spriggs M., 1999. Pacific archaeologies: contested ground in the construction of Pacific history. *The Journal of Pacific History*, vol. 34. no. 1, pp. 109–121.

The dead and their possessions. Repatriation in principle, policy and practice. C. Fforde, J. Hubert, P. Turnbull, eds. London: Routledge, 2002. 360 p.

The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice. Ch. Scarre, G. Scarre, eds. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. 318 p.

The Future of the Past: Archaeologists, Native Americans, and Repatriation. T.L. Bray, ed. New York: Garland Publishing, 2001. 267 p.

Thomas S., 2015. Collaborate, Condemn, or Ignore? Responding to Non-Archaeological Approaches to Archaeological Heritage. *European Journal of Archaeology*, vol. 18, no. 2, pp. 312–335.

Watkins J., 2005. Through wary eyes: Indigenous perspectives on archaeology. *Annual Review of Anthropology*, 34, pp. 429–449.

Watkins J., 2015. An Indigenous Anthropologist's Perspective on Archaeological Ethics. *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, pp. 23–25.

Williams S., 1991. Fantastic archaeology. The wild side of North American prehistory. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 424 p.

Wynn L.L., 2008. Shape Shifting Lizard People, Israelite Slaves, and Other Theories of Pyramid Building: Notes on Labor, Nationalism, and Archaeology in Egypt. *Journal of Social Archaeology*, vol. 8, no. 2, pp. 272–295.

Yahya A., 2010. The Palestinian-Israeli draft agreement on archaeological heritage. *Present Pasts*, vol. 2, no. 1, pp. 72–74.

Yellowhorn E., 2015. Just Methods, No Madness: Historical Archaeology on the Piikani First Nation. *Ethics and archaeological praxis*. New York: Springer, pp. 245–256.

Young J.O., 2006. Cultures and the ownership of archaeological finds. *The ethics of archaeology: philosophical perspectives on archaeological practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 15–31.

Zimmerman L.J., 2001. Usurping Native American voice. *The Future of the Past: Archaeologists, Native Americans, and Repatriation*. T. Bray, ed. New York: Garland Publishing, pp. 169–184.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 138–158

ПУБЛИКАЦИИ

“БОСПОРСКИЕ ВОРОТА” В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ: ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

© 2020 г.

А.А. Супренков[1,*], А.М. Михайлов[2,], П.Г. Столяренко[2,***], М.А. Топоривская[1,****], Н.Ю. Требухина[1,*****]**

[1]*Институт археологии РАН, Москва, Россия*
[2]*Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, Керчь, Республика Крым, Россия*

[*]*E-mail: suprenkov@mail.ru*
[**]*E-mail: kobaphoe1@ya.ru*
[***]*E-mail: paul100@mail.ru*
[****]*E-mail: toporivskayamarina@gmail.com*
[*****]*E-mail: topolinapuhova@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.05.2019 г.

Статья посвящена результатам работ авторов на Узунларском валу в 2016 г., в ходе которых были открыты так называемые Боспорские ворота – архитектурно-археологическое сооружение, представляющее собой каменный мост через Узунларский ров. Дается хронологически упорядоченный обзор найденного археологического материала с краткими общеисторическими привязками. Некоторые группы находок публикуются впервые. Авторами предложена точка зрения относительно времени сооружения Узунларского вала и построек на кургане к В от него в IV в. до н.э., реконструкции фортификационной системы во второй половине I в. до н.э., затем на рубеже II–III вв. н.э. На основании археологических находок прослеживается функционирование части построек вплоть до Новейшего времени.

Ключевые слова: Восточный Крым, Узунларский вал, Боспорские ворота, спасательные раскопки, хронология.

DOI: 10.31857/S086960630010957-1

Результаты масштабных охранно-спасательных работ на Узунларском валу в Восточном Крыму в 2016 г., в ходе которых были открыты так называемые Боспорские ворота – архитектурно-археологическое сооружение античного времени, представляющее собой каменный мост через Узунларский ров, – были частично опубликованы как в академических, так и в научно-популярных изданиях. Однако большая часть статей и тезисов докладов носила обзорный характер. В ходе раскопок 2016 г., проведенных на площади более 8000 м^2, было исследовано множество археологических объектов от ранней античности до Нового времени, так или иначе ситуационно связанных с обследованным проездом через линию Узунларского рва-вала. В данной работе мы дадим общее описание всего археологического материала, найденного в процессе работ, разделив его на несколько периодов[1].

Узунларский вал в Восточном Крыму – один из нескольких древних меридиональных валов в этом регионе. Он является крупнейшим среди них и, по всей видимости, вообще самым крупным археологическим объектом юга России. Вал простирается от Азовского моря на севере до Узунларского озера на юге (Черноморское побережье), огораживая всю восточную часть Керченского полуострова, и его протяженность может достигать по некоторым расчетам 40 км. Он представляет собой глубокий ров и земляную насыпь к В от него. Ширина этой фортификационной системы достигает 35–40 м, а высота от дна рва до вершины насыпи, как показали работы разных лет, может составлять до 8 м. История исследования этого археологического памятника насчитывает более 200 лет и подробно изложена в известной монографии А.А. Масленникова (2003). Сама масштабность древнего сооружения, безусловно, предполагала наличие промежутков в линии рва-вала, необходимых для проездов. Один из подобных участков был нами обследован к западу от с. Горностаевка в ходе разведки в 2015 г.

[1] Коллекция артефактов сдана на хранение в Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник.

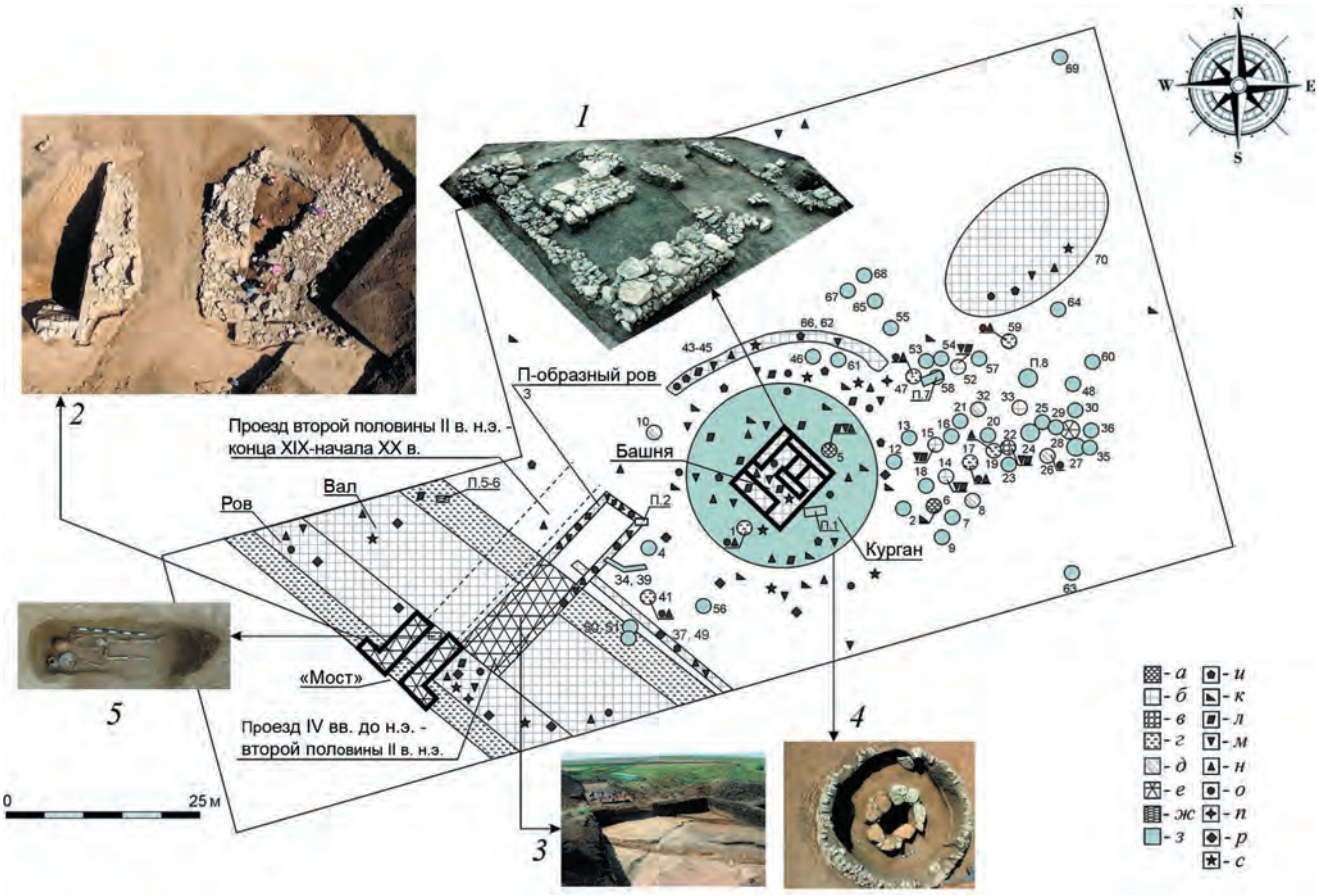


Рис. 1. Узунларский вал, 2016 г. Схема строительных остатков: *1* – фундамент башни, вид с С; *2* – “Боспорские ворота”, вид с С; *3* – П-образный ров, вид с Ю; *4* – погребение под насыпью; *5* – погребение 4. Условные обозначения: *а–з* – объекты (нижняя дата) (*а* – V в. до н.э., *б* – IV в. до н.э., *в* – III–II вв. до н.э., *г* – 108–15 гг. до н.э., *д* – I в. н.э., *е* – II – середина III в. н.э., *ж* – Средние века – Новое время, *з* – нет датирующих находок); *и–с* – отдельные находки (*и* – V в. до н.э., *к* – IV в. до н.э., *л* – III–II вв. до н.э., *м* – 108–15 гг. до н.э., *н* – I в. н.э., *о* – II – середина III в. н.э., *п* – поздняя античность, *р* – салтово-маяцкий период, *с* – Средние века – Новое время).

Fig. 1. The Uzunlar rampart, 2016. The layout of construction remains

Примерно в 30 м к В от видимого разрыва в линии вала шириной до 20 м здесь располагался большой курган (диаметром ок. 40, высотой ок. 4 м), на вершине которого находился грабительский шурф, обнаживший золистые слои грунта, и в отвале которого была найдена керамика античного времени. Год спустя на этом участке был заложен большой раскоп, включивший в себя линию рва-вала, упомянутый курган, прикурганное пространство и весь участок между земляными сооружениями.

В результате проведенных работ здесь было исследовано более 70 археологических объектов (рис. 1) различного типа и хронологических периодов. Их можно разделить на несколько групп. К первой относятся масштабные выраженные в рельефе объекты – ров, вал и курган. Ко второй – выявленные каменные конструкции: раскопанная башня на вершине кургана (рис. 1, *1*) и собственно сами “ворота” – мост через ров (рис. 1, *2*). К третьей – несколько грунтовых погребений, выявленных на разных участках раскопа. И, наконец, к четвертой – углубленные в материк объекты: П-образный ров (объект 3; рис. 1, *3*), огораживающий проезд первого строительного периода через ров-вал, полукруглые в плане рвы к С от кургана и многочисленные хозяйственные ямы, выявленные в основном к В от кургана и частично к З от него[2]. Особый подтип этой группы представлен крупным (25 × 20 м) овальным котлованом (объект 70) в материке в восточной части раскопа. В ходе работ была собрана

[2] В статье 2018 г. нами были подробно описаны и частично интерпретированы сами “ворота”, башня на кургане, П-образный ров и разрезы рва-вала (Супренков, 2018).

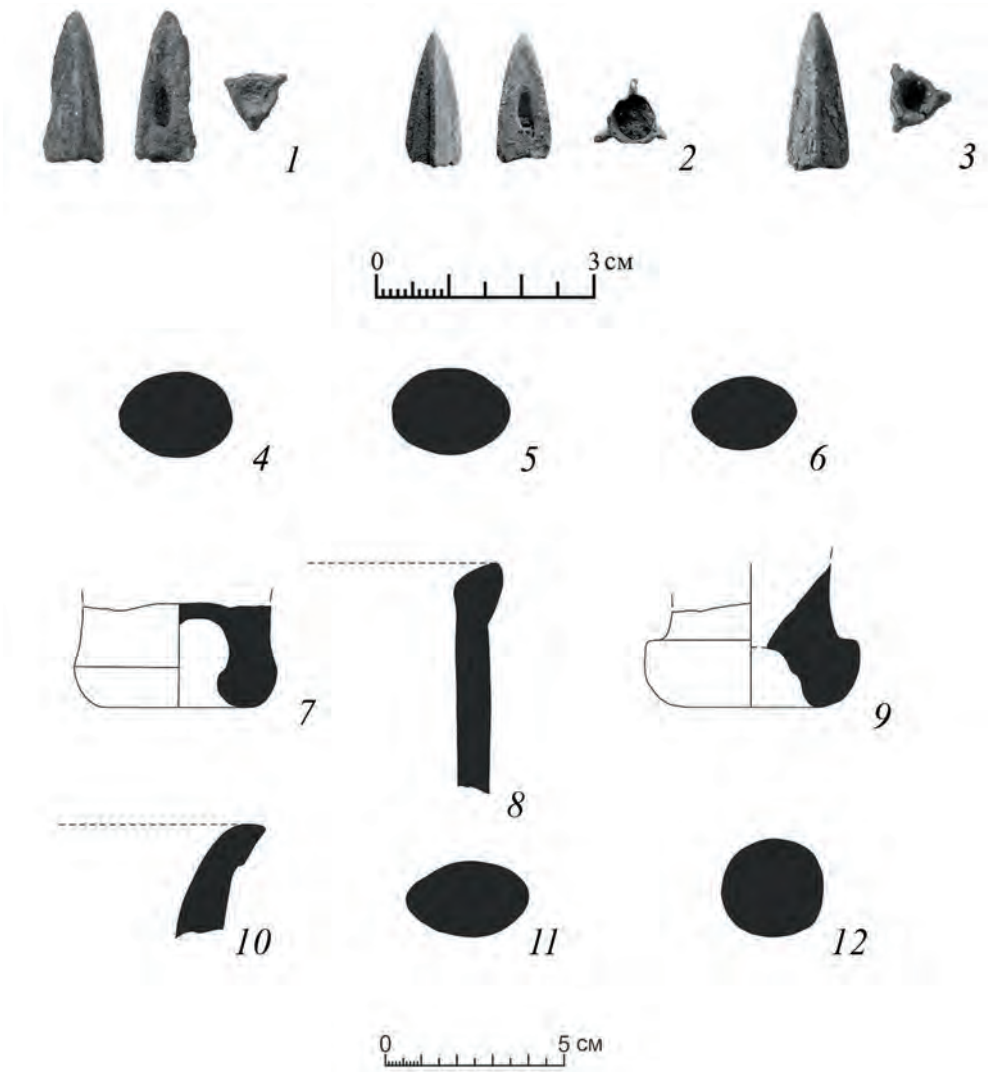


Рис. 2. Находки V в. до н.э.
Fig. 2. Finds of the 5th century BC

внушительная коллекция артефактов, среди которых 125 вошли в коллекционную опись и более 1000 – в полевую. Обратимся к данному археологическому материалу, предложив для него следующую периодизацию:

группа I – V в. до н.э.;

группа II – IV в. до н.э.;

группа III – III–II вв. до н.э.;

группа IV – I в. до н.э.;

группа V – I в. н.э.;

группа VI – II–сер. III в. н.э.;

группа VII – сер. III – перв. пол. VII в. н.э.;

группа VIII – сер. VII–IX в.;

группа IX – Средние века – Новое время.

Группа I представлена небольшим числом находок. К указанному времени могут относиться три трехгранных бронзовых наконечника стрел V–IV вв. до н.э. (рис. 2, *1–3*; Мелюкова, 1964. Табл. 8, *3, 4*). Два из них были найдены у северного подножия курганной насыпи, третий – на восточном склоне вала. Этим же временем могут датироваться несколько амфорных фрагментов. Среди них две ручки пухлогорлых хиосских[3] амфор, одна из них (рис. 2, *4*), перв. пол. – трет. четв. V в. до н.э., найдена в слое гумуса на южном склоне кургана, вторая (рис. 2, *6*), перв. пол. V в. до н.э., найдена в северной части П-образного рва; ручка хиосской амфоры конического типа (рис. 2, *5*) кон. V – трет. четв. IV в. до н.э., найденная в гумусе на восточном склоне вала;

[3] Определение массового материала С.А. Кононовой.

ножка хиосской амфоры развитого пухлогорлого (рис. 2, *7*) варианта втор. четв. V в. до н.э., найденная в слое 1, на котором стояли стены башни на вершине кургана к В от нее; венчик и ножка хиосских амфор прямогорлого варианта ботрос (рис. 2, *8, 9*) посл. четв. V в. до н.э., найденные, соответственно, в одной из хозяйственных ям (объект 6) и к СВ от курганной насыпи; венчик мендейской амфоры на рюмкообразной ножке варианта раннего/портичелло (рис. 2, *10*) кон. V – перв. четв. IV в. до н.э. из прикурганного ровика С от кургана (объект 66); ручка амфоры круга Фасоса (рис. 2, *11*) сер. – кон. V в. до н.э. из “котлована” (объект 70) и венчик лесбосской амфоры (рис. 2, *12*) перв. пол. V в. до н.э. из ровика к СЗ от кургана (объект 45) (Монахов, 2003. Табл. 5–7, 9–12, 61, *5*).

Что касается археологического материала этого столетия, то следует отметить, прежде всего, его малочисленность (около 2.5% от общего числа находок), возможность датирования части предметов и IV в. до н.э., а также расположение более половины из найденных вещей либо на кургане, либо вблизи него. В ходе раскопок было установлено, что погребение под внушительной курганной насыпью, обрамленное двойным каменным кольцом (рис. 1, *4*), было полностью ограбленным. Однако традиционно курганы подобного типа, расположенные вблизи линии Узунларского вала, считаются очень древними и относящимися еще к эпохе бронзы (Масленников, 2003. С. 56). К некоторым хронологическим выкладкам мы вернемся в заключение.

Материал *группы II* (рис. 3) представлен существенно разнообразнее: к IV в. до н.э. относится уже 11 индивидуальных находок и около 60 датируемых профильных фрагментов керамики[4]. К первой категории относится ольвийский борисфен[5] 310–270 гг. до н.э. (Карышковский, 1988), обнаруженный в слое 1. Отсюда же происходят два наконечника с отверстиями и выделенными втулками. Шесть других, со скрытыми втулками, три из которых имели отверстия, были найдены в погр. 2, примыкавшем с востока к восточному рукаву П-образного рва. Все они датируются IV–III вв. до н.э. (Мелюкова,1964. Табл. 9, *е, 3; з, 3; н, 4*). К концу столетия относится ручка синопской амфоры с рельефным клеймом астинома Бория-1[6] (рис. 3, *1*; подъемный материал), а также керамический унгвентарий из слоя 1.

К массовому материалу рассматриваемого периода относятся фрагменты амфор традиционных для этого времени импортных центров производства, это Синопа, Гераклея, Хиос, Фасос, Икос, Менда, Кос, Аканф, Эрифры (табл. 1).

Число находок группы II составило около 13% от общего количества датирующего материала. Что касается его распределения по памятнику, то основная его масса происходила из слоя 1, из П-образного рва и частично из заполнения самого Узунларского рва. Он встретился также в шести хозяйственных ямах, расположенных, как правило, к востоку от курганной насыпи и в погр. 2.

В третий хронологический период (*группа III*) (рис. 4) наблюдается сокращение числа археологического материала, особенно заметное во II в. до н.э. Среди находок этого времени 10 индивидуальных. В их число входит пантикапейский медный тетрахалк (рис. 4, *1*) 220–210 гг. до н.э. (Анохин, 1986. № 145), найденный в слое 1. Отсюда же происходит фрагмент косской двуствольной амфорной ручки с клеймом (рис. 4, *2*); а другое косское клеймо было найдено в качестве подъемного материала. Две ручки синопских амфор с клеймами (рис. 4, *3*) датируются 285–275 гг. до н.э. Одна из них была найдена в яме (объект 14), вторая как подъемный материал.

Массовой материал данной хронологической группы представлен фрагментами импортных амфор из Синопы, Косса, Родоса, Гераклеи, Эрифр (табл. 2).

Число находок данного хронологического периода составило 11% от всего объема датирующего материала. Большая часть находок снова происходит из слоя 1. Некоторая их часть была найдена в ямах в восточной части раскопа (объекты 14, 15, 22), вокруг кургана и в прикурганном рве (объекты 43, 45). Единичными были экземпляры из заполнения Узунларского рва над каменным завалом и из П-образного рва.

Группа IV. В I в. до н.э., и особенно в его второй половине, наблюдается рост числа находок на памятнике. Индивидуальные находки представлены восьмью монетами и бронзовой

[4] Для амфорных центров и фрагментов керамики, имеющих широкую датировку, например, IV–III вв. до н.э., мы использовали для статистики их равномерное распределение по этапам.

[5] Определение монет П.П. Гецко.

[6] Определение клейм Е.В. Болонкиной по И. Гарлану и Н.Ф. Федосееву.

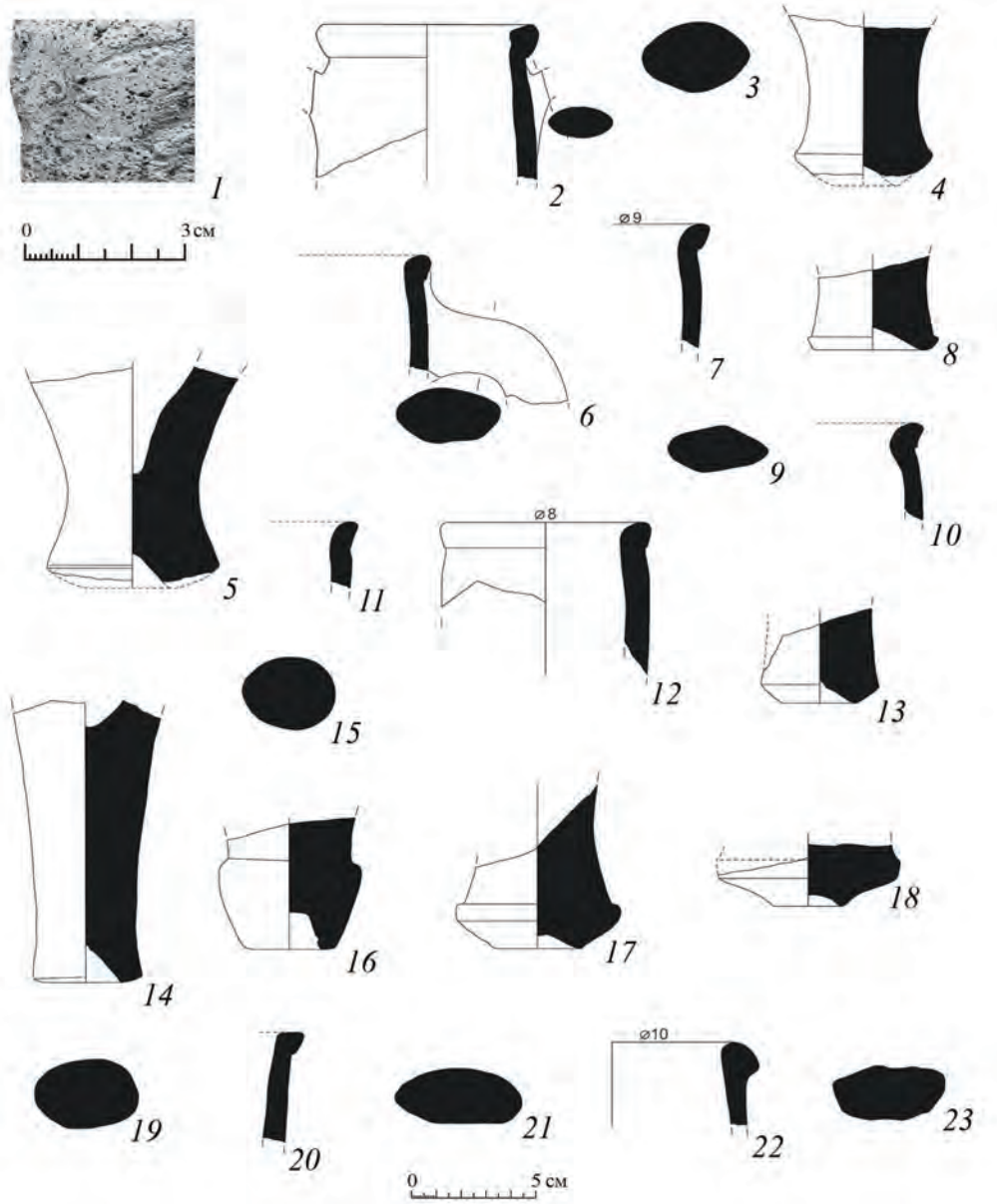


Рис. 3. Находки IV в. до н.э.
Fig. 3. Finds of the 4th century BC

фибулой, а также профилем сероглиняного двуручного кубка втор. пол. I в. до н.э. – I в. н.э. Медные пантикапейские оболы датируются двумя достаточно узкими периодами: 70–63 гг. до н.э. (Анохин, 1986. № 214) и 50–48 гг. до н.э. (Анохин, 1986. № 224), на каждый приходится по три монеты. Два из трех оболов времени Митридата (рис. 4, *9–11*) были найдены в слое 1, третий был обнаружен в яме восточнее курганной насыпи (объект 14). Все три монеты Асандра[7] (рис. 4, *12–14*) найдены непосредственно возле башни. Среди других монет – два медных халка Диоскуриады (рис. 4, *15, 16*) 105–90 гг. до н.э. (Цецхладзе, 1989. Рис. 1), один найден к З от стены 2 башни, второй – в заполнении ямы к В от курганной насыпи (объект 17). Бронзовая пластинчатая фибула конца I в. до н.э. – I в. н.э.[8] (Амброз, 1966. Табл. 4, *6*) была найдена к СВ от подножия насыпи кургана, а профиль кубка – в одной из хозяйственных ям (объект 19).

Отдельно скажем о женском погребении (4), обнаруженном на восточном склоне Узунларского

[7] По датировкам В.А. Анохина; некоторые исследователи полагают, что Асандр стал архонтом Боспора несколько позднее (Сапрыкин, 2002. С. 61).

[8] Определение В.В. Кропотова.

Таблица 1. Амфоры IV в. до н.э.

Table 1. Amphoras of the 4th century BC

Центр производства / Общая датировка	Количество фрагментов	Тип / Уточненная датировка	Литература	Ссылка на рисунок 3
Синопа / Вторая четв. IV – середина III в. до н.э.	2 венчика	Пифоидный	–	–
–“–	7 ручек	–		*3*
–“–	4 ножки	Конический / Вторая-третья четв. IV в. до н.э. (2 экз.)	Монахов, 2003. Табл. 100, 101	*4, 5*
Гераклея / IV в. до н.э.	1 фр. горла	–	–	*6*
–“–	8 венчиков	Тип I-A и I-A-2 / Вторая-третья четв. IV в. до н.э. (4 экз.)	Монахов, 2003. Табл. 91, 92.	*7, 10–12*
–“–	27 ручек	–	–	*8*
–“–	9 ножек	Пифоидный / Первая четв. IV в. до н.э. (1 экз.); Конический / Вторая треть IV в. до н.э. (1 экз.); Тип I-A / Середина IV в. до н.э. (1 экз.)	Монахов, 2003. Табл. 86–93	*9, 13, 14*
Хиос / Конец V – IV в. до н.э.	3 ручки	–	–	*15*
Хиос / Конец V – IV в. до н.э.	1 ножка	Первая четв. IV в. до н.э.	Монахов, 2003. Табл. 11	*16*
Фасос	2 ручки	–	–	–
Фасос	2 ножки	Коническо-биконический / Вторая-третья четв. IV в. до н.э.	Монахов, 2003. Табл. 42–51	*17, 18*
Икос	2 ручки	Вторая-третья четв. IV в. до н.э.	Монахов, Федосеев, 2013. Рис. 4–6	*19*
Икос	1 ножка	Середина – третья четв. IV в. до н.э.	Монахов, Федосеев, 2013. Рис. 4–6	–
Менда	1 венчик	Тип на рюмкообразной ножке / Вторая-третья четв. IV в. до н.э.	Монахов, 2003. Табл. 65, *4*	*20*
Менда	3 ручки	–	–	*21*
Косс	1 венчик	Тип II / Вторая-третья четв. IV в. до н.э.	Монахов, 2014. С. 208–210. Рис. 8, *36, 37*	*22*
Косс	3 ручки	–	–	–
Аканф / IV в. до н.э.	1 ручка	–	Монахов, 2003. Табл. 58, *1, 2*	*23*
Эрифры	1 ножка	Тип IV / Конец IV – первая треть III в. до н.э.	Монахов, 2013.	–

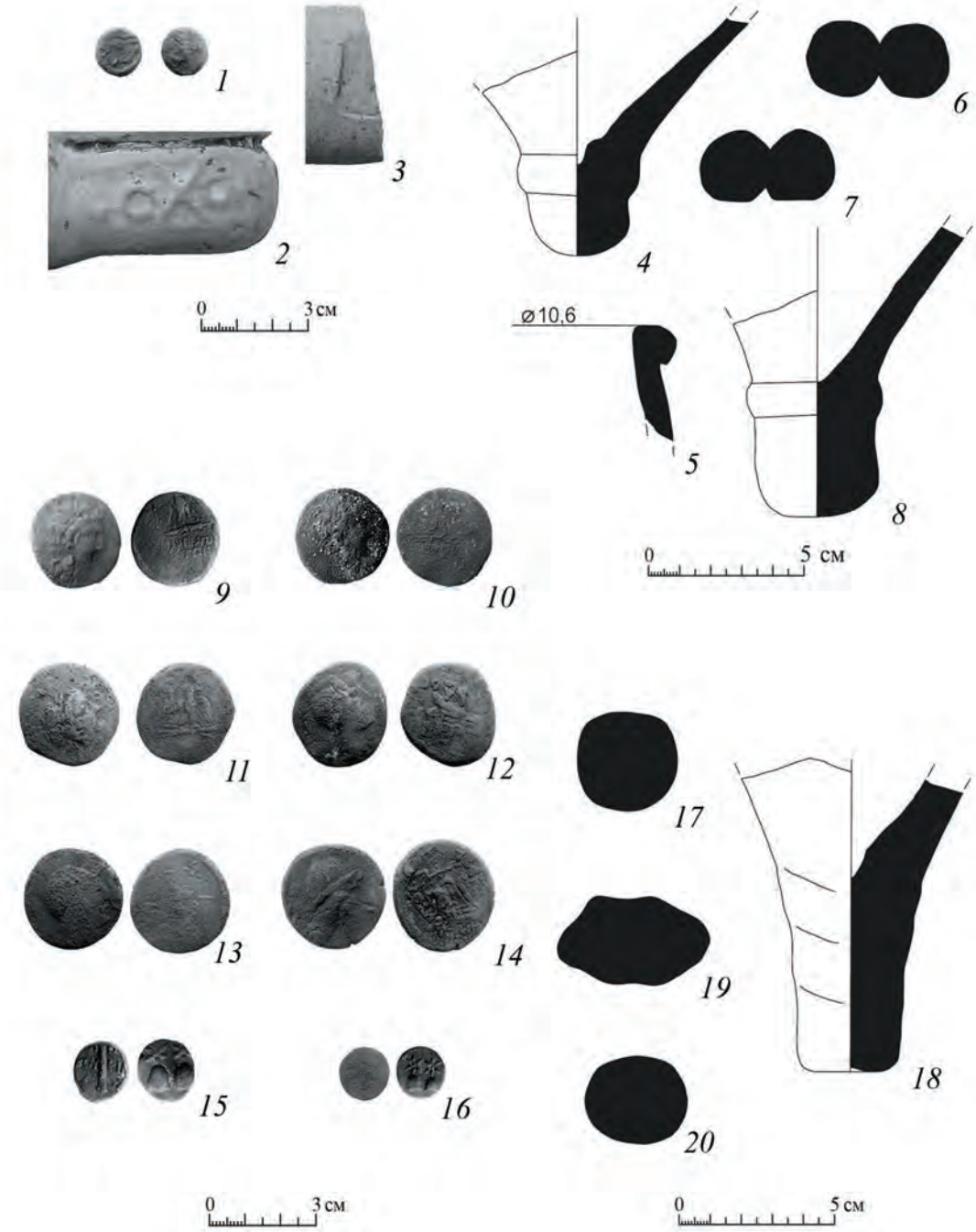


Рис. 4. Находки III–II вв. до н.э. (*1–8*) и I в. до н.э. (*9–20*).
Fig. 4. Finds of the 3rd–2nd centuries BC (*1–8*); the 1st century BC (*9–20*)

рва непосредственно между опорами “моста” (рис. 1, *5*). Погребальный инвентарь позволил В.В. Кропотову датировать комплекс втор. пол. I в. до н.э. (Кропотов, Супренков, 2017. С. 281–287).

Датируемый массовый материал был в основном представлен фрагментами импортных амфор, среди которых Гераклея, Синопа и Колхида. Наиболее многочисленны были гераклейские амфоры[9]. Среди найденных фрагментов: две части псевдокосского горла и шесть ножек типа С Iа периода I в. до н.э. – перв. четв. I в. н.э., девять венчиков типа С и 22 фрагмента псевдокосских ручек (рис. 4, *19*)

[9] По мнению С.Ю. Внукова, большая часть светлоглиняных амфор указанного времени, в том числе так называемые псевдородосские и псевдокосские, могла производиться в Гераклее (Внуков, 2003. С. 24).

Таблица 2. Амфоры III–II вв. до н.э.

Table 2. Amphoras of the 3rd–2nd centuries BC

Центр производства / Общая датировка	Количество фрагментов	Тип / Уточненная датировка	Литература	Ссылка на рис. 4
Синопа / II в. до н.э. – I в. н.э	7 ручек	Тип СинIв, 1 – Син I (5 экз.)	Внуков, 2003. С. 130–133	–
Косс / III – вторая треть I в. до н.э.	1 венчик	–	–	*4–6*
–“–	1 ручка	–	–	–“–
–“–	1 ножка	Тип IIIа / Вторая-третья четв. III в. до н.э.	Монахов, 2014. Рис. 9	–“–
–“–	1 фр. горла	Тип V	–	–
–“–	1 ручка	Вариант V-B / Конец II – вторая треть I в. до н.э.	Монахов, 2014. С. 214	–
–“–	1 ручка	Вариант V-A / II в. до н.э	Монахов, 2014. Рис. 11	*7*
–“–	1 венчик	–	–	–
–“–	9 ручек	Двуствольные (2 экз.)	–	–
–“–	1 фр. горла	–	–	–
–“–	1 ножка	Псевдокосс / II–I вв. до н.э.	–	–
Родос	1 ножка	Мирмекийский вариант / Вторая четв. – середина III в. до н.э.	Монахов, 2003. Табл. 80	*8*
–“–	1 ножка	Псевдородос / II–I вв. до н.э.	–	–

типа С I сер. I в. до н.э. – перв. трети II в. н.э.; три псевдородосских венчика, два горла и 14 ручек типа С II (рис. 4, *20*) 50-х годов I в. до н.э. – рубежа I в. до н.э. – I в. н.э.; псевдородосская ножка типа С II середины – втор. пол. I в. до н.э. (рис. 4, *17, 18*); ножка типа С III 20–15 гг. до н.э. – перв. трети I в. н.э. (Внуков, 2003. С. 54–81).

Менее многочисленные синопские амфоры были представлены псевдокосским фрагментом горла, пятью ручками и двумя ножками типа Син III сер. I в. до н.э. – третьей четв. I в. н.э., а также фрагментом горла амфоры с нестандартным венчиком типа Син III сер. I в. до н.э. – втор. трети I в. н.э. (Внуков, 2003. С. 141–146). К амфорам Колхиды относится фрагмент горла, два венчика и четыре ручки типа Кх IB_2 сер. I в. до н.э. – I в. н.э. (Внуков, 2013. С. 35).

Большая часть вышеуказанных находок вновь происходила из слоев башни на вершине кургана. Среди других участков – заполнение П-образного рва, прикурганное пространство и ряд хозяйственных ям (объекты 3, 14, 17, 19, 37, 41, 45, 47, 59, 62), а также котлован (объект 70) в северо-восточной части раскопа.

Общее количество находок группы I в. до н.э. составило 18% от всего датируемого материала.

Группа V. В I в. н.э. наблюдается еще более интенсивный рост числа археологических находок на памятнике. Датирующий материал представлен 15 индивидуальными находками и 90 профилированными фрагментами керамики (рис. 5). В первую категорию вошли: бронзовая лучковая подвязная фибула (рис. 5, *1*) I в. н.э. (Амброз, 1966. Табл. 9, *2*) и керамическое грузило усечено-пирамидальной формы, найденные в слое над каменным завалом в границах Узунларского рва; фрагмент лепного сапожкового светильника; лепное пряслице округлой биконической формы, найденные в западной части башни и к В от нее; фрагмент бронзовой фибулы в виде иглы, обнаруженный на дне ямы (объект 70) в северо-восточной части раскопа. Все эти находки датируются I–II вв.

Массовый материал представлен, как и в предыдущем периоде, фрагментами амфор Гераклеи, Синопы и Колхиды (табл. 3).

Что касается столовой посуды указанной группы, то были найдены венчик красноглиняного кувшина и каннелированная ручка кувшина с широкой датой I–III вв н.э. Отдельно упомянем два венчика и донце краснолаковых кубков понтийской сигиллаты А, форма 31 конца I – перв. пол. II в. (Журавлев, 2010).

Число датирующих находок описанного периода от общего их числа составило 22.5%. Наибольшая их концентрация отмечена в границах объекта башня и на пространстве вокруг него, включая территорию, примыкающую к курганной насыпи, где помимо многочисленных амфорных обломков были найдены керамические пряслице и светильник, а также два фрагмента краснолаковых кубков. Другие участки находок – прикурганный ровик к С от насыпи кургана (объекты 43, 44, 66) и заполнение Узунларского и П-образного рва. Среди ям, содержащих интересующий нас материал, объекты 8, 26, 32, 47, 70 к В и СВ от насыпи кургана.

Группа VI. В следующем периоде (рис. 6) значительное число материала на памятнике сохраняется в первой половине II в. н.э., далее намечается спад, особенно заметный в III в. н.э. К примеру, количество амфорного материала в перв. пол. III в. по отношению к первой половине II в. сокращается более чем в десять раз. Среди индивидуальных находок римский двойной денарий белого металла 249–251 гг. (рис. 6, *1*) из ямы в восточной части раскопа (объект 28); бронзовая одночленная лучковая фибула (рис. 6, *2*) перв. – трет. четв. II в. (Кропотов, 2010. С. 75, 333), найденная на дне П-образного рва. Керамический материал представлен в основном поздними типами гераклейских амфор. Среди них ножка, фрагмент горла и ручка типа С IV D (рис. 6, *3, 8, 9*) кон. II – перв. пол. III в. н.э., венчик типа С IV B/C II в., два венчика и ручка типа С IV B_2 (рис. 6, *13, 14*) 100–140-е гг. и горло типа С IV B_1 этого же времени, еще четыре венчика и ручка типа С IV С втор. – третьей четв. II в. н.э. (Внуков, 2016. С. 44. Рис. 6, *4–7, 11, 12*). Одна ручка типа С IV С (рис. 6, *10*) датировалась втор. четв. – кон. II в. н.э. Несколько фрагментов ручек типа С IV имели более широкую датировку – II–III вв. н.э.

Несколько ручек и ножка типов 72/83– 85/93-95 по классификации Зеест (1960) датируются II–III вв. н.э.

Количество определяемого материала в этом периоде составило около 20% от общего его числа. Находки локализованы главным образом в башне и на околокурганном пространстве. Значительная их часть приходится на заполнение Узунларского рва. Они также

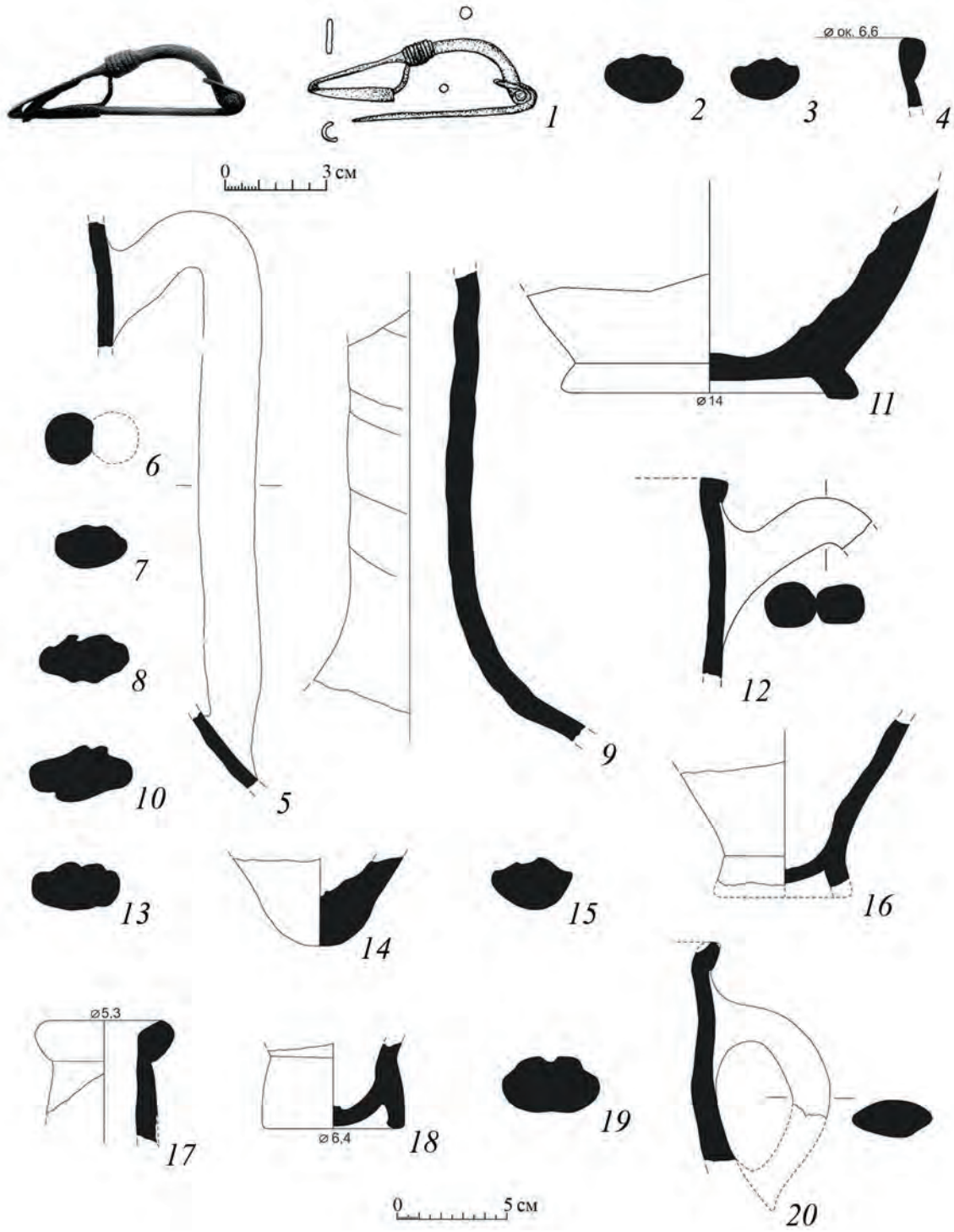


Рис. 5. Находки I в. н.э.
Fig. 5. Finds of the 1st century AD

встречались в прикурганном ровике (объект 43) и в объекте 37 восточнее вала.

Группа VII. Позднеантичный период (рис. 6) представлен на памятнике весьма незначительно. Среди амфор этого времени фрагмент горла и венчик типа LR 1B втор. четв. VI – перв. пол. VII в. н.э. (Смокотина, 2014. С. 73); колхидская ножка типа Kx $1D_2$ (рис. 6, *15*) втор. пол. IV – сер. VI в. н.э. (Внуков, 2012. Рис. 8); ручка типа 96/97, IV в. (Зеест, 1960. Рис. 6, *16*), ручка амфоры типа “тиритакской” (рис. 6, *17*) втор. пол. IV – сер.

Таблица 3. Амфоры I в. н.э.

Table 3. Amphoras of the 1st century AD

Центр производства	Количество фрагментов	Тип / Уточненная датировка	Литература	Ссылка на рис. 5
Гераклея	3 ручки	Тип C IV A / Вторая четв. – конец I в. н.э. (2 экз.); Последняя треть I в. н.э. (1 экз.)	Внуков, 2016. С. 40–41	–
–“–	2 ручки	Тип C IV B / Конец I – начало II в. н.э.	–“–	*2, 3*
–“–	1 венчик	Тип C IV A_1 / Вторая-третья четв. I в. н.э.	–“–	*4*
Псевдокосс	3 ручки	Двуствольные / I в. н.э.	–	*5, 6*
–“–	1 ручка	Тип C IV A_2 / Последняя треть I в. н.э.	Внуков, 2016. С. 40–41	*7*
–“–	4 ручки	Тип C IV / Вторая пол. I – конец II в. н.э.; Конец I – II в. н.э.	–“–	–
–“–	Несколько ручек	Тип C IV J / Рубеж I–II – середина III в. н.э.	Внуков, 2016. С. 41	–
–“–	1 ручка	Тип C IV C / до 140 – после 180 г. н.э.	Внуков, 2016. С. 44	–
–“–	Несколько ручек	Тип C IV / Последняя четв. I – III в. н.э.	–	*8*
–“–	1 фр. горла	Тип C IV A_2 – IV B_1 / Конец I в. н.э.	–	*9*
–“–	2 ручки	Тип C IV A_2 / Вторая четв. – конец I в. н.э.	Внуков, 2016. С. 41	*10*
–“–	1 донце	Тип C IV A / Вторая четв. I в. н.э.	–“–	*11*
–“–	1 фр. горла с ручкой	–	–	*12*

Окончание таблицы 3.

Гераклея разная	44 ручки	Тип С IV	–	–
–“–	5 венчиков	Тип С IV В	–	–
–“–	1 ручка, 3 венчика, 2 фр. горла	Тип С IV А	–	*13*
–“–	1 ножка	Тип С IV B_2	–	*14*
–“–	2 ручки, 1 ножка, 1 фр. горла	Тип С IV В	–	*15*
–“–	1 ножка на кольц. поддоне	Тип С IV A_1	–	*16*
–“–	1 венчик, 2 придонные части, 1 ручка	Тип С IV A_2	–	*17*
–“–	1 донце	Тип С IVa_2 – IVb_1	–	*18*
–“–	2 фр. горла	Тип С IV В/С	–	–
–“–	5 венчиков, 2 ручки, 1 фр. горла	Тип С IV С	–	–
Синопа	1 донце на кольцевом поддоне	Тип Син Ib / Первая четв. I – середина II в. н.э.	Внуков, 2013. С. 30–33	–
–“–	1 ручка	Тип Син. V / Середина – вторая пол. I в. н.э.	Внуков, 2013. Рис. 7	*19*
–“–	1 край калиптера	–	–	–
Колхида	1 придонная часть, 1 фр. горла	Тип Kx IB_2 / Середина – конец I в. н.э.	Внуков, 2013. С. 33–35	*20*
–“–	1 ножка	Тип Kx IC_1 / Последняя четв. I – II в. н.э	Внуков, 2013. С. 33–35	–

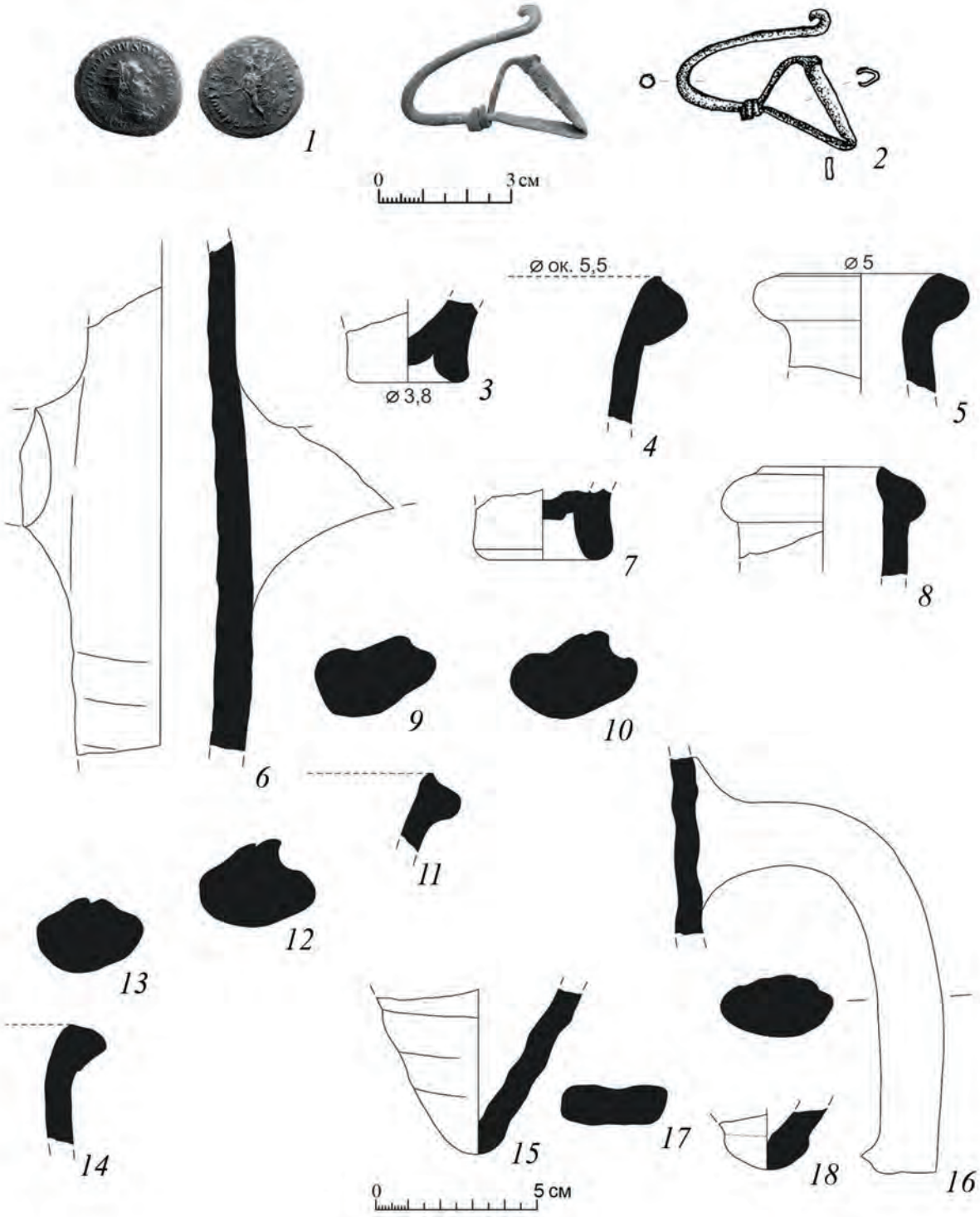


Рис. 6. Находки II – середины III в. н.э. (*1–14*); середины III – первой половины VII в. н.э. (*15–18*).
Fig. 6. Finds of 2nd – mid 3rd century AD (*1–14*); the mid 3rd – first half of the 7th century AD (*15–18*)

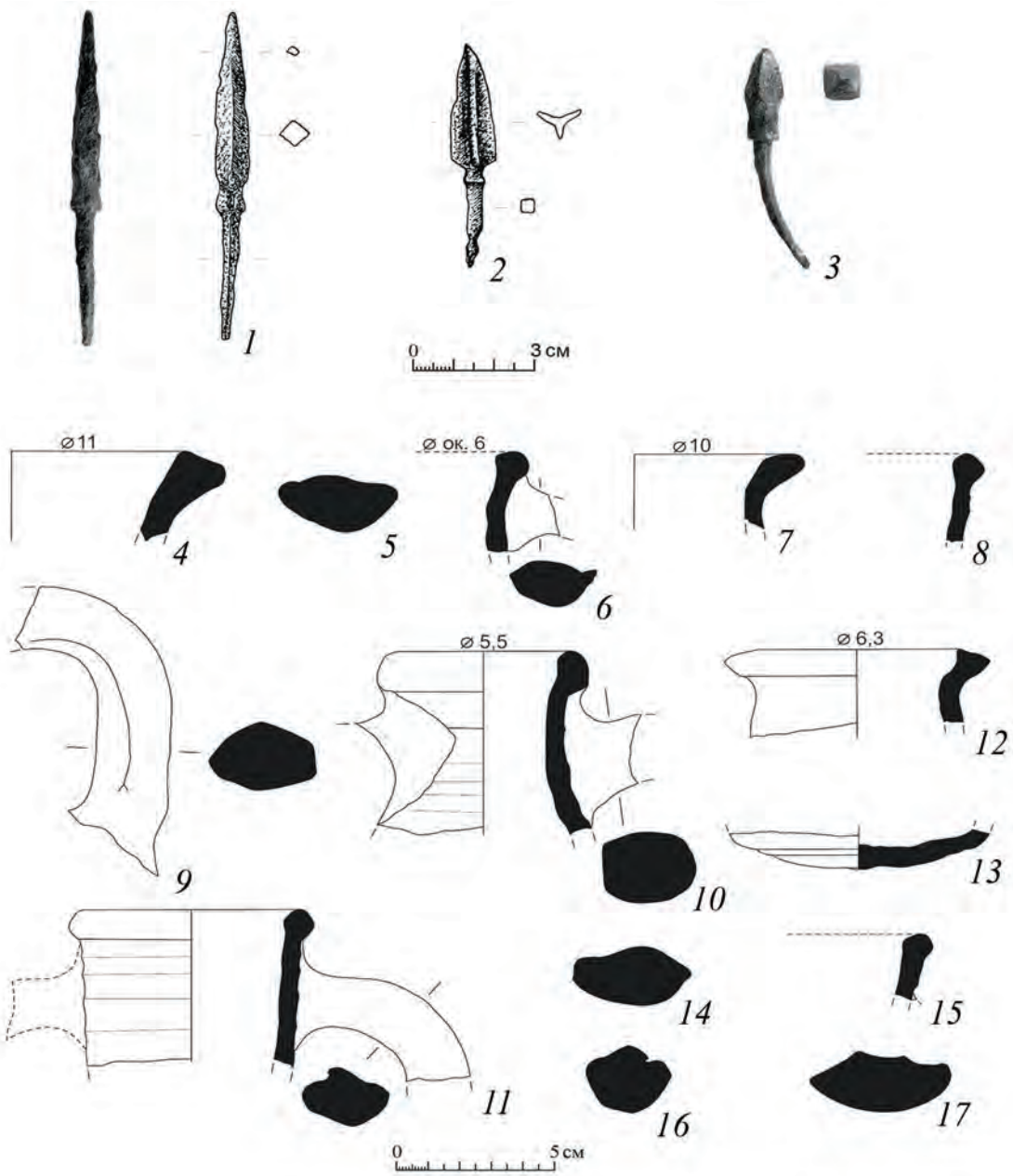


Рис. 7. Находки первой половины VII–IX в.
Fig. 7. Finds of the first half of the 7th–9th century AD

VI в. н.э. и ножка типа 103 (рис. 6, *18*) того же времени (Зеест, 1960. Табл. XL, *103*).

Фрагменты керамики периода IV–VI в. н.э. общим числом не более 1% были найдены в основном в верхних слоях заполнения Узунларского рва.

Группа VIII. В “салтово-маяцкий” или “хазарский”[10] период (рис. 7) наблюдается некоторый прирост археологического материала. Индивидуальные находки этого времени представлены тремя железными наконечниками стрел: четырехгранным (рис. 7, *1*) VII–IX вв. и трехлопастным (рис. 7, *2*) VI–IX вв. (Крым..., 2003. Табл. 89, *4*), найденными на вершине кургана. Еще один железный четырехгранный наконечник (рис. 7, *3*) IX в. (Крым..., 2003. Табл. 89, *11*) происходил из гумусного слоя в южной части рва.

Среди массового материала этого времени встречались в основном фрагменты амфор

[10] По мнению А.И. Айбабина захват хазарами Северного Причерноморья осуществился в середине VII в. (Айбабин, 2018. С. 239–240).

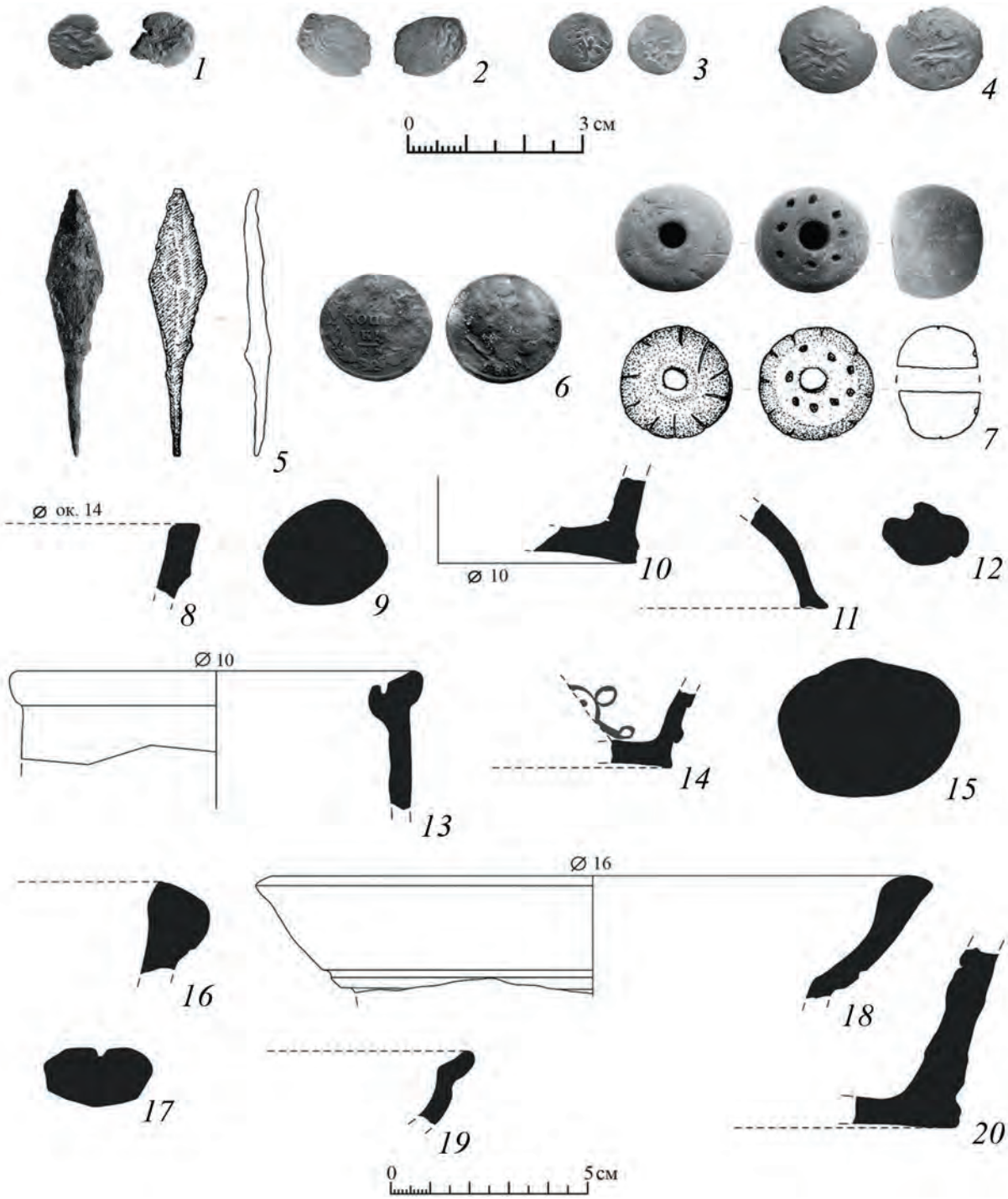


Рис. 8. Находки Средневековья – Нового времени.
Fig. 8. Finds of the Middle Ages – Modern Period

"причерноморского типа"[11]. Среди них венчик и ручка (рис. 7, *4, 5*) кон. VII–IX в.; фрагмент горла и два венчика (рис. 7, *6–8*) VII–IX вв.; венчик кон. VI – нач. XI в.; две ручки втор. пол. VI – нач. XI в.; ручка VII–IX вв. (рис. 7, *9*); фрагмент горла и четыре фрагмента ручек втор. пол. VI – втор. пол. IX в. (рис. 7, *10*); фрагмент горла VII–X вв. (рис. 7, *11*); венчик втор. пол. VI – нач. IX в. (рис. 7, *12*); донце втор. пол. VI – нач. XI в.;

[11] К "причерноморским" амфорам традиционно относят все известные группы круглодонных амфор с яйцевидным вытянутым желобчатым корпусом втор. пол. VI – нач. XI в. Среди датируемых фрагментов встречался вариант III (Якобсон, 1951. С. 334) или группа III тип XIV (Чхаидзе, 2012. С. 158, 159)

два фрагмента ручек и два фрагмента придонных частей VII–X вв. (рис. 7, *13, 14*); венчик втор. пол. VI–IX в. (рис. 7, *15*) и ручка VII–IX вв. (рис. 7, *16*), а также две ручки конца VI – перв. пол. IX в. (рис. 7, *17*).

Среди редких находок посуды – фрагмент горла и прилеп ручки ойнохой “скалистинского”[12] типа третьей четв. VI – сер. IX в.

Практически все находки “салтово-маяцкого” периода, составившие суммарно около 7%, происходили из слоя каменного завала Узунларского рва. Единичны были экземпляры из заполнения близко расположенных объектов (3 и 49), а также из гумусного слоя верхнего горизонта рва, верха насыпи вала и прикурганного пространства.

Группа IX. Материал широкой хронологической группы Средневековья – Нового времени (рис. 8) был немногочисленным.

Из раннесредневековых находок – железный уплощенный наконечник стрелы (рис. 8, *5*) XI–XIII вв. (Крым..., 2003. Табл. 99, *11–15*), найденный в верхнем горизонте Узунларского рва, и лепное керамическое пряслице с отверстиями сферической формы (рис. 8, *7*) X–XIV(?) вв., найденное к ЮЗ от башни в слое 1.

Нумизматический материал этого времени представлен монетами XVI в.: медным акче Мухаммеда II Гирея 1577–1584 гг. (рис. 8, *1*), акче белого металла Сахиба I Гирея 1532–1550 гг., чекан Кырк Йера (рис. 8, *2*), найденными в верхнем горизонте Узунларского рва; акче белого металла Ислама II Гирея 1584–1588 гг. (рис. 8, *3*) из гумуса у северного подножия курганной насыпи. Среди более поздних – бешлык Арслана II Гирея 1748–1756 гг. бахчисарайской чеканки (рис. 8, *4*). Новое время представлено двумя российскими имперскими монетами номиналом 2 копейки 1820 и 1821 гг. чеканки (рис. 8, *6*) из погребения 6, обнаруженного в разрезе насыпи вала в его верхнем горизонте.

Среди других поздних находок – фрагменты венчика и ручки красноглиняных сосудов и донце красноглиняного плоскодонного сосуда (рис. 8, *8–10*); край поливной крышки, покрытой желто-зеленой глазурью (рис. 8, *11*) XVI–XVIII вв.; ручка средневекового красноглиняного кувшина (рис. 8, *12*); венчик светлоглиняного кувшина (рис. 8, *13*); донце красноглиняного плоскодонного сосуда и донце плоскодонного открытого глазированного сосуда с орнаментом “граффито” (рис. 8, *14*) Нового времени; ручка средневековой красноглиняной амфоры (рис. 8, *15*); венчик коричневоглиняного сосуда (рис. 8, *16*), венчик красноглиняного кувшина; шесть ручек красноглиняных кувшинов (рис. 8, *17*); донце коричневоглиняного плоскодонного сосуда; венчик коричневоглиняного широкогорлого закрытого сосуда (рис. 8, *18*); край миски с зеленой глазурью (рис. 8, *19*); донце белоглиняного плоскодонного сосуда с желто-зеленой поливой XVIII–XIX вв.; донце белоглиняного поливного плоскодонного кувшина (рис. 8, *20*) Нового времени.

Находки периода Средневековья составили около 3.5% от всего объема датирующего материала. Они были локализованы, главным образом, в котловане в северо-восточной части памятника (объект 70), в верхнем горизонте башни и в гумусном слое вокруг кургана, а также в верхнем горизонте заполнения Узунларского рва.

Таким образом, мы представили обзор археологического материала, найденного в ходе работ на Узунларском валу в 2016 г. Попытаемся теперь коротко проанализировать его в историческом контексте.

Общеизвестно, что о рвах и валах в Крыму писал еще Геродот (Herod., IV, 12; 28) и связывал их с миграциями скифов. Отдельные исследователи полагали, что Узунларский вал может быть тем самым рвом “детей слепых рабов”, описанным Геродотом (Herod., IV, 3), т.е. воздвигнутым еще в догреческую, “киммерийскую” эпоху (Сокольский, 1957. С. 94). Однако авторы новейших работ считают, что “ров Геродота”, датирующийся началом VI в. до н.э.,. располагался западнее, на Акмонайском перешейке (Гаврилов, 2016. С. 107), Узунларский же вал возник позднее V в. до н.э. (Масленников, 2003. С. 205). Это вполне соотносится и с исторической ситуацией. В V в. до н.э., эпоху правления Археанактидов и первых Спартокидов, освоение сельской территории Боспорского государства имело место в основном вблизи городов, расположенных в районе пролива, а на вторую половину столетия и вовсе приходится сокращение числа сельских поселений (Завойкин, 2013. С. 234. Рис. 6, *1*). Какие-либо мотивы для возведения столь внушительного оборонительного сооружения

[12] Тип посуды, распространенный на Скалистинском могильнике конца IV–IX в. в Бахчисарайском районе Крыма, исследованном в конце 1950-х годов (см. Веймарн, Айбабин, 1993).

в это время вроде бы отсутствовали. Немногочисленные находки V в. до н.э. (*группа I*), скорее всего, связаны с курганом (вероятно, еще более ранним) и могут происходить, к примеру, из какого-либо впускного захоронения, впоследствии разграбленного.

Находки следующего столетия (*группа II*) не только значительно многочисленней, но и во многом происходят из заполнения археологических объектов, косвенно свидетельствуя о времени их сооружения. Среди последних – достаточно мощный культурный слой на вершине кургана, связанный с существованием здесь постройки, впоследствии реконструированной, несколько хозяйственных ям к В от кургана, а также П-образный ров, огораживающий, с нашей точки зрения, ранний проезд через ров-вал (Супренков, 2018. С. 239).

Скажем еще раз коротко об этом материале. Среди 37 профильных фрагментов амфор, не выходящих по датировкам за верхнюю границу столетия, пять, представленных в основном обломками гераклейских амфор "пифоидного" типа, могут датироваться первой четвертью IV в. до н.э. Два фрагмента датируются его первой половиной, а второй-третьей четвертью столетия уже 16. Остальные имеют более широкую дату. Таким образом, согласно данным археологии, полученным на нашем раскопе (признавая всю их условность), возникновение вышеуказанных построек, а также (косвенно) и самого Узунларского вала, скорее всего, произошло во второй-третьей четверти IV в. до н.э. Примерно на это время (начало второй половины IV в. до н.э.) указывает и анализ естественнонаучных данных, произведенный ранее А.А. Масленниковым (2003. С. 230), хотя сам исследователь склонялся к более поздней датировке сооружения. В историческом контексте это время соответствует периоду роста и расцвета сельских поселений Восточного Крыма, которое имело место после присоединения Феодосии Левконом I (366–364 гг. до н.э.) и достигло наивысшего развития при Перисаде I. С деятельностью последнего, по нашей гипотезе, и связано сооружение Узунларского вала, хотя мы не имеем на этот счет каких-либо прямых исторических указаний, за исключением очень пространного свидетельства Демосфена о войне Перисада со скифами (Dem., XXXIV, 8, 36), которая должна была иметь место до 328 г. до н.э.

Относительно следующей группы материала отметим, во-первых, его сокращение, во-вторых, возможность принадлежности большой части находок *группы III* к предыдущей либо последующей группам. Практически отсутствуют родосские амфоры, которые начинают уверенно выделятся специалистами в III в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 111), представленные единственным фрагментом. Отметим также единичное число синопских амфорных клейм, рост числа которых, согласно традиционной точке зрения, начинается с последней четверти IV в. до н.э. (Брашинский, 1963. С. 142). Судя по всему, во III–II вв. до н.э. жизнедеятельность на обследованных нами археологических объектах если и не прервалась полностью, то наблюдался период "затишья".

Что касается резкого роста числа находок *группы IV*, особенно во второй половине I в. до н.э., то он легко объясняется исторически и археологически. Башенная постройка, возведенная на вершине кургана на месте предыдущей, возникла, скорее всего, во время деятельности Асандра, что подтверждается и археологическим материалом, и ближайшими аналогиями (Масленников, 2018. С. 141–170). С деятельностью этого правителя, по всей видимости, связано и расширение Узунларского рва, четко читающееся стратиграфически на нашем раскопе и имеющее отклик в письменных источниках (Strabo., VII, 4, 3).

Увеличение числа находок *группы V* в I в. н.э. без каких-либо заметных хронологических разрывов интересно для нас тем, что, по-видимому, башня на кургане в отличие от остальных подобных башен-фортов на линии Узунларского вала не гибнет в последней четверти I в. до н.э., в результате действий Полемона I (Масленников, 2003. С. 212). Позднегераклейские светлоглиняные амфоры типа С представлены у нас большим числом фрагментов самых разных подгрупп.

Материал *группы VI* свидетельствует о том, что жизнедеятельность на памятнике продолжается вплоть до конца II в. н.э. Самый поздний материал этой группы, датируемый рубежом II–III вв., соответствует по времени появлению на близлежащей господствующей высоте городища "Савроматий", возникшего, по-видимому, в период правления Савромата II (Масленников, Чевелев, 1983. С. 95). Этим же временем, на наш взгляд, датируется и перенос проезда через ров к С, связанный с созданием собственно "ворот" – каменного моста.

Его структура и расположение поблизости укрепленного поселения делало назначение остальных объектов необязательным.

Немногочисленный позднеантичный материал (*группа VII*) встречался на Узунларском валу нашими предшественниками и ранее и был ими интерпретирован как соответствующий времени последних фортификационных работ на этом сооружении (Ланцов, Голенко, 1999. С. 177–181). Находки салтово-маяцкого периода из заполнения рва свидетельствуют о том, что проездом античного времени активно пользовались и в хазарскую эпоху. Единичные находки XI–XIII вв. говорят о том, что и в этот период, характеризующийся исследователями как один из наименее изученных (Майко, Герцен, 2018. С. 284), здесь могли иметь место какие-то события либо миграции.

Что же касается материала ханского времени, происходящего в основном из объекта 70 – крупного котлована овальной формы, то отметим, что похожие, хотя и неидентичные и более поздние сооружения были исследованы в последние годы в районах к западу от Узунларского вала. Они интерпретировались исследователями как “гидротехнические сооружения” – водосборники для скота (Куликов и др., 2017). Данная интерпретация вызывает у нас некоторые сомнения, тем не менее, можем предположить, что котлован 70 мог быть связан со скотоводческой деятельностью какого-то средневекового поселения XVI–XVIII вв., расположенного неподалеку. Погребение же XIX в. в насыпи Узунларского вала говорит о том, что проезд через ров функционировал вплоть до Новейшего времени, о чем свидетельствуют и планы XIX в. Вероятно, только в XX в. дорога Керчь-Феодосия стала проходить южнее, и исследованный нами проезд стал играть вспомогательную роль.

Работа выполнена в рамках Государственного задания № НИОКТР АААА-А18-118011-790092-5 “Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. На границе Византийской империи и Хазарского каганата. Конец VII–IX в. // История Крыма. Т. I. М.: Кучково поле, 2018. С. 236–261.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966 (САИ; вып. Д1-30). 112 с.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 180 с.

Брашинский И.Б. Экономические связи Синопы в IV–II вв. до н.э. // Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 132–145.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 202 с.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М.: ИА РАН, 2003. 235 с.

Внуков С.Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. № 4. С. 5–15.

Внуков С.Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // Древности Боспора. Т. 17. М.: ИА РАН, 2013. С. 22–55.

Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.

Гаврилов А.В. Акмонайский ров и вал на картах // История и археология Крыма. Вып. III. Симферополь, 2016. С. 107, 108.

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: Крымское отделение Ин-та востоковедения НАН Украины, 2010 (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 9). 320 с.

Завойкин А.А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ВТС Принт, 2013. 592 с.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 83). 180 с.

Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев: Наукова думка, 1988. 168 с.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 386 с.

Кропотов В.В., Супренков А.А. Погребение I в. до н.э. на Узунларском валу // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути, товары, отношения. Керчь, 2017. С. 281–287.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. VI–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, А.И. Плетнева. М.: Наука, 2003 (Археология СССР). 533 с.: ил.

Куликов А.В., Смекалов С.Л., Янишевский Б.Е., Мокробородов В.В., Плеханов Ю.В. Позднесредневековые

земляные гидротехнические сооружения в Восточном Крыму (Республика Крым) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. М.: ИА РАН, 2017 (Матер. спасательных археологических исследований; т. 19). С. 108–120.

Ланцов С.Б., Голенко В.К. О западной границе Боспора в IV в. до н.э. // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 177–181.

Майко В.В., Герцен А.Г. Сугдея и Боспор. Таврика в X – первой половине XIII в. // История Крыма: в 2 т. Т. 1. М.: Тучково поле, 2018. С. 281–287.

Масленников А.А. Древние земляные пограничнооборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К., 2003. 280 с.

Масленников А.А. Еще одна башня у Узунларского вала // Древности Боспора. Т. 22. М.: ИА РАН, 2018. С. 141–170.

Масленников А.А., Чевелев О.Д. Охранные раскопки на Ново-Николаевском городище // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 91–96.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (САИ; вып. Д 1-4). 113 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров в керамической таре: каталог-определитель. М.; Саратов: Киммерида: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 352 с.

Монахов С.Ю. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр // ВДИ. 2013. № 3. С. 28–51.

Монахов С.Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. 2014. № 3. С. 195–222.

Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса // Античный мир и археология: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 16. Саратов: Научная книга, 2013. С. 255–266.

Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 271 с.: ил.

Смокотина А.В. Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. Вып. 19. Симферополь, 2014. С. 68–87.

Сокольский Н.И. Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА. 1957. XXVII. С. 91–107.

Супренков А.А. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек // Древности Боспора. Вып. 23. М.: ИА РАН, 2018. С. 230–257.

Цецхладзе Г.Р. Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1989. № 4 (191). С. 91–96.

Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012. 590 с.

Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. 1951. XV. С. 325–344.

"BOSPORAN GATES" IN THE EASTERN CRIMEA: A REVIEW OF ARCHAEOLOGICAL MATERIAL

Aleksandr A. Suprenkov[1,*], Arseny M. Mikhailov[2,], Pavel G. Stolyarenko[2,***], Marina A. Toporivskaya[1,****], Natalia Yu. Trebukhina[1,*****]**

[1]*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*
[2]*The East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, Kerch, Republic of Crimea, Russia*

[*]*E-mail: suprenkov@mail.ru*
[**]*E-mail: kobaphoe1@ya.ru*
[***]*E-mail: paul100@mail.ru*
[****]*E-mail: toporivskayamarina@gmail.com*
[*****]*E-mail: topolinapuhova@mail.ru*

The article discusses the results of the authors' activities on the Uzunlar rampart in 2016, during which the so-called Bosporan Gate was uncovered. This architectural and archaeological structure is a stone bridge over the Uzunlar dyke. The paper presents a chronologically ordered review of the found archaeological material with brief general historical references. Some groups of finds are published for the first time. The authors propose their view regarding the time of construction of the Uzunlar rampart and structures on the mound east of it in the 4th century BC, reconstruction of the fortification system in the second half of the 1st century BC, and later, at the turn of the 2nd–3rd centuries AD. Based on archaeological finds, the functioning of some of the structures is traced up to contemporary time.

Keywords: the Easter Crimea, the Uzunlar rampart, Bosporian Gate, salvage excavation, chronology.

REFERENCES

Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e. [Brooches of the south of the USSR's European part of the 2nd century BC – 4th century AD]. Moscow: Nauka. 112 p. (SAI, D1-30).

Anokhin V.A., 1986. Monetnoye delo Bospora [The Bosporus mintage]. Kiyev: Naukova dumka. 180 p.

Aybabin A.I., 2018. On the border of the Byzantine Empire and the Khazar Khaganate. The late 7th–9th century. *Istoriya Kryma [History of the Crimea]*, I. Moscow: Kuchkovo pole, pp. 236–261. (In Russ.)

Brashinskiy I.B., 1963. Economic ties of Sinope in the 4th–2nd centuries BC. Antichnyy gorod [Antique town]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 132–145. (In Russ.)

Chkhaidze V.N., 2012. Fanagoriya v VI–X vekakh [Phanagoria in the 6th–10th centuries]. Moscow. 590 p.

Gavrilov A.V., 2016. The Akmonai rampart and dyke on the maps. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, III. Simferopol', pp. 107, 108. (In Russ.)

Karyshkovskiy P.O., 1988. Monety Ol'vii. Ocherk denezhnogo obrashcheniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu [Coins of Olbia. A study on the currency circulation of the North Pontic in antiquity]. Kiyev: Naukova dumka. 168 p.

Kropotov V.V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Brooches of the Sarmatian period]. Kiyev: ADEF-Ukraina. 386 p.

Kropotov V.V., Suprenkov A.A., 2017. A burial of the 1st century BC on the Uzunlar rampart. *XVIII Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti, tovary, otnosheniya [XVIII Bosporan readings. The Bosporus Cimmerian and barbarian world during antiquity and the Middle Ages. Trade: routes, goods, relationships].* Kerch', pp. 281–287. (In Russ.)

Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu Srednevekov'ya. VI–XIII vv. [The Crimea, the North-East Pontic and Transcaucasia in the Middle Ages. The 6th–13th centuries]. T.I. Makarova, A.I. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, 2003. 533 p., ill. (Arkheologiya SSSR).

Kulikov A.V., Smekalov S.L., Yanishevskiy B.E., Mokroborodov V.V., Plekhanov Yu.V., 2017. Late medieval earthen waterworks in the Eastern Crimea (The Republic of Crimea). *Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016 [Towns, settlements, necropolises. 2016 excavations].* Moscow: IA RAN, pp. 108–120. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 19). (In Russ.)

Lantsov S.B., Golenko V.K., 1999. On the western border of the Bosporus in the 4th century BC. *Bosporskiy fenomen. Grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira [The Bosporus phenomenon. Greek culture on the periphery of the ancient world].* St.Petersburg, pp. 177–181. (In Russ.)

Maslennikov A.A., 2003. Drevniye zemlyanyye pogranichno-oboronitel'nyye sooruzheniya Vostochnogo Kryma [Ancient earthen border defenses of the Eastern Crimea]. Tula: Grif i K. 280 p.

Maslennikov A.A., 2018. Another tower near the Uzunlar rampart. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 22. Moscow: IA RAN, pp. 141–170. (In Russ.)

Maslennikov A.A., Chevelev O.D., 1983. Salvage excavations at the Novonikolaevka fortified settlement. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 174, pp. 91–96. (In Russ.)

Mayko V.V., Gertsen A.G., 2018. Sugdaea and the Bosporus. Taurica in the 10th – first half of the 13th century. *Istoriya Kryma [History of the Crimea]*, 1. Moscow: Tuchkovo pole, pp. 281–287. (In Russ.)

Melyukova A.I., 1964. Vooruzheniye skifov [Weaponry of the Scythians]. Moscow: Nauka. 113 p. (SAI, D1-4).

Monakhov S.Yu., 2003. Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov v keramicheskoy tare: katalog-opredelitel' [Greek amphorae in the Pontic region. Typology of amphorae in the leading centres exporting goods in ceramic containers: an identifier catalogue]. Moscow; Saratov: Kimmerida: Izd-vo Sarat. un-ta. 352 p.

Monakhov S.Yu., 2013. Notes on localization of ceramic ware. III. Amphorae of Erythrai (Asia Minor) and their stamps. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]*, 3, pp. 28–51. (In Russ.)

Monakhov S.Yu., 2014. Koan and pseudo-Koan amphorae and stamps. *Stratum plus*, 3, pp. 195–222. (In Russ.)

Monakhov S.Yu., Fedoseyev N.F., 2013. Notes on localization of ceramic ware. IV: Amphorae of Ikos. *Antichnyy mir i arkheologiya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Ancient world and archaeology: Interuniversity collection of research works]*, 16. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 255–266. (In Russ.)

Saprykin S.Yu., 2002. Bosporskoye tsarstvo na rubezhe dvukh epoch [Kingdom of the Bosporus at the turn of the eras]. Moscow: Nauka. 271 p., ill.

Smokotina A.V., 2014. LR 1 amphora on the Bosporus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica]*, 19. Simferopol', pp. 68–87. (In Russ.)

Sokol'skiy N.I., 1957. Ramparts in the defense system of the European Bosporus. *Sovet. Arkheol. [Soviet archaeology]*, XXVII, pp. 91–107. (In Russ.)

Suprenkov A.A., 2018. Excavations on the Uzunlar rampart in 2016: the chronology and interpretation of the main structures. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 23. Moscow: IA RAN, pp. 230–257. (In Russ.)

Tsetskhladze G.R., 1989. Dioscuriade coins from Tauric Chersonesos. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]*, 4(191), pp. 91–96.

Veymarn E.V., Aybabin A.I., 1993. Skalistinskiy mogil'nik [The Skalistoye cemetery]. Kiyev: Naukova dumka. 202 p.

Vnukov S.Yu., 2003. Prichernomorskiye amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya) [Pontic amphorae of the 1st century BC – 2nd century AD (morphology)]. Moscow: IA RAN. 235 p.

Vnukov S.Yu., 2012. Amphorae production in Abkhazia in Hellenistic and Roman times. *Ross. Arkheol. [Russian archaeology]*, 4, pp. 5–15. (In Russ.)

Vnukov S.Yu., 2013. Roman amphorae of the Kara-Tobe fortified settlement. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 17. Moscow: IA RAN, pp. 22–55. (In Russ.)

Vnukov S.Yu., 2016. On the typology, evolution and chronology of light-clay (late Heraclean) narrow-necked amphorae. *Ross. Arkheol. [Russian archaeology]*, 2, pp. 36–47. (In Russ.)

Yakobson A.L., 1951. Medieval amphorae of the Northern Pontic (experience in chronological classification). *Sovet. Arkheol. [Soviet archaeology]*, XV, pp. 325–344. (In Russ.)

Zavoykin A.A., 2013. Obrazovaniye Bosporskogo gosudarstva. Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov [Formation of the Bosporan state. Archaeology and chronology of the formation of the Spartokid kingdom]. Simferopol'; Kerch': VTS Print. 592 p.

Zeyest I.B., 1960. Keramicheskaya tara Bospora [Ceramic containers of the Bosporus]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 180 p. (MIA, 83).

Zhuravlev D.V., 2010. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma pervykh vekov n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) [Red-varnished ware of the South-Western Crimea of the first centuries AD (based on materials from the Late Scythian necropolises of the Belbek Valley)]. Simferopol': Krymskoye otdeleniye In-ta vostokovedeniya NAN Ukrainy. 320 p. (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Supplementum 9).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 159–172

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ АМФОРА С ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОЙ НАДПИСЬЮ НА СВИНЦОВОЙ ПЛОМБЕ ИЗ ФАНАГОРИИ

© 2020 г. Л.А. Голофаст

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: larisa_golofast@mail.ru

Поступила в редакцию 30.09.2019 г.

В статье представлена амфора, найденная в Фанагории в слое конца IX – начала X в. Амфора примечательна формой, аналогии которой пока найти не удалось, до сих пор неизвестным способом клеймения (клеймо нанесено на свинцовую пломбу, залитую в одну из ручек сосуда), а также клеймом с древнееврейской надписью. Древнееврейские надписи и иудейские символы на сосудах были знаком кошерности содержащихся в них продуктов, т.е. были произведены в соответствии с иудейскими законами ритуальной чистоты. Более того, сами сосуды также изготавливались по особым правилам, скорее всего иудейскими общинами специально для транспортировки таких продуктов и снабжения ими других общин иудеев. Таким образом, публикуемая находка на сегодняшний день – единственное археологическое свидетельство присутствия в городе в “хазарское” время иудейской общины, о существовании которой в Фанагории было известно только по письменным источникам (“Хронография” византийского историка Феофана Исповедника). Вероятно, в Фанагорию амфора была доставлена еврейскими купцами-раданитами, которые играли большую роль в торговле между Востоком и Западом и принимали деятельное участие в протяженной и разветвленной системе международных экономических связей, окончательно сформировавшейся в течение VIII в.

Ключевые слова: Фанагория, раннесредневековый период, амфора, свинцовая пломба, древнееврейская надпись, радениты.

DOI: 10.31857/S086960630010958-2

В 2015 г. в Фанагории в ходе раскопок на участке “Нижний город” в слое конца IX – начала X в. найден развал амфоры, которую удалось собрать почти полностью (рис. 1). Амфора с высоким, слегка расширяющимся книзу горлом с крупной желобчатостью и массивным валикообразным венчиком, под которым прикреплены массивные подовальные в сечении ручки со слабовыраженной профилировкой на внешней поверхности. На тулове – слабовыраженная желобчатость. Дно округлое. Диаметр венчика – 7.5 см, горла – 7.7; наибольший диаметр тулова – 30.8; высота амфоры – 57.1. Глина желтая с легким красноватым оттенком, плотная, очень хорошо отмученная, практически без включений. Не северо-причерноморское производство амфоры не вызывает сомнений, хотя регион ее происхождения установить не удалось: аналогии в известных классификациях отсутствуют; параллели в доступных публикациях материала из раскопок различных памятников Средиземноморско-Причерноморского региона также не найдены[1]. Однако общий силуэт амфоры и условия находки позволяют отнести ее к IX в.

На тулове под нижним прилепом одной из ручек – дипинто темной краской в форме перевернутого треугольника, из верхнего угла которого проведена медиана, выходящая за его основание (рис. 2). Размеры дипинто – около 8.4 × 7.9 см.

На противоположных сторонах плечиков между ручками – два граффито, процарапанные после обжига. Одно, с утратой в центральной части, – в виде двух примыкающих друг к другу треугольников (?), от внешних сторон которых под углом отходит черта (рис. 3, *1*). Точных аналогий найти не удалось, но похожие знаки, в основе которых лежит угол или треугольник, иногда с аналогичными отходящими линиями составляют большую группу граффити строителей Маяцкого городища (Флерова, 1997. С. 36. Табл. IV, 80, 81).

[1] П. Артур при личном общении выдвинул осторожное предположение о ее происхождении из бассейна Эгейского моря.

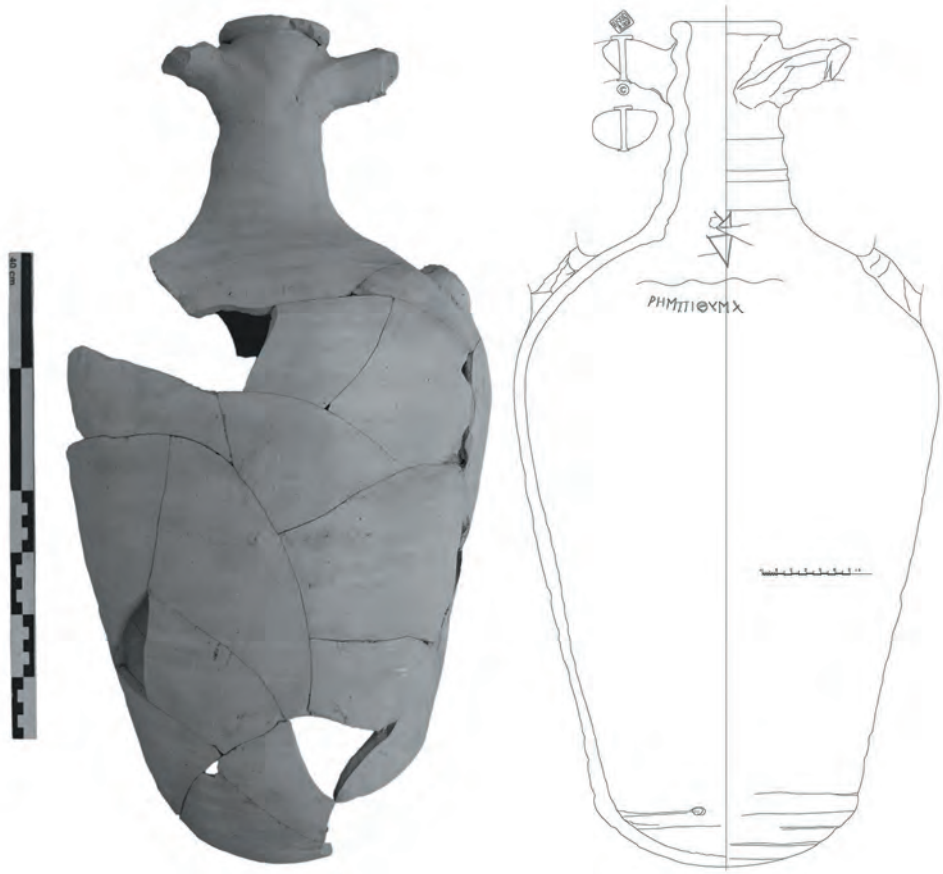


Рис. 1. Раннесредневековая амфора из раскопок Фанагории.
Fig. 1. Early Medieval amphora from Phanagoria

Второе — четко прочерченное однострочное греческое граффито, высота букв — 0.5—0.9 см (рис. 3, *2*). Автор признателен А.Ю. Виноградову за интерпретацию (см. Приложение).

В одной из ручек (толщина 2.8 × 4.2 см) — отверстие, залитое свинцом, расклепанным на нижней поверхности ручки. На внешней поверхности — квадратная пломба размерами 1.2 × 1.3 см с плохо читаемой рельефной надписью (рис. 4). Расплывшиеся края первоначальной свинцовой нашлепки обрезаны острым инструментом, от которого на поверхности ручки остались процарапанные следы. Подобная практика клеймения амфор, как античных, так и средневековых, до сих пор не была известна, что делает находку поистине уникальной.

Практически нечитаемую надпись на пломбе определил как древнееврейскую один из ведущих специалистов по восточным языкам, литературе и культуре, профессор Еврейского университета в Иерусалиме Шауль Шакед, который дал следующее заключение: It is difficult to reach a safe reading but it is possible to attribute the inscription to Hebrew, although one must assume that something is missing. Thus there is a faint possibility of reading from right to left:

יהו(ה)

צד(ק)

The first line is very doubtful. The last letter in each line is broken and partly missing. Transliterated in roman script this would read:

yhw(h)

ṣd(q)

“God: justice”

If the reading is right, it may be a brief quotation from Psalm 27:1 in the Hebrew Bible. This combination of words is rarely if ever quoted in Jewish literature. This is not a satisfactory reading, especially as regards the first line. The first line can be read something like **ydyn**, **wryn**, but these readings do not convey any sense.

Использование разных языков (в нашем случае древнееврейского на пломбе и греческого в граффити) на одной амфоре не является чем-то необычным. Известны случаи сочетания разных языков (например, древнееврейского и латинского) даже в пределах одной надписи, сделанной одним человеком (Cesteros et al., 2016. P. 217).

Древнееврейский язык в отличие от греческого и латинского не был языком повседневного общения, а использовался главным образом в культовых и ритуальных целях. Древнееврейские надписи и иудейские символы на амфорах[2] были знаком того, что в них содержится кошерный продукт, т.е. продукт, пригодный для потребления с точки зрения Галахи – совокупности законов, по которым иудей должен себя вести (Arthur, 1989. P. 135, 138; Cesteros et al., 2016. P. 218), и произведенный иудеями в соответствии с иудейскими законами ритуальной чистоты и предписаниями, связанными с пищей (Meyer, 2018. P. 637, 638)[3].

Более того, сами сосуды также производились по особым правилам, скорее всего иудейскими общинами специально для транспортировки таких продуктов и снабжения ими других общин иудеев (Arthur, 1989. P. 138, 139; Cesteros et al., 2016. P. 222). По предположению П. Артура, амфоры с иудейской символикой – археологическое свидетельство существования особых устойчивых связей между такими производителями и потребителями (Arthur, 1989. P. 139).

Рис. 2. Дипинто на амфоре.
Fig. 2. Dipinto on the amphora

О существовании в Фанагории иудейской общины известно из “Хронографии” византийского историка Феофана Исповедника, который под 679/680 г. сообщает: “В [землях] прилегающих к восточным частям озера, у Фанагории и живущих там евреев, обитает множество народов” (Чичуров, 1980. С. 60). Имеются свидетельства присутствия иудеев в это время и в других городах и поселениях Северного Причерноморья. Так, Ибн Факих, описывая путь купцов-русов, после слов “и платит десятину владетелю ар-Рума” добавляет: “затем идут по морю к Самкушу-иудею” (“Самкарш иудеев”), который обычно отождествляют с Тмутараканью (Новосельцев, 2018. С. 119), хотя некоторые исследователи оспаривают такую локализацию города (Чхаидзе, 2008. С. 275–282). В письме патриарха Фотия архиепископу Босфора (Керчи) Антонию (вторая половина IX в.) упоминаются “иудеи, там

[2] Амфоры и другие сосуды с разного рода изображениями менор (клеймами, граффити, *dipinti*) находят как на Земле Израиля, так и в диаспоре: в Калабрии и Риме (Arthur, 1989. P. 135, 138; Colafemmina, 2012. P. 3; Cesteros et al., 2016. P. 221. Fig. 12); в порту Классе в Равенне (Cirelli, 2014. P. 543. Fig. 8) и в Испании (Cesteros et al., 2016); в Хорват‘Узе, Хирбет Айядии (около Тель Кейсана), Джаламе, Сумаке, Сепфорисе и Капернауме (Hachlili, 2001. P. 110, 339–340, цит. по: Meyers C., Meyers E., 2016. P. 289; Meyers, 2018. P. 630–643). Амфоры ранневизантийского времени с изображением меноры известны и по раскопкам в Северном Причерноморье (Могаричев, 2003. С. 294, 295. Рис. 3), в том числе в Фанагории, где в ходе раскопок 2019 г. в слое пожара второй половины VI в. найдено две амфоры с дипинто в форме меноры (готовится публикация).

[3] Следует упомянуть опубликованную Н.П. Лихачевым свинцовую пломбу с изображением тельца и древнееврейской надписью “кошер”, предположительно найденную в городе Дрогичин (совр. г. Дрохичин-Надбужский в Польше) (Лихачев, 2014. С. 72. Рис. 50), который в конце XI–XIII в. играл важную роль в транзитной торговле Руси со странами Западной Европы.

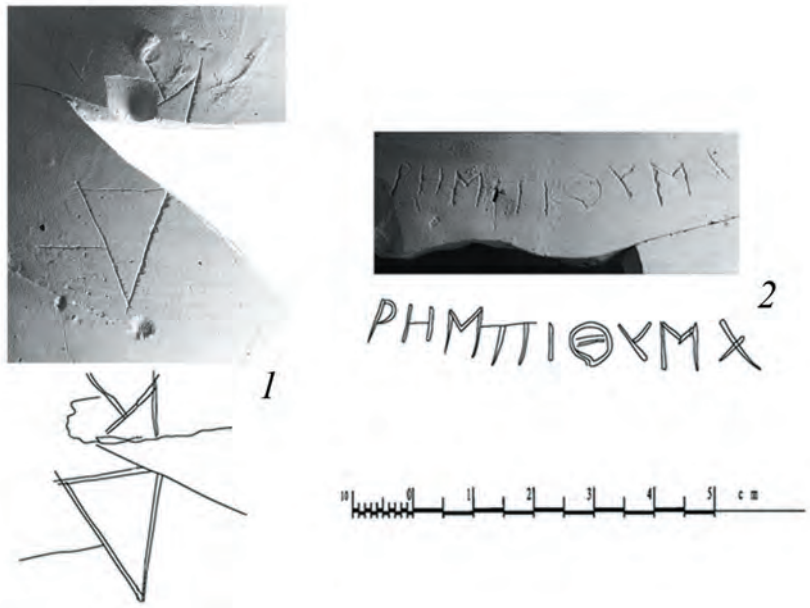


Рис. 3. Граффити на амфоре.
Fig. 3. Graffiti on the amphora

живущие", которых архиепископ надеется обратить в христианство (цит. по: Айбабин, 2017. С. 259). Иудеи Хазарии упоминаются в Житии Константина Философа в рассказе о хазарской миссии солунских братьев (Лавров, 1930. С. 11, 12).

Кроме того, известно, что еврейские колонии возникали в Восточной Европе вследствие гонений на евреев в Византийской империи сначала при Ираклии в 20-е годы VII в., затем при Льве III Исавре (717–741), что вызывало переселение евреев в Хазарию (Новосельцев, 1990. С. 152; Артамонов, 2001. С. 362). Арабский географ Ад-Димашки (1256–1327) со ссылкой на известного исламского историка Ибн ал-Асира (1160–1233 или 1234) сообщал, что ко времени правления Харуна ар-Рашида (правитель Аббасидского халифата в 786–809 гг.) византийский император изгнал из своего государства евреев, которые ушли в Хазарию, и там они обратили хазар в свою веру (Калинина, 2012. С. 54).

Однако археологические свидетельства присутствия иудеев как в Фанагории, так и на других памятниках, расположенных на территории Хазарии, до сих пор не выявлены (Флеров, Флерова, 2005; Петрухин, Флеров, 2010). Подавляющее большинство надгробий с иудейской символикой, найденных в Фанагории в последние годы, происходят из кладок домов VIII–IX вв., остальные найдены вне контекста (Люценко, 1880; Даньшин, 1993. С. 65; Кошеленко, 2010. С. 402). Исследовавший надписи на надгробиях Д.А. Хвольсон относил их к IV–VIII вв. (1884). Однако его датировкам не доверяют большинство современных исследователей[4]. Таким образом, публикуемая амфора – практически единственное археологическое свидетельство присутствия иудейской общины в Фанагории в так называемое хазарское время.

Учитывая внимание, с которым иудеи относились (и относятся) к производству кошерных продуктов и даже сосудов, в которых их хранили и перевозили, логично предположить, что рассматриваемую амфору в Фанагорию доставили купцы-иудеи. Из "Книги путей и стран"[5] арабоязычного автора IX в. Абу-л-Касима

[4] Большая коллекция надгробий с иудейской символикой из раскопок Фанагории ждет своего исследователя.

[5] Новый жанр географической литературы "Книги путей и стран" ("Китаб ал-масалик ва-л-мамалик"), созданный арабами во второй половине IX в. Этот тип географической литературы представлял собой дорожник с более или менее подробным перечислением караванных путей и торговых маршрутов, указанием расстояния между отдельными городами и торговыми центрами (Новосельцев, 2000. С. 281, 282). Ибн Хордадбех, по всей вероятности, был первым автором, написавшим книгу подобного рода (Велиханова, 1986. С. 3). Его труд дошел до нас в сокращенном варианте в двух списках (рукопись оксфордской Бодлеянской библиотеки; рукопись, хранящаяся в Австрийской национальной библиотеке в Вене), а также отрывок, обнаруженный в Оксфорде (Велиханова, 1986. С. 4, 17).

‘Убайдаллаха ибн Хурдадбеха и “Книги стран” арабского географа Ибн ал-Факиха аль-Хамазани известно об еврейских купцах-раданитах, которые играли большую роль в торговле между Востоком и Западом и принимали деятельное участие в протяженной и разветвленной системе международных экономических связей, окончательно сформировавшейся в течение VIII в. (Новосельцев, 1990. С. 152; Кулешов, 2016. С. 85).

Ибн Хордадбех происходил из знатной иранской фамилии, стоял близко ко двору халифа и какое-то время заведовал государственной почтой в провинции ал-Джибал (Северо-Западный Иран), что давало ему доступ в правительственные канцелярии и позволяло напрямую получать сведения от путешественников, воинов, купцов, дипломатов (Велиханова, 1986. С. 34). Все это говорит в пользу достоверности собранных им сведений, на которую указывает и тот факт, что отрывки из “Книги путей” приводят многие авторы IX–XI вв. (Кудама, Ибн Русте, ал-Джайхани, ал-Мас’уди, Гардизи, Ибн Хаукал, ал-Мукаддаси, ал-Идриси, ал-Бируни, Хамдаллах Казвини, ал-Калкашанди, Мухаммад Ашик и другие) (Велиханова, 1986. С. 16, 36).

“Книга стран” арабского географа Ибн ал-Факиха аль-Хамазани написана около 903 г., т.е. на два поколения позже Ибн Хордадбеха. Наличие в ней схожих с Ибн Хордадбехом фрагментов свидетельствует об использовании Ибн ал-Факихом его сочинения (Калинина, 2000. С. 114), хотя не исключено, что оба использовали один, предположительно сирийский, источник (Gil, 1976. P. 306).

Что конкретно под термином “раданиты” подразумевали Ибн Хордадбех, который называет их “ар-разанийа”, и Ибн ал-Факих, у которого они упоминаются под именем “рахданийа”, – особый клан или гильдию еврейских торговцев или это было общее название всех купцов-евреев, задействованных в транс-евразийской торговле, неясно.

Существуют разные мнения о происхождении как самого названия “раданиты”, так и купцов, известных под этим именем. Часть исследователей говорят о персидской этимологии термина: от местности Радхан, которая располагалась в Месопотамии на восточном берегу Тигра, была важным еврейским центром при персах и упоминается в арабских и древнееврейских текстах (Gil, 1976. P. 315, 322); от персидской фразы *rah dan*, означающей “знающие дорогу” (Rabinowitz, 1945. P. 254; Бартольд, 1966. С. 346),

Рис. 4. Свинцовая пломба с древнееврейской надписью.
Fig. 4. Lead seal with a Hebrew inscription

или персидского *rādānīya* – торговцы тканями (Gil, 1976. P. 300, 301). Есть мнение и о западном происхождении термина: от названия р. Рона (лат. *Rhodanus*) во Франции, которая, по свидетельству Ибн Хордадбеха, была отправной точкой всех маршрутов раданитов, из которой в древности плавали на Восток купцы, предположительно называвшиеся *Rhodanici* (Велиханова, 1986. С. 39; Gottesman, 2005. P. 763). Существует также мнение, что термин произошел от слова *veredarii*, т.е. курьер: купцы иногда выполняли функции дипломатических посыльных или переводчиков (Gil, 1976. P. 305).

Однако, несмотря на то что подавляющее большинство исследователей придерживаются мнения о персидской этимологии термина “раданиты”, вопрос об их происхождении до сих пор остается предметом дискуссий. Часть исследователей считают раданитов выходцами с Запада (обзор см. Gil, 1976. P. 305). Отмеченное Ибн Хордадбехом многоязычие раданитов (они “говорят по-арабски, по-персидски, по-гречески, по-франкски, по-испански и по-славянски” – Кулешов, 2016. С. 87) послужило обоснованием предположения, согласно которому раданиты составляли ассоциацию купцов-евреев разного происхождения (Rabinowitz, 1945. P. 253, 278). Последнее время ряд исследователей склоняются к тому, что Ибн Хордадбех имел в виду восточных купцов (см., например: Toch, 2005, 2014).

Считается, что особую роль раданиты стали играть после разделения мира на христианский и мусульманский, когда торговые пути между Востоком и Западом закрылись для всех купцов (европейским купцам-христианам часто запрещалось входить в мусульманские порты, а мусульманские торговцы не имели свободного доступа на рынки христианской Европы), за исключением иудеев, получивших привилегированный статус, разрешавший им как нейтральным посредникам свободно перемещаться между двумя мирами (Rabinowitz, 1945. P. 266; Gieysztor, 1987. P. 486; Lopez, 1987. P. 322; Gottesman, 2005. P. 763; Verhulst, 2008. P. 508).

Ибн Хордадбех говорит о четырех маршрутах раданитов. Все они начинались в Испании или Франции и заканчивались в Китае. Один из этих маршрутов проходил по территории Хазарии: "Позади Румии (или, по оксфордской рукописи, Арминии[6]) к областям славян, затем к Хамлиджу, городу хазар, далее через Каспийское море (море Джурджан) ... в Китай" (Калинина, 2009. С. 32). Земли, "позади" которых проходили купцы раданиты к "Хамлиджу", понимаются исследователями по-разному: под ними подразумеваются либо Армения Оксфордской рукописи, либо Италия или Византия (Рум) (Калинина, 2000. С. 111). Однако поток монет африканской чеканки конца VIII – первой четверти IX в. соответствует именно маршруту "позади Арминии", который шел с африканского побережья через Сирию и Закавказье (через Партав и Дербентский проход) в Хазарский каганат (Нахапетян, Фомин, 1992. С. 141, 142, 145; Калинина, 1993. С. 57, 58). Кратчайший путь от Дербента до Хамлиджа шел, как известно, вдоль западного берега Каспийского моря. Однако помимо описанного Хордадбехом маршрута было еще два. Один, сухопутный, шел через перевалы Западного и Центрального Кавказа (Иерусалимская, 1992. С. 12), второй, морской, – из Константинополя до портов Причерноморья и Приазовья (Калинина, 2000. С. 113). Разные варианты маршрутов позволяли торговцам выбирать наиболее выгодный, а главное, наименее в данный момент опасный путь, что зависело от политической ситуации, а также от времени года и погодных условий (Савченко, 1999. С. 136).

Все три пути проходили по территории Хазарии, которая была идеально расположена для выполнения роли посредника между Востоком и Западом и которой в этой торговле принадлежала в то время едва ли не ведущая роль (Новосельцев, 1993. С. 24).

С.А. Плетнева по картам конца XIX – начала XX в. восстановила несколько крупных путей, скрещивавшихся в районе Саркела. Один из них, видимо самый наезженный, шел на юго-восток к р. Салу, у которой он разветвлялся. Юго-восточная ветвь шла через Калмыкию в низовья Волги, а оттуда поворачивала на юг и вдоль берега Каспийского моря вела к Дербенту. Этот путь, по-видимому, описан Ибн Хордадбехом. Юго-западная дорога шла до Кубани, а затем вновь разветвлялась: одна сворачивала на запад – на Тамань и Крым, вторая вела на юг, к перевалам Северо-Западного Кавказа в Грузию, к портам Абхазии (Севастополис-Цхум, Питиунт-Пицунда). Не менее четко на старых картах указана дорога от нижнего течения Волги вдоль нижнего течения Дона по его левому берегу, которая соединяла Итиль с Приазовьем, Таманью и Крымом (Плетнева, 1996. С. 146; Савченко, 1999. С. 136).

Иудейские купцы не могли проигнорировать не упомянутый ибн Хордадбехом путь через порты Северного Причерноморья. Во-первых, города Северного Причерноморья были важными рынками рабов, относившихся к числу основных товаров раданитов. Именно торговля рабами, по мнению П. Фольца, привела их в контакт с хазарами, в руках которых были перевалочные пункты для захваченных в плен славян (Foltz, 1998. P. 12)[7], что было особенно важно для раданитов, так как евреи

[6] Под Арминией Ибн Хордадбех, а также ряд других арабских авторов IX–начала X в. (Балазури, аль-Якуби, Ибн аль-Факих и др.) подразумевали не только собственно армянские, но и все те земли, которые были завоеваны арабами на территории Закавказья (Велиханова, 1986. С. 291).

[7] Здесь следует заметить, что ряд исследователей акцентируют внимание на том, что все четыре описанные Ибн Хордадбехом маршрута идут в обход Византии, несмотря на то что в Константинополе располагался один из крупнейших рынков рабов. Объясняют этот факт довольно большими налогами, которые установила Византия на торговлю рабами, и раданиты предпочитали идти в обход Византии, а не через Эгейское море и Константинополь. Такая же ситуация была и на Черном море, где контроль Византии над Трапезундом отодвинул маршрут, по которому везли рабов из Руси к арабам, далее на восток, к Каспийскому морю, что точно совпадает с четвертым маршрутом Ибн Хордадбеха (Rotman, 2016. P. 137, 138). Однако для нас важен тот факт, что при описании одного из маршрутов Ибн Хордадбех все же упоминает Константинополь как один из центров, посещаемых раданитами для торговли специями (Ибн Хордадбех, 1986. С. 124), что не исключает в нашем случае возможности попадания рассматриваемой амфоры через причерноморские центры.

при покупке рабов были ограничены рядом запретов: евреи, жившие на мусульманских территориях, не могли покупать рабов-мусульман, а византийские евреи, соответственно, рабов-христиан, т.е. они были вправе приобретать только рабов из “третьих стран” (Rotman, 2016. P. 135). Во-вторых, во многих городах и поселениях Северного Причерноморья как минимум с I в. н.э. (Гайдукевич, 1945. С. 364; Шелов, 1978. С. 49; Даньшин, 1993. С. 62, 63, 68, 69; Levinskaya, Tokhtas’yev, 1996; Кашовская, Кашаев, 2004; Кашаев, Кашовская, 2008; Кошеленко, 2010. С. 402; Калинина, 2012. С. 53; Золотарев и др., 2013; Айбабин, 2016. С. 12–16) существовали большие еврейские общины, которые играли в торговле раданитов очень важную роль. Именно на процветающие еврейские общины, которые тянулись вдоль всех торговых маршрутов от Испании до Китая, они опирались во время своих путешествий и в своей экономической деятельности (Rabiniwitz, 1948. P. 86, 138). Более того, не исключено, что раданиты способствовали учреждению новых еврейских общин в разных точках вдоль своих торговых путей (Gottesman, 2005. P. 764). Возможно именно раданиты, как считают ряд исследователей, сыграли большую роль в принятии иудаизма хазарской элитой (Pritsak, 1978. P. 280, 281; Новосельцев, 1993. С. 24; Кулешов, 2016. С. 88) в начале 60-х годов IX в. (Айбабин, 1999. С. 222; Цукерман, 2002. P. 764). Во всяком случае, этому немало способствовали значительные коммерческие выгоды, которые давал нейтральный религиозный статус иудеев.

Таким образом, публикуемая амфора из раскопок Фанагории на сегодняшний день – едва ли не единственное археологическое свидетельство присутствия в городе в “хазарское” время иудейской общины. Последняя скорее всего состояла главным образом из этнических евреев, как потомков евреев, живших в городе еще в римское время, так и прибывших сюда позже, в частности из-за гонений в Византийской империи. При этом нельзя исключать присутствие в общине некоторого, скорее всего весьма небольшого количества прозелитов. Несомненно, в данной амфоре был доставлен кошерный продукт[8], что удостоверяется не только наличием древнееврейской надписи на свинцовой пломбе, но и ее содержанием. Как сама амфора, так и ее содержимое скорее всего были произведены иудейской общиной. Возможно, именно это объясняет уникальность самого сосуда, аналогии которому пока найти не удалось, и до сих пор неизвестный способ его клеймения. Логично предположить, что в Фанагорию амфора была доставлена еврейскими купцами-раданитами, для которых подобная продукция была не основным[9], а, выражаясь современным языком, сопутствующим товаром.

Автор признателен руководителю раскопок В.Д. Кузнецову за возможность опубликовать материал из его раскопок, археологу Службы Древностей Израиля Яне Чехановец за неоценимую помощь в работе, а также профессору Шаулю Шакеду за прочтение надписи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-410201.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 351 с.

Айбабин А.И. Еврейская община в позднеантичном Пантикапее и раннесредневековом Боспоре // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь: Деметра, 2016. С. 12–16.

Айбабин А.И. На границе Византийской империи и Хазарского каганата. Конец VII–IX в. // История Крыма. Т. 1 / Ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2017. С. 248–277.

Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Лань, 2001. 560 с.

Бартольд В.В. Карл Великий и Харун ар-Рашид // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 6 / Подгот. изд. А.Б Халидов; ред. И.Н. Ванников. М.: Наука, 1966. С. 342–364.

Велиханова Н.М. Предисловие. Введение в изучение памятника. Комментарии и примечания // Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент. и примеч. Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. С. 3–4, 16–39, 142–427.

[8] Скорее всего, таким продуктом было вино (см. Приложение А.Ю. Виноградова). К сожалению, после очистки сильно заизвесткованной амфоры в процессе реставрации сделать анализ на содержимое амфоры не представляется возможным.

[9] По сведениям Ибн Хордадбеха, раданиты “привозят с Запада евнухов-рабов, девушек-рабынь, юношей-рабов, парчу, заячий мех, ценную пушнину, соболей и мечи. ... Из Китая они вывозят мускус, алоэ, камфору, корицу и другие товары, которые вывозятся из тех областей” (Кулешов, 2016. С. 87).

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.

Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., Оленина Е.Ф. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского проекта 1994–1998 гг. М.; Севастополь: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. 508 с.

Даньшин Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1 (204). С. 59–72.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.

Иерусалимская А.А. Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб.: ГЭ, 1992. 70 с.

Калинина Т.М. Еще раз о маршрутах еврейских купцов по данным Ибн Хордадбеха // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века – начало Нового времени: сб. тез. XII чтений памяти В.Д. Королюка. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1993. С. 56–58.

Калинина Т.М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год / Ред. Т.М. Калинина. М.: Вост. литература, 2000. С. 106–119.

Калинина Т.М. Первые географические сочинения описательного характера // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 24–35.

Калинина Т.М. Символы сакральной власти в Хазарии // Sacrum et Profanum. Вып. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне / Ред.-сост. Н.А. Алексеенко, Х. Хоффманн. Севастополь: СПД Арефьев, 2012. С. 53–59.

Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Культовый комплекс (СК-6) и эпиграфические материалы с поселения Вышестеблиевская-11 // Древности Боспора. 12/I. М.: ИА РАН, 2008. С. 340–362.

Кашовская Н., Кашаев С. Иудаизм на Боспоре – археологический контекст // Материалы XI ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М., 2004. С. 13–23.

Кошеленко Г.А. Религия и культы // Античное наследие Кубани. II / Ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 354–416.

Кулешов В.С. Средиземноморье, Балканы и Восточная Европа: памятники монетного обращения еврейских общин (VIII–XIII века) // Белградский сборник (К XXIII Междунар. конгрессу византинистов. Белград, Сербия, 22–27 августа 2006). СПб.: Изд-во ГЭ, 2016 (Труды ГЭ; LXXX). С. 85–104.

Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. 200 с.

Лихачев Н.П. Избранные труды. Т. I: Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.

Люценко А.Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов. Т. I. СПб., 1876. С. 577–580.

Могаричев Ю.М. К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму // Херсонесский сборник. XII. Севастополь, 2003. С. 287–300.

Нахапетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 год. М., 1992. С. 139–208.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 263 с.

Новосельцев А.П. Евреи в Хазарии // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века – начало Нового времени: сб. тез. XII чтений памяти В.Д. Королюка. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1993. С. 24–25.

Новосельцев А.П. Древняя Русь, Кавказ и Закавказье в восточных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год / Ред. Т.М. Калинина. М.: Вост. литература, 2000. С. 264–323.

Новосельцев А.П. Хазарский каганат. М.: Ломоносов, 2018. 264 с.

Петрухин В., Флеров В. Иудаизм в Хазарии по данным археологии // История еврейского народа в России. Т. 1: От древности до раннего нового времени. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2010. С. 151–163.

Плетнева С.А. Саркел и “шелковый” путь. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 168 с.

Савченко Е.И. Мощевая Балка – узловой пункт Великого шелкового пути на Северном Кавказе // СА. 1999. № 1. С. 125–141.

Флеров В.С., Флерова В.Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары: материалы Первого и Второго международных коллоквиумов / Ред. В. Петрухин, В. Москович и др. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 185–207.

Флерова В.Е. Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 172 с.

Хвольсон Д.А. Сборникъ еврейскихъ надписей, содержащій надгробныя надписи изъ Крыма и надгробныя и другія надписи изъ иныхъ местъ, в древнемъ еврейскомъ квадратномъ шрифтъ,

также и образцы шрифтовъ изъ рукописей отъ IX–XV столѣтія. СПб.: Тип. Имп. АН, 1884. 528 с.

Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. IX. Симферополь: Таврия, 2002. С. 521–534.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора: тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. 215 с.

Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: Таус, 2008. 326 с.

Шелов Д.Б. Личные имена на амфорах из Танаиса // Нумизматика и эпиграфика. XII. М., 1978. С. 47–55.

Arthur P. Some Observations on the Economy of Bruttium under the Later Roman Empire // Journal of Roman Archaeology. 1989. V. 2. P. 133–142.

Cesteros H.G., Almeida R.R. de, Costello J.C. Special Fish Products for the Jewish Community? A Painted Inscription on a Beltran 72 Amphora from Augusta Emerita (Mérida, Spain) // Herom. Journal on Hellenistic and Roman Material Culture. 2016. V. 5, iss. 2. P. 196–236.

Cirelli E. Typology and Diffusion of Amphorae in Ravenna and Classe between the 5th and the 8th Centuries AD // LRCW 4 Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers. Proceedings of the Conference, Thessaloniki, 7–10 april 2011. Vol. I / Eds N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford: Archaeopress, 2014 (BAR International Series; 2616 (I)). P. 541–552.

Colafemmina C. The Jews in Calabria. Leiden; Boston: Brill, 2012 (Studia Post Biblica; book 49). 699 p.

Foltz R. Judaism and the Silk Route // The History Teacher. 1998. V. 32. № 1. P. 9–16.

Gieysztor A. Trade and Industry in Eastern Europe Before 1200 // The Cambridge Economic History of Europe. II / Eds E. Miller, C. Postan, M. Postan. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 485–487.

Gil M. The Rādhānite Merchants and the Land of Rādhān // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1976. V. XVII. № 3. P. 299–328.

Gottesman B.M. Radanites // Encyclopedia of World Trade from Ancient Times to the Present. Vol. 3 / Ed. C.C. Northrup. L.; N.Y.: Routledge, 2005. P. 763–764.

Hachlili R. The Menorah – The Ancient Seven-Armed Candelabrum: Origin, Form, and Significance. Leiden, 2001 (Journal for the Study of Judaism; Suppl. 68). 664 p.

Hachlili R. The Menorah. Evolving into the Most Important Jewish Symbol. Leiden, Boston: Brill, 2018. 294 p.

Levinskaya I.A., Tokhtas'yev S.R. Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom // Studies on the Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman Periods / Eds B. Isaac, A. Oppenheimer. Tel-Aviv University: Ramot Publishing, 1996 (TE'UDA; XII). P. 55–73.

Lopez R.S. The Trade of Medieval Europe: the South // The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire II / Eds E. Miller, C. Postan, M. Postan. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 306–401.

Meyers C.L. Menorahs Incised or Painted on Ceramic Vessels // The Architecture, Stratigraphy, and Artifacts of the Western Summit of Sepphoris (Duke Sepphoris Excavation Reports III) / Eds E.M. Meyers, C.L. Meyers, B.D. Gordon. Eisenbrauns: Univ. Park, 2018. P. 630–643.

Meyers C.L., Meyers E.M. Images and Identity. Menorah Representation at Sepphoris // Viewing Ancient Jewish Art and Archaeology. VeHinnei Rachel – Essays in Honor of Rachel Hachlili / Eds A.E. Killebrew, G. Fasbeck. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 384–400.

Pritsak O. The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism // Harvard Ukrainian Studies. 1978. V. 2. № 3. P. 261–281.

Rabinowitz L. The Routes of the Radanites // Jewish Quarterly Review. 1945. V. 35. № 3. P. 251–280.

Rotman Y. Byzantium and the International Slave Trade in the Central Middle Ages // Trade in Byzantium. Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium / Eds P. Magdalino, N. Necipoğlu. Istanbul, 2016. P. 129–142.

Toch M. The Jews in Europe, 500–1050 // The New Cambridge Medieval History. Vol. I / Ed. P. Fouracre. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. P. 545–570.

Toch M. Was There a Jewish Slave Trade (or Commercial Monopoly) in the Early Middle Ages? // Mediterranean Slavery Revisited (500–1800) / Eds S. Hanß, J. Schiel. Zürich: Chronos, 2014. P. 421–444.

Verhulst A. Economic Organisation // The New Cambridge Medieval History. Vol. II. C. 700–900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. P. 481–509.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАФФИТО НА АМФОРЕ ИЗ ФАНАГОРИИ

А.Ю. Виноградов

Рассматриваемая надпись находится на стенке фанагорийской амфоры (находка 2015 г.) и сохранилась целиком, несмотря на обломы слева и снизу (рис. 4). Однострочное граффито процарапано после обжига. Буквы высотой 0.5–0.9 см вырезаны аккуратно, но не всегда: у пи левая вертикаль удлинена, тета или омикрон (см. ниже) имеет форму листа плюща, три первые буквы чуть поставлены выше остальных – вероятно, резчик сдвинул руку. Альфа с петлей, пи с удлиненной перекладиной, ипсилон – У-образный, зеркальный, что указывает на невысокую грамотность автора. Форма букв не дает оснований для точной палеографической датировки.

Надпись читается хорошо, за исключением шестой слева буквы: двойная перекладина необычна для теты, и это может быть также омикрон, пришедшийся на двойной след от обработки на гончарном круге, какие видны и выше, – впрочем, одна из этих черт может быть и перекладиной теты. В зависимости от этого надпись может читаться двояко: ΡΗΜΠΙΘΥΜΑ resp. ΡΗΜΠΙΟΥΜΑ.

Данное слово не находит себе зафиксированных аналогий в греческом языке; не удается и разделить его непротиворечиво на части. При этом чередование гласных и согласных и морфологический облик слова указывают на то, что это не тайнопись. Соответственно для решения этой лингвистической загадки приходится предполагать здесь либо передачу иноязычного слова или имени, либо измененную (в том числе из-за итацизма) форму некоего греческого слова (или слов). В качестве рабочих гипотез выделим следующие варианты.

Первый – ῥιμπίθημα < ср.-греч. ῥιβί(ν)θια/ῥεβίθια (< др.-греч. ἐρεβίνθιον) “нут” (*Cicer arietinum*); фонетические варианты см. в словаре Э. Криараса (Κριαρᾶς, 1978. Σ. 262). В таком случае слово ῥιμπίθημα должно обозначать некую совокупность нута или продукт из него. Однако такой вариант очень мало вероятен, так как новые существительные на -μα в греческом языке образуются только от глаголов (Schwyzer, 1977. S. 522–524).

Второй – ῥιμπή-θυμα < греч. ῥίμβα “крупный гранат” (Hesychius, s.v.)[10] + θύμα (plur.) “тимьян, напиток из тимьяна, меда и уксуса”[11]. В этом варианте слово ῥιμπήθυμα должно означать скорее всего напиток (вино?) из граната с тимьяном: обозначение продукта во мн. ч. обычно для греческого языка (база данных Thesaurus linguae graecae дает 73 контекста для θύμα). Морфологически облик слова не вызывает вопросов: ср. схожий композит χαρή-θυμος “приятный, радующий душу” < χαρά “радость” + θυμός “дух”.

Третий – основа ῥιμπ- демонстрирует сходство со ср.-лат. ribes “смородина” (< араб. rībās “ревень”). При таком прочтении слово ῥιμπίουμα могло бы означать некий продукт из смородины или ревеня. Однако почти невероятной делает данную версию модель слова на -ουμα, известная только для существительных, производных от глаголов на -ουω. Впрочем, здесь, как и в предыдущем случае, можно было бы предположить форму ῥιμπή-θυμα в значении “смородина с тимьяном/ревень с тимьяном”.

Однако из трех (или даже четырех) этих вариантов первый и третий помимо морфологических сложностей практически исключает также историческая фонетика греческого языка. Дело в том, что, по верному замечанию С.Р. Тохтасьева (2019. Прим. 1195), в IX в., к которому относится данная амфора, сочетание μπ передавало еще не *v* (как в греч. ῥιβίθια=*rivithia*) или *b* (как в лат. ribes, араб. rībās), как с XII в. и далее, а *m/n* + *p/b*, как явствует из многочисленных иноязычных заимствований этого периода: Μάμπαλις (Constantinus Porphyrogenites. De administrando imperio 46.3) < арм. mamp‘ali, Ἀμπίερ (Ioannes Scylitzes. Epitome historiarum 438, 70) < арм. Anberd/Amberd, Μέμπετζε (Leo Diaconus. Historia 71, 13) < араб. Manbiğ/Mambiğ, κομπινεύω (Constantinus Porphyrogenites. De expeditionibus. C. 334, 346, 348, 369) < лат. combino. Три последних примера показывают, что μπ в фонетическом отношении оказывается равнозначно μβ (ср. Συμβάτιος < арм. Smbat, Φαλεμβέρτος (Constantinus Porphyrogenites. De administrando imperio 26.55) < лат. Flambertus), которое, однако, в отличие от μπ могло передавать и *b* (см., например: Αἴθριβος (Constantinus

[10] Вариант ῥέμβη “блуждание” (с обычным переходом *e* > *i*, см. выше, о ῥιβί(ν)θια/ῥεβίθια) не подходит здесь по контексту.

[11] Вариант θῦμα “жертва” не подходит здесь по контексту.

Porphyrogenites. De administrando imperio 14.28, 17.14 etc.) / Ἔθριμβον (Pseudo-Methodius Pataренsis. Apocalypsis 31, 9; 41, 3) < араб. Yaṯrib). Взаимозаменяемость μβ и μπ в передаче *m/n* + *p/b* демонстрирует такой пример, как κομπόνεις вместо κομβώνεις (Symeon Magister. Chronicon 102.10).

Таким образом, единственным фонетически приемлемым вариантом в рассматриваемом случае оказывается ῥίμβα "крупный гранат" – также, очевидно, заимствованное слово, где μβ может вполне соответствовать μπ. Поскольку же, как было показано, форма на -ουμα в данном случае исключается, то в качестве возможного прочтения надписи нам остается предположить только описанный выше вариант ῥιμπή-θυμα "гранатовый напиток с тимьяном".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Тохтасьев С.Р. Язык трактата Константина Багрянородного De administrando imperio и его иноязычная лексика. СПб.: Наука, 2019. 679 с.

Schwyzer E. Griechische Grammatik. Bd. I. München, 1977. 414 S.

Κριαράς Ε. Λεξικό της Μεσαιωνικής Ελληνικής Δημώδους Γραμματείας (1100–1669). Τ. 6. Θεσσαλονίκη, 1978. 1388 σ.

EARLY MEDIEVAL AMPHORA WITH A HEBREW INSCRIPTION ON THE LEAD SEAL FROM PHANAGORIA

Larisa A. Golofast

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: larisa_golofast@mail.ru

The article presents an amphora found in Phanagoria in the layer of the last quarter of the 9th–early 10th century. It bears a dipinto in black and two graffiti (its interpretation by A.Yu. Vinogradov is given in the Supplement). Of great interest is the lead seal inserted into one of its handles with a Hebrew inscription interpreted by Prof. Shaul Shaked. The practice of stamping amphorae with lead seals was never used in antique or medieval periods which makes this find really unique. The Hebrew language was not intended for everyday communication and was usually used for cult and ritual purposes. Hebrew inscriptions and Judaic symbols on amphorae were sings of the kosher product contained in it. Moreover, the vessels themselves were also produced according to special rules, most likely, within Jewish communities for transportation of such products and supply of other Jewish communities. Thus, the amphora can be regarded as the archaeological evidence of the presence of the Judaic community in Phanagoria in the "Khazarian" period. Taking into account the significance the Jews attached to the production and transportation of kosher products it is logical to suppose that amphora was brought to Phanagoria by Jewish merchants, the Radhanites, known from the "Book of Roads and Kingdoms" by ibn Hordadbeh (IX c.) and "Concise Book of Lands" by ibn al-Faqih (903).

Keywords: Phanagoria, early medieval period, amphora, lead seal, Hebrew inscription, Radhanites.

REFERENCES

Artamonov M.I., 2001. Istoriya khazar [History of the Khazars]. St. Petersburg: Lan'. 560 p.

Arthur P., 1989. Some Observations on the Economy of Bruttium under the Later Roman Empire. *Journal of Roman Archaeology*, 2, pp. 133–142.

Aybabin A.I., 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol': Dar. 351 p.

Aybabin A.I., 2016. The Jewish community in the late Antique Panticapaeum and the early medieval Bosporus. *XVII Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya [XVII Bosporan readings. The Cimmerian Bosporus and barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Researchers and research].* Kerch': Demetra, pp. 12–16. (In Russ.)

Aybabin A.I., 2017. On the border of the Byzantine Empire and the Khazar Khaganate. The late 7th–9th century. *Istoriya Kryma [History of the Crimea]*, 1. A.V. Yurasov, ed. Moscow: Kuchkovo pole, pp. 248–277. (In Russ.)

Bartol'd V.V., 1966. Charlemagne and Harun ar-Rashid. *Bartol'd V.V. Sochineniya [Works]*, 6. A.B Khalidov,

I.N. Vannikov, eds. Moscow: Nauka, pp. 342–364. (In Russ.)

Cesteros H.G., Almeida R.R. de, Costello J.C., 2016. Special Fish Products for the Jewish Community? A Painted Inscription on a Beltran 72 Amphora from Augusta Emerita (Mérida, Spain). *Herom. Journal on Hellenistic and Roman Material Culture*, vol. 5, iss. 2, pp. 196–236.

Chichurov I.S., 1980. Vizantiyskiye istoricheskiye sochineniya: "Khronografiya" Feofana, "Breviariy" Nikifora: teksty, perevod, kommentariy [Byzantine historical writings: The Chronicle of Theophanes, The Breviary of Nicephorus: Texts, translation, commentary]. Moscow: Nauka. 215 p.

Chkhaidze V.N., 2008. Tamatarkha. Rannesrednevekovyy gorod na Tamanskom poluostrove [Tamatarkha. An early medieval town on Taman Peninsula]. Moscow: Taus. 326 p.

Cirelli E., 2014. Typology and Diffusion of Amphorae in Ravenna and Classe between the 5th and the 8th Centuries AD. *LRCW 4 Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers. Proceedings of the Conference, Thessaloniki, 7–10 april 2011*, vol. I. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou, eds. Oxford: Archaeopress, pp. 541–552. (BAR International Series, 2616 (I)).

Colafemmina C., 2012. The Jews in Calabria. Leiden; Boston: Brill. 699 p. (Studia Post Biblica, 49).

Dan'shin D.I., 1993. The Jewish community of Fanagoria. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 1 (204), pp. 59–72. (In Russ.)

Flerov V.S., Flerova V.E., 2005. Judaism in the steppe and forest-steppe Khazaria: the issue of identifying archaeological sources. *Khazary: materialy Pervogo i Vtorogo mezhdunarodnykh kollokviumov [Khazars: Proceed. of the 1st and 2nd intern. conferences]*. V. Petrukhin, V. Moskovich, eds. Moscow: Mosty kul'tury; Iyerusalim: Gesharim, pp. 185–207. (In Russ.)

Flerova V.E., 1997. Graffiti Khazarii [Graffiti of Khazaria]. Moscow: Editorial URSS. 172 p.

Foltz R., 1998. Judaism and the Silk Route. *The History Teacher*, vol. 32, no. 1, pp. 9–16.

Gaydukevich V.F., 1949. Bosporskoye tsarstvo [Kingdom of the Bosporus]. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR. 624 p.

Gieysztor A., 1987. Trade and Industry in Eastern Europe Before 1200. *The Cambridge Economic History of Europe*, II. E. Miller, C. Postan, M. Postan, eds. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 485–487.

Gil M., 1976. The Rādhānite Merchants and the Land of Rādhān. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, vol. XVII, no. 3, pp. 299–328.

Gottesman B.M., 2005. Radanites. *Encyclopedia of World Trade from Ancient Times to the Present*, vol. 3. C.C. Northrup, eds. London; New York: Routledge, pp. 763–764.

Hachlili R., 2001. The Menorah – The Ancient Seven-Armed Candelabrum: Origin, Form, and Significance. Leiden. 664 p. (Journal for the Study of Judaism, Suppl. 68).

Hachlili R., 2018. The Menorah. Evolving into the Most Important Jewish Symbol. Leiden, Boston: Brill. 294 p.

Ibn Khordadbekh, 1986. Kniga putey i stran [The book of roads and kingdoms]. N. Velikhanova, ed. Baku: Elm. 428 p.

Iyerusalimskaya A.A., 1992. Kavkaz na shelkovom puti. Katalog vremennoy vystavki [Caucasus on the Silk Route. Temporary exhibition catalogue]. St. Petersburg: GE. 70 p.

Kalinina T.M., 1993. The routes of Jewish merchants according to Ibn Khordadbeh, the issue revisited. *Slavyane i ikh sosedi. Evreyskoye naseleniye Tsentral'noy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy: sredniye veka – nachalo Novogo vremeni: sbornik tezisov XII chteniy pamyati V.D. Korolyuka [Slavs and their neighbors. The Jewish population of Central, Eastern and Southeastern Europe: the Middle Ages – the beginning of the Modern Age: Abstracts of the XII readings in memory of V.D. Korolyuk]*. Moscow: In-t slavyanovedeniya i balkanistiki, pp. 56–58. (In Russ.)

Kalinina T.M., 2000. Notes on trade in Eastern Europe according to Arab scholars of the 9th–10th centuries. *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy [Earliest states of Eastern Europe]*, 1998 god. T.M. Kalinina, ed. Moscow: Vost. literatura, pp. 106–119. (In Russ.)

Kalinina T.M., 2009. The first geographical writings of a descriptive nature. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: khrestomatiya [Rus in the light of foreign sources: anthology], III. Vostochnyye istochniki [Oriental sources]*. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, pp. 24–35. (In Russ.)

Kalinina T.M., 2012. Symbols of sacral power in Khazaria. *Sacrum et Profanum, V. Pamyat' v vekakh: ot semeynoy relikvii k natsional'noy svyatyne [Memory in centuries: from a heirloom to a national shrine]*. N.A. Alekseyenko, Kh. Khoffmann, ed., comp. Sevastopol': SPD Aref'yev, pp. 53–59. (In Russ.)

Kashayev S.V., Kashovskaya N.V., 2008. A cult complex (SK-6) and epigraphic materials from the settlement Vyshesteblievskaya-11. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 12/I. Moscow: IA RAN, pp. 340–362. (In Russ.)

Kashovskaya N., Kashayev S., 2004. Judaism on the Bosporus – an archaeological context. *Materialy XI ezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaike [Proceed. of the XI annual*

intern. interdisciplinary conference on Jewish studies], 1. Moscow, pp. 13–23. (In Russ.)

Khvol'son D.A., 1884. Sbornik" evreyskikh" nadpisey, soderzhashchiy nadgrobnyya nadpisi iz" Kryma i nadgrobnyya i drugiya nadpisi iz" inykh" mest", v drevnem" evreyskom" kvadratnom" shrift", takzhe i obraztsy shriftov" iz" rukopisey ot" IX–XV stol"tiya [Collection of Jewish inscriptions containing gravestone inscriptions from the Crimea and gravestone and other inscriptions from other places in the ancient Jewish square letters, together with script from manuscripts of the 9th–15th centuries]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk. 528 p.

Koshelenko G.A., 2010. Religion and cults. *Antichnoye naslediye Kubani [Antique heritage of the Kuban]*, II. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 354–416. (In Russ.)

Kuleshov V.S., 2016. The Mediterranean, Balkans and Eastern Europe: sites of coin circulation of Jewish communities (the 8th–13th centuries). *Belgradskiy sbornik (K XXIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. Belgrad, Serbiya, 22–27 avgusta 2006) [Belgrade collection (To the XXIII Intern. Congress of Byzantine studies. Belgrade, Serbia, August 22–27, 2006)]*. St. Petersburg: Izd. GE, pp. 85–104. (Trudy Gos. Ermitazha, LXXX). (In Russ.)

Lavrov P.A., 1930. Materialy po istorii vozniknoveniya drevneyshey slavyanskoy pis'mennosti [Materials on the history of origin of the ancient Slavic script]. Leningrad. 200 p.

Levinskaya I.A., Tokhtas'yev S.R., 1996. Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom. *Studies on the Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman Periods*. B. Isaac, A. Oppenheimer, eds. Tel-Aviv University: Ramot Publishing, pp. 55–73. (TE'UDA, XII).

Likhachev N.P., 2014. Izbrannyye trudy [Selected works], I. Materialy dlya istorii vizantiyskoy i russkoy sfragistiki [Materials for the history of Byzantine and Russian sphragistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 496 p.

Lopez R.S., 1987. The Trade of Medieval Europe: the South. *The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire II*. E. Miller, C. Postan, M. Postan, eds. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 306–401.

Lyutsenko A.E., 1876. Ancient Jewish tombstones found in the mounds of the Phanagoria fortified settlement. *Trudy III Mezhdunarodnogo s"yezda oriyentalistov [Works of the III Intern. Congress of Oriental Studies]*, I. St. Petersburg, pp. 577–580. (In Russ.)

Meyers C.L., 2018. Menorahs Incised or Painted on Ceramic Vessels. *The Architecture, Stratigraphy, and Artifacts of the Western Summit of Sepphoris (Duke Sepphoris Excavation Reports III)*. E.M. Meyers, C.L. Meyers, B.D. Gordon, eds. Eisenbrauns: Univ. Park, pp. 630–643.

Meyers C.L., Meyers E.M., 2016. Images and Identity. Menorah Representation at Sepphoris. *Viewing Ancient Jewish Art and Archaeology. VeHinnei Rachel – Essays in Honor of Rachel Hachlili*. A.E. Killebrew, G. Fasbeck, eds. Leiden; Boston: Brill, pp. 384–400.

Mogarichev Yu.M., 2003. On the early medieval Jewish communities in the Crimea. *Khersonesskiy sbornik [The Chersonese collection of articles]*, XII. Sevastopol', pp. 287–300. (In Russ.)

Nakhapetyan V.E., Fomin A.V., 1992. Graffiti on al-Kufa coins circulating in Europe in the 9th–10th centuries. *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy [Earliest states of Eastern Europe]*, 1991 god. Moscow, pp. 139–208. (In Russ.)

Novosel'tsev A.P., 1990. Khazarskoye gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza [The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow: Nauka. 263 p.

Novosel'tsev A.P., 1993. Jews in Khazaria. *Slavyane i ikh sosedi. Evreyskoye naseleniye Tsentral'noy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy: sredniye veka – nachalo Novogo vremeni: sbornik tezisov XII chteniy pamyati V.D. Korolyuka [Slavs and their neighbors. The Jewish population of Central, Eastern and Southeastern Europe: the Middle Ages – the beginning of the Modern Age: Abstracts of the XII readings in memory of V.D. Korolyuk]*. Moscow: In-t slavyanovedeniya i balkanistiki, pp. 24–25. (In Russ.)

Novosel'tsev A.P., 2000. Rus, the Caucasus and Transcaucasia in Oriental sources. *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy [Earliest states of Eastern Europe]*, 1998 god. T.M. Kalinina, ed. Moscow: Vost. literatura, pp. 264–323. (In Russ.)

Novosel'tsev A.P., 2018. Khazarskiy kaganat [Khazar Khaganate]. Moscow: Lomonosov. 264 p.

Petrukhin V., Flerov V., 2010. Judaism in Khazaria based on archaeological data. *Istoriya evreyskogo naroda v Rossii [History of the Jews in Russia], 1. Ot drevnosti do rannego novogo vremeni [From the Antiquity to the early Modern Age]*. Moscow: Mosty kul'tury; Iyerusalim: Gesharim, pp. 151–163. (In Russ.)

Pletneva S.A., 1996. Sarkel i "shelkovyy" put' [Sarkel and the Silk Route]. Voronezh: Izd. VGU. 168 p.

Pritsak O., 1978. The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism. *Harvard Ukrainian Studies*, vol. 2, no. 3, pp. 261–281.

Rabinowitz L., 1945. The Routes of the Radanites. *Jewish Quarterly Review*, vol. 35, no. 3, pp. 251–280.

Rotman Y., 2016. Byzantium and the International Slave Trade in the Central Middle Ages. *Trade in Byzantium. Papers from the Third Intern. Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium*. P. Magdalino, N. Necipoğlu, eds. Istanbul, pp. 129–142.

Savchenko E.I., 1999. Moshchevaya Balka as a key centre of the Great Silk Way in the North Caucasus. *RA [Russian archaeology]*, 1, pp. 125–141. (In Russ.)

Shelov D.B., 1978. Personal names on amphorae from Tanais. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]*, XII. Moscow, pp. 47–55. (In Russ.)

Toch M., 2005. The Jews in Europe, 500–1050. *The New Cambridge Medieval History*, I. P. Fouracre, ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 545–570.

Toch M., 2014. Was There a Jewish Slave Trade (or Commercial Monopoly) in the Early Middle Ages? Mediterranean Slavery Revisited (500–1800). S. Hanß, J. Schiel, eds. Zürich: Chronos, pp. 421–444.

Tsukerman K., 2002. On the origin of the dual power among the Khazars and the circumstances of their conversion to Judaism. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica]*, IX. Simferopol': Tavriya, pp. 521–534. (In Russ.)

Velikhanova N.M., 1986. Foreword. Introduction to studying the monument. Comments and notes. *Ibn Khordadbekh. Kniga putey i stran [The book of roads and kingdoms].* N. Velikhanova, ed. Baku: Elm, pp. 3–4, 16–39, 142–427. (In Russ.)

Verhulst A., 2008. Economic Organisation. *The New Cambridge Medieval History*, II. C. 700–900. R. McKitterick, ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 481–509.

Zolotarev M.I., Korobkov D.Yu., Ushakov C.V., Maklennan R., Overman A., Oliv'ye Dzh., Edvards D., Linstrom G., Olenina E.F., 2013. Drevnyaya sinagoga v Khersonese Tavricheskom: Materialy i issledovaniya Prichernomorskogo proyekta 1994–1998 gg. [The ancient synagogue in Tauric Chersonesos: Materials and studies of the 1994–1998 Black Sea Region Project]. Moscow; Sevastopol': Un-t Dmitriya Pozharskogo. 508 p.

SUPPLEMENT

Κριαράς Ε., 1978. Λεξικό της Μεσαιωνικής Ελληνικής Δημώδους Γραμματείας (1100–1669), 6. Θεσσαλονίκη. 1388 σ.

Schwyzer E., 1977. Griechische Grammatik, I. München. 414 p.

Tokhtac'yev S.R., 2019. Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo De administrando imperio i ego inoyazychnaya leksika [The language of the treatise of Constantine Porphyrogennetos De administrando imperio and its borrowed vocabulary]. St. Petersburg: Nauka. 679 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 173–188

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЪЕКТ “ПАНЧМАНОР” НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДИЩЕ КАЛАИ КУХНА (КАРОН) В ДАРВАЗЕ

© 2020 г. Л.О. Смирнова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: smirnova@hermitage.ru

Поступила в редакцию 29.08.2019 г.

В 2012 г. в Дарвазе (Южный Таджикистан) были начаты исследования городища Калаи Кухна (Карон). Его датировка вызывала споры, в том числе и среди участников раскопок. Памятник в целом представляет большую сложность для работы. Очевидно, что он формировался в течение длительного времени, представляет собой совокупность объектов и архитектурных построек разного назначения – от кочевнического кургана до конструкций позднего средневековья. Автор статьи придерживается мнения, что все раскопанные в 2012–2014 гг. объекты относятся к периоду конца XIV – рубежа XVI–XVII вв. Настоящая работа посвящена обоснованию датировки сооружения, условно названного “Панчманор” (Пять башен). В свете приведенных в работе аналогий его можно рассматривать как особый тип мусульманской мечети и мечеть-усыпальницу. По первому строительному периоду объект можно отнести к тимуридскому времени – конец XIV–XV в.

Ключевые слова: Панчманор (Дарваз), Чор-минор (Бухара), Чар-минар (Гайдерабад), датировка, мечеть-усыпальница.

DOI: 10.31857/S086960630010959-3

Городище Калаи Кухна (Карон) находится в Дарвазском р-не Горно-Бадахшанской обл. Республики Таджикистан, в 2 км к востоку от кишлака Рузвай и в 8.5 км от районного центра г. Калаи-Хумб. На картах советского времени это место помечено как “перевал Кеврон”. Памятник занимает склон горы, небольшую долину и холм в излучине р. Пяндж, напротив долины р. Джавай, впадающей в Пяндж (на территории Афганистана). Расположено городище на высоте 1500–1700 м над уровнем моря.

Возможно, что в сочинениях арабских авторов с IX в. это место упоминается под именем “Каррон” или “Карон” (Камалиддинов, 1996. С. 212–215).

Северная (Таджикская) часть Дарваза – это территория Западного Памира. На археологическую карту этого (до 1991 г. Калаихумбского) р-на М.И. Бубнова нанесла 26 объектов, 21 из которых находится на реках Акба, Вазгина и Кафирбача и связан с рудниками. Остальные памятники расположены вдоль северного берега Пянджа. Это несохранившаяся крепость в кишлаке Джарв; две крепости в Калаи-Хумбе, одна из которых разобрана в 80-е годы XIX в., а строительство второй датировано предположительно XVIII в. Третья крепость – это городище Калаи Кухна. На археологической карте М.А. Бубновой объект назван также “Кала-и хана” (Мудукакай, Калаи хун, Калаи кун) (Бубнова, 1997. С. 54–56).

Дарвазский археологический отряд под руководством академика АН Республики Таджикистан Ю.Я. Якубова исследовал городище Калаи Кухна (Карон) в 2012–2014 гг. В работах отряда в 2013–2014 гг. приняли участие А.Б. Никитин, а также автор настоящей статьи и архитектор Е. Буклаева, чьи чертежи и планы здесь представлены. Археологами раскопано несколько объектов: Дворец на вершине южного холма, мавзолей (Айванный дом), винодавильня, лестница в комплексе садовых террас, Красный зал и архитектурное сооружение, условно названное “Панчманор”; исследованы составляющие памятник террасы, описаны и другие видимые на поверхности остатки построек; сделаны архитектурные планы и разрезы объектов и всего городища (Якубов, 2016; Якубов и др., 2017) (рис. 1).

Исследования городища Калаи Кухна (Карон) показывают, что оно формировалось

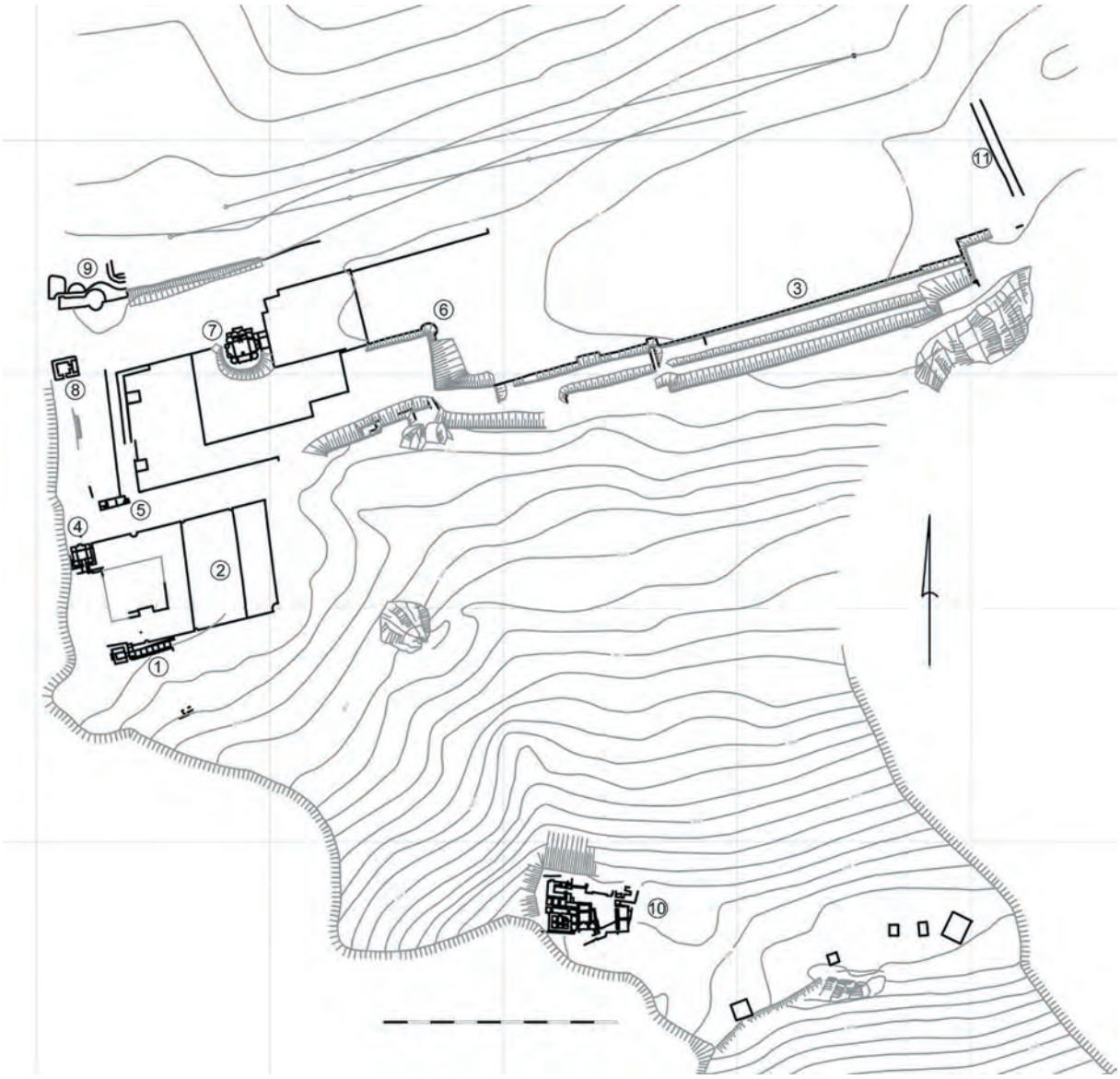


Рис. 1. План городища Калаи Кухна (Карон). *1* – лестница; *2* – зимний сад; *3* – террасы; *4* – красный зал; *5* – винодельня; *6* – угловая башня; *7* – храм-минарет; *8* – айванный дом; *9* – входная башня; *10* – дворец; *11* – стена.

Fig. 1. A plan view of the fortified settlement of Kala-i Kukhna (Karron)

в течение длительного времени и представляет собой совокупность объектов и архитектурных построек разного назначения – от кочевнического кургана (Якубов, 2016. С. 145) до конструкций в виде террас. При этом городище, как и многие памятники Памира (Бубнова, 1997. С. 32), кажется однослойным, на нем очень мало находок. В процессе работы стало очевидно, что здесь сосредоточены редкие архитектурные объекты.

В научном сообществе и, в частности, среди участников раскопок существуют разногласия относительно датировки памятника и отдельных объектов на нем. Ю.Я. Якубов предположил, что Панчманор мог быть заложен в кушанское время (Якубов, 2016. С. 151), а фрагмент чаши из Красного зала исследователь датировал еще более ранним временем – VI–V вв. до н.э. (Якубов, 2019. С. 294). Безусловно, на городище и в его окрестностях есть ранние слои, которые могут относиться к I тыс., однако они до сих пор не были затронуты раскопками. Нами опубликована статья о монетных находках на городище и о возможных датах отдельных сооружений (Никитин, Смирнова, 2019). К раннему периоду можно отнести дальние стены к северо-западу от памятника, не отмеченные на плане, которые Ю.Я. Якубов называет “стенами

дахмы” (Якубов и др., 2019. С. 281), восточную стену (рис. 1, *11*), а также нижнюю часть входных башен и террасу рядом с ними (рис. 1, *9*). Их отличает кладка из крупных камней.

Объекты, раскопанные в 2012–2014 гг., отнесены нами ко второму и третьему строительным периодам на городище. Их отличает кладка из более мелкого камня, что предполагает принципиально иную организацию труда. Самыми ранними из этих объектов (второй строительный период) видятся Айванный дом, раскопки которого вели А.Б. Никитин и автор статьи, и предмет настоящей работы Панчманор. Чуть позже вокруг этих двух объектов были созданы садовые террасы. Тогда был отремонтирован Панчманор, поверхность вокруг него была поднята почти на 1.5 м, а у каждого фасада построена суфа. Айванный дом интерпретирован как один из редких типов однопортального мавзолея конца XIV–XV в. (Никитин, Смирнова, 2017).

К третьему строительному периоду отнесены Дворец и Красный зал (рис. 1, *4, 10*). Позднюю датировку Дворца подтверждает потолочная конструкция с встроенным в нее расписным блюдом, которое можно датировать не ранее XV в. Красный зал содержит разноуровневые суфы, которые до сих пор используются в памирских домах.

Верхняя дата обживания городища пока неясна. В разрушенном мавзолее и в Красном зале зафиксированы следы пожара – красный цвет стен, почерневший фрагмент росписи, пятна гари на полах и горелые бревна упавших перекрытий.

В письменных источниках история Дарваза отражена только начиная с 30-х годов XVII в. В.В. Бартольд приводит сведения Махмуда бен Вали (первая половина XVII в.), что “только в 1047 г.х. (1637–1638 гг.) узбекам первый раз подчинилась крепость в области Хутталян, Калаи-Хум (Кала-и-Хумб, главный город Дарваза). Во главе узбеков был Бакы-аталак из рода ойратов; владетель Шах-Гариб был убит, и его голова была отправлена в Бухару; вместо него был назначен, очевидно, в качестве вассала узбеков, его брат Шах-Кыргыз, с малых лет живший при узбецком дворе в Балхе” (Бартольд, 1963. С. 464). К сожалению, полного перевода всего текста “Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар” на русский язык нет. Рукописи с частями текста хранятся в Узбекистане, Санкт-Петербурге (Институт восточных рукописей АН) и Лондоне (*India Office*) (Махмуд бен Вали..., 1969. С. 323, 324). Сведения, приведенные В.В. Бартольдом, позволяют предположить, что либо к началу XVII в., либо в 30-х годах XVII в. городище Калаи-Кухна (Карон) было заброшено.

Все это определяет хронологические рамки, в которых стоит искать аналогии раскопанным в 2012–2014 гг. объектам – с конца XIV до рубежа XVI–XVII вв.

Сооружение, получившее название “Панчманор”, раскопали в 2012 г., обмерили и описали в 2014 г. Подробное описание конструкций представлено в опубликованном отчете о раскопках (Якубов, 2016). Ю.Я. Якубов на основании монет, найденных в шурфе у северо-западной башни (Канишка III) и в нише центральной башни по южному фасаду (подражание китайской монете “кай юань тун бао”), предположил, что “башня существовала в кушанское время и является зороастрийской башней священного огня. Сооружение имеет 5 башенок и не находит прямых аналогий среди культовых памятников – зороастрийских храмов. К сожалению, верхняя часть башни не сохранилась, поэтому ритуал разведения огня восстановить не удается. ... башня относится к раннему периоду зороастризма – времени, когда огонь разводился на вершине горы, на каменных алтарях под открытым небом” (Якубов, 2016. С. 151). В качестве аргументов в пользу такой интерпретации Панчманора он упоминает каменные алтари с башенками по углам, найденные в горах Пасаргады, башня Саманган в Афганистане, а также письменные источники (Якубов, 2016. С. 151, 152) (рис. 2).

В настоящей статье предлагается обоснование иной интерпретации Панчманора и его датировки. Монетные находки недостаточны для обоснования датировки объекта (Никитин, Смирнова, 2019). Помимо этого основанием для сомнений в интерпретации и датировке объекта, предложенной Ю.Я. Якубовым, стали сходство кладки, конструкции фундамента и размера кирпича Панчманора и однопортального мавзолея (Айванного дома), датированного нами второй половиной XIV–XV в. (Никитин, Смирнова, 2017). Следует отметить, что Панчманор не докопан, неизвестно, какие слои его подстилают, интерьеры также не исследованы.

Краткое описание объекта Панчманор. Здание размерами 12.2 × 12.2 м расположено на среднем блоке террас. До раскопок объект

Рис. 2. Объект Панчманор.
Fig. 2. The structure of Panjmanor

представлял собой большой холм, возвышающийся над поверхностью, состоявший из остатков его разрушенных конструкций (рис. 2). Раскопки велись траншеей до выявления стен, которые далее зачищались по внешней поверхности. Завалы в нижней части, как можно было видеть в 2014 г., состояли из земли, камней и битого кирпича.

В строительстве Панчманора выявлено два периода (рис. 3). Первоначально это была квадратная в плане двухуровневая постройка с высокими арками с западного, южного и восточного фасадов, лестницей с двойным пролетом с северной стороны. По углам расположены четыре башни. Центральная часть размерами 6.7 × 6.7 м по второму уровню возвышается над лестницей на высоту почти 3 м. Внутри нее расположены лестница с северного фасада и некая заложенная конструкция (проход?) — с южного.

С северного и восточного фасадов объект расчистили по уровню суф-террас, рядом с северо-западной угловой башней заложили шурф для выявления основания постройки и ее фундамента. До основания фундамента в шурфе дойти не удалось из-за завала камней, но по разрезу понятно, что оно было укреплено камнями, а сверху на них была положена глиняная платформа высотой 1 м. Стены выложены из камня вулканического происхождения с крупными деревянными балками, а архитектурные детали — гофры, связки по фасадам, углы, боковые грани арок и т.п. — сделаны из плиток сланца. Общая высота Панчманора от завала камней до вершины сохранившейся части — 9.8 м.

Судя по следам разрушения и размещению лестницы с внешней стороны фасада, можно предположить, что нижняя часть Панчманора была монолитной — помещение находилось только наверху в центральной башне. Однако более чем возможно, что в нижней части объекта тоже было помещение.

Во втором строительном периоде по неизвестным причинам лестничную клетку с севера, лестницу внутри помещения в верхней части Панчманора и возможное помещение в нижней заложили камнями; высокие арочные айваны были частично закрыты массивными конструкциями с пилонами различной ширины так, что под сводами арок остались невысокие айванчики; проходы на лестницу

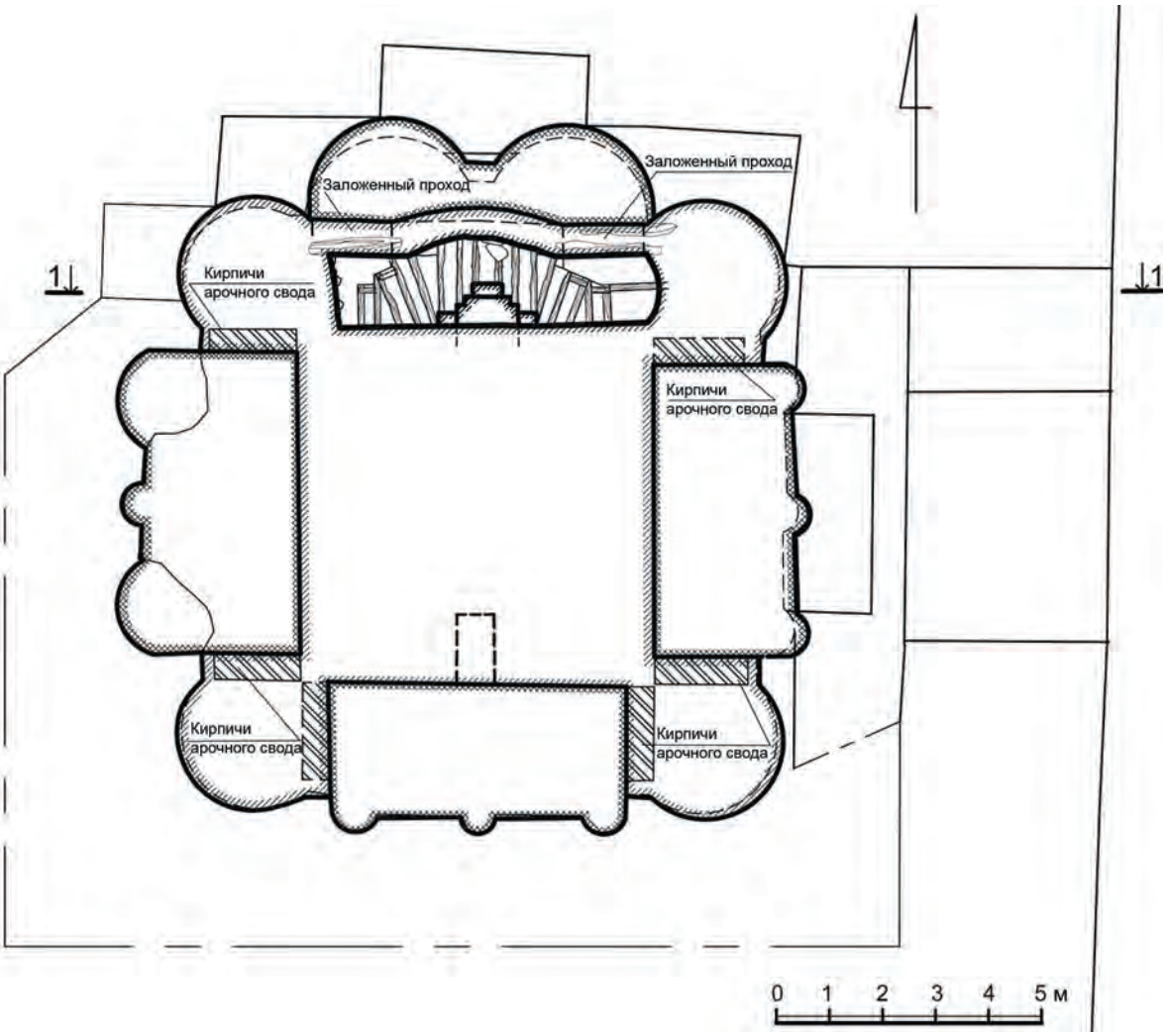


Рис. 3. План объекта Панчманор.
Fig. 3. A plan view of the structure of Panjmanor

закрыли двумя широкими пилонами, внизу с северного, восточного и южного фасадов пристроили небольшие суфы-террасы. Заклады второго строительного периода сохранили здание, но не позволяли использовать его внутренние помещения (рис. 3–5).

Судя по высоте айванов, окружающих Панчманор, от уровня завала камней в основании, заклады одновременны террасам вокруг объекта, винодавильне и, возможно, террасному комплексу, который Ю.Я. Якубов условно назвал “храмом воды” (Якубов, 2016. С. 152–154).

В своем нынешнем состоянии объект выглядит как пятибашенная конструкция: над нижним уровнем возвышаются центральная часть в виде четырехугольной башни, почти на такую же высоту сохранилась северо-западная угловая башня-колонна, а остальные сохранились не выше нижнего уровня, за что объект и получил название “Панчманор” (Пять башен). Однако на самом деле это двухуровневый объект из четырех башен.

Метод, предлагаемый для датировки Панчманора в Дарвазе. Для обоснования датировки выделены следующие признаки: строительные материалы и кладка стен; планировка здания; расположение лестницы и ее конструкция; двухуровневая конструкция зданий; гофры, украшающие боковые башни-колонны; композиция фасада. По самому позднему признаку дана датировка объекта. Кроме этого сделана попытка выстроить небольшой типологический ряд, включающий исследуемый объект в некоторый архитектурный контекст.

В качестве *строительных материалов* Панчманора служили камень и жженый кирпич.

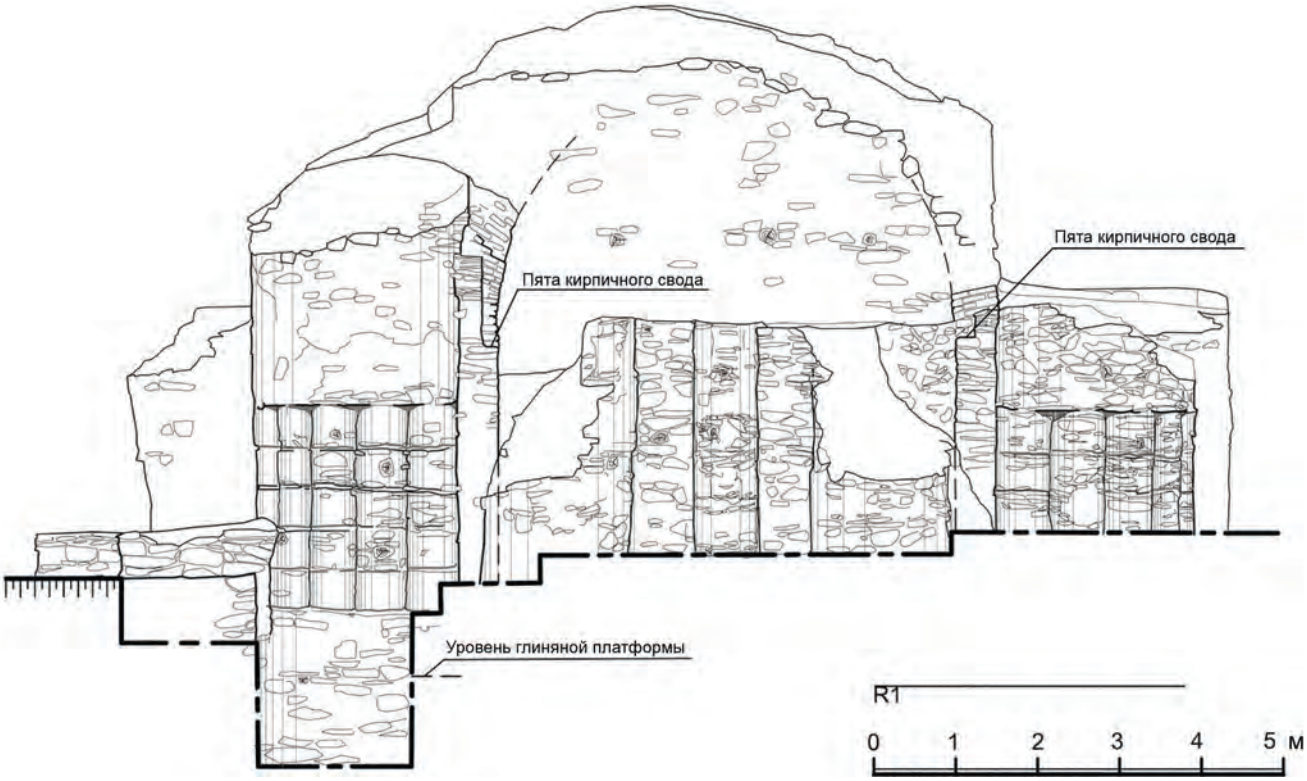


Рис. 4. Западный фасад Панчманора.
Fig. 4. The western facade of the Panjmanor structure

Камень характерен для построек в горных областях Средней Азии. Однако, по мнению С. Хмельницкого, купола, своды и арки из камня не возводили (Хмельницкий, 1992. С. 39). Тем не менее в каменном сооружении Таш-Рабат в Центральном Тянь-Шане и арки, и купола выполнены из грубо обработанного сланцевого камня. Памятник датируется либо XV, либо X–XI вв. (Перегудова, 1989).

Каменная *кладка* конструкций городища Калаи Кухна (Карон) не одинаковая. Постройки, которые мы предположительно относим к более раннему времени, сделаны из очень крупных каменных плит (входные башни, восточная стена). Террасы, Айванный дом (мавзолей), Панчманор выполнены из камня вулканического происхождения, с конструктивными деталями из сланца. Стены очень толстые, укреплены толстыми деревянными балками. Одинаковым способом укреплены фундаменты мавзолея и Панчманора (см. выше). Дворец и Красный зал сооружены из более мелкого, чем у мавзолеев, камня, с большим использованием сланца в основной кладке, а не только в конструктивных частях. Стены здесь тоньше, без деревянных балок.

Жженый кирпич сохранился на объекте лишь в остатках конструкций арок. Судя по завалу, который еще убирали в 2014 г., возможно жженый кирпич использовался не только в арках, но и в других частях Панчманора. По размеру кирпич сходен с кирпичом однопортального мавзолея (Айванного дома) – 27 × 27 × 6 и 27 × 13 × 6 см (Никитин, Смирнова, 2017. С. 95). Размер кирпича отличен от кирпичей, использованных при постройке дворца, – 30 × 30 × 6 и 30 × 15 × 6 см. Жженый кирпич известен с III–II вв. до н.э., но получает широкое распространение с VII–VIII, а к XI–XII вв. из него строят почти все монументальные постройки (Засыпкин, 1948. С. 14; Хмельницкий, 1992. С. 37–39; 1996. С. 47, 48). Г.А. Пугаченкова отмечает, что для тимуридского времени характерны размеры квадратного кирпича – 24–28 × 4–6 см (Пугаченкова, 1976. С. 13).

Планировка здания. Основные характеристики планировки: центрическая, однокамерная в плане, двухуровневая в разрезе, со встроенными в конструкцию здания колоннами/башнями.

Центральное расположение Панчманора на городище, конструкция и размеры указывают

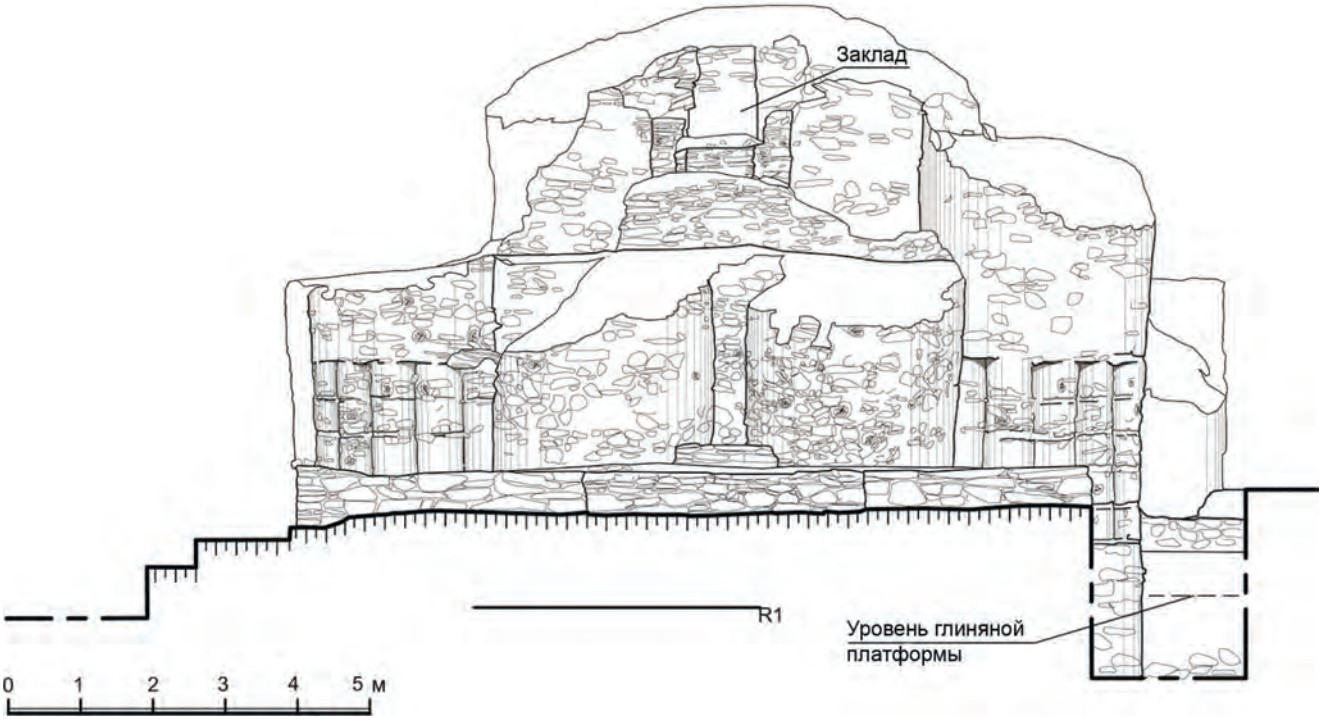


Рис. 5. Северный фасад Панчманора.
Fig. 5. The northern facade of the Panjmanor structure

на его особое, скорее всего культовое, назначение – мечеть или мавзолей. Однокамерный и одноуровневый киоск в качестве мечети или мавзолея – один из самых ранних типов мусульманской культовой постройки (Пугаченкова, 1958. С. 274; Grabar, 1966. P. 40; Маньковская, 1980. С. 103; Хмельницкий, 1992. С. 120; Зиливинская, 2014. С. 148–156). В поисках аналогии Панчманору первым приходит на ум мавзолей Исмаила Самони в Бухаре (X в.) – однокамерная центрическая купольная конструкция, украшенная по бокам четырьмя колонками (Булатов, 1988. С. 97–105). Тем не менее он не может служить аналогией, так как мавзолей одноуровневый, а угловые колонки – не конструктивный, а декоративный элемент.

Пытаясь определить функцию мавзолея (Айванного дома), исследованного на городище, мы обнаружили, что для Средней Азии XI–XV вв. не характерны двухуровневые мавзолеи, где стены подземной камеры конструктивно связаны с верхним уровнем, и нашли ему аналогии среди архитектуры золотоордынского времени на Кавказе и в Крыму. Однако обычно нижний уровень мавзолеев либо полуподземный, либо полностью находится под землей (Никитин, Смирнова, 2017).

Не характерны для Средней Азии и двухуровневые мечети. Ни Л.Ю. Маньковская, ни М.С. Булатов, ни С. Хмельницкий в своих работах, посвященных типологии среднеазиатской архитектуры, не описывают двухуровневые мечети. Нет таковых и в публикации Э.Д. Зиливинской типологии золотоордынских памятников.

Однокамерную в плане, двухуровневую в разрезе мечеть можно увидеть в караван-сараях XIII в. Султан-хана, Палаз-хана, Азыкара и Исхакли-хана в Центральной Анатолии (Бородина, 1969. С. 434–436; Якобсон, 1983. С. 128) и Агзыкара (Kuran, 1971. P. 237, 238). Мечеть в Агзыкара размерами 6.8 × 6.8 м (Kuran, 1971. P. 238), а мечеть в Султан-хана – 8 × 8 м (Якобсон, 1983. С. 128). Они квадратные в плане, кубические двухуровневые постройки без купола. Помещение второго уровня расположено на четырех арках нижнего. На второй этаж ведет двухпролетная консольная лестница (рис. 6, *3*).

Двухпролетная *конструкция лестницы* – одна из отличительных черт Панчманора (рис. 7). Лестница закрыта с внешней стороны стенкой с двумя проходами и расположена в северной части, где из-за нее фасад отличается от остальных. У лестницы есть разворот,

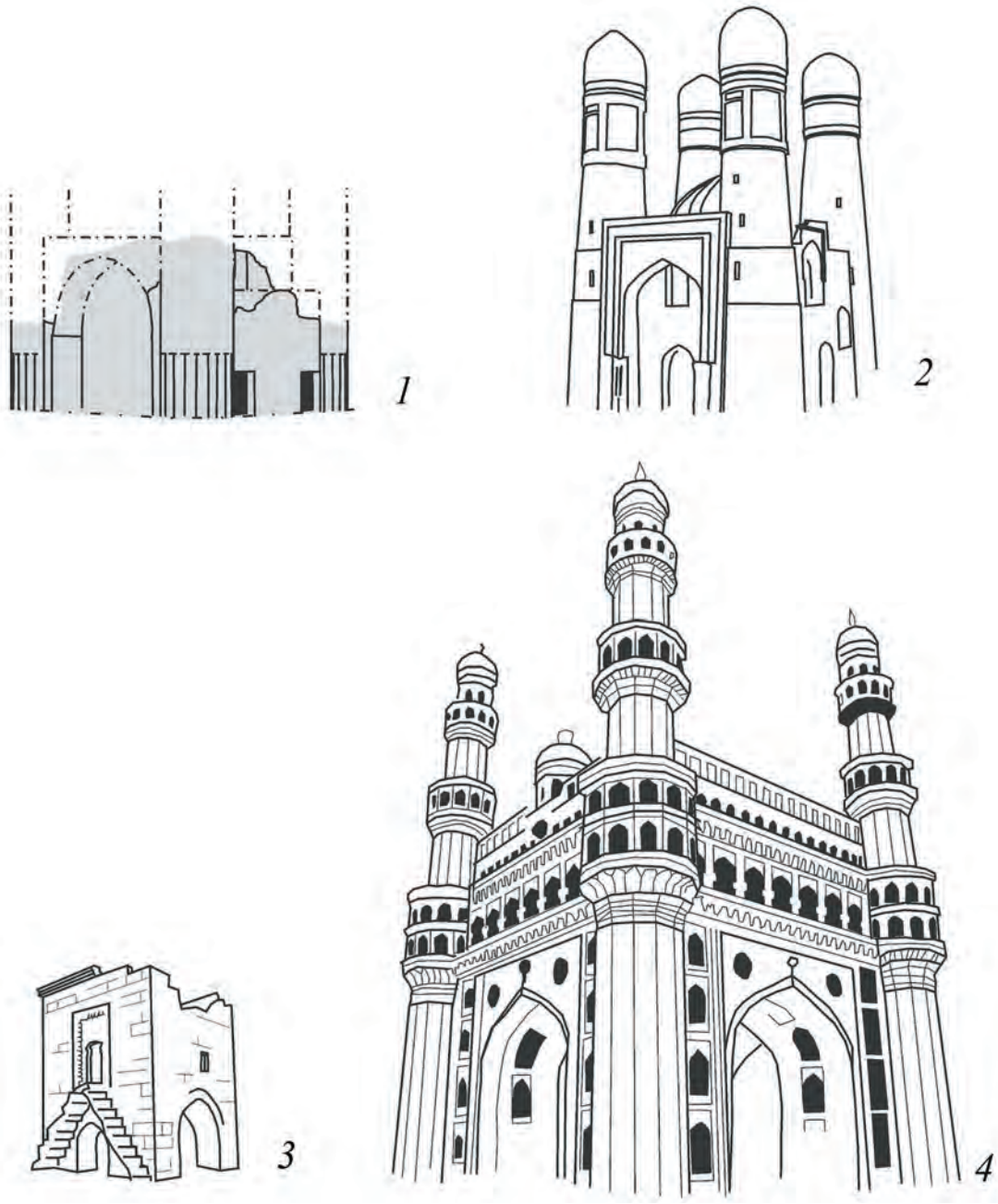


Рис. 6. *1* – реконструкция объекта Панчманор по первому периоду; *2* – Чор-минор, Бухара (до конца XVII (?) в.); *3* – Акзы-кара, Анатолия (XIII в.); *4* – Чар-минар, Гайдерабад (1591 г.).

Fig. 6. *1* – a reconstruction of the Panjmanor structure for the first period; *2* – Chor-minor, Bukhara (until the late 17th (?) century); *3* – Akzy Kara, Anatolia (the 13th century); *4* – Char Minar, Hyderabad (1591)

ведущий к проходам. Аналогию внешнему расположению лестницы мы находим у сельджукских мечетей в Анатолии с их консольными лестницами.

Аналогию сельджукским мечетям XIII в. можно увидеть в мечети-триумфальной арке Чар-минар в Гайдерабаде, Индия, с которыми его объединяют двухуровневая конструкция, выполненная в виде аркады композиция нижнего уровня и отсутствие купола (рис. 6, *4*). Правда, гайдерабадский памятник значительно крупнее анатолийских. Его размеры – 30 × 30 м (анатолийских 20 × 20 м). Высота минаретов – 56 м (анатолийских 48 м). В научной литературе размеры памятника различаются. Нижний уровень выполнен в виде стрельчатой аркады, купол у постройки отсутствует. Здание датировано

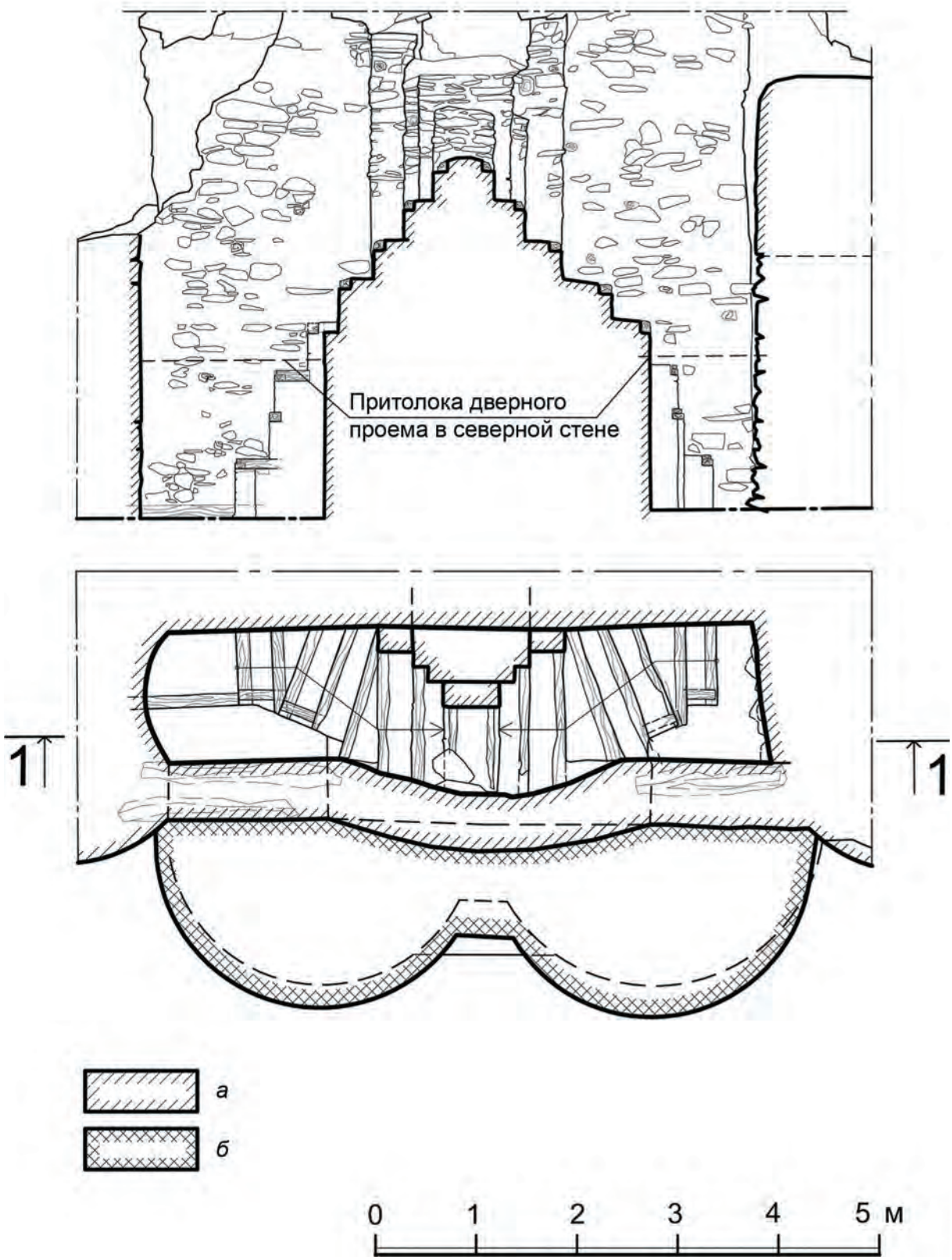


Рис. 7. Лестница объекта Панчманор. Условные обозначения строительных периодов: *а* — первый; *б* — второй.
Fig. 7. The staircase of the Panjmanor structure

1591 г. (Короцкая, 1971. С. 105; Hambly, Hutton, 2004).

Считается, что Чар-минар в Гайдерабаде вдохновил строителей Чор-минора в Бухаре (Hyderabad Golconda Fort..., 2010). По планировке и конструкции бухарский Чор-минор (рис. 6, *2*) видится ближайшей аналогией Панчманору, хотя он не центрический, а продольно-осевой в плане. Датировка Чор-минора и его назначение вызывают ряд вопросов.

Чор-минор в Бухаре – это двухэтажная купольная постройка с четырьмя угловыми башнями, увенчанными куполами, покрытыми синей изразцовой облицовкой. Нижний этаж решен как шестигранный вестибюль, на втором этаже, в котором помещалась библиотека, расположена комната с плоским куполом в кольце несложных сталактитов (Воронина, 1969. С. 334). В плане Чор-минор – прямоугольная постройка размерами около 11 × 10 м. Входы в нижнее помещение находятся с четырех сторон. Северная и южная стороны здания оформлены порталами. На западной и восточной сторонах помещены по два окна: одно большое, типа лоджии, на уровне второго этажа, а второе сбоку, ближе к башне, на уровне между этажами – выше прохода и ниже лоджии. Такое расположение окон может быть характерно для лестничных клеток, хотя в настоящее время лестница на второй этаж Чор-минора находится в одной из башен (Архив РИА Новости. Фото № 869840, 101445).

Функционально бухарский Чор-минор считается входной конструкцией в медресе Халифи Ниязкули – “дарвозахона” (Альмеев, 2011). Весь комплекс медресе состоял из двора, окруженного худжрами, входа Чор-минор и каркасной мечети в юго-западном углу (Воронина, 1969. С. 334). Н.В. Ханыков упоминает не только “медресе Имами Халифя нияз Кули” (1843. С. 87), но и “мечеть Имами Халифя ниаз Кули, находящуюся между воротами Мазар и Кауаля, отличающуюся четырьмя куполами, покрытыми синим изразцом” (Ханыков, 1843. С. 85). Видимо, он имел в виду Чор-минор, так как каркасная мечеть медресе была с плоскими перекрытиями (Крюков, Лукинская, 1972. С. 196).

Ввиду поздней датировки по надписи Чор-минор включают в группу памятников XIX в. Б.В. Веймарн приводит Чор-минор как единственный достойный внимания образец “оригинального замысла” в архитектуре Бухары XVIII–XIX вв., называя остальные памятники этого времени “мало интересными в отношении архитектурной формы и декоративной отделки” (Веймарн, 1940. С. 115, 116).

Комплекс медресе датируется 1807 г. (Воронина, 1969. С. 333, 334). Датировка дана по надписи, расположенной в интерьере помещения первого этажа Чор-минора, – «четверостишие, принадлежащее бухарскому поэту XIX в. Беморий: “Пусть сюда проложат дорогу (паломники) его (т.е. Нияз-кули. – *Альмеев*) щедростью было построено это благочестивое здание. И было это в тысяча двести двадцать втором году” (1807–1808 гг.)» (Альмеев, 2011).

О.А. Сухарева, исследуя вакфные документы Бухары, высказала предположение, что медресе, наверное, следует датировать более ранним временем, так как по названию медресе Халифа Ниязкули локализуется квартал, упомянутый в документах конца XVII в. (Сухарева, 1976. С. 305). Из публикации не совсем ясно, по какому из двух названий медресе определен квартал – Чор-минор или Халифа Ниязкули.

А. фон Кюгельген, работавшая с документами и источниками, связанными с биографией Ниязкули, на основании акта регистрации вакфа, датированного шаввалом 1222/декабрем 1807 г., считает эту дату временем основания вакфа, устанавливающего размер содержания всего комплекса, обслуживающего персонала и студентов, а не датой строительства медресе. А. фон Кюгельген, по-видимому, не видела текста, который упомянула О.А. Сухарева, и, сомневаясь в более ранней датировке медресе Халифа Ниязкули, предположенной О.А. Сухаревой, пишет, что “если бы подобного рода Мадраса имелась на момент, когда Нийязкули начал строительство, он бы не обошел его молчанием”, хотя упоминает, что в акте регистрации упомянуто четырехбашенное здание (Кюгельген, 2001. С. 313). К сожалению, обе исследовательницы не привели текстов документов.

Судя по старым фотографиям, изначально Чор-минор был самостоятельной постройкой. Худжры медресе были пристроены позже самого Чор-минора, так как следов того, что стены худжр были сделаны вперевязку со стенами здания, нет; кроме того, худжры примыкали к части стен Чор-минора, где располагалось заложенное межэтажное окно. В итоге можно предположить, что входная часть медресе Халифи Ниязкули была самостоятельной постройкой и существовала несколько

раньше, чем возведен весь комплекс учебного заведения.

Таким образом, дата Чор-минора в настоящее время вызывает сомнения. Он может служить аналогией Панчманору, но не позволяет нам датировать и определить его назначение.

Панчманор в Дарвазе (Таджикистан), Чор-минор в Бухаре (Узбекистан), Чар-минар в Гайдерабаде (Индия), а также мечети в караван-сараях Каппадокии в Турции, по-видимому, составляют группу памятников, воплощающих сходную архитектурную идею. Все здания квадратной или почти квадратной планировки и кубической формы с двумя этажами. В Бухаре, Дарвазе и Гайдерабаде в конструкцию включены четыре башни. Самое раннее (XIII в.) и самое позднее (конец XVI в.) из датированных зданий объединены арочным первым этажом (рис. 6).

Характерный декор башен Панчманора также обращает на себя внимание. Их сохранившиеся части разделены по высоте на три уровня, средний из которых оформлен в виде *гофр*. Сам прием “гофрировки” известен в Средней Азии с домусульманского времени, а в Хорезме и Бактрии его относят ко II–I вв. до н.э. В V–VIII вв. этот прием широко использовался для оформления фасадов крепостей и замков, а затем и интерьеров помещений (Пенджикент). В X–XII вв. гофры становятся украшением гражданских зданий, мавзолеев и минаретов Средней Азии, Ирана, Малой Азии, Кавказа и Индии (Хмельницкий, 2000. С. 36, 37). Изначально гофры выполняли конструктивную функцию, но в мусульманское время в исполнении из жженого кирпича они становятся исключительно декоративным приемом. Гофры бывают двух типов – круглые и двугранные. В Средней Азии примером может служить минарет в Джаркургане, 1108/1109 г.; в Иране – мавзолей в Бестаме, мавзолей Радкан, XIII в.; в Малой Азии – минарет Йивли, начало XIII в., Анталья; на Кавказе – мавзолей в с. Карабаглар (Азербайджан), первая половина XIV в.

В каменной кладке, по мнению А.С. Бретаницкого, гофрировка не получила распространения. В качестве единственного образца каменных гофр исследователь приводит минарет мечети Кутуб-ад-дина в Дели, конец 1199–1236 г. (Бретаницкий, 1966. С. 322). В нижней части Кутуб-минара круглые и двугранные гофры чередуются, в верхних частях расположены только круглые гофры. Другой гофрированный объект в Индии – это недостроенный минарет Ала-и-минар (XIII–XIV вв.).

В Индии гофры известны на башнях/минаретах, украшающих порталы мечетей-усыпальниц Кутуб-шах (1446 г.), Сиди-Башир (1452 г.), Мийя Хан Чисти (1465 г.) (рис. 8), Ахут-биби (1469 г.), на минаретах мечети Сайад Усман (1460 г.), рани Рупамати (1430–1440 гг.) в Ахмедабаде, Гуджарат (Hope et al., 1866. Pl. 54, 63, 64, 67–70, 82); на колоннах порталов мечети Кевда/Кевада (XV в.) и на полуколоннах, оформляющих стены комплекса мечети Джама в Чампанере (1523 г.), Гуджарат. В приведенных примерах из Индии колонны и полуколонны орнаментом членятся вертикально на три и более части. Объективности ради стоит отметить, что в этих зданиях видят взаимовлияние мусульманской архитектуры и местных индийских камнерезных традиций (Hope et al., 1866. P. 90), поэтому, вероятно, не всегда декоративное оформление можно называть “гофрами” в том смысле, в котором это слово используют, говоря об архитектуре Средней Азии.

И последний признак, который был рассмотрен для подтверждения альтернативной датировки Панчманора, – *композиция фасада*. Композиция фасада и композиция портала для исследуемого объекта суть одно и то же благодаря его планировке и конструкции. Ее отличают большие по диаметру (толстые) башни, вплотную приставленные к арке портала, собственно высокая, нижнего уровня, арка портала и глубокие айваны. Фасад/портал бухарского Чор-минора, в котором мы видим ближайший аналог Панчманору, оформлен не только башнями и глубоким айваном, но и пештаком. У Панчманора фиксируется айван, заложенный во втором строительном периоде, но был ли здесь пештак, определить не удалось.

Рассмотренные выше характерные признаки показывают, что аналогии композиции фасада Панчманора следует искать среди памятников тимуридского времени. Г.А. Пугаченкова выделяет следующие фазы развития архитектурного стиля этого периода. Первую фазу отличают мощь, монументальность, громадность, роскошь, которые можно увидеть и в изучаемом объекте. Вторую фазу – с начала и до середины XV в. – характеризуют гармония целого и деталей, равновесие объемных и пространственных форм, завершенность

Рис. 8. Мийа Хан Чисти, Ахмедабад, Гуджарат, Индия (по: Hope et al., 1866. Pl. 67).
Fig. 8. Miya Khan Chishti, Ahmedabad, Gujarat, India (after: Hope et al., 1866. Pl. 67)

пропорций, точная мера найденных орнаментальных и цветовых построений. Третья фаза отличается утратой монументальности, некоторой камерностью воплощения архитектурных идей, вычурностью объемных сочленений и рафинированностью декора (Пугаченкова, 1976. С. 102, 103).

Генезис айвана не имел на Востоке единого источника возникновения, но для тимуридского времени айван – это род возвышенного прямоугольника со стрельчатым сводом, иногда фланкированный на углах башнями или минаретами. Башни-минареты в это же время в Центральной Азии могли иметь практическое назначение, а могли быть лишь формообразующим элементом. В этот период башенные формы имеют вид круглого утончающегося кверху ствола. Они оформляют крепостные ворота и несут оборонительную функцию, а также украшают порталы мечетей, мавзолеев, дворцов (Пугаченкова, 1976. С. 25, 26, 32).

Тем не менее в Средней Азии и на Ближнем Востоке не удалось найти аналогий композиции фасада/портала, которые подходили бы так же, как фасад Чор-минора в Бухаре.

Портал Ак-Сарай в Шахрисябзе (1380 г.), Узбекистан, отличается характерной массивностью и монументальностью сходной композиции – высокая арка портала с глубоким айваном оформлена пештаком и башнями/пилонами, вплотную приставленными к нему, однако пропорции чуть другие (полуколонны *уже*, отставлены значительно дальше от арки портала) (Булатов, 1988. С. 164–166).

Мечеть-усыпальница Гоухар-Шад в Мешхеде (Иран), заложенная в 1405/1406 г., с глубоким айваном и аркой, оформлена пештаком и минаретами, вплотную приставленными к нему. Однако минареты несколько меньшей толщины, более изящные и не такие массивные (Пугаченкова, 1976. С. 53), как у Панчманора.

Аналогией могли бы послужить порталы соборной мечети Биби-ханым (1399–1404 гг.) в Самарканде, Узбекистан (Булатов, 1988. С. 167–176). Арки портала не окружает прямоугольная рама пештака, они массивные, хотя пропорционально более узкие; башни расположены чуть дальше от арки. На одном из порталов они визуально отделены от нее вертикальным декоративным рядом мозаичных

ниш. Все это не позволяет рассматривать Биби-ханым в качестве аналогии.

Тонкие, сугубо декоративные витые колонны украшают портал мечети Ходжа-Абу-Насра Парса в Балхе (70-е годы XV в.), Афганистан (Пугаченкова, 1976. С. 59), что отражает композиционную идею Панчманора, но не позволяет видеть в оформлении портала аналогию ввиду отсутствия характерной массивности, присущей Панчманору, а также Чор-минору в Бухаре.

Перечисленные выше мечети первой половины–середины XV в. и некоторые другие (например, в Ахмедабаде, Индия) более подходят в качестве аналогии. Они отличаются массивностью и монументальностью в целом, а в частности их характеризует высокая, почти на всю высоту здания, арка портала с вплотную приставленными башнями/минаретами (Hope et al., 1866. Pl. 54, 63, 64, 67–70, 82; Burton-Page, 2008. P. 16). У ряда мечетей башни значительно возвышаются над порталом, а у других их высота равна высоте портала. Такое оформление входа в мечети было характерно для раннего этапа Гуджаратского султаната в Западной Индии (1407–1573 гг.). В поздний его период фасады украшали массивными псевдоколоннами в северном и южном углах здания далеко от арки входа и портала в целом (Burton-Page, 2008. P. 52, 53). Айвана и дверей нет, арка ведет в помещение, интерьер которого оформлен колоннами (рис. 8).

Опираясь на приведенные аналогии, можно предположить, что функционально Панчманор, по-видимому, был мечетью. Заклады второго строительного периода были направлены на сохранение здания, несмотря на невозможность использовать его помещения. Вероятно, оно было не просто мечетью, а мечетью-усыпальницей. В период правления Тимура и Тимуридов были широко распространены поминальные мечети при могилах шейхов, а также при династических усыпальницах (Пугаченкова, 1976. С. 53–61).

Таким образом, можно сказать, что архитектурный объект Панчманор на городище Калаи Кухна не является памятником кушанского времени. В свете приведенных аналогий правильнее было бы назвать его “Чор-минор в Дарвазе” и рассматривать как особый тип мусульманской мечети и мечеть-усыпальницу. Предполагаемую дату исследуемого объекта по первому строительному периоду можно отнести к тимуридскому времени – концу XIV–XV в., что подтверждается не только сходными с соседним мавзолеем техническими особенностями строительства, но характерной композицией фасада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альмеев Р. Основатель архитектурного комплекса Чор-Минор в Бухаре Нияз кули ат-Туркмани [Электронный ресурс] // Ислам в Содружестве Независимых Государств. 2011. № 3 (4). URL: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3141 (дата обращения: 24.02.2020).

Бартольд В.В. Таджики // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, ч. 1. М.: Вост. литература, 1963. С. 451–473.

Библиотека изображений “РИА Новости” [Электронный ресурс]. URL: http://visualrian.ru/ (дата обращения: 24.02.2020).

Бородина И.Ф. Архитектура Турции XIII–XIX вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8: Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии / Ред. Ю.С. Яралов. М.: Стройиздат, 1969. С. 427–476.

Бретаницкий А.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. М.: Наука, 1966. 558 с.

Бубнова М.А. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир (памятники II тыс. до н.э. – XIX в.). Душанбе: Дониш, 1997 (Археологическая карта Таджикистана). 284 с.

Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии XI–XV вв. (историко-теоретическое исследование). М.: Наука, 1988. 360 с.

Веймарн Б.В. Искусство Средней Азии. М.; Л.: Искусство, 1940. 192 с.

Воронина В.Л. Архитектура Средней Азии XVIII–XIX вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8: Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии / Ред. Ю.С. Яралов. М.: Стройиздат, 1969. С. 331–346.

Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. М.: Изд-во Акад. архитектуры, 1948. 160 с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I: Культовое зодчество. М.; Казань: Отечество, 2014. 228 с.

Камалиддинов Ш. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX–начала XIII в. Ташкент: Узбекистон, 1996. 422 с.

Короцкая А.А. Архитектура Индии // Всеобщая история архитектуры. Т. 9: Архитектура восточной и юго-восточной Азии до середины XIX в. М.; Л.: Стройиздат, 1971. С. 15–131.

Крюков К.С., Лукинская Н.М. Гузарные мечети Бухары // Архитектурное наследие. № 19. М.; Л., 1972. С. 192–202.

Кюгельген А. фон. Расцвет Накшбандийа-Муджаддидийа в Средней Трансоксании с XVIII до начала XX в.: опыт детективного расследования // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования). СПб., 2001. С. 275–330.

Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX–начало XX в.). Ташкент: Фан, 1980. 183 с.

Махмуд бен Вали Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. С. 320–368.

Никитин А.Б., Смирнова Л.О. О редком образце мусульманской архитектуры в Дарвазе // Проблемы археологии и истории Таджикистана. Душанбе: Дониш, 2017. С. 94–102.

Никитин А.Б., Смирнова Л.О. Нумизматические находки с городища Калаи Кухна (Карон) и проблема датировки сохранившихся архитектурных сооружений // КСИА. 2019. Вып. 255. С. 359–366.

Перегудова С.Я. Таш-Рабат. Фрунзе: Илим, 1989. 65 с.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры развития рабовладения и феодализма. М.: АН СССР, 1958. 492 с.

Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии XV в. Ташкент, 1976. 115 с.

Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, 1976. 365 с.

Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. 282 с.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин; Рига, 1992. 340 с.

Хмельницкий С. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI–XIII вв. Ч. I. Берлин; Рига, 1996. 333 с.

Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Берлин; Рига, 2000. 290 с.

Якобсон А.Л. Сельджукские отклики на темы армянской средневековой архитектуры // Историко-филологический журнал. 1983. № 4. С. 126–130.

Якубов Ю.Я. Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна за 2012 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXVIII. Душанбе, 2016. С. 145–181.

Якубов Ю.Я. Археологические работы на городище Карон в Дарвазе в 2014 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XL. Душанбе, 2019. С. 290–302.

Якубов Ю.Я., Момини А., Пилосаиди К. Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна (Карон) в 2014 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XL. Душанбе, 2019. С. 280–285.

Якубов Ю., Смирнова Л., Никитин А. Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна (Карон) в 2013 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXIX. Душанбе, 2017. С. 157–183.

Burton-Page J. Indian Islamic Architecture. Leiden; Boston: Brill, 2008. 194 p., 63 p. pl.

Grabar O. The Earliest Islamic Commemorative Structures, Notes and Documents // Ars Orientalis. 1966. V. 6. P. 7–46.

Hambly G., Hutton D. Hyderabad (Electronic resource) // Encyclopedia Iranica. Vol. XII, fasc. 6. London etc., 2004. P. 592–596. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/hyderabad (дата обращения: 24.02.2020).

Hope Th.C., Fergusson J., Biggs Th. Architecture at Ahmedabad, the capital of Goozerat. London: J. Murray, 1866. 100 p.

Hyderabad Golconda Fort, Qutb Shahi Tombs, Charminar (Electronic resource) // UNESCO. URL: http://whc.unesco.org/en/tentativelists/5573/ (дата обращения: 24.02.2020).

Kuran Aptullah. Thirteenth and Fourteenth Century Mosques in Turkey // Archaeology. 1971. V. 24. № 3: A special issue highlighting Islamic Archaeology. P. 234–254.

THE STRUCTURE OF “PANJMANOR” IN THE MEDIEVAL FORTIFIED SETTLEMENT OF KALA-I KUKHNA (KARRON) IN DARVAZ

Larisa O. Smirnova

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

E-mail: smirnova@hermitage.ru

Studies on the fortified settlement of Kala-i Kukhna (Karron) in Darvaz (Southern Tajikistan) were launched in 2012. Its dating caused controversy, including among the participants of the excavation. The site as a whole is very complicated to deal with. It is obvious that its formation took a long time resulting in an assemblage of objects and structures for various purposes ranging from a nomadic mound to structures of the late Middle Ages. The author is of the opinion that all objects excavated in 2012–2014 belong to the period of the late 14th – the turn of the 16th and 17th centuries. This paper focuses on the substantiation of the dating of the structure tentatively referred to as “Panjmanor” (Five Towers). In the light of the analogies presented in the work it can be considered as a special kind of Muslim mosque and a tomb mosque. Based on the first construction period, the structure can be attributed to the Timurid period – the late 14th–15th century.

Keywords: Panjmanor (Darvaz), Chor-minor (Bukhara), Char Minar (Hyderabad), dating, tomb mosque.

REFERENCES

Mahmud bin Wali Bahr al-asrar fi manaqib al-akhyar. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov. (Izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy) [Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries. (Excerpts from Persian and Turkic writings)].* Alma-Ata: Nauka, 1969, pp. 320–368. (In Russ.)

Al’meyev R., 2011. The founder of the Chor-Minor architectural complex in Bukhara, Niyaz Kuli al-Turkmani (Electronic resource). *Islam v Sodruzhestve Nezavisimykh Gosudarstv [Islam in the Commonwealth of Independent States]*, 3 (4). URL: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3141. (In Russ.)

Bartol’d V.V., 1963. Tajiks. *Bartol’d V.V. Sochineniya [Works]*, vol. II, part 1. Moscow: Vost. literatura, pp. 451–473. (In Russ.)

Biblioteka izobrazheniy “RIA Novosti” (Elektronnyy resurs) [Image library “RIA Novosti” (Electronic resourse)]. URL: http://visualrian.ru/.

Borodina I.F., 1969. Turkish architecture of the 13th–19th centuries. *Vseobshchaya istoriya arkhitektury [Universal history of architecture], 8. Arkhitektura stran Sredizemnomor’ya, Afriki i Azii [Architecture of the Mediterranean, Africa and Asia].* Yu.S. Yaralov, ed. Moscow: Stroyizdat, pp. 427–476. (In Russ.)

Bretanitskiy A.S., 1966. Zodchestvo Azerbaydzhana XII–XV vv. [Architecture of Azerbaijan of the 12th–15th centuries]. Moscow: Nauka. 558 p.

Bubnova M.A., 1997. Gorno-Badakhshanskaya avtonomnaya oblast’. Zapadnyy Pamir (pamyatniki II tys. do n.e. – XIX v.) [Gorno-Badakhshan Autonomous Region. The Western Pamir (sites of the 2nd millennium BC – the 19th century)]. Dushanbe: Donich. 284 p. (Arkheologicheskaya karta Tadzhikistana).

Bulatov M.S., 1988. Geometricheskaya garmonizatsiya v arkhitekture Sredney Azii XI–XV vv. (istoriko-teoreticheskoye issledovaniye) [Geometric harmonization in the architecture of Central Asia of the 11th–15th centuries (historical and theoretical study)]. Moscow: Nauka. 360 p.

Burton-Page J., 2008. Indian Islamic Architecture. Leiden; Boston: Brill. 194 p., 63 p. pl.

Grabar O., 1966. The Earliest Islamic Commemorative Structures, Notes and Documents. *Ars Orientalis*, 6, pp. 7–46.

Hambly G., Hutton D., 2004. Hyderabad (Electronic resource). *Encyclopedia Iranica*, vol. XII, iss. 6. London, pp. 592–596. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/hyderabad.

Hope Th.C., Fergusson J., Biggs Th., 1866. Architecture at Ahmedabad, the capital of Goozerat. London: J. Murray. 100 p.

Hyderabad Golconda Fort, Qutb Shahi Tombs, Charminar (Electronic resource). *UNESCO.* URL: http://whc.unesco.org/en/tentativelists/5573/.

Kamaliddinov Sh., 1996. Istoricheskaya geografiya Yuzhnogo Sogda i Tokharistana po araboyazychnym istochnikam IX–nachala XIII v. [The historical geography of South Sogdiana and Tokharistan according to Arabic sources of the 9th–early 13th century]. Tashkent: Uzbekiston. 422 p.

Khanykov N.V., 1843. Opisaniye Bukharskogo khanstva [Description of the Bukhara Khanate]. St. Petersburg. 282 p.

Khmel'nitskiy S., 1992. Mezhdu arabami i tyurkami. Ranneislamskaya arkhitektura Sredney Azii [Between Arabs and Turks. Early Islamic architecture of Central Asia]. Berlin; Riga. 340 p.

Khmel'nitskiy S., 1996. Mezhdu samanidami i mongolami. Arkhitektura Sredney Azii XI–XIII vv. [Between the Samanids and the Mongols. Architecture of Central Asia of the 11th–13th centuries], I. Berlin; Riga. 333 p.

Khmel'nitskiy S., 2000. Mezhdu kushanami i arabami [Between the Kushans and Arabs]. Berlin; Riga. 290 p.

Korotskaya A.A., 1971. Architecture of India. *Vseobshchaya istoriya arkhitektury [Universal history of architecture], 9. Arkhitektura vostochnoy i yugovostochnoy Azii do serediny XIX v. [Architecture of East and Southeast Asia until the mid-19th century].* Moscow; Leningrad: Stroyizdat, pp. 15–131. (In Russ.)

Kryukov K.S., Lukinskaya N.M., 1972. Guzar mosques of Bukhara. *Arkhitekturnoye naslediye [Architectural heritage]*, 19. Moscow; Leningrad, pp. 192–202. (In Russ.)

Kuran Aptullah, 1971. Thirteenth and Fourteenth Century Mosques in Turkey. *Archaeology*, vol. 24, no. 3, pp. 234–254.

Kyugel'gen A. fon, 2001. The flourishing of Naqshbandiyah-Mujaddidiyah in Middle Transoxan from the 18th to the early 20th century: the experience of a detective investigation. *Sufizm v Tsentral'noy Azii (zarubezhnyye issledovaniya) [Sufism in Central Asia (foreign studies)].* St. Petersburg, pp. 275–330. (In Russ.)

Man'kovskaya L.Yu., 1980. Tipologicheskiye osnovy zodchestva Sredney Azii (IX–nachalo XX v.) [Typological foundations of Central Asian architecture (the 9th– early 20th centuries)]. Tashkent: Fan. 183 p.

Nikitin A.B., Smirnova L.O., 2017. A rare case of Muslim architecture in Darvaz. *Problemy arkheologii i istorii Tadzhikistana [Issues of archaeology and history of Tajikistan].* Dushanbe: Donish, pp. 94–102. (In Russ.)

Nikitin A.B., Smirnova L.O., 2019. Numismatic finds from the Qalai Kuhna (Karron) fortified settlement and the problem of dating of preserved architectural structures. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 255, pp. 359–366. (In Russ.)

Peregudova S.Ya., 1989. Tash-Rabat [Tash-Rabat]. Frunze: Ilim. 65 p.

Pugachenkova G.A., 1958. Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory razvitiya rabovladeniya i feodalizma [Ways of developing the architecture of southern Turkmenistan during the periods of slavery and feudalism]. Moscow: AN SSSR. 492 p.

Pugachenkova G.A., 1976. Zodchestvo Tsentral'noy Azii XV v. [Architecture of Central Asia of the 15th century]. Tashkent. 115 p.

Sukhareva O.A., 1976. Kvartal'naya obshchina pozdnefeodal'nogo goroda Bukhary (v svyazi s istoriyey kvartalov) [The town block community of the late feudal Bukhara (regarding the history of town blocks)]. Moscow: Nauka. 365 p.

Veymarn B.V., 1940. Iskusstvo Sredney Azii [The art of Central Asia]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo. 192 p.

Voronina V.L., 1969. Architecture of Central Asia of the 18th–19th centuries. *Vseobshchaya istoriya arkhitektury [Universal history of architecture], 8. Arkhitektura stran Sredizemnomor'ya, Afriki i Azii [Architecture of the Mediterranean, Africa and Asia].* Yu.S. Yaralov, ed. Moscow: Stroyizdat, pp. 331–346. (In Russ.)

Yakobson A.L., 1983. Seljuk echoes of the Armenian medieval architecture. *Istoriko-filologicheskiy zhurnal [Historical and philological Journal]*, 4, pp. 126–130. (In Russ.)

Yakubov Yu., Smirnova L., Nikitin A., 2017. Results of the activities of the Darvaz archaeological detachment at the Qalai Kukhna (Karron) site in 2013. *Arkheologicheskiye raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XXXIX. Dushanbe, pp. 157–183. (In Russ.)

Yakubov Yu.Ya., 2016. The results of the activities of the Darvaz archaeological detachment at the Qalai Kukhna site in 2012. *Arkheologicheskiye raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XXXVIII. Dushanbe, pp. 145–181. (In Russ.)

Yakubov Yu.Ya., 2019. Archaeological works on the Karron fortified settlement in Darvaz in 2014. *Arkheologicheskiye raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XL. Dushanbe, pp. 290–302. (In Russ.)

Yakubov Yu.Ya., Momini A., Pilosaidi K., 2019. Results of the activities of the Darvaz archaeological detachment at the Qalai Kuhna (Karron) site in 2014. *Arkheologicheskiye raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XL. Dushanbe, pp. 280–285. (In Russ.)

Zasypkin B.N., 1948. Arkhitektura Sredney Azii [Central Asian architecture]. Moscow: Izd. Akad. arkhitektury. 160 p.

Zilivinskaya E.D., 2014. Arkhitektura Zolotoy Ordy [Golden Horde architecture], I. Kul'tovoye zodchestvo [Religious architecture]. Moscow; Kazan': Otechestvo. 228 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 189–203

ИСТОРИЯ НАУКИ

БАЛКАНСКАЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АН СССР 1946 г. (проект и итоги)

© 2020 г. А.А. Кудрявцев

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.12.2019 г.

В 1946 г. по решению Президиума АН СССР в Болгарию, Югославию и Румынию была отправлена археолого-этнографическая экспедиция в составе шести сотрудников Института истории материальной культуры и Института этнографии. За два месяца работы ее участниками были прочитаны лекции в местных музеях и университетах, осуществлены этнографические исследования, обследованы археологические коллекции, установлены контакты с балканскими археологами. В статье рассматриваются проекты экспедиции, ее подготовка, итоговые публикации и отчеты. Несмотря на общий ознакомительный характер Балканской экспедиции и нереализованные планы совместных археологических исследований в Болгарии, ее проведение имело большое значение как для советской стороны, так и для ученых Балканских стран.

Ключевые слова: А.В. Арциховский, Б.Д. Греков, П.Н. Третьяков, Институт истории материальной культуры, Институт этнографии, международные научные связи, Балканы.

DOI: 10.31857/S086960630010960-5

С вовлечением стран Восточной Европы в орбиту советского влияния после завершения Второй мировой войны активизировалась политика Советского Союза на Балканах. На новом уровне получили свое развитие и научные связи, особенно в гуманитарной сфере, во многом прерванные в межвоенный период. На почве возобновившихся дискуссий о славянском единстве и поиске его истоков возросло значение исследований в области археологии и этнографии. Возникла необходимость создания совместных научных программ и экспедиций.

В этой связи летом 1945 г. был разработан проект комплексной Балканской археолого-этнографической экспедиции, в состав которой вошли крупные советские археологи и этнографы. План был реализован в январе–марте 1946 г. За этот период сотрудники Института истории материальной культуры (ИИМК) и Института этнографии посетили Болгарию, Югославию и Румынию.

Изучение процесса подготовки и подведение итогов экспедиции проведено в контексте общего исследования международной деятельности ИИМК с 1945 по 1991 г. В послевоенный период зарубежных археологических экспедиций было совсем немного, поэтому каждый подобный проект заслуживает пристального внимания.

Основы будущего сотрудничества советских и балканских археологов были заложены на праздновании 220-летнего юбилея Академии наук, проходившего в Москве и Ленинграде в июне–июле 1945 г. Торжества посетили более 1200 ученых, в том числе и из Балканских стран. Среди них – президент Сербской королевской академии наук А. Белич, президент и вице-президент Болгарской академии наук и искусств Д.Г. Михалчев и Н.Г. Долапчиев.

Результаты археологических исследований в СССР освещались на Юбилейной сессии в Отделении истории и философии АН СССР в докладах директора Института истории материальной культуры Б.Д. Грекова “Образование Русского государства” и его заместителя П.Н. Третьякова “Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства” (Юбилейная сессия..., 1947. С. 120–122). В частности, в них были представлены открытия и достижения советских археологов, с которыми большинство зарубежных ученых познакомились впервые.

На последующем совместном заседании в Институте истории была декларирована необходимость создавать библиографии по каждой

славянской стране, организовывать книгообмен, устанавливать контакты между учеными посредством совместных научных поездок (Юбилейная сессия..., 1947. С. 125).

В области археологии эти намерения реализовались уже осенью 1945 г. 4 ноября на распорядительном заседании Президиума АН СССР было принято решение об отправке историко-археологической экспедиции на Балканы "в целях изучения важнейших проблем истории Балканских стран, а также истории славянства направить в ноябре 1945 г. в Болгарию, Югославию и Румынию экспедицию археологов и этнографов" (АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 512. Л. 5). Специалист по истории славистики М.Ю. Досталь решение об отправке экспедиции связывала с положительными итогами торжественных заседаний в период празднования юбилея Академии наук и командировки академика Н.С. Державина по Болгарии и Югославии, длившейся с февраля по октябрь 1945 г., во время которой ученый удостоился правительственных наград и аудиенции с И. Тито (Досталь, 2009. С. 386, 387).

Однако представляется, что первоначальный проект экспедиции был заложен раньше. Еще на Всесоюзном археологическом совещании, проводившемся на базе ИИМК в Москве весной 1945 г., Б.Д. Грековым в пленарном докладе "Итоги археологических исследований за советский период" было заявлено "о необходимости археологического исследования территории Византии и славянских стран Подунавья с целью изучения связей последних с Киевской Русью и проблем этногенеза славян. С этой целью поставить вопрос о восстановлении бывшего Русского археологического института в Константинополе" (Тезисы и проекты резолюций..., 1945. С. 8). Пункт о планировании и организации археологических экспедиций, научных командировок в зарубежные страны был озвучен также в докладе академика И.И. Мещанинова "О планировании археологических исследований в СССР" (Тезисы и проекты резолюций..., 1945. С. 14).

Подготовка Балканской экспедиции началась вскоре после заседаний Всесоюзного археологического совещания. Концом июня 1945 г. датируется докладная записка вице-президента АН СССР В.П. Волгина секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову с прошением о содействии в получении разрешения организовать ряд экспедиций в Балканские страны: "Интересы развития отечественной науки в области этнического состава славян Балканского полуострова, истории их материальной культуры и искусства близких нам народов, а также назревшая потребность расширения диапазонов тематики соответствующих институтов АН СССР делают своевременной постановку вопросов о научных экспедициях" (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 1). На записке В.П. Волгина от 26 июля 1945 г. была поставлена резолюция: "Срочно. т. Александрову. Прошу доложить предложения. Г. Маленков". Выписки из документа были также посланы В.М. Молотову, В.Н. Меркулову, в Оргбюро. Ответа Г.Ф. Александрова обнаружить не удалось (Академия наук в документах..., 2000. С. 311, 312).

К письму были приложены три докладные записки на имя В.П. Волгина от Б.Д. Грекова, директора и ученого секретаря Института этнографии С.П. Толстова и М.Г. Рабиновича, директора Института истории искусств И.Э. Грабаря с проектами по организации археологических и этнографических исследований на Балканах, а также проведению обследования балканской архитектуры и живописи соответственно (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 2-10).

Программа планируемых исследований от ИИМК отличалась весьма впечатляющим размахом для первых послевоенных месяцев. В ней был изложен план исследований археологических памятников Дунайского бассейна и Балкан, обусловленный "необходимостью разработки и правильного понимания проблем, связанных с происхождением славян, их расселения и миграций". Подчеркивалось, что большинство вопросов может быть решено только посредством археологических исследований. Особо было выделено значение византийских древностей – "история Византии, оказавшей столь решающее влияние и на культуру Древней Руси, не может быть до конца раскрыта без археологического изучения ее взаимоотношений с балкано-славянскими племенами" (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 4).

Деятельность экспедиции планировалось разделить на два этапа. В начальный период члены экспедиции должны были ознакомиться с археологическими фондами музеев Чехословакии, Венгрии, Югославии, Болгарии и Румынии, а также установить научные контакты с местными археологическими

учреждениями в целях организации совместных исследований.

Ко второму этапу относилось обследование районов, в которых были намечены места будущих раскопок. Прежде всего – это правый берег Нижнего Дуная. Планировалась широкая археологическая разведка и последующие раскопки в следующих пунктах: Преслав, Тырново, Силистра, Плиска. “Задачи работ в этих районах заключаются в выявлении антского слоя в придунайских городищах, а также слоев эпохи Киевской Руси. Необходимо продолжать археологические исследования в Абобе-Плиске, начатые русскими учеными еще 40 лет назад”[1] (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 4).

Задачами этого этапа в рамках решений проблем славянского этногенеза являлось также выявление поселений дако-фракийских племен в треугольнике Галац-Тырново-Варна и раскопки курганных могильников скифо-сарматского времени в бассейне р. Марицы. Для выяснения роли античных Греции и Рима в формировании раннеславянской культуры предлагалось изучать античные центры Македонии. В программу были включены исследования поселенческих памятников энеолита и бронзового века на территории Румынии и Молдавии для “изучения древнейших этапов истории земледельческих племен Нижне-Дунайского региона, связанного с культурами Поднепровья, являющимися основой всего последующего этногеографического процесса” (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 5).

Отметим, что даже при обсуждении и планировании археологических исследований в СССР на заседаниях Всесоюзного археологического совещания 1945 г. не возникало подобного масштаба проектов в отдельно взятых регионах.

По проекту на первый этап работы экспедиции, т.е. на ознакомление с музейными фондами, отводилось два месяца. Сроки стационарных работ должны были быть определены после завершения первого этапа. В проект был включен и состав будущей экспедиции: Б.Д. Греков, А.В. Мишулин, А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков, И.Т. Кругликова, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, М.А. Тиханова, В.Н. Дьяков, Б.А. Рыбаков.

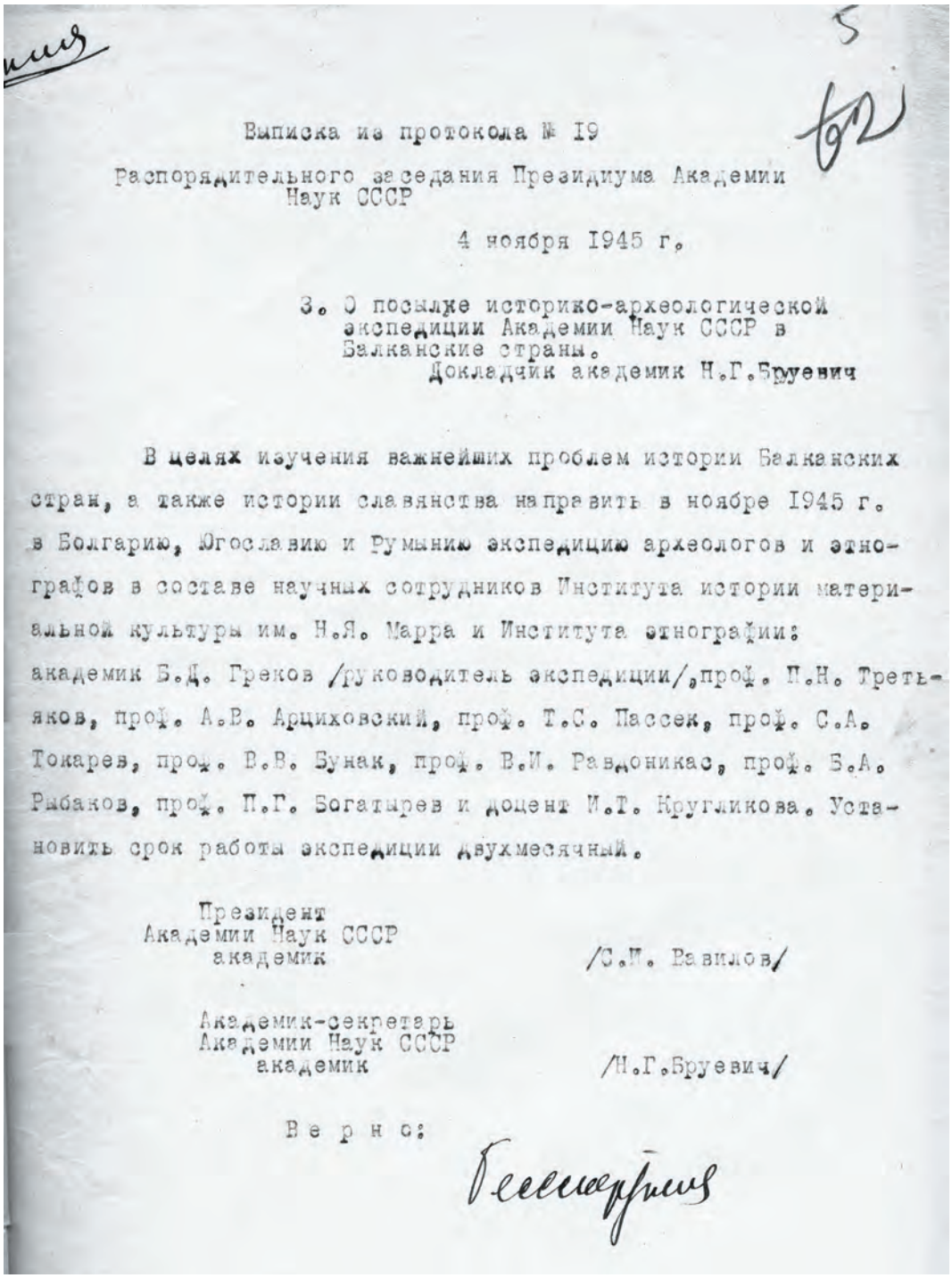
Планируемая программа Института этнографии включала лишь две задачи: изучение русского элемента в Болгарии с целью проследить историко-культурные связи Древней Руси и Болгарии, их отражение в быту, материальной и духовной культуре современного болгарского народа и исследование этнического состава населения Македонии как не решенного на тот момент вопроса. Список участников приведен не был (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 8).

В записке от Института истории искусств сообщалось, что детальное ознакомление с памятниками балканской архитектуры и живописи может осветить происхождение многих из форм древнерусского и раннемосковского зодчества, особо в этом контексте подчеркивалась важность взаимоотношений Новгорода и Сербии. В задачи также было включено ознакомление балканских ученых с новыми методами реставрации архитектурных объектов в СССР. Далее следовали внушительный список памятников для обследования и состав участников, в который были включены выдающиеся деятели отечественного искусствоведения, архитектуры и реставрации: И.Э. Грабарь, А.В. Щусев, В.Н. Лазарев, П.Д. Барановский, М.В. Алпатов и др. (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 8). Этот проект реализован не был.

Рассматривая планируемый состав экспедиции от ИИМК, отметим, что в него были включены археологи – специалисты по каждой эпохе, отраженной в проекте, – от бронзового века до средневековья, а также два историка-антиковеда – А.М. Мишулин и В.Н. Дьяков. В дальнейшем состав был сокращен и скорректирован. На упомянутом выше распорядительном заседании Президиума АН СССР от 4 ноября 1945 г. был утвержден обновленный список членов экспедиции. Из состава были исключены историки-антиковеды, а также В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков, С.В. Киселев, Т.С. Пассек и М.А. Тиханова, специализирующиеся на археологии эпохи палеометалла, античности и раннего железного века. При этом в список участников были введены В.И. Равдоникас, антрополог В.В. Бунак, этнографы П.Г. Богатырев и С.А. Токарев (рис. 1). Руководителем был назначен Б.Д. Греков, а сроки экспедиции ограничены двумя месяцами (АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 512. Л. 5).

Уже на этом уровне можно проследить, что изначальные планы экспедиции сильно

[1] Раскопки Плиски директором Русского археологического института в Константинополе Ф.И. Успенским в 1899–1900 гг.



Выписка из протокола № 19

Распорядительного заседания Президиума Академии Наук СССР

4 ноября 1945 г.

3. О посылке историко-археологической экспедиции Академии Наук СССР в Балканские страны.
Докладчик академик Н.Г.Бруевич

В целях изучения важнейших проблем истории Балканских стран, а также истории славянства направить в ноябре 1945 г. в Болгарию, Югославию и Румынию экспедицию археологов и этнографов в составе научных сотрудников Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра и Института этнографии: академик Б.Д. Греков /руководитель экспедиции/, проф. П.Н. Третьяков, проф. А.В. Арциховский, проф. Т.С. Пассек, проф. С.А. Токарев, проф. В.В. Бунак, проф. В.И. Равдоникас, проф. Б.А. Рыбаков, проф. П.Г. Богатырев и доцент И.Т. Кругликова. Установить срок работы экспедиции двухмесячный.

Президент
Академии Наук СССР
академик /С.И. Вавилов/

Академик-секретарь
Академии Наук СССР
академик /Н.Г.Бруевич/

Верно:

Рис. 1. Выписка из протокола Распорядительного заседания Президиума АН СССР об отправке археолого-этнографической экспедиции на Балканы (АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 512. Л. 5).

Fig. 1. An extract from the minutes of the Administrative meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences on sending an archaeological and ethnographic expedition to the Balkans (Archive RAS. Fund 1909. List 1. File 512. P. 5)

ограничили на уровне Президиума АН СССР и государственных структур, контролировавших ее организацию, оставив лишь этнографическую составляющую и различные аспекты изучения средневековой истории славянских народов Балканского полуострова.

Тем не менее даже в таком виде отправка экспедиции являлась важным достижением, открывая значимые перспективы как в плане международных контактов, так и в сфере исследований в области славяно-русской археологии в целом. Вероятно, основным

инициатором организации поездки советских археологов и этнографов на Балканы был Б.Д. Греков, так как именно он вел совместные заседания на Юбилейной сессии Академии наук с учеными из Болгарии и Югославии. Кроме того, его положение академика, директора двух академических институтов (ИИМК и Институт истории) и президента исторической секции Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) могло содействовать организации экспедиции на высоком государственном уровне.

Определенную роль в планировании Балканской экспедиции играл и П.Н. Третьяков, занимавшийся вопросами происхождения славян и впоследствии разработавший свою концепцию по этому вопросу. В 30-х годах он активно исследовал славянские поселения в Среднем Поднепровье, и предполагаемые раскопки на Балканах вполне могли стать продолжением данных исследований. Наличие в изначальном проекте Балканской экспедиции пунктов о раскопках памятников эпохи бронзы и раннего железного века также можно связать именно с научными интересами П.Н. Третьякова, а не историка Б.Д. Грекова. Формируя свое видение славянского этногенеза, он выделял в материалах археологических культур Восточной Европы указанных периодов протославянские элементы (Третьяков, 1953. С. 20–82).

В целом проект Балканской экспедиции мог быть и косвенно связан с планами восстановления Русского археологического института, озвученными на заседаниях Всесоюзного археологического совещания весной 1945 г. С учетом политической обстановки можно предположить, что он мог бы при определенных обстоятельствах появиться в одной из Балканских стран. Для правительственных структур проведение Балканской экспедиции было важной гуманитарной акцией и, надо полагать, одним из актов советской культурной дипломатии на Балканском полуострове в послевоенный период.

Несмотря на постановление Президиума АН СССР об отправке историко-археологической экспедиции на Балканы в ноябре 1945 г., сроки ее работы были перенесены. К тому времени снова сократился состав участников. Были исключены В.В. Бунак, Т.И. Кругликова и Т.С. Пассек. Б.Д. Греков не смог поехать по состоянию здоровья. Прошение о его замене на П.Н. Третьякова в качестве руководителя экспедиции В.П. Волгин 10 декабря 1945 г. подал на имя Г.Ф. Александрова (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 14).

Мог быть исключен из состава членов делегации и А.В. Арциховский. В письме в Президиум АН от 20.11.1945 ректор МГУ И.С. Галкин и декан исторического факультета М.Н. Тихомиров выступили с решительным возражением относительно планируемой командировки А.В. Арциховского на Балканы в декабре 1945 г. в связи с невозможностью заменить его в качестве лектора по археологии, обязательной для студентов первого курса всех специальностей (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945–1956). Д. 30. Л. 10).

В итоге экспедиция отправилась на Балканы 10 января 1946 г. в следующем составе: П.Н. Третьяков, А.В. Арциховский, В.И. Равдоникас, Б.А. Рыбаков, П.Г. Богатырев и С.А. Токарев. Поездка продолжалась два месяца – до 9 марта 1946 г. Ее первый этап прошел в Болгарии (рис. 2). С 4 февраля советские археологи и этнографы начали исследования в Югославии, а заключительный период работы прошел в Румынии. В Бухарест участники экспедиции прибыли 3 марта 1946 г. Маршрут делегации по городам приведен в записной книжке А.В. Арциховского, которую он вел во время поездки (рис. 3). В ней же присутствуют выписки по материалам из музейных коллекций, номера телефонов балканских ученых и чиновников (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-27).

За указанный срок члены экспедиции посетили различные музеи, осмотрели разнообразные архитектурные памятники, провели многочисленные встречи с представителями научных кругов Болгарии, Югославии и Румынии, а также прочитали более 40 лекций и докладов, что стало ярким событием в общественной жизни этих стран. Хроника совместных заседаний и выступлений в Софии освещалась на страницах болгарской газеты “Отечествения фронт”[2]. Советские ученые пользовались помощью и поддержкой со стороны правительственных структур всех указанных стран, содействие также оказывали сотрудники советских посольств и организаций по линии ВОКС (рис. 4), это отмечено в итоговом отчете П.Н. Третьякова. В подтверждение этому стоит

[2] Автор выражает глубокую благодарность к.и.н. Н.С. Гусеву (Институт славяноведения РАН) за консультации и предоставленную возможность ознакомиться с материалами архива и библиотеки Болгарской академии наук.

Рис. 2. Участники Балканской археолого-этнографической экспедиции. София. 31.01.1946 (Архив Новгородской археологической экспедиции ИА РАН). Слева направо стоят: С.А. Токарев, Б.А. Рыбаков; сидят: В.И. Равдоникас, А.В. Арциховский, П.Н. Третьяков, П.Г. Богатырев.

Fig. 2. Members of the Balkan Archaeological and Ethnographic Expedition. Sofia. January 31, 1946 (Archive of the Novgorod Archaeological Expedition, IA RAS). Left to right standing: S.A. Tokarev, B.A. Rybakov; sitting: V.I. Ravdonikas, A.V. Artsikhovsky, P.N. Tretyakov, P.G. Bogatyrev

упомянуть, что, будучи в Югославии, члены экспедиции из Сплита в Дубровник направились на яхте правительства Боснии и Герцеговины, предоставленной командованием Адриатического флота Югославии (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 12, 21-22, 26). О теплоте приема советской делегации свидетельствует и отрывок из письма А.В. Арциховского М.Н. Тихомирову, отправленного из Белграда 05.02.1946: “(...) Перелетели из Москвы в Софию отлично, прожили в Болгарии 22 дня, осмотрели много музеев, прочли ряд докладов (я – два доклада в Софийском университете), сидели со скукой на бесчисленных банкетах в нашу честь, ездили в царском вагоне в Пловдив, Варну, Преслав, Мадару, Плиску, открыли в музеях много никому не известных славянских вещей русских типов (...)” (АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 2).

Наиболее важным и успешным результатом экспедиции представляется установление научных контактов с балканскими учеными. В плане этого сотрудничества наибольший эффект был достигнут в Болгарии, на территории которой впоследствии планировалось развернуть совместные археологические исследования. Напротив, в Румынии работы экспедиции носили меньший по масштабу характер из-за малого срока пребывания и были ограничены только Бухарестом. По итогам поездки ее участниками в ведущих советских научных журналах были опубликованы четыре статьи, в которых они представили результаты исследований по основным направлениям. Эти публикации были подробно проанализированы М.Ю. Досталь в контексте изучения международных связей советских славистов (Досталь, 2009. С. 387–394).

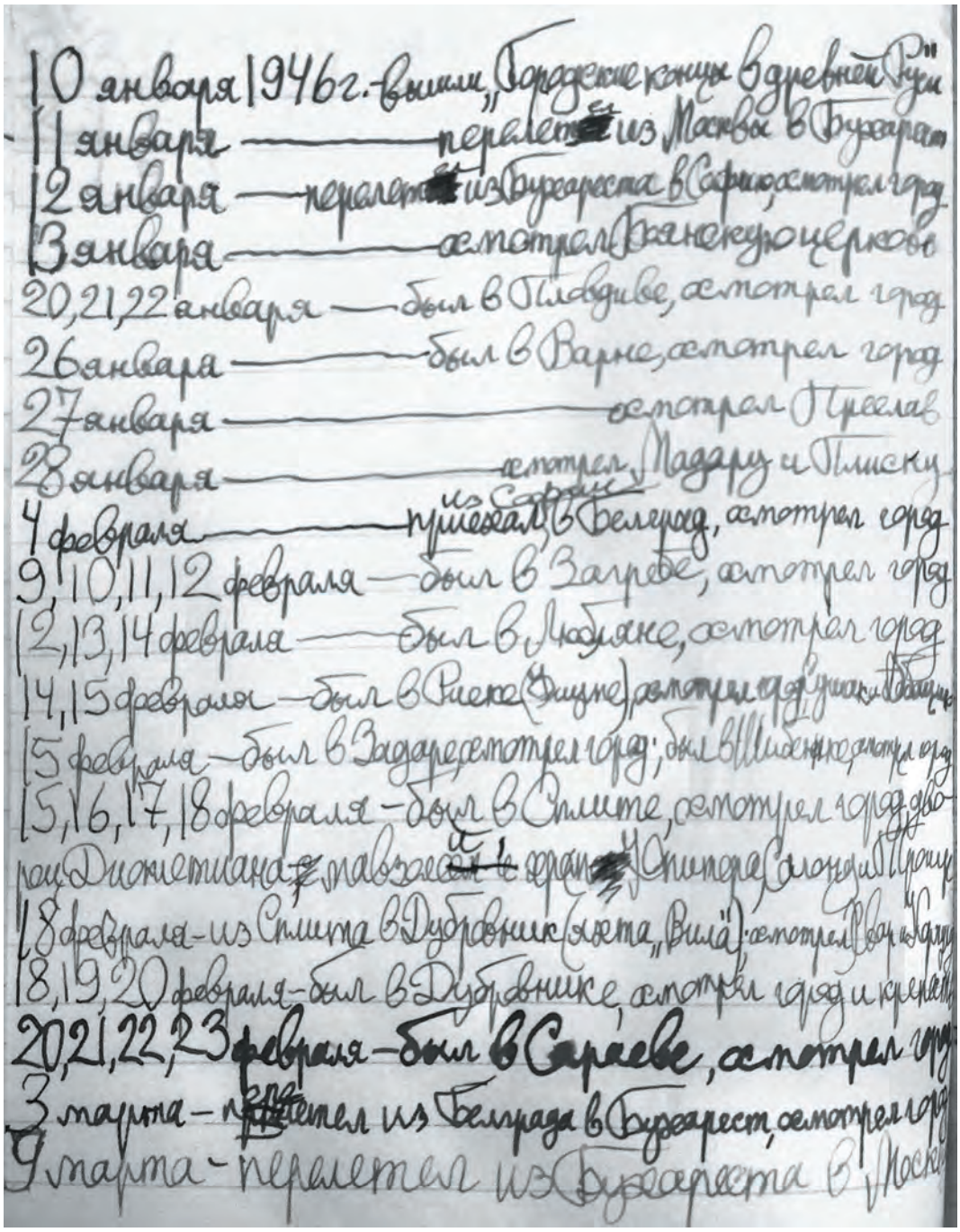

10 января 1946 г. — выехал, „Городские концы в древней Руси"
11 января — перелетел из Москвы в Бухарест
12 января — перелетел из Бухареста в София, осмотрел город
13 января — осмотрел Боянскую церковь
20, 21, 22 января — был в Пловдиве, осмотрел город
26 января — был в Варне, осмотрел город
27 января — осмотрел Преслав
28 января — осмотрел Мадару и Плиску
4 февраля — приехал из Софии в Белград, осмотрел город
9, 10, 11, 12 февраля — был в Загребе, осмотрел город
12, 13, 14 февраля — был в Любляне, осмотрел город
14, 15 февраля — был в Риеке (Фиуме), осмотрел город
15 февраля — был в Задаре, осмотрел город; был в Шибенике, осмотрел город
15, 16, 17, 18 февраля — был в Сплите, осмотрел город, дворец Диоклетиана, мавзолей и храм Юпитера, Салону и Приштину
18 февраля — из Сплита в Дубровник (яхта „Вила"), осмотрел город и крепость
18, 19, 20 февраля — был в Дубровнике, осмотрел город и крепость
20, 21, 22, 23 февраля — был в Сараеве, осмотрел город
3 марта — перелетел из Белграда в Бухарест, осмотрел город
9 марта — перелетел из Бухареста в Москву

Рис. 3. Маршрут Балканской археолого-этнографической экспедиции в записной книжке А.В. Арциховского (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 16. Л. 27).

Fig. 3. The route of the Balkan Archaeological and Ethnographic Expedition in A.V. Artsikhovsky's notebook (Archive RAS. Fund 1804. List 1. File 16. P. 27)

Общие итоги длительной поездки были подведены П.Н. Третьяковым, им же были очерчены и дальнейшие перспективы совместного сотрудничества советских и балканских ученых в области археологии и этнографии (1947а. С. 283, 284). А.В. Арциховский представил подробный рассказ о местных музеях, античных и средневековых древностях, архитектурных памятниках, монастырях и храмах. В работе присутствует и характеристика славянской материальной культуры на Балканах, приводятся аналогии из раскопок в Новгороде (Арциховский, 1946. С. 100–107). Результаты этнографических исследований П.Г. Богатырева и С.А. Токарева включают сведения об этнографических музеях в Софии и Белграде, а также

Рис. 4. Участники Балканской археолого-этнографической экспедиции с югославскими коллегами у археологического музея в Любляне. 13.02.1946. Слева направо: В.И. Равдоникас, П.Н. Третьяков, Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский, Стеле, Маджарович (сотрудники Общества культурного сотрудничества Югославии с СССР; инициалы неизвестны), П.Г. Богатырев, Дж. Бошкович (профессор Белградского университета), Б. Крефт (словенский писатель) (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 56. Л. 5).

Fig. 4. Members of the Balkan Archaeological and Ethnographic Expedition with Yugoslav colleagues at the Archaeological Museum in Ljubljana. February 13, 1946. Left to right: V.I. Ravdonikas, P.N. Tretyakov, B.A. Rybakov, A.V. Artsikhovsky, Stele, Madjarovic (members of the Society for Cultural Cooperation between Yugoslavia and the USSR; initials unknown), P.G. Bogatyrev, J. Boskovic (professor at the University of Belgrade), B. Kreft (Slovenian writer) (Archive RAS. Fund 1804. List 1. File 56. P. 5)

анализ материала, собранного в ходе поездок по болгарским, сербским, боснийским, хорватским и словенским деревням, – описания национальных праздников, свадеб, похорон, одежды, жилищ, песен и музыкальных инструментов (Токарев, 1946. С. 200–210; Богатырев, 1947а. С. 82–94).

Отмеченные статьи и на данный момент во многом сохраняют свою актуальность, являясь важными исследованиями по этнографии и археологии Балканского полуострова. В работах А.В. Арциховского и П.Н. Третьякова особое внимание придавалось также античным и византийским древностям, общим вопросам о состоянии гуманитарной науки и музейного дела на Балканах. Можно предположить, что эта серия публикаций 1946 и 1947 гг. заново раскрывала многие аспекты истории балканских народов перед советской наукой. Например, сами участники экспедиции никогда ранее не были в этом регионе и не были знакомы с местными учеными.

В течение 1946 г. П.Н. Третьяков дважды выступал на заседаниях сектора Древней Руси Ленинградского отделения ИИМК с докладами “Информационное сообщение о средневековых памятниках Балканского полуострова” и “Праздник Сурвакары в западной Болгарии”

(АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 27. Л. 70). Позже он опубликовал еще одну статью, посвященную материальной культуре славянского населения в Болгарии, которая базируется на сопоставлении археологического и этнографического материала, собранного во время Балканской экспедиции (Третьяков, 1948. С. 170–183).

А.В. Арциховский в Москве представил разбор монографии директора Болгарского археологического музея Н.П. Мавродинова (Mavrodinov, 1943) о Надьсентмиклошском кладе (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 6. Л. 1).

В 1947 г. в Софии на болгарском языке под грифом Болгарской академии наук (БАН) был опубликован сборник “Славянская археология и этнография в Советском Союзе”, предисловие к которому написал председатель славянского отдела Болгарского археологического института академик БАН С.М. Романски. Книга состоит из семи статей участников Балканской экспедиции, написанных по материалам лекций, прочитанных ими в различных болгарских учебных и научных учреждениях (в Софийском университете, Археологическом институте, Этнографическом музее).

Эти публикации, в свою очередь, представили для болгарских ученых материалы новейших археологических исследований в СССР, которые были охарактеризованы В.И. Равдоникасом (1947а. С. 1–29), им же написана статья по раскопкам в Старой Ладоге (1947б. 60–110). Работа П.Н. Третьякова посвящена изучению материальной культуры восточнославянских племен до образования Древнерусского государства (1947б. С. 30–47), Б.А. Рыбакова – археологическому изучению древнерусских городов, в основном на примере Киева и Новгорода, упоминались и обследования архитектурных памятников (Рибаков, 1947. С. 48–59). А.В. Арциховский привел данные о единстве славянской материальной культуры в X–XIII вв., основываясь на сходстве форм керамических сосудов, похожих обозначениях для бытовых предметов и украшений, общеславянских языческих культах (1947. С. 111–119). Истории этнографических исследований в СССР была посвящена работа С.А. Токарева (1947. С. 120–155), П.Г. Богатырев написал о народном театре у славян (Богатирьов, 1947б. С. 156–167).

Впрочем, несколько лекций, прочитанных в Болгарии, не были опубликованы – доклады А.В. Арциховского “Университеты и высшее образование в СССР” и П.Г. Богатырева “Советская фольклористика за последние годы” (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 9). Кроме указанного сборника в послевоенные годы за границей более не выходило подобных обобщающих работ по археологии в СССР.

В духе того времени статьи участников Балканской экспедиции в советской научной периодике носят благожелательный характер и не содержат каких-либо оценочных суждений. Тем ценнее становятся материалы докладов и отчетов П.Н. Третьякова, посвященных итогам Балканской экспедиции. Уже 12 марта 1946 г. он представил основные ее результаты на заседании Ученого совета ИИМК, что вызвало много вопросов и обсуждений дальнейших перспектив экспедиции (АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 34. Л. 2-25). Тогда же были подготовлены его почти аналогичные краткие отчеты для президента АН СССР С.И. Вавилова (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 29-36) и Президиума АН СССР (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1946). Д. 250. Л. 1-10).

Наиболее важна рассекреченная полная версия его отчета, имевшая гриф “для служебного пользования”. П.Н. Третьяков приводил ряд сведений, не попавших в официальные публикации: оценку развития археологической науки в Болгарии, Югославии и Румынии в целом и характеристики отдельных ученых (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 1-28). Среди них он упоминал и русских эмигрантов: сотрудника Варненского музея С.И. Покровского и заведующего археологическим отделом музея в Сараево Д.Н. Сергиевского.

Характеризуя состояние археологии в Болгарии, П.Н. Третьяков перечислял основные музеи, наиболее яркие открытия и памятники, отмечая ее значительный масштаб и вместе с тем ограниченность: “Археологическая наука в Болгарии является не столько частью исторической науки, сколько частью истории искусств и истории архитектуры. Археологов привлекают лишь те памятники, которые, по их мнению, имеют художественное значение. Предметы бытового назначения, остатки поселений, рядовых жилищ, следы ремесел, составляющие основной объект изучения советских археологов, здесь, как правило, остаются без внимания и погибают. Вследствие этого и методика раскопок носит весьма примитивный характер и сводится к задаче вскрытия архитектурных остатков или к поискам эффектных вещей без достаточного изучения культурных напластований. Те памятники, которые не обещают эффектных находок,

как, например, сельские поселения и их могильники, земляные укрепления и т.п., совершенно не исследуются. По этой же причине очень плохо изучены в Болгарии памятники палеолита (известно два-три местонахождения), неолита, эпохи бронзы и раннего железного века. Внимание археологов привлекают преимущественно античность, древнеболгарские города и храмы. Перечисленные выше болгарские музеи представляют собой хранилища древних вещей без каких-либо попыток их исторической интерпретации. Что касается подготовки археологических кадров, то она в Болгарии совершенно отсутствует" (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 5-6).

Представляется, что столь резкая интонация отчета, предназначенного, вероятно, в том числе и для сотрудников государственных структур и дипломатических ведомств, связана в основном с идеологической составляющей. По всей видимости, П.Н. Третьяков критиковал скорее старые порядки, оставшиеся в болгарской археологии в послевоенное время. Например, он отмечал, что все болгарские археологи получили образование за границей (во Франции и Германии). В то же время, занимая административные посты, он бы не смог избежать подобных идеологических оценок. При этом ценны его наблюдения о методике раскопок.

Далее П.Н. Третьяков приводил сведения о большом количестве слушателей во время лекций, обмене научной литературой, совещаниях. На одном из них было обсуждено предложение АН СССР относительно организации в дальнейшем совместных археологических и этнографических исследований на территории Болгарии, что встретило полную поддержку и было высказано пожелание об организации совместных полевых археологических исследований в одном из районов северо-западной Болгарии уже осенью 1946 г. (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 11-12).

Археологическая наука в Югославии, по мнению П.Н. Третьякова, также в основном подчинена искусствознанию, и ее положение аналогично состоянию болгарской археологии, в том числе и в плане подготовки кадров. "Основной объект интересов – памятники римской архитектуры и искусства, средневековые византийские, более поздние католические и православные храмы". Исследований в области славянской археологии, по его словам, почти не проводилось (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 11-12). П.Н. Третьяков констатировал практически полное отсутствие советской археологической литературы в Югославии.

Отметим, что он довольно высоко оценивал этнографические исследования и музейные собрания по этой тематике в Болгарии, Югославии и Румынии (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 7, 17, 25).

В заключение П.Н. Третьяков по пунктам перечислил достижения экспедиции, в которые входит и вопрос об организации совместных археологических исследований на Дунае, и предложил осуществить ряд мероприятий для дальнейшего сотрудничества. Среди них – посылка в балканские научные учреждения советской археологической, этнографической и исторической литературы; командировка на Балканы советских археологов – специалистов по палеолиту, античности, хазаро-болгарским древностям, антропологов, историков архитектуры и искусства; организация в дальнейшем славянских научных съездов по археологии и этнографии, а также создание общих периодических научных изданий (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 28).

На распорядительном заседании Президиума АН СССР, состоявшемся в июне 1946 г., результаты работы Балканской экспедиции были одобрены по всем заявленным пунктам. Было принято решение ходатайствовать перед Советом Министров СССР о командировке на Балканы в 1947 г. группы советских ученых для организации в Болгарии на Дунае советско-болгарских археолого-этнографических и исторических исследований (АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1946 г. Д. 440. Л. 5).

Но второй этап работ Балканской археолого-этнографической экспедиции реализован не был. Совместные раскопки не состоялись, несмотря на то что еще 12 мая 1947 г. председатель БАН академик Т.В. Павлов сообщил в письме в Президиум АН СССР о том, что со стороны болгарской стороны все готово относительно договоренностей, заключенных в начале 1946 г., им было предложено начать исследования уже в августе 1947 г. (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 85. Л. 8-9).

Представляется, что одним из факторов, не позволившим осуществиться амбициозному проекту, являлось развертывание широкомасштабных раскопок в самом Советском Союзе. О недостаточном внимании к археологическому изучению русских городов, в особенности разрушенных во время Великой Отечественной

войны (прежде всего Новгорода и Пскова), было заявлено на заседании Президиума АН СССР, посвященном полевым исследованиям 1946 г. (АРАН. Ф. 1. Оп. 3б. Д. 88. Л. 43). В 1947 г. А.В. Арциховский продолжил прерванные раскопки в Новгороде, в дальнейшем начались масштабные археологические исследования в Пскове, Москве и в других городах и регионах СССР.

Наиболее значительную роль сыграли последующие идеологические кампании 1948–1949 гг., затронувшие ИИМК и самих участников Балканской экспедиции. В 1948 г. В.И. Равдоникас, поддержанный П.Н. Третьяковым, выступил с публичной критикой положений учебника А.В. Арциховского “Введение в археологию” и последовавшим выводом о безыдейности его трудов. В 1949 г. в ИИМК произошло антикосмополитическое собрание. В ходе дискуссии Б.А. Рыбаков обвинил в космополитизме В.И. Равдоникаса. После к обвинениям присоединился А.В. Арциховский (Тихонов, 2016. С. 183–185; С. 254–256). В таких условиях продолжение какой-либо совместной деятельности участников Балканской экспедиции стало невозможным.

К косвенным причинам можно отнести уход с поста директора ИИМК в 1946 г. организатора Балканской экспедиции Б.Д. Грекова. Отметим и советско-югославский конфликт 1948 г., повлиявший на политику Советского Союза на Балканах.

В 1946 г. поездку в Монгольскую Народную Республику предпринял С.В. Киселев в рамках подготовки издания по истории МНР и межправительственных соглашений. В 1948–1949 гг. им были организованы значительные по объему раскопки Каракорума, различных поселенческих и погребальных памятников на территории Монголии, проведены этнографические исследования (Юсупова, 2019. С. 209–217). Вероятно, подобное могло осуществиться и в Болгарии.

В этих условиях проект Балканской экспедиции был отодвинут. Тем не менее он заложил основы дальнейшего сотрудничества, реализованного в налаженном книгообмене, установлении научных контактов. Планы проведения совместных археологических исследований впервые воплотились в 1954 г., когда силами Болгаро-Советской археологической экспедиции под руководством М.И. Артамонова были проведены раскопки городища у с. Попино в северо-восточной Болгарии (Артамонов, 1955. С. 36, 37).

В 1956 г. Б.А. Рыбаковым была организована Советско-Болгарская экспедиция, в состав которой помимо сотрудников ИИМК вошли ученые из Института археологии АН Украинской ССР и Института истории АН Белорусской ССР. В течение одного полевого сезона были осуществлены масштабные раскопки в детинце Чернигова (Рыбаков, 1956). В рамках экспедиции работали Северо-Донецкий (начальник С.А. Плетнева) и Поросский (начальник Ю.В. Кухаренко) отряды, в задачи которых входило изучение средневековых селищ и могильников в бассейне Северского Донца (Плетнева, 1956), обследование раннеславянских поселений в Поросье (Кухаренко, 1956).

В раскопках Чернигова и работах Поросского отряда участвовали сотрудники Археологического института Болгарской АН (БАН) С.Н. Георгиева и Ж.Н. Выжарова. Академик БАН К.И. Миятев в письме Б.А. Рыбакову от 22 января 1957 г. передавал благодарность болгарских археологов за участие в Советско-Болгарской экспедиции и отмечал необходимость дальнейших совместных археологических исследований. В этом же письме он упоминал совещание в Софии с А.В. Арциховским и П.Н. Третьяковым в 1946 г., когда планы о совместных исследованиях были озвучены впервые (НА БАН. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35. Л. 3).

В 1960-х годах плодотворное сотрудничество археологов Болгарии и СССР продолжилось, что выразилось в организации многолетней Болгаро-Советской археологической экспедиции. В 1961–1971 гг. под руководством Н.Я. Мерперта и Г.И. Георгиева и при участии Е.Н. Черных был исследован телль Эзеро в юго-восточной Болгарии (Мерперт, Черных, 1974. С. 208–214).

Е.Н. Черных провел изучение металла эпох энеолита и бронзы в музеях Болгарии и полевые исследования древнейших рудников этой страны (Черных, 1978). В работах той экспедиции участвовал также В.В. Бжания.

О подготовительном этапе этого проекта, намеченного еще в 1957 г., сотрудничестве с К.И. Миятевым и совместных исследованиях с болгарскими археологами оставил подробные воспоминания Н.Я. Мерперт (2011. С. 234–248). Следующим подобным археологическим объектом на территории Болгарии,

изучение которого проводилось совместно с отечественными археологами в период с 1982 по 2001 г., стал телль Юнаците (Катинчаров и др., 1995; Телль Юнаците..., 2007).

В 1977–1980 гг. силами Болгаро-Советской археологической экспедиции проводились раскопки Плиски. Ее советский отряд возглавляла С.А. Плетнева (1992). В 1978 г. Советско-Венгерская экспедиция по изучению Маяцкого археологического комплекса, организованная в 1975 г., стала Советско-Болгаро-Венгерской (1978–1982 гг.). Общее руководство исследованиями осуществляла С.А. Плетнева. (Маяцкое городище..., 1984).

Балканская археолого-этнографическая экспедиция 1946 г. носила в основном ознакомительный характер. В некоторой степени ее можно сравнить с археологическим путешествием Н.П. Кондакова по Македонии в 1900 г. (2019. С. 27–249). Благодаря лекциям и публикациям ее участников, общественность Балканских стран в полной мере смогла ознакомиться с достижениями и открытиями советской археологии и этнографии, на примере археологических данных проследить единство славянской материальной культуры. Публикации, вышедшие в Советском Союзе по результатам поездки, в очередной раз представили многообразие Балканского региона, его богатство разновременными археологическими памятниками и перспективы для этнографических исследований.

Очевидно, что такое сотрудничество было особо важным в атмосфере послевоенного времени. Несмотря на нереализованный проект совместных раскопок в конце 1940-х годов, итоги работы Балканской экспедиции 1946 г. имели большое значение для советских и балканских ученых, а также для установления научных связей, реализованных в дальнейшем.

Работа проведена при поддержке гранта Минобрнауки МК-1429.2019.6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 / Сост. В.Д. Есаков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 591 с.

Артамонов М.И. Болгаро-советская археологическая экспедиция 1954 г. // Тез. докл. на сессии Отд. ист. наук, на пленуме Института истории материальной культуры и сессии Ученого совета Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 г. / АН СССР. М., 1955. С. 36, 37.

Арциховский А.В. Археологическая поездка на Балканы // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 100–107.

Арциховский А.В. За средневековното културно единство на славяните // Славянска археология и етнография в Съветския Съюз. София, 1947. С. 111–119.

Богатырев П.Г. Отчет о поездке в Балканские страны // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 3. М., 1947а. С. 82–94.

Богатирьов П.Г. Проблеми за изучаване на народния театър у славяните // Славянска археология и етнография в Съветския Съюз. София, 1947б. С. 156–167.

Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы). М.: Индрик, 2009. 464 с.

Катинчаров Р.В., Мацанова В.Х., Мерперт Н.Я., Титов В.С., Авилова Л.И. Селищна могила при село Юнаците (Пазарджишко). Т. I. София: Агато, 1995. 156 с.

Кондаков Н.П. Македония. Археологическое путешествие. М.: Индрик, 2019. 648 с.

Кухаренко Ю.В. Отчет об археологических исследованиях в Поросье и на территории Волынского Полесья в 1956 г. // Архив ИА РАН. 1956. Р-1. № 1241.

Маяцкое городище. Тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. *С.А. Плетнева*. М.: Наука, 1984. 277 с.

Мерперт Н.Я., Черных Е.Н. Болгаро-Советская археологическая экспедиция // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 208–214.

Мерперт Н.Я. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус, 2011. 384 с.

Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Советско-Болгарской экспедиции в 1956 г. // Архив ИА РАН. 1956. Р-1. № 1230.

Плетнева С.А. Стратиграфические исследования Плиски (работы Советского отряда 1977–1980) // Плиска – Преслав. № 5. Шумен, 1992. С. 35–62.

Равдоникас В.И. Археологически изследвания в Съветския Съюз // Славянска археология и етнография в Съветския Съюз. София, 1947а. С. 1–29.

Равдоникас В.И. Археологически изследвания на Ленинградския университет в Стара Ладога // Славянска археология и етнография в Съветския Съюз. София, 1947б. С. 60–110.

Рибаков Б.А. Археологически изследвания на старите руски градове // Славянска археология и етнография в Съветския Съюз. София, 1947. С. 48–59.

Рыбаков Б.А. Отчет Советско-Болгарской экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. 1956. Р-1. № 1349.

Телль Юнаците. Т. II: эпоха бронзы. Ч. 1 / ИА РАН. М.: Восточная литература, 2007. 247 с.

Тихонов В.В. Идеологические кампании "позднего сталинизма" и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

Токарев С.А. Этнографические наблюдения в славянских странах (1946 г.) // СЭ. 1946. № 2. С. 200–210.

Токарев С.А. Руската етнография в миналото и сега // Славянска археология и етнография в Съветския Съюз. София, 1947. С. 120–155.

Тезисы и проекты резолюций по докладам на Всесоюзном археологическом совещании в Москве 24 февраля – 2 марта 1945 г. М.: Оргкомитет по созыву совещания, 1945. 30 с.

Третьяков П.Н. Балканская археолого-этнографическая экспедиция // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947а. № 3. С. 279–284.

Третяков П.Н. Източнославянските племена в навечерието на възникването на Староруската държава // Славянска археология и етнография в Съветския Съюз. София, 1947б. С. 30–47.

Третьяков П.Н. Восточнославянские черты в быту населения Придунайской Болгарии // СЭ. 1948. № 2. С. 170–183.

Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 312 с.

Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: БАН, 1978. 387 с.

Юбилейная сессия в Отделениях (Отделение истории и философии) // Вестник АН СССР. 1945. № 7–8. С. 118–126.

Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.

Mavrodinov N. Le Trésor Protobulgare de Nagyszentmiklós // Archaeologia Hungarica, XXIX. Budapest, 1943. 282 p.

THE 1946 BALKAN ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC EXPEDITION OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES (PROJECT AND RESULTS)

Alexander A. Kudryavtsev

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

In 1946, by decision of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, an archaeological and ethnographic expedition including six researchers of the Institute for the History of Material Culture and the Institute of Ethnography was sent to Bulgaria, Yugoslavia and Romania. During two months of their work, participants of the expedition delivered lectures at local museums and universities, conducted ethnographic studies, examined archaeological collections, and established contacts with Balkan archaeologists. The article discusses expedition projects, its preparation, final publications and reports. Despite the general exploratory nature of the Balkan expedition and its failure to complete plans for joint archaeological research in Bulgaria, implementation of the expedition itself was of great importance both for the Soviet side and for researchers in the Balkan countries.

Keywords: A.V. Artsikhovsky, B.D. Grekov, P.N. Tretyakov, Institute for the History of Material Culture, Institute of Ethnography, international scientific relations, the Balkans.

REFERENCES

Anniversary session in departments (Department of History and Philosophy). *Vestnik Akademii nauk SSSR [Herald of the USSR Academy of Sciences]*, 1945, 7-8, pp. 118–126. (In Russ.)

Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TSK RKP(B) – VKP(b) – KPSS. 1922–1991 [The Academy of Sciences in the decisions of the Political bureau of the Central Committee of the RCP(b) – AUCP (b) – CPSU. 1922–1991]. V.D. Esakov, comp. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000. 591 p.

Artamonov M.I., 1955. The Bulgarian-Soviet archaeological expedition of 1954. *Tezisy dokladov na sessii Otdeleniya istoricheskikh nauk, na plenume Instituta istorii*

material'noy kul'tury i sessii Uchenogo soveta Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya, posvyashchennykh itogam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy 1954 g. [Proceedings of the Session of the Department of Historical Sciences at the plenary meeting of the Institute for the History of Material Culture and the Academic Council meeting of the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography dedicated to the results of archaeological and ethnographic studies of 1954]. Moscow, pp. 36, 37. (In Russ.)

Artsikhovskiy A.V., 1946. Archaeological trip to the Balkans. *Voprosy istorii [Issues of history]*, 10, pp. 100, 107. (In Russ.)

Artsikhovskiy A.V., 1947. Medieval culture unity in the Slavs. *Slavyanska arkheologiya i etnografiya v S"vetskiya S"yuz [Slavic archaeology and ethnography in the Soviet Union].* Sofiya, pp. 111, 119. (In Bulgarian)

Bogatir'ov P.G., 1947b. Issues of studying the folk theater among the Slavs. *Slavyanska arkheologiya i etnografiya v S"vetskiya S"yuz [Slavic archaeology and ethnography in the Soviet Union].* Sofiya, pp. 156–167. (In Bulgarian)

Bogatyrev P.G., 1947a. Report on a trip to the Balkan countries. *Kratkiye soobshcheniya Instituta etnografii [Brief Communications of the Institute of Ethnography]*, 3. Moscow, pp. 82–94. (In Russ.)

Chernykh E.N., 1978. Gornoye delo i metallurgiya v drevneyshey Bolgarii [Mining and metallurgy in ancient Bulgaria]. Sofiya: BAN. 387 p.

Dostal' M.Yu., 2009. Kak Feniks iz pepla... (Otechestvennoye slavyanovedeniye v period Vtoroy mirovoy voyny i pervyye poslevoyennyye gody) [Like a Phoenix from the ashes ... (Russian Slavic studies during the Second World War and the early post-war years)]. Moscow: Indrik. 464 p.

Katincharov R.V., Matsanova V.Kh., Merpert N.Ya., Titov V.S., Avilova L.I., 1995. Selishchna mogila pri selo Yunatsite (Pazardzhishko) [Settlement grave at the village of Yunatsite (Pazardzhik district)], I. Sofiya: Agato. 156 c.

Kondakov N.P., 2019. Makedoniya. Arkheologicheskoye puteshestviye [Macedonia. Archaeological trip]. Moscow: Indrik. 648 p.

Kukharenko Yu.V. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Poros'ye i na territorii Volynskogo Poles'ya v 1956 g. [Report on archaeological research in the Ros river region and on the territory of the Volyn Polesie in 1956]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 1956, R-1, № 1241.

Mavrodinov N., 1943. Le Trésor Protobulgare de Nagyszentmiklós. Budapest: Musée historique hongrois. 282 p. (Archaeologia Hungarica, XXIX).

Mayatskoye gorodishche. Trudy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii [The Mayaki fortified settlement. Transactions of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition]. S.A. Pletneva, ed. Moscow: Nauka, 1984. 277 p.

Merpert N.Ya., 2011. Iz proshlogo: dalekogo i blizkogo. Memuary arkheologa [From the past: far and near. Memoirs of an archaeologist]. Moscow: Taus. 384 p.

Merpert N.Ya., Chernykh E.N., 1974. The Bulgarian-Soviet archaeological expedition. *Voprosy istorii [Issues of history]*, 6, pp. 208–214. (In Russ.)

Pletneva S.A. Otchet o rabote Severo-Donetskogo otryada Sovetsko-Bolgarskoy ekspeditsii v 1956 g. [Report on the work of the North-Donets detachment of the Soviet-Bulgarian expedition in 1956]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 1956, R-1, № 1230.

Pletneva S.A., 1992. Stratigraphic studies of Pliska (works of the Soviet detachment in 1977–1980). *Pliska – Preslav [Pliska – Preslav]*, 5. Shumen, pp. 35–62. (In Russ.)

Ravdonikas V.I., 1947a. Archaeological studies in the Soviet Union. *Slavyanska arkheologiya i etnografiya v S"vetskiya S"yuz [Slavic archaeology and ethnography in the Soviet Union].* Sofiya, pp. 1–29. (In Bulgarian)

Ravdonikas V.I., 1947b. Archaeological research of Leningrad University in Staraya Ladoga. *Slavyanska arkheologiya i etnografiya v S"vetskiya S"yuz [Slavic archaeology and ethnography in the Soviet Union].* Sofiya, pp. 60–110. (In Bulgarian)

Ribakov B.A., 1947. Archaeological research in the ancient towns of Rus. *Slavyanska arkheologiya i etnografiya v S"vetskiya S"yuz [Slavic archaeology and ethnography in the Soviet Union].* Sofiya, pp. 48–59. (In Bulgarian)

Rybakov B.A. Otchet Sovetsko-Bolgarskoy ekspeditsii 1956 g. [Report of the Soviet-Bulgarian expedition of 1956]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 1956, R-1, № 1349.

Tell' Yunatsite [Tell Yunatsite], II. Epokha bronzy [The Bronze Age], 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007. 247 p.

Tezisy i proyekty rezolyutsiy po dokladam na Vsesoyuznom arkheologicheskom soveshchanii v Moskve 24 fevralya – 2 marta 1945 g. [Abstracts and draft resolutions on reports at the All-Union archaeological meeting in Moscow on February 24 – March 2, 1945]. Moscow: Orgkomitet po sozyvu soveshchaniya, 1945. 30 p.

Tikhonov V.V., 2016. Ideologicheskiye kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.) [The ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (the mid 1940s–1953)]. Moscow; St.Petersburg: Nestor-Istoriya. 424 p.

Tokarev S.A., 1946. Ethnographic observations in Slavic countries (1946). *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 2, pp. 200–210. (In Russ.)

Tokarev S.A., 1947. Russian ethnography in the past and present. *Slavyanska arkheologiya i etnografiya v S"vetskiya S"yuz [Slavic archaeology and ethnography in the Soviet Union]*. Sofiya, pp. 120–155. (In Bulgarian)

Tret'yakov P.N., 1947a. The Balkan archaeological and ethnographic expedition. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii [News of the USSR Academy of Sciences. Series: History and Philosophy]*. 3, pp. 279–284.

Tret'yakov P.N., 1948. East Slavic features in everyday life of the population of the Danube Bulgaria. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 2, pp. 170–183. (In Russ.)

Tret'yakov P.N., 1953. Vostochnoslavyanskiye plemena [East Slavic tribes]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 312 p.

Tretyakov P.N., 1947b. East Slavic tribes in the eve of the Rus state emergence. *Slavyanska arkheologiya i etnografiya v S"vetskiya S"yuz [Slavic archaeology and ethnography in the Soviet Union]*. Sofiya, pp. 30–47. (In Bulgarian)

Yusupova T.I., 2018. Sovetsko-mongol'skoye nauchnoye sotrudnichestvo: stanovleniye, razvitiye i osnovnyye rezul'taty (1921–1961) [Soviet-Mongolian scientific cooperation: formation, development and main results (1921–1961)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 312 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 204–205

ХРОНИКА

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

16–21 сентября 2019 г. в Улан-Удэ, столице Республики Бурятия, на базе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН состоялся IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей "Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований", посвященный 100-летию отечественной академической археологии. Точкой отсчета празднования юбилея отечественной археологической науки считается учреждение Российской академии истории материальной культуры в соответствии с декретом Народных комиссаров от 18 апреля 1919 г. (Белозерова, Гайдуков, Кузьминых, 2019. С. 172).

Зарождение конгресса связано с принятием на Учредительном съезде Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, состоявшемся в 2007 г. в Казани, решения о создании новой научной организационной структуры, объединяющей и координирующей усилия археологов в изучении истории народов степей Евразии и сопредельных территорий (Ситдиков, Хузин, Шакиров, 2012. С. 233). Здесь в 2009 г. и состоялся Первый международный конгресс средневековой археологии евразийских степей на базе Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. 5–8 сентября 2012 г. в Барнауле в рамках II Международного форума «"Идель – Алтай": истоки евразийской цивилизации» и III Международного Болгарского форума прошел II Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей на базе Алтайского государственного университета. III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей "Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй" был организован со 2 по 6 мая 2017 г. во Владивостоке на базе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Значимость деятельности конгресса в реализации поставленных перед ним задач, необходимость регулярного проведения говорит об институциональной роли конгресса как субъекта концентрации не только археологических, но и междисциплинарных исследований, формирования будущих целей и тенденций в изучении культурно-исторического пространства степной зоны Евразии.

Организаторами IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей "Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований" выступили: Министерство науки и высшего образования РФ; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан; Казанский (Приволжский) федеральный университет; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Институт археологии им. А.Х. Маргулана Республики Казахстан; Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО; Международная ассоциация монголоведения; Институт истории и этнологии АН Монголии; Институт археологии АН Монголии; Министерство образования и науки Республики Бурятия; Министерство культуры Республики Бурятия; Национальный музей Республики Бурятия; Российское историческое общество; Фонд "История Отечества". Международное мероприятие было организовано при поддержке мегагранта Правительства Российской Федерации в рамках реализации проекта ИМБТ СО РАН "Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии".

В программу конгресса были включены 7 пленарных и 222 секционных доклада ученых из России, Франции, Германии, Австрии, Великобритании, Канады, Швейцарии, Испании, Болгарии, Венгрии, Хорватии, Украины, Турции, Израиля, Казахстана, Кыргызстана, Индии, Китая, Японии и Монголии.

Открытие конгресса и пленарное заседание состоялось в Доме Правительства Республики Бурятия. На открытии мероприятия с приветственными словами выступили директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, научный руководитель Бурятского научного центра СО РАН, председатель Совета Отделения Российского исторического общества в Улан-Удэ, акад. РАН *Б.В. Базаров*; декан Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета, директор Института археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, чл.-корр. АН РТ *А.Г. Ситдиков*; директор Института истории и этнологии АН Монголии, генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, академик АН Монголии, Sc.D. *Сампилдондов Чулуун*; первый заместитель министра – председатель Комитета по науке и профессиональному образованию Министерства образования и науки Республики Бурятия, д.п.н. *Г.Н. Фомицкая*; директор Национального музея Республики Бурятия, кандидат искусствоведения *Т.А. Бороноева*.

На пленарном заседании был представлено семь научных докладов. Директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, научный руководитель лаборатории археологии, этнологии и антропологии ИМБТ СО РАН, чл.-корр. РАН *Н.Н. Крадин* представил предварительные итоги реализации мегапроекта "Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии", проводимого с 2017 г. на базе ИМБТ СО РАН. С докладами выступили руководитель отдела древней истории Института всеобщей истории РАН, чл.-корр. РАН *А.И. Иванчик*, директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, чл.-корр. РАН *А.В. Головнев*, чл.-корр. АН Республики Татарстан А.Г. Ситдиков, профессор Практической школы высших исследований *П. Марсон*, генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана, академик Национальной академии наук Республики Казахстан *Б.А. Байтанаев*, доктор археологии из Археологического музея г. Варны *В. Йотов*.

Научная программа конгресса была разделена на шесть секций.

Первая секция (руководители секции: чл.-корр. РАН Н.Н. Крадин, д.и.н. И.Л. Измайлов) была посвящена результатам работ рекогносцировочных работ по изучению городов и поселений кочевых империй Евразии, а также результатам планиграфических исследований. Большое внимание было уделено рассмотрению процессов ремесленного производства в средневековых городских комплексах.

Вторая секция (руководители секции: к.и.н. В.И. Ташак, д.и.н. А.В. Харинский) сосредоточила свою работу вокруг

двух ключевых направлений: 1) ритуально-культовые объекты археологии и этнографии и их интерпретация; 2) погребальные памятники Евразии, их связи в пространстве и во времени. В докладах были продемонстрированы результаты скрупулезной полевой работы, направленной на выявление, фиксацию и детальное изучение всех природных и рукотворных элементов археологического объекта с целью установления его функциональной типологии. В первую очередь это связано с выделением древних святилищ из всего корпуса археологических местонахождений. В работе секции были затронуты вопросы неразрушающих методов работы с археологическими объектами, активно разрабатывающиеся в настоящее время в мировой археологической практике. В ходе обсуждения докладов выявлена международная проблема, заключающаяся в негативном влиянии на сохранность культовых объектов древности массового паломничества, так называемый овертуризм. Такое повышенное внимание со стороны туристов к подобным объектам неизбежно приводит к разрушению их конструктивных элементов. Такое утверждение справедливо и для других типов археологических памятников.

Работа третьей секции (руководители секции: к.и.н. А.В. Варенов, д.и.н. Л.Л. Абаева) строилась по следующим направлениям: описание и интерпретация наскальных изображений (петроглифов); реконструкция духовного мировоззрения древнего населения; анализ археологических материалов, имеющих отношение к древнему искусству. Значительное внимание было уделено вопросам изучения торевтики.

На заседании четвертой секции (руководители секции: д.и.н. Л.Ф. Недашковский, д.и.н. С.А. Васютин) рассматривались вопросы социальной организации, социальных процессов и явлений на основе данных археологии и междисциплинарных исследований. Большое внимание было уделено изучению торговых отношений между оседлыми и кочевыми племенами, денежного обращения и новых данных в области нумизматики. Состоялось обсуждение вопросов миграции, расселения и оседания населения кочевых империй Евразии по археологическим данным.

Доклады в пятой секции (руководители секции: д.и.н. И.Г. Коновалова, д.и.н. Петрова М.С.) были призваны рассмотреть трансформации средневековых культур Евразии, а также проследить распространение идей и технологий в сфере культуры, искусства и хозяйственной деятельности. Исследования участников секции строились на основе привлечения широкого круга источников, включая археологические, письменные, изобразительные, фольклорные, лингвистические, этнографические, нумизматические, данные антропологии и генетики, с использованием современных методологических достижений в изучении трансконтинентальной коммуникации. В ходе обсуждения удалось рассмотреть ключевые проблемы этнокультурного взаимодействия народов Евразии в древности и в средние века: миграции и маршруты передвижения; состав населения; хозяйственные и этнокультурные традиции, а также пути и способы их трансфера; особенности взаимодействия кочевых обществ с природной средой и с соседними народами (как кочевыми, так и оседлыми); образы кочевых народов в различных письменных традициях.

Интеграции академической науки и образования была посвящена работа шестой секции (руководители секции: к.и.н. Н.Н. Серегин, к.и.н. Е.В. Нолев). На секции свои доклады представили ученики и студенты образовательных учреждений Республики Бурятия, которые принимали участие в археологических экспедициях и исследованиях Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Состоялась презентация двух научно-образовательных проектов лаборатории археологии, этнологии и антропологии ИМБТ СО РАН: студенческого археологического отряда “Аттила”, организованного совместно с историческим факультетом Бурятского государственного университета и БРО “Российские студенческие отряды” в 2018 г., и археологического профильного лагеря “Артефактум: наследие прошлого”, организованного совместно с МАОУ СОШ № 1 Улан-Удэ в 2019 г.

В рамках работы конгресса в Национальном музее Республики Бурятия прошло открытие выставки “Гунны. Империя степей” (Хунну. Тайны исчезнувших цивилизаций). На выставке были представлены объединенные богатейшие коллекции экспонатов гуннской культуры Национального музея Республики Бурятия, Музея Бурятского научного центра СО РАН и Кяхтинского краеведческого музея имени акад. В.А. Обручева. На выставке также состоялась презентация новейших археологических коллекций Лаборатории археологии, этнологии и антропологии ИМБТ СО РАН. В дни конгресса музеем Бурятского научного центра СО РАН экспонировалась передвижная выставка “Средневековая торевтика в музейных коллекциях Байкальской Сибири”.

В завершение мероприятия состоялась полевая экскурсия, в ходе которой участники конгресса посетили Иволгинский археологический комплекс и Иволгинский дацан.

Доклады, представленные на конгрессе, были опубликованы в сборнике научных статей “Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований”, изданном в двух книгах.

По итогам обсуждения участниками конгресса была дана высокая оценка организации мероприятия и качеству докладов, продуктивности и принципиальности проведенных дискуссий. Огромный интерес со стороны коллег к итогам прошедшего конгресса нашел свое отражение в различных информационных заметках, опубликованных в том числе и в зарубежном журнале. Следующий Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей было предложено провести в Казахстане в 2021 г. на базе Института археологии им. А.Х. Маргулана, приурочив научное мероприятие к 30-летнему юбилею института.

Таким образом, IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей подтвердил и упрочил свой изначальный статус важной международной и межрегиональной научной площадки, соединяющей специалистов в области средневековой археологии степной Евразии и способствующей обмену результатами их достижений (Ситдиков, Хузин, Шакиров, 2012. С. 233), существенно расширив как хронологические рамки исследований, так и географию участников, определив новые ориентиры в исследованиях и сформировав основы для укрепления сотрудничества в изучении исторического наследия Евразии.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 “Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии”, номер государственной регистрации № АААА-А17-117021310264-4.

Ситдиков А.Г., Красильников П.В.

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, Россия

Базаров Б.А., Гомбожапов А.Д., Нолев Е.В.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 206–206

К ЮБИЛЕЮ СВЕТЛАНЫ ИЗМАЙЛОВНЫ БАРАНОВОЙ

С.И. Баранова принадлежит к числу ученых, трудами которых выстраивается фундамент источниковедения материальной культуры России. Родом с Урала (родилась 6 апреля 1950 г. в Ирбите), она в юности прошла нелегкую дорогу студентки-вечерницы, закончив в 1975 г. истфак Московского педагогического института им. В.И. Ленина. Прирожденное упорство, незаурядное трудолюбие, живой и придирчивый ум позволили ей вырасти из рядового экскурсовода музея Коломенское в одного из самых заметных в Москве ученых. Сегодня Светлана Измайловна – главный научный сотрудник РГГУ и своего рода гуру музейной исследовательской работы, знаток правил музейного учета, хранения и комплектования. Ею заново и совершенно по-новому отстроен фонд изразцов и строительной керамики в Коломенском. Это богатейшая архитектурно-археологическая коллекция, основу которой заложил еще П.Г. Барановский, собравший в 1930-х годах все, что удавалось спасти из разрушаемых храмов страны. В 1970–2000-х годах коллекцию пришлось разбирать, атрибутировать и одновременно пополнять своими силами и с помощью реставраторов, охотно передававших архитектурные находки в руки внимательного хранителя. Сама Светлана Измайловна также отдала немало времени натурной работе на памятниках. Но атрибуция требовала изучать не только предметы и здания – требовался пристальный анализ таких сложных источников, как инвентарные книги и другие музейные документы и архивы предшественников. Самоотверженный разбор этого наследия стал еще одной особенностью ее подхода и позволил вывести из забвения забытые биографии крупных ученых первой половины XX в., прежде всего А.В. Филиппова, участие которого в развитии в Москве археологии и в анализе строительной и бытовой керамики до конца не осознавали (под ее руководством опубликован коллективный труд “Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А.В. Филиппова”. 2017).

Исследования позволили С.И. Барановой перестроить и верифицировать всю историю развития изразца в России до начала XVIII в., включая коренные изменения в хронологии и атрибуции типов, вписать этот характерный для московского художественного быта элемент в общую картину русской культуры начала Нового времени, прояснить связь многих музейных комплексов с известными, но зачастую давно исчезнувшими памятниками.

Огромное количество конкретно-исторических наблюдений вошли не только в первые научные каталоги, такие как “Московский архитектурный изразец XVII века в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника “ (2013) и в источниковедческие труды (“Русский изразец: Записки музейного хранителя”, 2011), но и в обобщающие работы, где архитектурный декор городов России рассматривается как яркая часть языка рождающейся цивилизации (“Изразец в позднесредневековой Москве: конец XV–XVII век”. 2013). Ее яркие статьи рассыпаны по страницам многих серьезных сборников и журналов; регулярно появляются они и в “Российской археологии”.

Эти труды легли в основу сначала кандидатской, а затем и докторской диссертации. Но не это главное. Первая же книга С.И. Барановой по истории строительной керамики, изданная прежде больших трудов, – “Москва изразцовая” (М., 2006) – приобрела широкую известность и уже более десятилетия остается излюбленным чтением как профессионалов, так и всех, кто любит историю Москвы и страны.

Чрезвычайно успешна она и как преподаватель: ее лекции пользуются заслуженным успехом, а внимание и забота к многочисленным ученикам, студентам и аспирантам уже почти легендарны.

Светлана Измайловна много трудится и как практик, организуя новые музеи и реконструируя старые. Так, работая вместе с экспедицией Института археологии РАН в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, она создала концепцию научного церковно-археологического музея на базе собранных экспедицией материалов, а затем возглавила работы по ее реализации. В результате возрожденный из небытия экспозиционный комплекс “Музей архимандрита Леонида (Кавелина)” стал одной из точек работы по изучению истории и культуры Московского государства XVII в., где ведутся исследования богатейшей археологической коллекции, ежегодно проводятся научные конференции, издаются многочисленные труды.

В год юбилея пожелаем Светлане Измайловне успешного развития ее многочисленных творческих замыслов и больших научных проектов.

Коллектив Института археологии РАН, редколлегия журнала “Российская археология”

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 207–208

К 70-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА МЕДВЕДЕВА

2 сентября 2020 г. исполняется 70 лет со дня рождения известного российского археолога, доктора исторических наук, профессора Воронежского университета Александра Павловича Медведева. Он родился в деревне Елизарово Шуйского района Ивановской области в простой советской семье. С первых классов Александр Медведев увлекся историей и археологией, а в 9 классе случилось событие, которое сыграло определяющую роль в его судьбе. Ему удалось приобрести две книжки: “Идеологию и культуру Раннего Рима и Италии” А.И. Немировского и “Скифы” А.П. Смирнова. Книги были много раз прочитаны от корки до корки. Через годы они, как чеховское ружье, выстрелят и определят его научные интересы в области античной истории и скифо-сарматской археологии.

В 1970 г. А.П. Медведев поступил на исторический факультет Воронежского университета. Сомнений в выборе научного направления не было – кафедра истории древнего мира, которую возглавлял тот самый профессор Александр Иосифович Немировский, книгу которого он прочитал еще школьником. В 1971 г. сбылась его давняя мечта – он попал на археологическую практику в античный Херсонес, а в 1972 г. – в Ольвию. В античных экспедициях А.П. Медведев пропитался духом “херсонеситов” и “ольвиополитов”, который у него остался на всю жизнь. В 1975 г. он закончил с отличием исторический факультет ВГУ и получил распределение на кафедру истории древнего мира, где трудится до сих пор. В 1975–1977 гг. А.П. Медведев обучался в заочной аспирантуре у А.И. Немировского и начал писать диссертацию по “Естественной истории” Плиния Старшего, но в 1976 г. Немировский отказался от заведования кафедрой, а затем переехал в Москву.

В научной карьере А.П. Медведева переломное событие произошло весной 1978 г. благодаря знакомству с выдающимся сарматологом Константином Федоровичем Смирновым, который был приглашен в ВГУ для чтения лекций по сарматской археологии. Он и предложил молодому преподавателю заняться сарматскими памятниками лесостепного Подонья, которых было известно очень немного. В том же году А.П. Медведев приступает к раскопкам I Чертовицкого могильника на р. Воронеж. Они дали серию хорошо датированных сарматских погребений I в. н.э. В 1979–1983 гг. раскопаны десятки курганов в других лесостепных могильниках. Результатом этих исследований стала кандидатская диссертация Александра Павловича, успешно защищенная в 1983 г. в ЛОИА АН СССР. Ее защита позволила А.П. Медведеву в 1985 г. получить звание доцента по кафедре археологии и истории древнего мира. Доработанный тест диссертации был опубликован в книге “Сарматы и лесостепь” (1990 г.), фактически положившей начало новому направлению в сарматской археологии.

После кандидатской диссертации А.П. Медведев переключился на скифскую тематику, тем более что здесь исследовательское поле оказалось “свободным” после прекращения работ Лесостепной экспедиции П.Д. Либерова. Среди изученных А.П. Медведевым памятников важные результаты дали раскопки Пекшевского городища (1985–1988 гг.). На нем открыт хорошо стратифицированный слой, разделенный несколькими прослойками пожарищ. Его изучение позволило выявить последовательную смену населения на р. Воронеж на протяжении всего раннего железного века.

В 1980–90-е годы А.П. Медведев продолжал заниматься сарматской проблематикой. В этом направлении все острее ощущался дефицит археологических материалов с поселений. В 1989 г. скифо-сарматский отряд приступил к раскопкам III Чертовицкого городища. На нем открыта сложная линия укреплений, получен массовый материал по культуре местного оседлого населения первых веков н.э., а главное – найдены свидетельства пребывания на городище сарматов. Кроме того, в верхнем слое обнаружены материалы второй четверти I тыс. н.э., близкие киевской культуре. Изучение памятников типа III Чертовицкого городища дало возможность удревнить историю славянства на Дону как минимум на полтысячелетия.

Закономерным итогом многолетних работ А.П. Медведева стала его докторская диссертация “Лесостепное Подонье в раннем железном веке”, успешно защищенная в 1997 г. в Институте археологии РАН (издана в двух монографиях 1999 и 2008 гг.). В том же году А.П. Медведеву присвоено ученое звание профессора по кафедре археологии и истории древнего мира.

В 2002 г. по приглашению начальника Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН В.Д. Кузнецова профессор А.П. Медведев активно включился в исследование античной Фанагории. Под его руководством проведены масштабные археологические раскопки в Восточном некрополе (120 погребений). Изучение материалов некрополя позволило выявить в Фанагории группу населения, практиковавшую с I в. н.э. варварские обряды вплоть до захоронений с конями. Сейчас его ученики успешно продолжают исследование Восточного некрополя.

В 2012 г. начинается “еланский” этап в научной карьере А.П. Медведева. Он выступил инициатором проведения спасательных археологических работ над месторождениями медно-никелевых руд в Новохоперском районе Воронежской обл., где планировалось строительство ГОКа. В том же году Еланской экспедицией под руководством А.П. Медведева над месторождениями было открыто 73 памятника археологии, к 2017 г. их число почти удвоилось, при этом большинство составляли курганные могильники (учтено около 600 насыпей). С 2013 по 2017 гг. экспедиция проводит охранные раскопки курганных групп в низовьях р. Елань. Полностью материалы раскопок опубликованы в книге А.П. Медведева “Курганы в низовьях р. Елань”, изданной в 2019 г.

В библиографическом списке работ А.П. Медведева 370 научных и научно-методических публикаций, в том числе 8 монографий. Они показывают, сколь широка область его научных интересов. Для того чтобы оценить вклад А.П. Медведева в археологию раннего железного века лесостепного Подонья, достаточно вспомнить то, что к началу его научной деятельности эта эпоха фактически была представлена лишь одной среднедонской культурой скифского времени. Благодаря исследованиям юбиляра ранний железный век воронежского региона практически полностью заполнился древностями примерно десятка археологических культур, вариантов, типов памятников: предскифскими погребениями, поселениями с сетчатой керамикой, раннескифским горизонтом на лесостепных городищах, ранне-, средне- и позднесарматскими курганными могильниками, синхронными им городищами и поселениями, и, наконец, памятниками типа III Чертовицкого городища рубежа древности и средневековья. На основе изучения новых источников А.П. Медведевым разработана целостная научная концепция этнокультурной истории Верхнедонского региона с VIII в. до н.э. по V в. н.э.

Не меньше, а, может быть, даже больше, времени и сил профессор А.П. Медведев отдает педагогической работе. Более 40 лет он читает на историческом факультете ВГУ курс по истории Античного мира, а в последние годы – авторский курс “Введение в специальность”. Им опубликованы курсы лекций по истории Древней Греции (2003 г.) и древнего Рима (2008 г.), получившие благоприятные отзывы. Один из них переработан в прекрасно изданный учебник для бакалавров “История Древней Греции” (лауреат межрегионального конкурса вузовских изданий в номинации “Лучшее учебное издание по гуманитарным и социальным наукам” “Университетская книга – 2017”). Он являлся руководителем полутора десятков научных проектов по грантам РГНФ и РФФИ. Под научным руководством А.П. выполнено и защищено 10 кандидатских диссертаций. Его ученики трудятся не только в Воронежском университете, но и в Институте археологии РАН, в госорганах охраны памятников и за рубежом.

В 2007 г. А.П. Медведев был избран заведующим кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского университета, которую возглавляет до сих пор. Время его заведования пришлось на тяжелые годы реформирования высшего исторического образования, что на деле означает сокращение учебной нагрузки, а значит и штата преподавателей. Тем не менее ему удалось сохранить большинство сотрудников кафедры. А.П. Медведев – член диссертационного совета по докторским и кандидатским диссертациям при ВГУ по специальности “археология”, член Общественного совета при Областной думе по контролю за освоением медно-никелевых месторождений в Воронежской области. По результатам Областного конкурса 2016 г. проект А.П. Медведева “Охранные археологические исследования в низовьях р. Елань Новохоперского района Воронежской области” занял первое место. Он – дважды лауреат премии правительства Воронежской области за достижения в науке (1999 и 2008 гг.). В 2015 г. профессор А.П. Медведев награжден “Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации за многолетнюю плодотворную работу по развитию и совершенствованию учебного процесса, значительный вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов”.

В настоящее время А.П. Медведев – лидер воронежской археологии и один из ведущих специалистов в области скифо-сарматской проблематики. В нем воплотились лучшие черты современного университетского ученого — глубокие теоретические знания, широкий научный кругозор, богатый практический опыт полевого археолога. Научную и педагогическую работу профессора отличает активная гражданская позиция, забота о сохранении археологического наследия воронежского края, но главное – борьба (иначе не назовешь) за сохранение кафедры археологии и истории древнего мира в Воронежском университете.

Дорогой Александр Павлович! Мы желаем Вам новых свершений в археологии и на нелегком университетском поприще. Вы отдали большую часть своей жизни университету и науке археологии. Доброго Вам здоровья!

Коллектив кафедры археологии и истории древнего мира
Воронежского государственного университета

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 209–210

К 60-летию ИГОРЯ ОЛЕГОВИЧА ГАВРИТУХИНА

Многие деятели науки руководят большими коллективами, имеют пышные титулы и звания, чем заслуженно гордится профессиональное сообщество. Тем не менее есть и ученые другого рода. Их официальный статус невысок, но они оказывают значительное влияние на развитие науки и часто выступают организаторами групп, решающих актуальные задачи. Игорь Олегович Гавритухин – именно такой человек.

Он родился в г. Умань Черкасской обл. Украины 20 августа 1960 г., окончил историко-филологический факультет Горьковского государственного университета в 1982 г. В 1985–1987 гг. работал в Звенигородском историко-архитектурном и художественном музее в должностях научного сотрудника, старшего научного сотрудника, затем заведующего сектором археологии, в 1987–1989 гг. обучался в аспирантуре Института археологии АН СССР. С 1990 г. по настоящее время Игорь Олегович работает в Институте археологии, сейчас – в должности старшего научного сотрудника отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья, является автором более 150 научных работ.

С 1978 по 1996 г. Игорь Олегович неоднократно участвовал в различных экспедициях в Среднем Поволжье, Верхнем Поочье, Подмосковье, в западных областях Украины, Молдавии, в Средней Азии, Австрии. В 1985–1987 гг. он руководил экспедицией Звенигородского музея, в 1985–1989 гг. был начальником отряда Прикарпатской экспедиции ИА АН СССР, в 1988–1994 гг. – начальником Волынского отряда (затем экспедиции) ИА РАН.

Своими учителями Игорь Олегович считает Ирину Петровну Русанову и Анатолия Константиновича Амброза. У Ирины Петровны он обучался в аспирантуре. С тех пор раннеславянская тематика стала одной из основных в творчестве Игоря Олеговича. Ему принадлежит серия статей по пражской культуре, из которых наиболее важными мы считаем работы по хронологии керамики и вещей: “Хронология пражской культуры” (Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997), “Комплексы пражской культуры с датирующими вещами” (Archeologia o początkach słowian. Kraków, 2006), “Понятие пражской культуры” (Труды Государственного Эрмитажа, 2009. № 49).

Сейчас Игорь Олегович является фактически единственным специалистом по пражской культуре в России.

И.О. Гавритухин был одним из редакторов и фактическим составителем выпуска журнала “Stratum plus”, который назывался “Славяне на Дунае. Обретение Родины” (2015, № 5) и был посвящен 150-летию со дня рождения выдающегося историка и археолога-слависта Любора Нидерле. По инициативе Игоря Олеговича в это издание были включены статьи по раннеславянской археологии в Южной Европе, написанные кроме российских авторов специалистами из Чехии, Словакии, Румынии, Словении, Сербии, Болгарии. Все статьи были опубликованы по-русски. Выход в свет журнала имел важное значение для русскоязычных читателей, которые благодаря этому изданию сумели получить представление о современном состоянии исследований по раннеславянской тематике в Подунавье и на Балканах.

Разбор архива Анатолия Константиновича Амброза был одним из первых заданий И.О. Гавритухина в отделе славяно-русской археологии ИА АН СССР. Скорее всего, именно эта работа, в результате которой были опубликованы несколько неизданных статей А.К. Амброза, заложила основы еще одного направления научной деятельности Игоря Олеговича – типологии и хронологии вещей (фибул, ременной гарнитуры, стеклянной посуды) Восточной, Центральной и Южной Европы в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов и реконструкции культурных связей населения на этой основе. Одним из первых корпусов публикаций в этом отношении были главы, написанные И.О. Гавритухиным для коллективной монографии о раннесредневековом Гапоновском кладе (М.: ИА РАН, 1996), где происходящие из него фибулы и геральдическая ременная гарнитура были поставлены в контекст находок этого круга на территории Евразии. Интерес к деталям ремней геральдического стиля свойствен Игорю Олеговичу и до сих пор. Этой теме посвящена серия его статей: “К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв.” (Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996), “Эволюция восточноевропейских псевдопряжек” (Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э., из истории костюма. Самара, 2001), “Belt sets from Alanic graves: Cronology and cultural links” (Belinsij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar. Bonn, 2018). Из работ, имеющих особую важность для хронологии Европы, отметим исследования финала черняховской культуры, материалов Поволжья, Верхнего Поочья и Северного Кавказа, аварских могильников: “Хронологические индикаторы финала черняховской культуры” (Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999), “Финал черняховской культуры. Некоторые результаты, трудности и перспективы изучения хронологии” (Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006), “Находка из Супрут в контексте

восточноевропейских сильнопрофилированных фибул" (Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2, часть 1. Тула), "Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок" (Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. М., 2010) "Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником" (в соавт. с А.М. Воронцовым) (Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008), "Перспективы изучения раннесредневековых древностей Кисловодской котловины" (в соавт. с М.Ю. Малашевым) (Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Вопросы хронологии. Самара, 1998), "Archaeological heritage of the Avar khaganate and the southern part of Eastern Europe" (Antaeus, 2008).

Работы Игоря Олеговича отличаются подробным анализом источников, каталогами, картами. При этом используются не только материалы из общеизвестных публикаций, но и собранные автором в результате постоянного посещения архивов и музеев. В настоящее время авторитет Игоря Олеговича как специалиста по хронологии признан археологами не только России, Украины, Белоруссии и Молдавии, но и стран дальнего зарубежья.

В течение многих лет Институт археологии издает серию публикаций "Раннеславянский мир". Первый сборник, задуманный И.П. Русановой и С.А. Плетневой, вышел в 1990 г. В 2017–2018 гг. опубликованы 18 и 19 выпуски. Серийным, тем не менее, это издание стало, начиная с третьего выпуска. Игорь Олегович (вместе с А.М. Обломским и Н.В. Лопатиным) стал редактором этой серии.

В содружестве с Государственным музеем-заповедником "Куликово поле" отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья ИА РАН проводит конференции "Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов" (сначала в г. Тула, позже на базе музея в с. Монастырщина Тульской обл.), которые проходили в 2006, 2008, 2010, 2012, 2015 и 2019 гг. За их организацию от отдела отвечает И.О. Гавритухин, от музея-заповедника – А.М. Воронцов. По итогам конференций опубликованы сборники статей первых четырех из них. В Монастырщине собирается широкий круг участников из разных научных центров России и зарубежья. Фактически эти конференции стали дискуссионной площадкой для обсуждения актуальных проблем археологии I тыс. н.э.

Игорь Олегович был также одним из тех, кто стоял у истоков тесного научного сотрудничества России и Сербии. Первая российско-сербская археологическая конференция была проведена в городах Белград и Нови Сад (Сербия) в 2014 г., вторая – в Москве в 2017 г., третья – также в Белграде и Новом Саде в 2019 г. По итогам первой конференции в 2019 г. опубликован совместный сборник статей, редактором которого с российской стороны также стал Игорь Олегович.

Особым направлением деятельности И.О. Гавритухина является работа над статьями по археологии в энциклопедиях. С 2005 г. он руководил группой археологии Большой Российской энциклопедии. Им был составлен словник, собраны статьи (что потребовало огромной работы по поиску авторов, переговоров с ними, редактированию). Сам Игорь Олегович написал в БРЭ 75 статей (25 – в соавторстве). В настоящее время он возглавляет коллектив по изданию энциклопедии "Археология России".

Игорь Олегович часто пишет в соавторстве с учеными России и других стран, и это не случайно. Он охотно делится с окружающими своими идеями, что зачастую дает импульс совместным работам. На многочисленных конференциях и на заседаниях отдела полемизирует, критикует доклады, но не просто критики ради, а позитивно, указывая аналогии, ссылаясь на литературу, уточняя даты. Для нас Игорь Олегович – во многом "клад аналогий". К нему всегда можно обратиться по поводу идентификации той или иной вещи. Учитывая энциклопедический склад его ума, ответ будет если не исчерпывающим, то дающим определенное направление поиску.

Мы, сотрудники отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья ИА РАН, сердечно поздравляем Игоря Олеговича с 60-летним юбилеем! Счастья, здоровья и новых интересных работ!

Институт археологии РАН, Москва *А.М. Обломский*

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА ЮРЬЕВИЧА МУРЗИНА (1951–2019)

30 декабря 2019 г. на 69 году жизни скончался Вячеслав Юрьевич Мурзин – доктор исторических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники, Почетный доктор Запорожского национального университета, член Национального союза журналистов Украины. В.Ю. Мурзин – ученый широкого профиля, но в основном он известен исследованиями в области археологии раннего железного века.

Родился будущий скифолог 4 сентября 1951 г. на окраине Мелитополя, неподалеку от царского скифского кургана, ставшего знаменитым в 1954 г. после раскопок Алексея Ивановича Тереножкина, его будущего учителя. Много лет спустя он узнал от прабабушки, что та водила трехлетнего Славу смотреть на раскопки того самого кургана (Мурзин, 2017. С. 23). Кто знает, оставили ли детские впечатления какой-то след в памяти, но сам этот факт символичен, как и география его дальнейших мест проживания и работы (Запорожье, Мелитополь, Бердянск). К археологии он приобщился в школьные годы уже в Запорожье, куда переехали родители. Вместе с другими членами туристическо-археологического кружка, которым руководил неутомимый краевед Иван Иосифович Бурцев, он совершал далекие переходы по берегам Кременчугского водохранилища, в бассейне Конки и в Приазовье, где нередко попадались обломки древней посуды, наконечники стрел и другие археологические находки, будившие воображение. В 14 лет Слава Мурзин впервые принял

участие в раскопках скифских курганов у с. Беленькое Запорожской области, которые проводили доктор исторических наук, исследователь Мелитопольского кургана Алексей Иванович Тереножкин и его супруга Варвара Андреевна Ильинская, также известный скифолог. Это знакомство определило "мою дальнейшую судьбу, связанную с изучением истории и культуры скифов", признается он впоследствии в своем эссе "Об археологии с улыбкой" (2013. С. 14). В этом небольшом по объему издании собраны воспоминания разных лет. Здесь проявился его талант рассказчика, который признают все, близко знавшие его. Его рассказам присущи легкий слог, юмор и самоирония, внимание к деталям (вплоть до цен того времени!) и умение ярко выделить основное. По существу, некоторые его рассказы являются ценным источником по истории археологии периода больших новостроечных экспедиций. Кроме описания археологического быта, богатого забавными случаями, и ярких характеров археологов здесь немало интересного о применении техники и шахтерского труда на раскопках скифских катакомб, успешно осуществлявшихся А.И. Тереножкиным.

В экспедициях рано проявились его организаторские способности, и в 27 лет он уже был назначен начальником одной из экспедиций Института археологии АН УССР. Всего за плечами доктора исторических наук Мурзина более 40 полевых сезонов, и почти все они связаны с изучением скифских древностей. Среди них работы на таком выдающемся памятнике, как Бердянский курган, доисследование крупнейшего царского кургана Чертомлык, многолетние раскопки на Бельском городище и курганов в его окрестностях. Работы на Чертомлыке (1981–1986) и Бельском городище (1992–2002) велись силами Украинско-Немецкой экспедиции, одним из руководителей и инициатором создания которой он был.

Но вернемся к этапам насыщенной трудовой биографии Вячеслава Мурзина. Сразу после окончания – с отличием – Харьковского университета в 1973 г. он был принят в аспирантуру Института археологии АН УССР. Талантливому аспиранту доверили ключевую для скифской археологии тему: "Степная Скифия VII–V вв. до н.э.". Диссертация (научный руководитель В.А. Ильинская) была успешно защищена в декабре 1979 г., за ней последовала докторская диссертация "Происхождение и ранняя история скифов" (1992) и звание профессора (2003). С 1993 по 2002 г. доктор В.Ю. Мурзин возглавлял отдел скифо-сарматской археологии Института археологии. За годы работы в Институте он подготовил нескольких кандидатов наук, опубликовал более 250 научных статей, индивидуальных и написанных в соавторстве. Из монографических исследований наиболее известны: "Скифская архаика Северного Причерноморья" (1984), "Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса" (1990), "Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э." – полное издание материалов кургана Чертомлык (в соавт. с А.Ю. Алексеевым и Р. Ролле), (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1990) и (Rolle, Murzin, Alekseev, 1998). Его научные статьи изданы во многих странах, в том числе в России, Казахстане, Болгарии, Румынии, Польше, Германии, Австрии, Франции, Великобритании, США. Он в числе первых занялся организацией международных выставок и симпозиумов, активно выступал с лекциями и докладами на международных научных конференциях – в Германии, Франции, Великобритании, развивая международные связи Института археологии.

После переезда в 2003 г. в Запорожье Вячеслав Юрьевич осваивает новую профессию. Получает высшее юридическое образование по специальности "Правоведение". Занятия археологией он теперь совмещает с преподавательской научно-педагогической работой в Запорожском юридическом институте МВД, Бердянском государственном педагогическом университете. Занимается разработкой правовых аспектов охраны археологических памятников, издает монографию и учебно-методические пособия для магистров, касающиеся роли юристов и правоохранительных органов в сохранении культурно-исторического наследия, готовит научные кадры. Являясь председателем Запорожского отделения Союза археологов Украины, активно выступает в прессе и на телевидении с передачами, посвященными археологии и древней истории юга Украины. Вячеслав Юрьевич всегда был активным популяризатором науки. Еще в киевский период он был инициатором подготовки и редактором учебного пособия для цикла вузовских лекций "Великая Скифия" (Киев; Запорожье, 2002), научно-популярной серии "Страницы истории Южной Украины" (Николаев, 1997), в написании которых приняли участие ведущие археологи Украины. Преподавательская работа воодушевила на подготовку монографий "Скифский рассказ Геродота" (Мурзин, 2013) и "Скифская проблема глазами автора" (Мурзин, 2014). Здесь в полной мере проявилась способность рассказывать о сложных вещах простым выразительным языком, широта взгляда на проблему, с учетом последних достижений в археологии Средней Азии, Казахстана, Тувы, где в последние десятилетия сделано немало открытий, важных для понимания скифской истории. Особо следует отметить активную редакторскую работу. Доктор В.Ю. Мурзин принимал активное участие в работе редколлегий таких изданий, как "Історія зброї та військової справи", "Старожитності Степового Причорномор'я і Криму" (Запорожье), "Керамологія України" (Опишня) и ряда других, рецензировал научные монографии и диссертации. Творческая энергия и оптимизм, преданность своей работе не оставляли его, несмотря на слабое здоровье в последние годы.

Уход столь крупного специалиста в области археологии раннего железного века уже отзывается резонансом в научных изданиях (Дударев, 2020).

Имя Вячеслава Юрьевича Мурзина, известного ученого, археолога, навсегда останется в истории науки, а его образ – в сердцах многочисленных друзей и коллег.

Институт археологии НАН Украины, Киев

С.С. Бессонова, С.А. Скорый

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 3, с. 212–213

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ (1949–2019)

25 февраля 2019 г. скоропостижно скончался Евгений Николаевич Носов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института истории материальной культуры РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, главный редактор периодических изданий “Археологические вести” и “Записки ИИМК РАН”, крупнейший специалист по средневековой археологии Северо-Запада России и Балтийского региона.

Евгений Николаевич родился 21 августа 1949 г. в Ленинграде в семье Н.Е. Носова, известного советского историка. После окончания средней школы в 1966 г. поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, который окончил с отличием по кафедре археологии в 1971 г. С того же года и до конца своих дней работал в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН), где прошел путь от лаборанта до заместителя директора по науке (1992–1998) и директора (1998–2015). В 2002–2018 гг. Е.Н. Носов возглавлял кафедру археологии Института истории СПбГУ.

Областью основных научных интересов Н.Е. Носова являлись проблемы расселения славян в лесной зоне Восточной Европы и их взаимоотношений с финно-угорскими и балтскими племенами, торговые пути раннего средневековья, скандинавские древности на Руси, происхождение древнейших городов, начальные этапы становления Северной Руси и ее центра – Новгорода. Он автор более 400 научных трудов, изданных кроме России в Англии, Германии, Болгарии, Польше, Чехословакии, Франции, Финляндии и Эстонии.

Становление Е.Н. Носова как ученого в конце 1960-х годов пришлось на время оживления интереса к славянским древностям Северо-Западной Руси и “норманнской проблеме”. Атмосфера живых дискуссий, в которых археологический материал оказывался важнейшим аргументом для решения серьезных исторических вопросов, сыграла немалую роль в формировании научных интересов Е.Н. Носова и выбора им средневековой археологии как основной сферы исследований. Этому способствовали и маршруты его первых экспедиций, участие в раскопках в Старой Ладоге, Гнездове и на Верхней Оке, общение с корифеями средневековой археологии, работавшими в Ленинграде в те годы, – М.И. Артамоновым, Г.Ф. Корзухиной и И.И. Ляпушкиным. Дипломная работа Е.Н. Носова “Древности I тыс. н.э. в бассейне Верхней Оки: к вопросу о мощинской культуре” выполнена под руководством члена-корреспондента АН СССР П.Н. Третьякова в 1971 г.

Кандидатская диссертация молодого ученого, защищенная в 1977 г., посвящена раннесредневековым поселениям Приильменья и Поволховья. Е.Н. Носов осознал, что продуктивное изучение проблем славянского расселения на Северо-Западе, становления древнейших городских центров и славяно-скандинавских отношений, столь волновавших его учителей и коллег, пришедших в науку во второй половине 1960-х годов, требует не только свободы поиска, знания широкого сравнительного материала и способности к созданию смелых обобщений, но и тщательного изучения источников, целенаправленного накопления и анализа археологических материалов, которые могли бы быть твердой опорой для исследователя.

Е.Н. Носов выполнял эту программу последовательно и энергично: с начала 1970-х годов он приступил к систематическому обследованию Ильменского Поозерья, Поволховья и Помостья, составил археологические карты ключевых исторических территорий Новгородской земли, провел раскопки ряда средневековых поселений, на которых впервые были выявлены культурные напластования VIII–X вв., раскрывающие облик славянской культуры Северо-Запада. В этих работах в полной мере проявились разнообразные грани его таланта: интуиция археолога-разведчика, умение безошибочно выбирать для раскопок наиболее информативные памятники и находить почти невидимые объекты (борозды средневековой распашки под валами городища Георгий, грунтовые погребения с кремациями рядом с длинными курганами на озере Съезжем) и глубокое знание истории и исторической географии региона. При этом Е.Н. Носов одним из первых археологов раскрыл информационный потенциал средневековых селищ для изучения расселения и этнокультурной истории, преодолев предубеждение, что разрушенный распашкой культурный слой этих памятников беден находками и малоинтересен для исследования. Со второй половины 1980-х годов Е.Н. Носов инициировал широкое внедрение палеоэкологических исследований в археологические проекты, привлек к сотрудничеству палеоботаников и палеогеографов, что впервые позволило реконструировать природные условия и антропогенные изменения природной среды в центре Новгородской земли в средневековье.

В докторской диссертации Е.Н. Носова “Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки)” (1992) археологическая карта Поволховья, Ильменского бассейна и Верхнего Поволжья и немногочисленные сведения историко-географического характера, сохранившиеся в письменных документах, рассмотрены как источники для реконструкции становления основного ядра Новгородской земли с центром в Приильменье, постепенного расширения границ этой области и формирования ее территориально-административной структуры. Импульсы для разработки этих вопросов дали исследования академика В.Л. Янина о ранней истории Новгорода, а само диссертационное сочинение Е.Н. Носова стало демонстрацией возможностей использования разработанных В.Л. Яниным методов комплексного источниковедения в изучении средневекового расселения и проблем исторической географии.

В 1975 г. руководимая Е.Н. Носовым Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН начала систематические раскопки Новгородского (Рюрикова) городища, продолжающиеся в настоящее время. Изучение этого выдающегося памятника истории России, значение которого долго недооценивалось, – важнейшая часть научной биографии Е.Н. Носова. Основные итоги полевых работ на Городище и размышлений о начале урбанизации Северной Руси изложены Е.Н. Носовым в трех монографиях: “Новгородское (Рюриково) городище” (Л., 1990), “Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья” (СПб., 2005; соавторы В.М. Горюнова и А.В. Плохов) и “Рюриково городище в контексте новых исследований” (СПб., 2017; соавторы А.В. Плохов и Н.В. Хвощинская). Огромный археологический материал, накопленный за 40 лет изучения Рюрикова городища, дал ключ для решения многих спорных вопросов археологии и истории Северной Руси, в том числе проблемы возникновения Новгорода и славяно-скандинавских отношений.

Е.Н. Носов убедительно показал, что поселение на Городище – древнейший административный центр Приильменья, тот самый ранний Новгород IX в., безуспешные поиски которого долгое время велись на территории самого города. Согласно наблюдениям Е.Н. Носова, ранняя Ладога и Рюриково городище, во многом близкие по материальной культуре, изначально различались по своим функциям. Археологические материалы Ладоги характеризуют ее как торгово-ремесленное поселение, центр посреднической торговли, близкий балтийским викам. Рюриково же городище благодаря археологическим исследованиям раскрывается как военно-административный центр в сгустке славянских земледельческих поселений, место сосредоточения властной элиты, среди которой было немало варягов. Сложившееся к середине X в. городское поселение на месте современного Новгорода, в 2 км ниже по течению Волхова, наследовало Городищу и переняло его функции.

Е.Н. Носов создал убедительную картину формирования ранних городских центров на Севере Руси, согласующую все разнообразные факты, документированные археологией и письменными источниками.

В последние годы жизни, освободившись от загруженности административными делами, Е.Н. Носов переживал творческий подъем. Несмотря на расстроенное здоровье, он активно занималтся анализом материалов своих раскопок на Новгородском городище, писал статьи, главы новой коллективной монографии, рецензии на книги. Вернулся к научному увлечению своей молодости – Старой Ладоге. В рамках коллективной работы по пересмотру и обобщению материалов старых раскопок в коллективной монографии “Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования” (СПб., 2018) он написал главу о стратиграфии Земляного городища.

Весь жизненный путь Е.Н. Носова связан с ИИМК РАН, где он работал с 1971 г. Здесь он обучался в аспирантуре, здесь были написаны и защищены его кандидатская и докторская диссертации, здесь постепенно раскрылись научно-организационные дарования Евгения Николаевича. Как директор института (впервые избран на эту должность в 1998 г.) он сумел не только сохранить научные традиции этого старейшего археологического исследовательского центра страны и консолидировать его коллектив, но и создать новые научные направления, увеличить книгоиздание, укрепить материально-техническую базу института, расширить полевые работы на Северо-Западе России. В начале 1990-х годов он наладил сотрудничество ИИМКа с ведущими археологическими центрами Западной Европы, что позволило познакомить российских археологов со многими достижениями мировой археологической науки, увеличить приток научных изданий в библиотеку Института, организовать ряд крупных международных проектов.

Большая педагогическая работа, которую Е.Н. Носов вел в СПбГУ, возглавляя кафедру археологии, позволила привлечь в науку студентов и аспирантов, пополнить ИИМК молодыми специалистами.

Друзья и коллеги, знавшие Евгения Николаевича Носова и работавшие с ним, с горечью осознают, что потеряли выдающегося ученого, талантливого преподавателя, мудрого человека.

Евгений Николаевич Носов похоронен на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге.

Институт археологии РАН, Москва *Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, Р.М. Мунчаев, Н.А. Макаров*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург *В.А. Лапшин*